Сара Хоули - Слуга Земли

Переведено специально для группы
˜”*°•†Мир фэнтези†•°*”˜ http://Wfbooks.ru

Название: Servant of Earth / Слуга Земли
Автор: Sarah Hawley / Сара Хоули
Серия: The Shards of Magic / Осколки магии #1
Переводчик: nasya29
Редактор: nasya29

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Аннотация

В подземном мире фейри власть принадлежит лишь сильным и безжалостным. Но одна юная девушка, оказавшаяся в роли безвольной служанки, готова перевернуть этот мир с ног на голову.

Кенна Херон известна в своей деревне своей дикой и неукротимой натурой — одни считают её храброй, другие шепчут, что она «дикарка». Теперь же её неукротимый дух станет единственной надеждой на выживание, когда она попадёт в плен к жестокому двору фейри.

В подземном царстве Мистей, Кенне предстоит служить новой госпоже и помочь ей пройти шесть смертельно опасных испытаний, каждое из которых связано с одной из ветвей магии: Огнём, Землёй, Светом, Пустотой, Иллюзией и Кровью. Победа принесёт госпоже бессмертие и право наследовать трон Дома Земли. Неудача же станет смертным приговором — для обеих.

Единственным спутником Кенны становится загадочный кинжал с разумом, но даже его магия ничтожна перед монстрами, коварными врагами и магическими ловушками, поджидающими её на каждом шагу. Однако настоящая опасность таится не в испытаниях, а в мрачных тайнах дворца. Кенна оказывается втянута в заговор против извращённого и садистского короля фейри, и её чувства к лидеру восстания неожиданно превращаются во что-то гораздо большее.

Ради шанса на свободу и любовь Кенне придётся сделать выбор: рискнуть всем или покориться своей судьбе. Пройти испытания, свергнуть безжалостного тирана и выжить — для этого понадобятся хитрость, смелость и стальная воля. Но хватит ли этого, когда сама судьба кажется настроенной против неё?

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Оглавление

Глава 1 4
Глава 2 14
Глава 3 18
Глава 4 25
Глава 5 31
Глава 6 39
Глава 7 46
Глава 8 53
Глава 9 62
Глава 10 69
Глава 11 82
Глава 12 85
Глава 13 92
Глава 14 101
Глава 15 107
Глава 16 116
Глава 17 126
Глава 18 136
Глава 19 144
Глава 20 149
Глава 22 165
Глава 23 174
Глава 24 186
Глава 25 191
Глава 26 198
Глава 27 201
Глава 28 213
Глава 29 217
Глава 30 221
Глава 31 233
Глава 32 236
Глава 33 244
Глава 34 249
Глава 35 255
Глава 36 268

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 1

Зимнее солнцестояние подкралось холодным, сырым и тяжелым предчувствием.

Я смотрела в предрассветную тьму, ведя пальцем по узорам инея, покрывавшим внешнюю сторону окна. Сквозь щель в деревянной раме, деформированной временем, пробирался зимний сквозняк. Когда ветер набирал силу, струи ледяного дождя хлестали по стеклу.

Еще одна капля холодной воды упала мне на лоб. Я взвизгнула, а затем сердито посмотрела вверх на потолок. Этот протекающий участок был новым—за ночь я уже не раз просыпалась из-за другой течи, которая образовалась прямо над моей кроватью. Это был всего лишь еще один признак того, как все идет наперекосяк в моей жизни. Денег на замену кровли у меня не будет еще долгое время, если вообще когда-нибудь будут, поэтому я взяла ведро и поставила его под течь. Скоро мне и к колодцу ходить не придется.

Выпрямившись, я заметила свет, мелькнувший за окном. Вдалеке золотистый фейский огонек дрожал в темноте. Его путь был неровным, искаженным еще больше из-за деформированного стекла. Наблюдая за его движением, я почувствовала, как в груди сжался страх.

Зимнее солнцестояние было не просто самым коротким днем в году — это был день, когда фейри забирали у людей что-то еще. Веру, которая не приносила плодов, молитвы, которые встречали равнодушные уши, легендарную историю, превратившуюся в это разочаровывающее настоящее... Мы отдавали фейри свои надежды, и ради чего? Тишина и далекие огоньки, ведущие в никуда.

А теперь фейри — или, по крайней мере, наша наивная вера в них — украдут жизни четырех молодых женщин.

— Вы этого не заслуживаете, — прошептала я, глядя на дрейфующий шар.

Моя мать упрекнула бы меня за такие богохульные слова. Только самые удачливые и достойные люди избираются фейри, — говорила она мне восемнадцать лет назад, распутывая деревянным гребнем узлы в моих волосах. Это было еще одно утро зимнего солнцестояния — год жертвоприношений, как и этот, — и мне тогда едва исполнилось семь. Эти женщины превознесены над всеми другими смертными и проводят остаток своих дней в великолепии в Мистеи, королевстве фейри под землей.

В ее голосе звучала тоска, когда она рассказывала эту историю. Ее не выбрали для фейри во время ритуала солнцестояния, когда она достигла возраста совершеннолетия. Судьба преподнесла ей другой путь, и вот результат: оборванный ребенок в ее столь же изношенных объятиях, мой отец давно ушел, а дождь капал сквозь крышу на земляной пол нашей хижины. Тем не менее, она передала мне эти сказки, будто через них я однажды обрету благословения, в которых жизнь ей отказала.

Я больше не верила в благословения.

Еще одна капля упала в ведро. Я сделала грубый жест рукой в сторону далекого огонька, а затем отвернулась от него и начала утренние приготовления.

В умывальнице осталась вода со вчерашнего вечера. Я плеснула ею на лицо, вздрогнув от ледяного шока. Затем почистила зубы и переоделась из ночной рубашки в свободную рубашку и брюки. День обещал быть насыщенным — это был не только год жертвоприношений, но и первый раз, когда я сама могла быть выбрана, — но я не хотела пропустить любимый утренний ритуал.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Хижина была темной, но я знала расположение вещей наизусть. Обойдя небольшой стол и два стула, которые служили гостиной зоной, я направилась к полкам деревянного стола.

Пучки трав свисали над головой, рядом с несколькими увядшими луковицами. Аня недавно дала мне немного сыра, когда мы гуляли вместе, так что я отрезала кусочек и сунула его в рот, прежде чем взять плащ и выйти на улицу.

Дождь, к счастью, прекратился, но мшистая земля была скользкой и покрытой ночной изморозью. Скоро выпадет снег, но сейчас был только первый месяц зимы, со сверкающими утрами и редкими ледяными дождями. Обогнув угол хижины, я почувствовала, как ветер дергает за мою растрепанную косичку, пытаясь выбить коричневые кудри из прически.

На востоке небо становилось фиолетовым, чернота ночи отступала. Деревянные и каменные строения с соломенными крышами Тамблдауна стояли на фоне светлеющего неба, напоминая кривые зубы. Из труб начал подниматься дым, город просыпался.

Но город не был моей целью. Мои утренние ритуалы принадлежали болоту.

Энтерра была изогнута, как песочные часы с длинной и широкой нижней частью, а болота опоясывали страну, как ремень на талии, с Тамблдауном в роли пряжки. К северу от моей хижины кустарниковая местность сливалась с обширной, стеклянной водной равниной, усеянной низкими холмами из земли и растительности. Густой туман покрывал — это место, скрывая дальнюю сторону, где земля становилась территорией фейри. Десятки блуждающих огоньков дрейфовали в тумане, исчезая по мере приближения рассвета.

Я наблюдала, как огоньки гаснут один за другим, и знакомая грусть поселилась рядом с тревогой. Утром в день солнцестояния мне особенно остро чувствовалось присутствие матери. Ее вера в то, что она может стать одной из избранных фейри, никогда не угасала. Говорили, что фейри раньше переходили через болото, чтобы торговать с людьми, искать развлечения или приносить благословения, а иногда похищали тех, кто им нравился. Но теперь единственными признаками их существования были эти призрачные огоньки, дрейфующие по ночным болотам.

Любовь к фейри не принесла моей матери радости. И все же, когда она умерла восемнадцать месяцев назад, в лихорадке и мучениях, ее последние слова были обращены к ним:

— Может, теперь они спасут меня.

Но они, конечно, не спасли.

Я наполнила легкие ледяным предрассветным воздухом, заставляя горечь подождать еще несколько часов. Утро было прекрасным, и впереди ждали сокровища. Когда на восточном небе появилась розовая полоска, последний золотистый огонек исчез, и я достала свою сеть из дупла старого бревна, направляясь на болото.

Большинство людей боялось сюда заходить. Легко было потеряться и утонуть; земля между водоемами обманчива, и чаще всего то, что выглядит как твердая поверхность, оказывалось ямой с грязью, готовой засосать неосторожного путника. Ходили легенды о водяных драконах и других тварях, скрывающихся в болотах и влажных местах мира, которые жаждали разорвать тех, кто совершал неверный шаг.

Но я провела всю жизнь на краю болота и никогда не оступалась — да и ни разу не видела следов драконов под водой. Для меня это место всегда было убежищем, где я могла остаться одна и почувствовать свободу.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Я шла по знакомым извилистым тропам, пока растянувшийся водоем не преградил мне путь. Тогда я уселась на кочку бледной зимней травы, мои ноги оказались всего в нескольких дюймах от клеверного пятна, скрывающего край лужи, и погрузила сеть в воду.

– Рыбалка, – так моя мать называла эту странную привычку, хотя я про себя называла это «собирательством». Ее рассказы разожгли мой интерес к границе между людьми и фейри, а секреты болота оказались столь заманчивыми, что я прикрепила сеть к длинному деревянному шесту, решив выяснить, что скрыто на его дне.

Как оказалось, в грязи и иле можно было найти множество чудес. Гладкие камни, талисманы, даже монеты, которые бросали влюбленные, осмелившиеся пройти по опасным тропам, чтобы доказать свою храбрость и преданность друг другу. Они загадывали желания на медяки, надеясь, что фейри благословят их союз. Фейри, конечно, было все равно, но я, безусловно, благословляла их за это. Однажды я даже нашла то, что, как мне казалось, было артефактом фейри — кусочки граненого стекла или странно изогнутые полоски яркого металла. Я проводила пальцами по этим предметам, размышляя о том, кто мог их создать в далеком прошлом и для чего они предназначались. На несколько часов чудо из маминых историй возвращалось ко мне.

Сеть зацепилась за что-то, и я с усилием вытянула ее. Предмет, поднявшийся вместе с грязью, оказался бурым и бесформенным.

– Только бы это не было чем-то отвратительным, – пробормотала я, вываливая комок на траву.

Артефакты были не единственным, что скрывалось на дне; иногда попадались кости, а однажды, в глубоком и зловонном водоеме в центре болота, я нашла иссохшую руку, все еще покрытую кожей.

Когда болото что-то забирало, оно делало это жадно.

Я смахнула слизистую грязь. К счастью, это была не кость — всего лишь камень. Я с плеском бросила его обратно и продолжила поиски.

Я старалась не думать о том, что ждет меня позже этим днем, но воспоминание о той руке заставляло меня снова беспокоиться о жертвоприношении солнцестояния. Шансы быть выбранной были минимальными, но я не была единственной, кто подходил по условиям в этом году. Моя лучшая подруга Аня тоже была в числе возможных жертв, а она была всем, что у меня осталось в этом мире. Говорили, что блуждающие огоньки указывают путь к Мистею для избранных женщин, но я перестала в это верить давным-давно. Возможно, в то самое утро, когда впервые выловила человеческую кость.

Я зажмурила глаза и сосредоточилась на дыхании.

– Это мое место, – тихо сказала я.

Фейри не должны были осквернить его. До ритуала оставалось еще несколько часов.

Рассветное солнце залило пейзаж розовым и золотым светом, туман начал рассеиваться. Я выудила еще один камень и бросила его обратно в воду. Нашла одну медную монету, вытерла ее об плащ и спрятала в карман. Больше сеть не вытаскивала ничего, кроме густой, скользкой грязи, большая часть которой забрызгала мою и так испачканную одежду. Тогда я сменила место и попробовала еще раз.

На этот раз мне попалась деревянная фигурка размером с мой указательный палец, с лицом, вырезанным с беспечной улыбкой. У нее были крошечные рога,

указывающие на принадлежность к низшим фейри, тем, кто ниже по статусу, чем Благородные фейри, правящие в Мистее.

– Вот это да, – прошептала я, зачарованно разглядывая фигурку на ладони.

Это был тот самый тип сокровищ, который я любила больше всего — тот, что заставлял меня гадать и воображать. Кому она принадлежала? Как была потеряна? Скорее всего, ее случайно уронил ребенок из деревни, решивший проверить свою смелость на опасных тропах.

А может быть… Может быть, здесь гулял ребенок-фейри. Может быть, эта фигурка была тысячелетней давности, хорошо сохранившимся воспоминанием о временах, когда наши два народа свободно общались, а пути через болото были четкими и протоптанными.

Я быстро сунула куклу в карман, чтобы не дать себе углубиться в размышления о более печальных причинах ее появления здесь. Это утро уже было более продуктивным, чем большинство других, и я подумала, не закончить ли сбор на этой триумфальной ноте. Но низкое солнце искрилось на воде, а мир вокруг казался необычно свободным и пустым, поэтому я снова погрузила шест в воду. Еще одна попытка — и тогда я вернусь к обязанностям, которые ждали меня.

Сеть наткнулась на сопротивление в густой грязи на дне пруда. Когда я вытащила ее, стало ясно, что я зацепила что-то значительное. Сначала мне показалось, что это камень, но, когда сеть вынырнула из воды, в ней оказался самый красивый кинжал, который я когда-либо видела.

Я ахнула, прижимая руку ко рту. Стальное лезвие и рукоять, обмотанные проволокой, сверкали в утреннем свете, а навершие было украшено крупным алым камнем. Его блеск был ненатуральным: грязь не липла к оружию, и на лезвии не было ни следа ржавчины.

Сердце бешено колотилось, пока я доставала кинжал из сети. Он был тяжелым, но рукоять идеально ложилась в мою руку. Принадлежал ли он богатой даме или даже фейри? Двустороннее лезвие было опасно острым, а завитки на гарде выглядели древними и загадочными. Самым странным был кроваво-красный камень на рукояти. Я видела немного драгоценных камней за свою жизнь, но те, что встречались мне, были яркими и ограненными. Этот же представлял собой идеально гладкую полусферу, поглощающую свет, а не отражающую его.

Я оглянулась через плечо, внезапно испугавшись, что кто-то мог увидеть мою находку, но вокруг никого не было.

Этот кинжал мог принести целое состояние. Настоящее состояние, а не жалкие монеты, которые я зарабатывала, продавая торф и болотные безделушки на рынке. Это были бы деньги, которые могли изменить жизнь.

На мгновение я позволила себе представить будущее, в котором я богата и свободна. Я могла бы покинуть Тамблдаун с его узколобыми суждениями, найти новое место, где меня бы не знали как «дикую дочь травницы». Больше никаких протекающих крыш, никаких ночей, когда желудок мучительно пуст. Никакого отчаяния при мысли, что моя жизнь будет такой же унылой, день за днем, пока я не умру бедной и одинокой, как моя мать. Я могла бы стать торговкой, перевозящей специи и ремесленные товары между Энтеррой и другими странами, изучая артефакты, рассказывающие истории о других легендах и образах жизни. Возможно, однажды я даже посетила бы эти места: пересекла западные горы к ледяному

Гримвельду и лесному Линдвику, а затем отправилась бы в страны, названия которых мне пока неизвестны.

Аня могла бы поехать со мной — ей бы не пришлось выходить замуж ради обеспечения своего будущего. Она могла бы брать уроки живописи, возможно, даже заниматься иллюминированием манускриптов, как мечтала с детства. Мы могли бы стать новыми людьми, независимыми от всех и всего, кроме самих себя.

Но мечты — это всего лишь воздух, а для настоящих перемен нужно больше, чем просто надежда. Тем не менее мои руки дрожали, пока я заворачивала кинжал в складки плаща.

Я вернулась к берегу вскоре после этого, не в силах сосредоточиться ни на чем другом.

Моя хижина возвышалась над туманом на краю болота, напоминая булыжник со своими грубыми каменными стенами и неуклюжей конструкцией. Родители построили этот дом вместе, когда впервые обосновались здесь. Он не был красивым, но простоял более двадцати лет. Стопки торфяных кирпичей — моего скромного источника дохода — прислонялись к стене, ожидая, когда я смогу снова отвезти их в город.

Я остановилась, обдумывая свои варианты. Этот кинжал был настолько очевидно дорогим, что я не могла рискнуть, чтобы кто-то увидел его. Мне нужно было продать его быстро, а фестиваль солнцестояния с толпой туристов подходил идеально.

Я оторвала длинную полоску от края своей рубашки и плотно обернула ей лезвие. Затем спрятала кинжал за пояс своих брюк, привязав его к бедру тонким кожаным шнурком, которым была закреплена моя коса. Мои кудри вырвались наружу, снова став такими же дикими, как всегда.

У меня были и другие вещи, которые я хотела продать на рынке, поэтому я отправилась к своему тайнику: небольшой пещере в скалистом выступе. Вход был настолько низким, что пришлось ползти. Внутри пространство становилось достаточно высоким, чтобы стоять, и длинным в ширину.

Каждая поверхность здесь была покрыта сокровищами. Конечно, не золотом или драгоценностями — если бы я нашла их, давно бы продала. Здесь были более простые вещи: примитивные каменные инструменты, бесполезные бытовые предметы, коллекция необычно окрашенных камней. Каждая находка была собрана на болотах и была дорога мне. Деревянная чашка, которая стала одной из первых моих находок. Ржавый гвоздь. Кусочек розового кварца. Каждая вещь рассказывала историю: о том утре, когда я нашла ее, о людях или животных далекого прошлого, о болоте и обо мне.

Я поставила фигурку рядом с помятой металлической чашкой, затем направилась в угол, где хранились вещи для продажи на рынке. В моей корзине был кроличий мех с последней охоты и немного фейских ягод, которые я собрала накануне. Синие ягоды могли принести хорошую цену, либо от туристки, не знавшей об их горечи, либо от винодела на вершине холма, который сделал бы из них галлюциногенное фейское вино. Я взяла корзину и направилась к выходу.

Когда я пригнулась, чтобы выйти, в правом бедре неожиданно вспыхнула острая боль. Я вскрикнула:

– Черт!

Кинжал, должно быть, разрезал повязку. Я в спешке сняла брюки, почувствовав, как на обнаженной коже от холода выступили мурашки, затем отстегнула кинжал и осмотрела порез. К счастью, он оказался поверхностным: кровоточил, но быстро заживет.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Лезвие ножа было чистым.

Я нахмурилась, пристально разглядывая его. Разве на клинке не должно было остаться следов крови? Вместо этого оно ярко сияло, словно лунный свет. Я осторожно провела пальцем по краю, и лезвие мгновенно рассекло кожу. Я ахнула, наблюдая, как моя кровь скользнула вдоль кромки кинжала. А затем, словно притянутая мистической силой, она потекла к узкой канавке в центре клинка и впиталась в нее, словно дождь в землю.

– Как это возможно? – прошептала я.

Этого не могло быть. Должно быть меня обманывало зрение. Не может же кровь просто… исчезнуть.

Я сделала еще один неглубокий порез на большом пальце, вздрогнув от жгучей боли. Кровь снова стекла к канавке и исчезла, будто ее и не было.

Фейская магия. Это должно быть она. Что еще в этом мире способно на такое?

Я поежилась.

Это было глупо — резать себя, но лезвие выглядело чистым, раны уже начали затягиваться, а в тайнике у меня всегда хранилось несколько бинтов на всякий случай. Я перевязала порезы, затем обернула кинжал грубой белой тканью, добавив гораздо больше слоев, чем было бы нужно.

Я колебалась, прежде чем снова привязать кинжал к ноге. Он мог быть невероятно острым и, вероятно, магическим, но показать такой дорогой кинжал в моей бедной деревне было бы опаснее, чем держать его при себе.

Немного боли стоило того, что он мог мне принести. Деньги, возможности… будущее.

***

К тому времени, как я добралась до деревни с корзиной, Тамблдаун уже полностью ожил. Из труб поднимался дым, женщины подметали пороги или собирались у заборов, чтобы посплетничать, а дети бегали, выкрикивая друг другу благословения солнцестояния. Кто-то едва не задел меня ведром с помоями, вылитым в канаву, а когда я увернулась, меня чуть не сбила телега молочника, гремевшая по булыжной мостовой. Он всегда работал в лихорадочном темпе в большие праздники, так как истинные приверженцы веры в фейри любили оставлять блюдца с молоком для любых сверхъестественных существ, которые могли бродить поблизости. Частично это было поклонением, частично — взяткой, чтобы избежать проказ от менее доброжелательных фейри. На мой взгляд, это была пустая трата продуктов и денег.

Рынок у храма был полон посетителей со всей страны, мужчин и женщин, которые с интересом разглядывали нас и наши ветхие дома из камня и дерева, словно мы были в зверинце. Тамблдаун был знаменит тем, что находился ближе всего к территории фейри, поэтому туристы всегда удивлялись, обнаружив, что мы бедны. Это казалось мне забавным. Мы жили в сыром северном климате рядом с непроходимым болотом, через которое фейри никогда не переступали. Почему мы должны быть богаты? Туристы, стекавшиеся на наши фестивали фейри, составляли основную часть нашей экономики, так что мы позволяли им глазеть сколько угодно.

Мне удалось продать ягоды в первые полчаса. Гостьи из других городов сходили с ума от этих плодов, ведь говорили, что они помогают увидеть фейри. Сегодня вечером они будут смотреть на блуждающие огоньки над болотом с благоговением, уверенные,

что ягоды сработали, даже не подозревая, что жители Тамблдауна видят эти огоньки каждую ночь.

Кроличью шкуру продать оказалось сложнее. Покупатель нашелся только ближе к полудню, и по цене, на которую я не согласилась бы, если бы не необходимость купить еду. — Голод — это лучший способ снизить свои стандарты, — шутила моя мать, когда у нее еще хватало сил шутить.

Я надеялась, что вскоре мои стандарты перестанут быть такими низкими. Я представляла покупателя, который выглядел бы достаточно состоятельным, чтобы купить кинжал, но эту сделку нужно было провести осторожно. Многие могли обвинить меня в краже, увидев у меня такое дорогое оружие.

Толпа гудела от волнения и тревоги в ожидании отбора, который должен был начаться в полдень и ознаменовать официальное начало празднования солнцестояния. Даже самые бедные женщины, мимо которых я проходила, нашли время постирать и выгладить свои наряды в честь праздника. Я мельком взглянула на свою грязную одежду. Следовало бы переодеться во что-то приличное, но имело ли это значение? После отбора я могла вернуться домой и надеть свое единственное приличное платье перед главным обрядом вечером.

— Кенна!

Я улыбнулась, услышав знакомый голос, и обернулась, увидев, как Аня спешит ко мне, сверкая ямочками на щеках. Она уже протянула руки для объятий, но остановилась в нескольких шагах, окинув мои грязные штаны оценивающим взглядом.

— Обниматься не нужно, — сказала я. — Ты только испачкаешься, а сегодня ты выглядишь прекрасно.

Аня всегда выглядела прекрасно, с ее ниспадающими каштаново-золотистыми волосами и большими карими глазами. Она была высокой и фигуристой — из тех женщин, на которых все невольно засматриваются. В сравнении с ней я была низкой, худой и почти всегда покрытой грязью. «Немного дикая», — так меня называли самые доброжелательные женщины в деревне. «Дикарка» встречалось чаще. Почему Аня однажды взглянула на меня, когда мы были детьми, и решила, что мы станем лучшими подругами, я не знала, но была ей за это бесконечно благодарна.

— Обычно я сказала бы то же самое, — сказала она, критически разглядывая мои грязные штаны, — но сегодня ты даже не постаралась.

Я с трудом сдержала смех. Аня не раз называла меня красивой, но при этом никогда не скрывала своего недовольства моим неопрятным видом.

— Не вижу смысла стараться. Платье не заставит людей думать обо мне лучше. — Я провела пальцами по своим растрепанным кудрям, поморщившись, когда наткнулась на длинную травинку. Наверняка я буду единственной женщиной с травой в волосах во время отбора.

— Я меньше беспокоюсь о платье и больше о грязных пятнах. Ты была на болоте? — спросила она.

— Да. Собирала кое-что. — Пятно крови на бедре было небольшим и сливалось с грязью, поэтому я решила не упоминать об этом, чтобы не волновать ее.

Аня сморщила нос.

— Не понимаю, почему тебе там нравится. А если ты упадешь в болото и утонешь?

— Я знаю, куда идти, — ответила я. До определенного момента, во всяком случае. Годы блужданий так и не открыли мне пути через все болото. Я кивнула на ее наряд. — Твое платье красивое.

Тень пробежала по ее лицу.

— У меня не было других вариантов. Но оно и правда симпатичное. — Платье под ее плащом было из тонкого желтого хлопка, больше подходящего для теплой погоды. Это был один из немногих нарядов, которые уцелели после пожара, уничтожившего ее дом и унесшего жизни ее родителей этим летом. Она покачала головой. — Может, какой-нибудь богатый мужчина влюбится в меня сегодня.

Ее слова звучали грустно. Аня была идеалисткой и искренне верила, что брак по любви возможен и сможет улучшить ее жизнь, но тот муж, которого ей удастся найти из-за финансовой необходимости, вряд ли будет стоить таких надежд.

Большинство женщин в Тамблдауне выходили замуж к двадцати пяти годам, так что мы обе приближались к пределу того, что считалось приемлемым. Я была незамужней, потому что была бедной, странной и непривлекательной — что меня вполне устраивало, поскольку жизнь купца привлекала меня куда больше, чем жизнь домохозяйки. Но у Ани никогда не было недостатка в поклонниках. Она посвятила себя родителям, которые оба были неважного здоровья и нуждались в помощи сильных и молодых рук по дому. Теперь, когда их не стало, она жила у тетки, которая дала понять, что долго ее терпеть не собирается.

Мы вместе пробирались сквозь рынок, осматривая прилавки, пока я высматривала кого-нибудь достаточно богатого, чтобы купить кинжал. Однако я не упомянула об этом поиске Ане — она была мечтательницей из нас двоих, и я не хотела давать ей ложные надежды на будущее, пока деньги не окажутся у меня в руках. Толпа бурлила, легко превосходя численность, ожидаемую на обычном празднике, а общее настроение было смесью возбуждения и нервозности.

Аня не умолкала рядом со мной, как обычно улыбаясь, но напряжение в ее щеках и скорость ее болтовни выдавали тревогу. Мое собственное беспокойство тяготило меня, но я была из тех, кто предпочитает вариться в своих мыслях молча. Когда повозка с лошадью задела прилавок с громким треском, Аня вздрогнула.

— Эй, — сказала я, останавливаясь у киоска с тканями. — Ты в порядке?

Она прижала руку к животу, опираясь на деревянный столб.

— Я нервничаю из-за ритуала. Мысль о том, чтобы отправиться в Мистей… — Она покачала головой. — Одновременно удивительна и пугающая. Это, конечно, непочтенно, но часть меня надеется, что нас не выберут.

Аня не разделяла моего цинизма. Как и моя мать, она верила, что фейские огни действительно проводят женщин через болото. Тем не менее, даже если эти легенды правдивы, и избранные женщины проводят остаток своих дней в роскоши, любой бы нервничал при мысли оставить позади все, что когда-либо знал.

У меня в горле пересохло от страха при мысли, что Аня отправится ночью в болото, доверив свою жизнь и безопасность детской сказке. Я знала потайные тропы лучше всех, но даже мне ни разу не удавалось добраться до Мистея. Я покачала головой, отметая эту возможность.

— Нас не выберут.

— Ты не можешь этого знать.

— Здесь сотни женщин, — сказала я, пытаясь успокоить ее. Все незамужние женщины Тамблдауна в возрасте от двадцати до тридцати лет были обязаны участвовать, но женщины приезжали со всего севера Энтерры — либо по наивной вере, либо потому, что их семьи не могли больше их содержать и отчаянно искали

магическое решение. — Шансы невелики. А если тебя и выберут, мы сможем сбежать до начала ритуала.

Аня задумчиво посмотрела в сторону храма в двух кварталах отсюда. Он был выше любого другого здания в городе, сделан из сверкающего серого камня, который, как говорили, был добыт в Мистее много веков назад. Акколиты Старейшины укладывали ветви тиса в большой медный жертвенный сосуд на ступенях храма.

— Может, быть избранной — это хорошо, — тихо сказала она. — Может, это выход.

Вся моя душа отвергала эту идею, но я понимала, почему она так говорила. Быть избранной фейри означало бы уйти из бедности, уйти от неопределенности, покинуть реальность, где ей нужно выйти замуж за нелюбимого мужчину, чтобы просто достойно жить.

Я не верила, что ритуал приносил новое начало, особенно после костей, которые я находила. Может, когда-то фейри действительно заботились о людях, но за последние столетия ни один надежный свидетель их даже не видел.

— Нет, — резко сказала я. — Мы найдем другой путь. — Один, который не включал бы потерю Ани — ни для болота, ни для какого-нибудь домашнего тирана, который бы решал, что ей делать, куда идти и с кем дружить. Ее родители позволяли ей бегать вместе с «дикой болотной девчонкой», а муж вряд ли был бы так терпим.

Ее улыбка была едва заметной, но глаза засветились.

— Если ты так говоришь, — сказала она. Аня-мечтательница, готовая поверить мне, что будущее будет счастливее.

Я отогнала страх. Возможно, я не идеалистка, но я упорна, а это обычно давало лучшие результаты. Как только кинжал будет продан, у нас появится больше вариантов.

Мы бродили по деревне, и я чувствовала, что Аня не оставит меня до отбора. Продажа кинжала днем могла быть рискованной — лучше подождать до вечера, когда деревня будет пьяна и поглощена празднованием.

В каком-то смысле это было облегчением. Было в этом что-то успокаивающее — носить оружие. Женщинам это не полагалось, если только они не охотились. Так вот как чувствуют себя мужчины? Храбрыми и смелыми, словно их никто не может тронуть?

Мы прошли мимо группы тавернских завсегдатаев на краю рынка — тех, что с шаткой походкой и блуждающими руками. Один из них свистнул, заметив Аню.

— Эй, а ну иди сюда, у меня кое-что есть для тебя, — сказал он, похабно ухмыльнувшись и похлопав себя по штанам. Его друзья захохотали.

Щеки Ани побледнели, но она опустила взгляд и пошла быстрее. Я встала между ней и мужчинами, оскалившись.

— Ого, — сказал один из них. — Смотри-ка, маленькая стражница взбесилась.

— Сначала я ее и не узнал из-за всей этой грязи, — подхватил другой.

— Ей сегодня можно не беспокоиться — фейри точно не выберут такую тощую задницу.

Они взорвались хохотом. Я нахмурилась и пошла дальше — я привыкла к таким разговорам, — но Аня остановилась.

— Закрой свой рот, — резко бросила она. Ее кулаки сжались, но смех мужчин только усилился.

— Не стоит, — я потянула ее за руку, надеясь, что она уступит. Это была не та схватка, которую стоило начинать, особенно когда Аня была в своем желтом платье и нервничала из-за предстоящего ритуала.

Она уперлась, продолжая сверлить их взглядом. Это была одна из самых раздражающих и в то же время трогательных черт Ани: она никогда не боролась за себя, но всегда вставала на защиту своих близких.

Наконец она сдалась и пошла со мной, оставив мужчин позади, все еще хохочущих. Ее щеки пылали.

— Свиньи, — пробормотала она.

— А во что превращаются свиньи? — спросила я с легкой успешкой.

Ее губы дернулись.

— В бекон.

— Именно.

Аня еще раз оглянулась через плечо, а затем снова устремила взгляд вперед.

— Куда теперь? У нас есть пара минут до сбора у храма.

Я заколебалась, посмотрев на колокольню храма. За ним был огороженный двор с небольшими каменными памятниками.

— Она любила солнцестояние.

Аня сразу поняла, как всегда. Ее лицо смягчилось, и она взяла меня под руку.

— Давай почтим ее память.

Могильный камень моей матери был кривоватым плитняком, стоявшим в заросшем углу двора. Летом вокруг него цвели дикие цветы, но сейчас он был таким же незаметным, как и ее жизнь, в конце концов. Я сама вырезала ее имя на камне и углубляла буквы каждые несколько недель: НЕВЕ ХЕРОН.

Я опустилась на землю, сложила руки на коленях и закрыла глаза. Я вспомнила ее кудрявые каштановые волосы, ее улыбку, яркую и быструю, как рыбка в солнечном ручье. Ее смех, который она всегда прикрывала рукой, и то, как она плакала по ночам, стараясь, чтобы я этого не слышала. Она пахла землей и дикими травами, а ее пальцы всегда были окрашены в желтый и зеленый от работы.

Мои челюсти сжались, когда я вспомнила, как каждую ночь она прижимала к груди эти испачканные руки и молила фейри о благословении.

— Пожалуйста, позвольте мне служить вам, — шептала она. — Позвольте мне быть достойной.

Ледяной ветер пронесся по кладбищу, унося сухие листья, которые заскользили по надгробиям.

— Она любила фейри, — сказала я, не открывая глаз. — А они ей ничего не дали.

Рука Ани легла мне на плечо.

— Они дали ей надежду, — мягко ответила она.

Надежда в конце концов не принесла ей многого. Но, может, Аня была права. Мне было трудно верить в лучшее будущее без доказательств, но моя мать всегда была полна мечтаний. Когда она не мечтала о Мистее, она мечтала о любви и браке, который сделает ее счастливой. Она почти обрела это однажды.

Колокола начали звонить в башне храма, их мелодичный быстрый ритм звучал только раз в шесть лет.

Аня встревоженно встретилась со мной взглядом.

— Время пришло.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 2

Сотни женщин из деревень всей северной Энтерры собрались во дворе храма. Большинство выглядели одновременно испуганными и восторженными. Мы с Аней присоединились к толпе, и вскоре нас так плотно зажали, что двигаться стало невозможно.

Фейские ритуалы северной Энтерры были знамениты как среди истинных верующих, так и среди тех, кто считал нас суеверными чудаками. Это была одна из самых древних традиций старой страны на краю света. Энтерру окружали океаны с трех сторон, а горы на западе простирались своими скалистыми «пальцами» через северные дикие земли. Этот неукротимый север, полный гор, лесов и солеными ветрами обдуваемых побережий, принадлежал исключительно фейри.

Энтерра была не единственной страной, где рассказывали истории о фейри, эльфах или как их называли в других местах. Они жили в диких местах: в глубоких лесах, под горами, на островах среди бурных морей. Но они были столь же неуловимыми, сколь загадочными, редко вступая в контакт с людьми. На юге люди в основном отказались от веры, но Тамблдаун и другие деревушки, расположенные близ границы, оставались последними человеческими аванпостами Энтерры. Мы видели огоньки, передавали легенды; мы верили там, где другие могли не верить.

— Это мое первое зимнее солнцестояние, — прошептала женщина рядом со мной своей спутнице.

— Второе, — сдержанно ответила та. — Надеюсь, в этот раз меня выберут.

Я тоже надеялась, что выберут ее, если это означало, что Аня и я останемся в безопасности.

Колокола смолкли, и наш старейшина медленно поднялся по ступеням храма. Годы брали свое, но старейшина Холман оставался самым влиятельным человеком в Тамблдауне — священником и мэром в одном лице, хранителем древней веры и распорядителем казны деревни. Он взял факел из рук помощника и зажег тисовые бревна в медном жертвеннике.

— Добро пожаловать, верующие, — сказал старейшина Холман, почтительно склоняя свою седую голову, пока языки пламени взмывали вверх. — Сегодня священный день.

Вокруг двора семьи теснились между колоннами, наблюдая с тревогой. Некоторые держали руки у губ, беззвучно произнося молитвы — хотя, о чем именно они молились, кто знает.

Старейшина Холман начал читать традиционные слова, рассказывая историю. Когда люди и фейри впервые встретились у края этого болота более тысячи лет назад, они смотрели друг на друга с недоверием. Спустя много лет они пришли к миру, а затем и к смешанному обществу. В конце концов, их царства снова разделились, но обе стороны решили заключить соглашение, чтобы связать два вида и обеспечить вечный мир. Каждые шесть лет, в самую длинную ночь зимы, четыре женщины отправлялись на болото. Блуждающие огоньки освещали их путь, а женщины становились гражданками Мистея, обширного подземного царства фейри. Некоторые даже выходили замуж за принцев, рожали их детей и проводили остаток своих дней в вечном блаженстве. Взамен бессмертные фейри оберегали нашу страну, обеспечивая наш достаток и мир своей магией.

— Быть избранной — великая честь, — торжественно сказал старейшина Холман. — И, хотя выбор может показаться случайным, уверяю вас, фейри направляют мою руку издалека. Они будут восхищаться каждой из вас.

Скорее его руку направляют дрожь старости, подумала я с цинизмом. Дело было не в том, что я не верила в фейри; я просто не верила, что они заботятся о нас. Как можно было с серьезным лицом говорить, что они приносят процветание людским землям, когда так многие из нас бедствуют? Люди на юге жили богаче, и там фейри считались незначительной легендой.

Рядом со мной Аня стояла, сложив руки на груди. Она выглядела… не совсем испуганной, и намек на восторг в ее выражении заставлял меня нервничать.

— Мы взываем к благородным фейри за помощью, — сказал старейшина, пока один из его помощников выносил большую медную чашу. Листки бумаги трепетали внутри, словно ветер готовился унести их прочь. — Направьте мою руку, чтобы я сделал выбор. Помогите нам найти женщин, которые принесут вам величайшую радость.

Толпа затаила дыхание, когда он опустил руку в чашу. Он прищурился, глядя на бумагу.

— Нора Мартин.

Я не знала этого имени, а значит, она должна была быть из другой деревни. На краю толпы что-то зашевелилось, и вперед вытолкнули миловидную женщину с круглыми щеками. Она была в небесно-голубом платье с оранжевым поясом и сияла, словно это был лучший день в ее жизни. Настоящая верующая. На краю площади двое людей, вероятно ее родители, обняли друг друга, заливаясь слезами. Нора подбежала к ним, обняла каждого по очереди, а затем поднялась по ступеням, чтобы встать рядом со старейшиной.

Я выдохнула через сжатые губы. Одна жертва выбрана. Еще три — и мы с Аней будем свободны. Тогда я смогу найти покупателя для кинжала и сообщить ей, что мы больше не будем зависеть от чьей-либо милости.

Старейшина выбрал новый листок.

— Фиона Кей.

— Это имя я знала. Отец Фионы был виноделом и зарабатывал больше, чем большинство в деревне, но имел вспыльчивый нрав, и все знали, что его терпение к незамужней взрослой дочери заканчивалось.

Фиона выглядела ошеломленной. Ее руки были сжаты в кулаки так крепко, что побелели костяшки, но она не протестовала, когда ее выбрали. Поднимаясь по ступеням, ее отец рухнул на колени, громко и страстно умоляя фейри позаботиться о его любимой дочери. О его любимой дочери, у которой, к слову, виднелся след заживающего синяка под глазом — фиолетовый оттенок глубже, чем просто усталость, подчеркивал ее скулы.

Таков путь некоторых мужчин. Их языки трепещут в подражании любви, пока кулаки причиняют боль. Я провела пальцами по очертаниям кинжала на бедре, размышляя, каково было бы жить в мире, где женщинам не нужно зависеть от тех, кого они боятся, ради безопасности.

Когда Фиона заняла место рядом с Норой, Аня схватила меня за руку и сжала. Я ответила тем же, надеясь — потому что молиться я больше не умела, — что следующие два имени будут незнакомыми.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Третьей женщиной выбрали Берту Холлингворт, тоже из деревни на юге. Ей едва исполнилось двадцать, на щеках выделялись острые грани голода, а платье было сшито из лоскутов. Она поднялась по ступеням с трудом, цепляясь за перила, но ее лицо сияло экстатическим счастьем.

Я прикусила язык. Они собираются отправить эту обессиленную от голода женщину в болото ночью? Они ожидают, что она пройдет по опасным, узким тропам, которые даже я, выросшая рядом с болотом, пересекала с крайней осторожностью? Даже если мифы правдивы, каковы ее шансы действительно найти огоньки и следовать за ними к безопасности, не говоря уже о том, чтобы выйти замуж за какого-то невероятно богатого и красивого принца-фейри?

Скорее всего, через несколько лет я буду собирать ее кости.

Я заставила себя глубоко вдохнуть.

— Почти все, — прошептала я. — Еще одно имя, и этот фарс закончится на следующие шесть лет.

Старейшина развернул последний клочок бумаги.

— Аня Хэйес.

Все звуки стихли, а по краям моего зрения пополз мрак.

Затем в ушах раздался гулкий рёв, море хриплых криков нарастало, поглощая меня. В голове открылась бездна, и я начала падать.

— Нет, — прошептала я.

Аня прижала руки ко рту.

— Это я, — сказала она сквозь пальцы, ее глаза широко раскрылись. — Они выбрали меня.

Женщины вокруг зашептались.

— Такая удачливая, — сказала одна, и я захотела плюнуть.

— Они не могут, — мой голос звучал словно издалека. — Они не могут.

Один из помощников старейшины пробился сквозь толпу, чтобы подойти к Ане. Он протянул руку к ее руке, и я немедленно оттолкнула его.

— Нет, — сказала я, чувствуя, как пульс грохочет в висках, а в животе кипит ужас. — Вы не можете забрать ее.

— Кенна! — Аня выглядела ошеломленной.

— Вы не можете, — повторила я, оскалив зубы на помощника. — Это ошибка.

— Фейри не совершают ошибок, — ответил он. Парень едва вышел из подросткового возраста, на его подбородке едва пробивался пушок. — Они направили руку старейшины.

— Нет! — Мой крик отразился от каменных стен храма. Позади раздался возмущенный ропот — люди вытягивали шеи, чтобы увидеть источник шума.

Пальцы Ани скользнули в мои, теплые и знакомые.

— Кенна, — мягко сказала она. — Все в порядке.

— Нет, — ответила я, чувствуя, как перед глазами все расплывается. — Они не могут забрать тебя. Я… я нашла кое-что в болоте, я должна была рассказать тебе раньше. Как только я это продам, тебе не нужно будет выходить замуж или что-то подобное. — Слеза скатилась по моей щеке. — Тебе не нужно уезжать.

— Но фейри выбрали меня, — ласково сказала она. В ее глазах блестели слезы, но в них была и тоска, которую я сразу узнала. Это было эхо того, как моя мать каждый раз смотрела на болото. — Я должна пойти, Кенна.

Я отказывалась это принять.

— Мы можем убежать, — сказала я ей. — Я приду за тобой до церемонии...

Она покачала головой, и на ее губах появилась легкая, печальная улыбка.

— Это выход, Кенна. И не только. Это... это благословение.

Слово ударило меня в грудь, как кулак. Благословение, которого моя мать так и не дождалась, умерев с этой мечтой, а теперь оно досталось Ане. И у нее было слишком много веры, чтобы поверить, что это закончится ее телом на дне болота.

Ее жизнь и дом сгорели дотла, напомнила я себе, глядя на все усиливающееся выражение уверенности на ее лице. Как и моя мать, потерявшая мужа и вместе с ним свои планы на любящую, стабильную жизнь — что-то должно было заполнить эту пустоту, и вот оно.

— Может быть, они позволят мне забрать тебя в Мистей, — пробормотала она. — Я спрошу, когда устроюсь там. Мы не будем врозь навсегда.

Я не знала, что сказать на это. Этого не случится, но как я могла отнять у нее эту крошечную надежду? Поэтому я просто кивнула, с трудом сдерживая подступившие слезы.

Аня глубоко вздохнула, затем повернулась к помощнику старейшины.

— Я готова.

Я смотрела, как она идет к ступеням храма, чувствуя одновременно оцепенение и мучительную боль, будто меня раздавил валун, лишив кровотока мои самые важные части. Аня была моей лучшей подругой столько, сколько я себя помню. Моей единственной подругой, на самом деле, сестрой по духу. Мы хранили секреты друг друга как сокровища, и если я никогда не умела мечтать за себя, то иногда могла делать это за нее.

Аня стояла в линии из четырех женщин, пока старейшина завершал церемонию. Ее глаза были влажными, но голова поднята высоко. Бледный зимний свет подчеркивал золотистый отблеск ее волос, а ветер разрумянил ее щеки. Она была достаточно красива, чтобы стать невестой принца-фейри, и, если кто-то и заслуживал счастливого конца, так это она.

Но это была не та мечта, в которую я могла поверить. Не после лет, когда я слышала, как моя мать молилась глухим и равнодушным ушам. Не после того, как вылавливала из болота утопленников.

Моя вера была горькой, моя надежда почти исчезла, но у меня всегда была упрямая решимость и больше знаний о болоте, чем у любого в Тамблдауне. Где-то в этом обширном, туманном пространстве должен был быть путь в Мистей — а если не в Мистэй, то тропа к далеким городам и новому началу. У меня был посох, чтобы проверять зыбкую землю, и кинжал, который можно было продать, чтобы купить новое будущее для нас обеих.

Аня могла не верить, что ей нужно спасение, — но я все равно собиралась это сделать.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 3

Я стояла на краю толпы той ночью, с капюшоном, натянутым на голову. Небо окончательно заволокло тьмой, а воздух стал таким холодным, что ломило кости. Ветер приносил запах снега, и тропы болота становились еще опаснее, когда лед покрывал грязь.

Вся деревня и наши гости стояли рядами, обращенными к болотам, держа в поднятых руках зажженные факелы. Этот участок болота был далеко от моей хижины, но я знала его. Я видела, как другие девушки уходили навстречу своей судьбе отсюда, и в детстве пробовала множество троп, пытаясь найти ту, что вела к фейри.

Ни одна из них не вела.

Аня и три другие жертвы стояли на краю, облаченные в одинаковые полупрозрачные белые платья. Если они не утонут, то, скорее всего, замерзнут насмерть. Фиона тихо плакала, но лица Норы и Берты сияли от волнения. Аня просто смотрела вдаль, спокойная, с выражением, которое я могла лишь угадывать.

Я пыталась увидеть ее между церемонией отбора и сегодняшней жертвой, но ее держали в храме, и акколиты не пускали меня внутрь. Я вернулась домой, чтобы поесть и взять свой надежный посох, с которым можно было проверять почву, как только мы окажемся на опасной территории.

Возможно, раньше я не находила пути в Мистей, но он должен был существовать — иначе легенды не появились бы вовсе. Я собиралась провести группу настолько далеко, насколько знала путь, а дальше мы разберемся вместе, сколько бы времени это ни заняло.

Или утонем вместе, прошептал разум.

Я вспомнила кривой камень с именем моей матери и хижину с протекающей крышей, где я проводила свои одинокие дни. Если в этой жизни не с кем было ее разделить, то в чем смысл? А Аня была одним из лучших людей на свете. Лучше утонуть, пытаясь спасти ее, чем жить, зная, что могла помочь, но не сделала этого.

Старейшина Холман говорил, но я не слушала, слишком занятая тем, чтобы мысленно прокладывать и перепроверять маршрут. Я уже слышала эту речь. Эти женщины такие счастливые, что их выбрали фейри. Такие благородные, что добровольно жертвуют собой ради блага Энтерры. Неверующие в южных городах никогда не поймут, какой долг благодарности они должны северным женщинам, ведь только благодаря таким ритуалам мы обеспечиваем доброжелательность фейри к нашей стране.

Пульс гулко отдавался в горле и запястьях, и мне было тошно от предвкушения и страха. Блуждающие огоньки вдалеке, казалось, манили. Их движение всегда казалось раньше бесцельным — может, сегодня они станут вести нас более целенаправленно?

Колокола в деревне прозвонили вдалеке, и старейшина поднял руки.

— Живите счастливо, мои дети.

Толпа закричала.

А затем Аню и остальных начали подталкивать вперед мужчины с факелами. Пламя лизнуло рукав Фионы, когда она замешкалась, и она вскрикнула, поспешив вперед.

Эти факелы двигались вдоль границы болота всю ночь. Это был другой аспект ритуала, о котором знали немногие, потому что лишь немногие бродили по туманной

темноте так, как я. В детстве я не понимала, зачем мужчины охраняли берег, но шесть лет назад я увидела, как они загнали плачущую женщину обратно в трясину, и все стало ясно. Вера не могла пережить доказательства своей ошибки — так что старейшина и его акколиты должны были убедиться, что никто не вернется назад.

Четыре женщины неуверенно шагнули в болото. Мои мышцы напряглись, сдерживая порыв немедленно следовать за ними, но пока они были в безопасности. Люди бросали медяки с пожеланиями целыми поколениями, и эти тропы были хорошо известны. Но как только они углубятся в настоящую темноту…

Их силуэты в белых платьях становились призрачными, удаляясь все дальше. Я подавила свой страх, сосредоточившись на одной мысли: защитить Аню.

Заиграла скрипка, и люди начали танцевать вокруг костров, выстроенных вдоль берега. Я выждала, пока старейшина отвернулся, чтобы поговорить с одним из верующих. Затем я протиснулась сквозь толпу и побежала.

Раздались крики удивления, и кто-то схватил меня за плащ, но я вырвалась. Вскоре мои сапоги заскользили по грязному мху, а затем я была уже слишком быстра и уверена на узкой тропе, чтобы меня могли догнать. Впрочем, никто и не пытался: это была священная ночь, и большинство боялись нарушить ритуал. Старейшина, без сомнения, превратит мое нарушение правил в проповедь, скорее всего, добавив вымышленные ужасы, которые со мной случатся. Но мне было все равно. Мы либо доберемся до Мистея, найдем дорогу из болота и начнем жизнь заново с вырученных денег… либо утонем вместе.

Тропа была знакомой под ногами, а отблески факелов освещали путь, хоть и тускло, словно угли. Свет уже почти угас, когда я догнала белые фигуры.

— Кенна! — ахнула Аня. Она смотрела на меня так, будто не могла поверить, что я настоящая, а затем бросилась обнимать. — Что ты здесь делаешь?

— Помогаю найти путь. — Я посмотрела на остальных женщин; все они дрожали и выглядели куда менее уверенными вдали от света и тепла собрания. — Никто из вас не знает этих троп. А я знаю, хотя бы частично. И у меня есть это, чтобы проверять землю. — Я подняла посох.

— Фейри поведут нас, — заявила Нора с осуждением в голосе, глядя на меня.

— Пусть ведут, — я окинула взглядом золотые огоньки, парившие вдали. — Но если не поведут…

— Они поведут, — отрезала Нора. — Тебе стоит вернуться. Тебе не место здесь.

Аня просто смотрела на меня. В темноте ее глаза казались пугающе пустыми.

— Я иду с вами, — только и сказала я.

Нора снова пробурчала что-то недовольное, но остальные, казалось, были рады. Аня крепко сжала мою руку.

— Я рада, что ты здесь, — тихо сказала она. — Я до сих пор не знаю, что обо всем этом думать, но с тобой мне будет легче.

Я снова обняла ее.

— Я никогда тебя не брошу. И даже не думай бросить меня.

Она слабо засмеялась, почти шепотом.

— Кенна Бесстрашная, — сказала она, повторяя имя, которое дала мне в детстве, когда мы играли в войну. — Давай найдем Мистей вместе.

Луна была нашим единственным спутником, пока мы углублялись в болото. Скрипка затихала вдали, сменяясь эхом смеха. Деревенские жители будут праздновать до полуночи, пировать и танцевать в честь солнцестояния.

Сначала Нора попыталась идти впереди, но, когда ее нога соскользнула с узкой кочки в лужу, она решила, что лучше пустить вперед человека с посохом. Вскоре девушки пошли за мной, как утята за матерью. Туман закручивался вокруг наших щиколоток, воздух был холодным и липким. Кто-то начал тихо плакать — скорее всего, Фиона, — но я не оборачивалась. Я знала только одно: Аня шла прямо за мной, и я готова была сделать все, чтобы мы выбрались отсюда живыми.

Я держала Аню за руку, пока вела их по тропе, которую выучила наизусть. Я выбрала этот путь, потому что он был самым прямым к центру болота — это казалось более логичным выбором, чем те тропы, что блуждали ближе к берегу. Было утешительно идти, держась за руки, но вскоре тропа стала слишком узкой, и мне пришлось ее отпустить.

— Осторожно, — предупредила я. — Здесь она всего в несколько футов шириной. Шагайте ровно туда, куда я.

Луна была достаточно яркой, чтобы я различала знакомые детали. Гнилое бревно. Густую кочку травы. Развилку, где тропа расходилась на две.

Я замерла, постукивая посохом по мягкой земле. До сих пор он не был нужен, так как эти тропы были мне знакомы, но мы приближались к пределам моего знания.

— Что случилось? — спросила Аня.

— Я не знаю, какой путь выбрать, — призналась я. — Мне никогда не удавалось найти дорогу на сушу, кроме той, по которой мы только что пришли.

— Может, останемся здесь, — предложила Фиона, вытирая слезы под синяком. — Мы можем вернуться, когда праздник закончится.

— Мы не можем вернуться, — возразила Нора, выглядя возмущенной. — Фейри выбрали нас.

Берта закусила губу; исхудавшая девушка впервые выглядела неуверенной, уставившись на блуждающие огоньки. Они двигались в нашу сторону? Трудно было сказать из-за сгущающегося тумана. Аня тоже выглядела обеспокоенной.

— Сегодня ночью вернуться не получится, — сказала я Фионе. — Даже после окончания праздника на границе будут стражи. — Я видела их впервые, будучи ребенком, слишком возбужденным, чтобы уснуть после гуляния. Я вернулась к болоту, чтобы увидеть фейри, но вместо этого увидела старейшину и его акколитов, совещавшихся при лунном свете. — И ты правда думаешь, что нас пустят обратно в Тамблдаун? Старейшина не сможет объяснить это. — Я покачала головой. — Если мы не найдем путь в Мистей, нам придется искать дорогу, которая выведет нас далеко от деревни.

Нора сузила глаза.

— Мы доберемся до Мистея, — сказала она. Затем взяла Берту за руку и сжала ее. — Мы не можем терять веру.

— Давайте следовать за огоньками, — сказала Аня. — Насколько это возможно.

Я никогда не была так близко к фейским огням. Они парили на уровне талии, напоминая пушинки одуванчика. Один из блуждающих огоньков впереди дрейфовал влево, затем за ним последовал другой.

Это было лучше, чем ничего.

— Левый путь.

Развилка следовала за развилкой. Каждый раз я выбирала тропу, которая была ближе к огонькам. Теперь они парили в тридцати футах от нас, словно наблюдая.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Наконец мы достигли предела моих знаний о маршрутах через болото. Я остановилась, обдумывая наши варианты, и провела пальцами по очертаниям кинжала на бедре, пытаясь обрести хоть немного спокойствия.

— Ай! — Клинок резко коснулся кожи, прорезав бинты и ткань брюк, словно они были из бумаги.

— Что случилось? — Аня схватила меня за руку.

— Ничего. Не волнуйся. — На моем пальце темнело пятно крови.

Земля под ногами засветилась тонкой голубовато-белой линией.

Я моргнула, не веря своим глазам. Это напоминало слизистый след, который оставляет улитка, но он светился в лунном свете. Линия тянулась назад, вдоль маршрута, по которому мы пришли.

Я посмотрела вперед, и мое сердце забилось быстрее. Светящаяся нить уходила вдаль, исчезая в туманной темноте. Это была тропа, и кинжал каким-то образом помог мне ее увидеть. Возможно, на другом конце этой серебристой линии нас ждал Мистей?

Я двинулась вперед, но свет начал угасать. Я снова схватилась за кинжал, на этот раз осторожно, через ткань брюк. Тропа вспыхнула, яркая, как звезды.

Фейская тропа. Фейский нож. Фейская магия.

Я повернулась, чтобы плащ скрыл мои действия от других девушек, и ослабила пояс, чтобы достать кинжал, привязанный к бедру.

— Что ты делаешь? — спросила Аня.

Кинжал лег в мою руку, словно старый друг. Мне даже показалось, что рукоять вибрировала, словно мурлыкая приветствие. Я поправила одежду и обернулась к Ане.

— Это нож, который я нашла сегодня. Я собиралась его продать, но не успела.

Она с изумлением смотрела на острый клинок в моей руке. Завитки на рукояти выглядели неземными в лунном свете, а темно-красный камень едва заметно светился.

— Это ты про него говорила раньше, — пробормотала она. — Про то, что у тебя есть что-то на продажу.

Наши взгляды встретились, и без слов стало ясно, что она тоже понимала: такой предмет стоил огромных денег, открывал бесконечные возможности для двух бедных девушек. Но вместо этого мы стояли здесь, посреди опасной ночи.

Я была рада, что не продала его утром. Аня все равно оказалась бы выбрана, но теперь хотя бы это могло защитить ее.

— Я думаю, его сделали фейри, — сказала я громче, чтобы остальные услышали. — Когда я касаюсь его, земля светится, показывая путь.

Девушки столпились вокруг, чтобы рассмотреть кинжал. Я держала его крепко, никому не доверяя. А если они уронят его в одно из болотных озер? Тогда мы останемся одни, с одними лишь блуждающими огоньками.

Когда я подняла взгляд, то заметила, что огоньки стали ярче, четче — и гораздо ближе. Один из них подлетел всего в десяти футах от нас, появившись справа. Но теперь это больше не выглядело как светящееся сферическое тело.

Это было бледное, высохшее существо с перепончатыми лапами и огромными красными глазами. Свет свисал с антенны на его голове, словно приманка.

Оно открыло пасть, обнажив зазубренные клыки.

По моему телу прокатилась волна ужаса. Я знала, как никогда не знала ничего прежде, что это существо хочет убить нас. Рукоять кинжала в моей руке задрожала с настоятельным предупреждением.

Другие твари приближались.

— Ты видишь их, правда? — резко спросила я у Ани, голос дрожал от страха. — Монстров?

Ее лоб нахмурился.

— О чем ты говоришь?

Она не могла их видеть, поняла я с болезненной ясностью. Точно так же, как кинжал показал мне тропу, теперь он раскрывал правду о том, что скрывается за светом.

— Коснись ножа, — приказала я, протягивая его.

Она потянулась к рукояти, но тут же отдернула руку с криком.

— Ай! — Тонкая линия крови появилась на ее ладони. — Зачем ты это сделала?

Острая металлическая шиповка убралась обратно в рукоять.

Очевидно, только мне было позволено держать этот кинжал, а значит, только я могла видеть приближающихся монстров. Ближайшее существо зашипело, высунув длинный черный язык между клыков.

Беги.

Слово отозвалось в моей голове, холодное и металлическое, но не было времени задумываться, откуда оно взялось.

— Все слушайте, — сказала я резко. — Мы должны бежать, как можно быстрее. Что бы ни случилось, держитесь подальше от огоньков и наступайте только туда, куда ступаю я.

— Но огоньки ведут нас к спасению, — возразила Нора.

— Нет, не ведут, — отрезала я. Они могли заманивать нас по правильной тропе, пока мы не отошли далеко от толпы Тамблдауна, но теперь у них были другие намерения. — Просто доверьтесь мне. Нам нужно бежать.

Ближайшее чудовище распахнуло пасть шире. Оно бросилось на нас справа, его перепончатые лапы легко скользили по грязной воде.

Я рванула вперед по неровной земле, надеясь, что голубовато-белый свет действительно указывает безопасный путь. Остальные девушки следовали за мной, крича и умоляя остановиться.

Воздух разорвал пронзительный крик.

Я обернулась. Хрупкая Берта отстала, и теперь чудовища облепили ее. Я слышала влажные рвущие звуки: это была не ткань, а плоть. Лунный свет высветил кровавые брызги, взлетевшие в воздух. Нора завизжала, прикрывая лицо от темных капель.

Мы бежали.

Звездная тропа вела через болото, закручиваясь в головокружительные петли. Мы мчались так безрассудно, что я удивлялась, как не соскользнула с тропы, но страх, казалось, придавал мне дополнительную ловкость. Аня бежала в нескольких футах позади, за ней — Фиона, но Нора отставала. Позади нее дрейфовал свет. Чудовища были не так быстры, как мы, но они могли скользить по более опасным участкам, не ограничиваясь узкой извилистой тропой. Они быстро сокращали расстояние.

Нора закричала, издав звериный, первобытный вопль. Когда я снова обернулась, я увидела испуганное лицо Ани, затем Фионы… и голову Норы, тяжело упавшую на землю, пока ее тело опускалось в когти монстра. Существо начало пожирать ее, зубы блеснули в лунном свете.

Смерть Норы могла дать нам немного времени. Я сбросила плащ и выбросила посох, чтобы увеличить скорость. Воздух вырывался из моих легких, когда я бежала быстрее, чем когда-либо в своей жизни. Я слышала только собственное дыхание, следуя

за предательской тропой. Туман становился гуще, но свет тропы пробивал его, и мои ноги продолжали находить твердую землю. Добравшись до очередного прямого участка, я обернулась, чтобы оценить, как близко чудовища.

Аня исчезла.

Не отстала, не барахталась в воде, не окруженная монстрами, не кричащая, а просто… исчезла.

Она была всего в нескольких футах позади в последний раз, когда я оглядывалась. Где она?

Я пошатнулась и едва не упала.

— Аня! — закричала я, голос сорвался. Она не могла исчезнуть. Не могла утонуть или быть пойманной этими существами. Она не могла…

Фиона врезалась в меня, чуть не повалив нас обеих.

— Беги! — закричала она, ее лицо перекосилось от паники. — Или они заберут нас тоже.

Мои глаза метались по болоту в поисках Ани. Туман поднимался, и я больше ничего не видела. Огоньки плавали в вохдухе, а монстры с обнаженными клыками бросались за нами.

— Что случилось? Где она? —

— Уже поздно. Беги!

Поздно. Нет, этого не могло быть. Не могло.

Но Ани больше не было, и, если бы она была жива, она была бы здесь. Она никогда бы не оставила меня, так же как я никогда бы не оставила ее.

Правда осела у меня в груди и в костях, настолько тяжелая и ужасная, что я не понимала, как мое тело может это выдержать.

— Пожалуйста, — прохрипела Фиона, слезы текли по ее щекам. — Я не хочу умирать.

Горе почти задушило меня, но я заставила себя двигаться дальше. Шаг за шагом. Каждый удар ноги о землю был слогом ее имени. Аня, Аня, Аня, повторялось в моем сознании, но я заставила это имя смениться другим ритмом: выжить, выжить, выжить. Я не могла остановиться. Не могла плакать. Не могла колебаться ни секунды, иначе монстры сзади разорвут меня.

Раздался крик, всплеск и мучительный вопль Фионы. Я заглушила звуки их трапезы. Они скоро закончат с ней, и тогда я останусь единственной.

Впереди. Я наконец увидела темную линию, похожую на деревья. Тропа сделала последний головокружительный поворот, а затем выпрямилась, ведя к твердой земле.

Я вот-вот должна была узнать, что ждет на другом конце болота.

Рыдая, я заставила свои ноющие ноги продолжать двигаться. Когда я вышла на последний отрезок пути, клыки вонзились в мою лодыжку, и я упала. Я ударила монстра сапогом, и он заскулил, но тут же вернулся, вцепившись зубами еще глубже.

Это был конец.

Я все еще сжимала кинжал в руке. Резким движением я вырвалась и перекатилась, чтобы встретить монстра лицом к лицу. Клинок блеснул, острый и смертельный, и я вдруг ощутила странную уверенность, что он хочет попробовать крови этого существа.

Чудовище замерло. Его красные глаза расширились, пасть раскрылась. Затем… оно отступило.

Я не стала раздумывать над своей удачей. Поднявшись на ноги, я рванула вперед, что есть сил, по последнему прямому участку пути.

Моя нога кровоточила. Легкие горели. Душа была разорвана на части. Перед глазами уже начинало темнеть.

Это не имело значения. Я не могла остановиться.

Когда я вырвалась из болота на травяной склон, ноги еще некоторое время несли меня вперед, пока я не добралась до леса и не осознала, что монстры остановились у самого края болота и теперь лишь смотрели вслед.

Я добралась до Мистея.

Я рухнула на слой сухих листьев, чувствуя, как силы покидают мое тело. Перед глазами почти полностью заволокло темнотой от усталости.

Перед тем как потерять сознание, я увидела две вещи, каждая из которых не имела никакого смысла.

Кинжал растаял и, словно жидкость, потек вверх по моей руке, пока не затвердел в виде спирали вокруг моего предплечья.

Затем прямо надо мной появилось лицо козла. Квадратные зрачки его желтых глаз расширились, почти полностью поглотив радужки.

— Ну что ж, — сказал козел хриплым, блеющим голосом. — Вот это неожиданно.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 4

Я очнулась на твердой поверхности.

Резко села, напугав тех, кто был в комнате вместе со мной. Нет, не людей. Фейри. Они были высокими и неестественно худыми, с лунной бледностью кожи и радужными волосами. На них были длинные фиолетовые мантии, а их глаза — огромные, жидкие, совершенно черные, без зрачков и белков — с жутким любопытством уставились на меня.

Я сидела на черном каменном столе в комнате без окон. Единственной другой мебелью здесь была сияющая медная ванна. Нога саднила, мышцы ныли после бега, но новых травм не было. Похоже, эти фейри не сделали со мной ничего ужасного, пока я была без сознания. Меня даже не связали. Что это значит? Я была желанной гостьей?

Мои эмоции превратились в хаотичный вихрь: страх, облегчение, а затем глубокий, пронзительный укол вины и горя, когда я вспомнила, что я здесь одна. Я пошла на болото, чтобы помочь другим женщинам найти выход, но никого из них я не вывела в безопасное место.

Я даже не стала свидетелем смерти моей лучшей подруги.

Горе терзало меня сильнее, чем любые монстры. Слезы текли по моим щекам, и ближайший фейри отшатнулся, увидев это.

— В ванну, — приказал он мелодичным голосом.

Огорченная и испуганная, я подчинилась. Нога пульсировала, пока я хромала к ванне. Я замялась, не желая раздеваться перед этими существами. К счастью, они вышли из комнаты, и я смогла стянуть с себя одежду и ступить в воду.

Я вскрикнула, погрузив ноги, когда раны и грязь коснулась вода. Тепло воды застало меня врасплох. Я погрузилась в огромную ванну, и, хотя это была самая роскошная ванна в моей жизни, я не могла оценить ее.

Я просто сидела там и плакала.

Дверь открылась и снова закрылась. Я обернулась, но на этот раз подошедший человек выглядел как человек: женщина с кривым носом, каштановыми волосами, собранными в пучок, и опущенными глазами. Она несла медный таз и держала полотенце и серую ткань на руке.

Здесь жили и другие люди? Может, она тоже когда-то пересекла болото?

— Здравствуйте, — сказала я, но она не ответила. Женщина опустилась на колени у ванны и вылила содержимое таза в горячую воду. Мои боли начали утихать, воздух наполнился цветочным ароматом. В тазу было что-то целебное? — Где я? Кто вы? — спросила я.

Она жестом предложила окунуть голову в воду.

Я подчинилась, растерянная происходящим, и еще больше удивилась, когда она достала из кармана гребень и принялась распутывать мои волосы. Она была осторожна, но каждый рывок причинял боль — дикая гонка через болото превратила мои волосы в невообразимые узлы. Я закрыла глаза и терпела, пока она не закончила.

Она посмотрела на мою руку, и я вздрогнула, когда осознала: то, что я видела перед обмороком, было не воображением. Серебряная спираль обвивала мою руку от локтя до плеча. Металл имел тот же неестественный блеск, что и клинок, а в самом центре, снаружи предплечья, располагался гладкий красный камень.

Он гудел, касаясь моей кожи, словно приветствуя меня, и я почувствовала легкое покалывание под камнем. Он порезал меня?

Служанка наклонила голову в вопросе, и я поспешно выдумала объяснение.

— Это подарок от моего… отца, — сказала я. Я не собиралась никому говорить, что это оружие — если оно вообще оставалось оружием. — Я не могу снять его.

Мне показалось, что металл жаждет ее крови. Это была магия фейри или игра моего усталого разума? Женщина аккуратно намылила металл, и когда спустилась ниже по руке, я ощутила эхо разочарования, словно исходившее от браслета.

Вопросов было больше, чем ответов. Как кинжал принял такую форму? Были ли это магические импульсы или лишь обман измученного ума? Я расспрашивала про Мистей — мы под землей? Как далеко отсюда выход? Кто еще здесь? Что будет со мной? — но она не ответила ни на один из них. Она просто помогла мне вымыться, оставила полотенце, положила отрез ткани на стол и ушла.

Я вытерлась и поспешила к столу, с облегчением обнаружив новое чистое платье. Пока я переодевалась, меня изумило, что синяки и порезы почти исчезли.

Платье отличалось от того, что носили в Тамблдауне. Человеческие платья были скромными, с высокими воротниками. Это облегало мою фигуру, плавно ниспадая от бедер. Рукава расширялись к концу, а вырез был округлым, открывая легкий намек на декольте. Это была самая красивая вещь, которую я когда-либо носила.

Аня влюбилась бы в него. Она всегда любила платья и косметику, даже когда больше не могла позволить их себе.

Реальность ударила меня, прерывая эту мысль. Аня не могла полюбить это платье… потому что ее больше не было.

Мои глаза загорелись от слез, и я вдавила кулаки в них. Как мне продолжать без моей лучшей подруги? Без моей сестры по духу?

Я подвела ее.

Горе готово было свалить меня с ног, но дверь снова открылась, и фейри вернулись. Они склонили головы, изучая меня своими жидкими черными глазами, словно лужи чернил на пергаментной коже.

Они не должны были видеть, как я плачу. Я даже не знала, что они собираются со мной сделать.

Фейри приказали мне следовать за ними из комнаты. Мое сердце билось все быстрее, пока мы шли по коридору, освещенному факелами, сияющими всеми цветами радуги. Окон нигде не было видно.

Я действительно была в мифическом подземном королевстве Мистей.

Я вспоминала все, что узнала о фейри за эти годы. Старейшина Холман говорил, что высокопоставленные фейри, Благородные Фейри, настолько прекрасны, что излучают сияние, и обладают магией за гранью понимания. Они похожи на людей, но выше, сильнее и столь пленительны, что в них можно влюбиться, лишь взглянув. Им служат Прислужники Фейри, у которых чаще встречаются рога, крылья или другие необычные черты, а магии у них совсем немного. Мои нынешние стражи с жуткими глазами, вероятно, были Прислужники. Худшими же из всех считались Твари — отвратительные монстры, которые жили, чтобы охотиться на людей.

Я содрогнулась, вспомнив зубастых тварей на болотах. Этот страх сменился мгновенной, обжигающей ненавистью.

После, казалось, целой вечности коридор закончился у арочного прохода, ведущего в огромный сверкающий зал. Пол был из полированного черного камня, а

серебряные стены украшены драгоценными вставками. По всему залу мерцали разноцветные факелы, а светящиеся шары парили в воздухе, дрейфуя, словно мыльные пузыри на ветру. Я вздрогнула при их виде, но кинжал отозвался мягкой, успокаивающей вибрацией, и я с облегчением поняла, что это всего лишь огни.

По периметру зала стояли сотни самых прекрасных существ, которых я когда-либо видела.

Благородные Фейри были высокими и элегантными, богато одетыми и такими яркими, как бабочки. Их кожа имела различные оттенки, но каждая фейри излучала легкое свечение, словно их посыпали золотой пылью. Эти неземные лорды и леди носили странные и роскошные наряды: бархатные мантии, платья, легкие, как лунный свет, и парчовые туники, доходящие то до бедер, то до щиколоток. Многие были вооружены — мечи или кинжалы покоились в украшенных драгоценностями ножнах. Мое серое платье, самое красивое, что я когда-либо носила, должно было казаться им ужасно простым — одеждой слуги или крестьянки. И действительно, эти прекрасные, надменные лица смотрели на меня с презрением, пока мои стражи вели меня к краю зала.

На возвышении в центре зала высилась вырезанная из обсидиана тронная лестница. Вокруг возвышения стояли ослепительные фейри, но тот, кто сидел на троне, был самым прекрасным из всех.

Он был одет в облегающую фиолетовую тунику, инкрустированную драгоценностями, поверх серебристых брюк, заправленных в сияющие черные сапоги. Его белоснежные, прямые волосы ниспадали на плечи, а скулы были настолько острыми, что казались вырезанными из камня. Жестокие шипы его черной короны резко контрастировали с изяществом одежды. Радужный туман клубился вокруг его бледных рук, а его сила, казалось, витала в воздухе, прилипая к моей коже, как влажный туман.

Он холодно смотрел на фейри, стоявшего перед ним на коленях.

— Твое дерзкое поведение недопустимо.

Музыкальный, но ледяной тенор его голоса пробирал до костей.

— Простите меня, король Осрик. Это была всего лишь шутка, — дрожа, ответил лорд, склонив голову и сжав руки на груди.

— Шутка, направленная против меня и произнесенная в моем присутствии.

— Я не хотел—

— Молчать. Ты не забавляешь меня. — Король посмотрел налево, где стоял другой фейри с угольно-черными волосами. — Разберись с ним.

Фейри поклонился. Его лицо было строгим, кожа бледной. В отличие от большинства Благородных Фейри в зале, его волосы были острижены до плеч, а одежда отличалась простотой — черная туника с опаловой брошей. На поясе у него висел меч.

Когда он подошел к коленопреклоненному лорду, тот задрожал еще сильнее, слезы текли из его глаз.

Фейри в черном вытащил меч и вонзил его прямо в сердце лорда, затем резко дернул клинок вниз.

Я с трудом удержалась от крика, наблюдая, как лорд рухнул на пол, захлебываясь кровью, которая пузырилась у его губ. Палач вытер лезвие о тунику жертвы и вернулся к трону короля с видом, который можно было назвать скучающим.

Согласно легенде, убить Благородного Фейри можно только, причинив настолько серьезный урон, что его ускоренное исцеление не успеет справиться. Раненый лорд

сжимал грудь, пока кровь горячими потоками стекала сквозь пальцы. Вскоре поток замедлился, а его попытки сопротивляться превратились в слабые судороги.

Все время, пока он умирал, ни один фейри не подошел, чтобы помочь или утешить его. Большинство даже не смотрели на его последние мгновения.

Я выбралась из болота, но была окружена монстрами.

Когда умирающий фейри выдохнул свой последний, булькающий вдох, король Осрик вздохнул:

— Что дальше, управляющий?

— Человек, ваше величество, — раздался блеющий голос, и я моргнула, замечая козла, стоящего на задних ногах рядом с троном. Это был тот самый козел, которого я, как думала, видела раньше? Он был одет в бархатные брюки лилового цвета, такой же пиджак и золотые очки. Его передние лапы выглядели как пушистые человеческие руки, и он держал табличку и перо, словно это было совершенно естественно.

Король махнул рукой, и мои стражи подтолкнули меня вперед. Я пошатнулась, подходя к центру зала, остановившись у самого тела лорда. Глядя на обсидиановый пол, я пыталась сдержать дрожь.

— Поклонись, — проблеял козел.

Я наклонилась в пояс, затем, запоздало пытаясь сделать реверанс, чуть не упала. По залу пробежал легкий смех.

— Как она смогла сюда попасть? — спросил король.

— Она последовала по древнему пути, ваше величество. Неясно, как ей это удалось.

Я рискнула поднять взгляд. Черноволосый палач смотрел на меня с таким пронзительным вниманием, что мое сердце забилось, как у кролика, заметившего тень ястреба. Я сосредоточилась на короле Осрике, пытаясь игнорировать тяжелый взгляд убийцы. Убьет ли он меня тоже? Воображал ли он уже, как моя кровь растекается по этому черному полу?

Король Осрик постучал пальцами по подлокотнику трона, и цветной туман завихрился вокруг него.

— Человек, — сказал он в моем направлении, словно решив, что у него нет выбора, кроме как заговорить со мной, — как ты нашла путь через болото?

— Я не знаю, ваше величество. Я просто знала, куда идти, — мой голос дрожал. Я не хотела рассказывать ему о кинжале. Он отберет его у меня, оставив меня совершенно беззащитной.

Он прищурил свои фиалковые глаза.

— Ты просто знала?

— Я видела тропу, ваше величество. Она выглядела как светящаяся линия на земле.

По залу поднялся ропот. Король обратил взгляд на фейри у своего бока.

— Кровь фейри?

Взгляд убийцы окинул меня с головы до ног.

— Наверняка. Но, очевидно, это было очень давно в ее роду.

Я залилась краской от намека, что выгляжу настолько плохо, что никто бы никогда не принял меня за полукровку фейри. Это было так невероятно? Я была невысокой, но Аня говорила, что я симпатичная — особенно когда удосужусь умыться.

Я безжалостно подавила воспоминание о ее улыбке, когда она дразнила меня. Я не позволю себе сломаться перед этим жестоким двором.

Король указал на мускулистого лорда, стоявшего среди нескольких придворных, допущенных к трону.

— Что нам сделать с этим человеком, принц Роланд?

Принц Роланд был одет в безупречно белый наряд, а его длинные каштановые волосы были стянуты в гладкий хвост. Его осанка и манеры говорили о строгой дисциплине, но в его ухмылке читалась садистская нотка, намекавшая на нечто гнилое под этим идеальным фасадом. Под его пристальным взглядом я чувствовала себя насекомым.

— Поступите с ней так же, как с остальными людьми. Пусть служит.

Меня передернуло. Служить? Как именно?

— Только самые счастливые и достойные избранники могут присоединиться к ним, — снова и снова твердила моя мать. Как милосердно ее вера рисовала Мистей. Сколько еще людей жили здесь, и что они терпели от рук этих тиранов? Очевидно, что брак с принцем фейри и жизнь в роскоши никогда не были реальной возможностью.

Король Осрик вздохнул:

— Скучно.

— Если тебе нужны развлечения, можешь убить ее, — предложил принц Роланд.

Король рассмеялся:

— Ты просто зол, что проиграл пари. Ты ставил на то, что рыжая пройдет дальше всех.

Рыжая. Фиона. Они как-то наблюдали за нами? Делали ставки на то, сколько времени потребуется монстрам, чтобы убить нас? К страху примешалась душащая ярость. Они поставили на мою смерть и смерть самого близкого мне человека в этом мире. Аня должна была стоять здесь рядом со мной. Мы должны были вместе добежать, рухнуть на траву и рыдать от облегчения.

— Тем не менее, — продолжил король Осрик, — это интересное предложение. Кто-нибудь согласен с принцем?

Большинство Благородных Фейри у трона выглядели равнодушными, но один из них смотрел на меня скорее с любопытством, чем с презрением. Это был невероятно красивый фейри с длинными медными волосами и туникой цвета красно-золотого пламени. Он выступил вперед, бросив королю кривоватую, обаятельную улыбку:

— Что ж, я выиграл пари и думаю, нам стоит придумать что-то новенькое для нее. Никто из жертв не заходил так далеко уже веками. Может быть, это будет весело.

Он улыбнулся мне и подмигнул, но его непринужденные слова — придумать что-то новенькое для нее — холодили до костей.

Король Осрик хихикнул, и в этом звуке было что-то жуткое:

— Я знаю как ты любишь игры, принц Друстан.

Друстан поклонился:

— Огонь любит играть.

Каждый из них внушал мне страх — смеющийся король Осрик, жаждущий крови принц Роланд и коварно обаятельный принц Друстан, — но больше всего меня пугал палач с глазами, темными, как ночь, который все еще не отводил от меня взгляда. Я задрожала, встретившись с его пронзительным взглядом, и подумала, не почувствую ли я сейчас, как его меч вонзается в мое сердце.

— Ваше величество, — наконец сказал убийца в черном, — я думаю, вы должны оставить эту в живых.

— Почему? — Король поднял брови, и фейри наклонился, чтобы прошептать что-то ему на ухо. Предложил ли он вместо этого пытать меня?

Король рассмеялся и посмотрел на меня с большим интересом.

— Я принял решение, — сказал он, вставая. Свет факелов мерцал на драгоценностях, украшавших его тунику. Он указал на единственную женщину-фейри возле трона — красивую блондинку с пышной фигурой и сложной короной из кос. — Принцесса Ориана, я преподношу этого человека в дар дому Земли. Точнее, вашей дочери Ларе, чтобы она служила ей горничной во время прохождения испытаний.

Придворные, выстроившиеся вдоль стен, разразились смехом, в то время как губы принцессы Орианы сжались в узкую линию. Очевидно, король нанес ей серьезное оскорбление, назначив меня служанкой в ее доме.

Что за дом Земли? Согласно легендам, магия фей была связана со стихиями. Возможно, название указывало на источник ее силы. Наряд Друстана, без сомнений, ассоциировался с огнем, а платье Орианы цвета красного дерева было вышито зелеными лианами, обвивающими атлас, как плющ.

Король сел обратно на трон и махнул рукой, отпуская меня.

Я не знала, куда идти. Несколько панических мгновений я колебалась, не понимая, будет ли большим оскорблением уйти сразу или остаться на месте, но тут теплая, пушистая рука легла мне на плечо.

Козел — как выяснилось королевский управляющий, — подвел меня к краю зала.

— Я отведу тебя к Элоди. Она главная служанка в доме Земли. Она покажет, куда тебе идти.

И действительно, бледная, словно привидение, водная нимфа с длинными тонкими пальцами направлялась к нам.

— Идем, — голос Элоди был мелодичным и легким, как ветерок, скользящий по тростникам. — Мы устроим тебя.

Я выдохнула с облегчением, покидая тронный зал, мертвого фейри и все эти насмешливые, жестокие лица.

Я как-то пережила свою первую встречу с Благородными Фейри.

Передо мной растянулся каменный коридор, освещенный только мерцающими факелами. Элоди повела меня поэтому бесконечно длинному коридору, уводя глубже под землю, к дому Земли и моей новой роли — служанки у фейри.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 5

— Ты боишься, — сказала Элоди спустя несколько минут тишины.

— Да, — ответила я. Лгать не имело смысла. Кто бы не боялся?

Она бросила на меня взгляд, и я была поражена странной красотой её лица. Узкое, вытянутое, с кожей такого светло-голубого оттенка, что она почти казалась белой. Её хрупкое телосложение и плавные движения напоминали мне первых Подчинённых Фейри, которых я видела, но на ней было практичное голубое платье, а волосы цвета серо-голубой воды струились вокруг её плеч, словно она плыла под водой.

— Я понимаю твой страх, но постарайся не показывать его, — сказала она. — Тебе оказана великая честь — служить одной из дам Дома Земли.

— Не похоже, что это честь. Когда король объявил об этом, все смеялись.

Она слегка улыбнулась:

— Великая честь для тебя. Серьёзное оскорбление для Дома Земли.

— Почему?

— Потому что люди здесь считаются не более чем животными.

Я напряглась, но она подняла руку, чтобы меня прервать.

— Для большинства, — уточнила она. — Но не для всех. Я работаю со многими людьми. Мы здесь все для того, чтобы служить.

Она повернула направо, и гладкий чёрный камень под ногами сменился булыжником. По краям тропинки появилась трава, и я была поражена, увидев несколько диких цветов. Как они могли здесь расти без солнечного света?

Элоди остановилась.

— Вот мы и пришли.

Стены были покрыты плющом, а линия факелов заканчивалась прямо перед нами, погружая тропу во тьму.

— Где мы?

— У входа в Дом Земли, — сказала она, сделав жест, приглашая меня следовать за ней. Когда она шагнула за пределы света факелов, её осанка стала более расслабленной. — Сейчас это не выглядит впечатляюще, но днём здесь потрясающий вид.

Здесь было не совсем темно: теперь, когда мои глаза привыкли, я заметила, что арочный коридор был освещён мягким голубоватым светом. Стены, которые раньше были серыми камнями, теперь стали гладкими и напоминали стекло. Я провела по ним пальцами и вскрикнула.

— Почему они мокрые? — в шоке я посмотрела на воду, покрывающую мои пальцы. Стены даже не были твёрдыми на ощупь.

Элоди засмеялась, её смех звучал как журчание ручья.

— Мы окружены водой, девочка. Как тебя зовут?

— Кенна Херон, — сказала я, с сомнением снова коснувшись стены. Мой палец прошёл сквозь блестящую поверхность, и я ощутила, как будто окунула его в холодную реку. Течение мягко коснулось моей кожи. — Как это возможно?

— Разве ваши человеческие мифы не рассказывали о нашей магии? — спросила Элоди, слегка наклонив голову. — Разделение произошло не так давно.

— Для нас давно. — Тысяча лет, как говорил старейшина.

— Дом Земли управляет почвой, растениями и водой — всем, что находится под ногами. Этот туннель — единственная точка доступа к дому, и он удерживается на месте с помощью заклинаний. Члены или гости Дома Земли могут пройти, но стоит нежеланному гостю попытаться войти, вода затопит туннель и смоет его.

— Куда смоет? — Я почувствовала приступ клаустрофобии, осознавая, что нахожусь так близко к огромной массе воды, которая может обрушиться в любую секунду. Мы шли вниз от тронного зала уже много минут, значит, мы были далеко под землёй. Как будто находились на дне озера.

— Они тонут. Смерть — это наказание для тех, кто пытается проникнуть на территорию дома без разрешения.

Когда мы достигли конца коридора, я уже вся покрылась потом. Элоди толкнула тяжёлую металлическую дверь, и я поспешила за ней, стремясь покинуть давящий туннель.

Комната была темной, но Элоди взмахнула рукой, и факелы вокруг нас зажглись, излучая тёплый свет, напоминающий полуденный солнечный.

Я застыла, ошеломлённая увиденным.

Цветущие лианы обвивали колонны и стены огромного входного зала. Пол был утрамбованной землёй, отполированной тысячами лет шагов. Деревья, цветы и кустарники прорастали из почвы, устремляясь к высокому потолку, украшенному мозаикой с изображением голубого неба и жёлтого солнца. Всё пространство переливалось естественными красками, а воздух был пропитан ароматом влажной земли и растущих растений.

— Как красиво, — сказала я с благоговением.

Элоди улыбнулась:

— Да, так и есть.

Винтовые лестницы поднимались из четырех углов комнаты, а арочные входы на каждом этаже вели в неизвестные коридоры. Элоди повела меня по витой лестнице в заднем углу. Каменные перила под моей рукой напоминали переплетенные ветви дерева, и я с удивлением разглядывала тонкость резьбы — можно было различить текстуру древесины, намеки на почки, пробивающиеся из поверхности, и даже крошечные тела насекомых.

— У тебя есть магия Земли? — спросила я. Подчиненные Фейри тоже обладали магическими способностями, но насколько они были развиты, я не знала.

— У меня есть небольшие способности к магии воды, но это ничто по сравнению с тем, что умеют принцесса Ориана и Благородные Фейри, — ответила она. — Я азраи, элементальный тип Подчиненных Фейри. Азраи есть во всех домах, не только в Земле, поэтому наши способности различаются.

На шестом и последнем уровне мы вошли в широкий коридор. Пол был покрыт слоем почвы, но, как ни странно, грязь не прилипала к моим туфлям или подолу. Мы прошли мимо ряда деревянных дверей, многие из которых были украшены резьбой с изображением природных пейзажей: бурлящие водопады, густые леса и цветущие луга. Элоди провела меня мимо двери, покрытой резными цветами, к меньшей, не отмеченной никакими знаками. За ней скрывалась еще одна лестница, на этот раз гораздо проще.

Комната за этой дверью была небольшой и обставлена скромно: комод, узкая кровать с коричневым покрывалом, шкаф и стол с зеркалом. Стены были окрашены в

успокаивающий голубой цвет и освещались слабо мерцающими кристаллами. Потолок тоже был усыпан кристаллами, но они не светились.

— Ты будешь жить здесь, — сказала Элоди. — Комната леди Лары находится там. — Она указала на дверь сбоку.

Леди Лара. Дочь принцессы Орианы и моя новая хозяйка. Я ничего о ней не знала, кроме того, что она, очевидно, была из королевской семьи и собиралась пройти какое-то испытание.

Элоди открыла шкаф, где висели простые платья землистых тонов.

— Этот шкаф сам пополняется, если ты испортишь платье, и он предоставит любую специальную одежду, которая может понадобиться.

Магический шкаф. Аня бы влюбилась в него. Я прикусила губу, чтобы не думать о ней.

— Спасибо, но я до сих пор не понимаю, что я должна делать. Что значит быть горничной?

Элоди тяжело вздохнула и жестом пригласила меня сесть. В комнате был только один стул, поэтому я села на кровать, наблюдая, как она сложила свои длинные, тонкие конечности, усаживаясь.

— Дома Фейри управляются принцем или принцессой. Ориана — принцесса Дома Земли, а её старший ребенок и наследница — леди Лара. Лара скоро начнет испытания на бессмертие, и по традиции каждому кандидату полагается специальный слуга, который помогает во время этих испытаний. Король выбрал тебя.

— Испытания на бессмертие? — с каждым её словом я путалась всё больше. — Что это за испытания?

Она сжала переносицу, будто пытаясь справиться с головной болью.

— Испытания проводятся, когда молодые Благородные Фейри достигают совершеннолетия, — терпеливо объяснила она. — Они становятся претендентами с восемнадцати лет, но испытания проводятся, когда набирается достаточное количество кандидатов — обычно каждые десять лет. Испытания проверяют ключевые добродетели Фейри. Если молодой фейри преуспевает, он получает бессмертие и полное владение своими магическими силами.

Я знала, что Благородные Фейри бессмертны, в то время как Подчиненные Фейри живут долго, но умирают, но не представляла, что их магия и бессмертие приходят только во взрослом возрасте. Сколько всего не упоминали легенды!

— А если они провалятся?

— Это может закончиться очень плохо, — призналась она приглушённым голосом. — Если кандидат не преуспеет, он получает бессмертие, но лишается всей магии. Таких фейри обычно изгоняют семьи, и они становятся слугами. А иногда…

— Иногда?

— Если провал слишком серьёзен, кандидат умирает.

Так моя хозяйка должна была пройти испытания, как и я прошла свое раньше этой ночью. Докажи свою ценность или погибни.

— Как я буду служить Ларе во время испытаний? — спросила я. Я сама едва выжила в своей проверке. Как я могла помочь фейри справиться с её, почти ничего не зная об этом мире и о том, как быть горничной?

— Приносить ей еду. Помогать одеваться. Сопровождать на приёмы и следить, чтобы у неё было всё необходимое. Когда начнутся испытания, возможно, тебе придётся принимать небольшое участие.

Теперь я уже сама чувствовала, как у меня начинается головная боль. Я посмотрела на дверь, разделяющую мою комнату и комнату Лары. Будет ли моя новая хозяйка доброй? Судя по тому, как на меня смотрели в тронном зале, я сомневалась.

Слишком многое нужно было осмыслить. Побег через болото, встреча с королём, и теперь эта новая роль — помогать королевской фейри пройти испытания, от которых зависела её жизнь…

Элоди вздохнула, увидев выражение моего лица:

— Это будет нелегко. Просто постарайся сделать вид, что всё даётся легко.

Не показывай страха. Делай вид, что все легко. — Картина, которую рисовали её предостережения, соответствовала тому, что я увидела в тронном зале Фейри, где эти прекрасные монстры смотрели на меня с презрением. Благородные Фейри жили ради власти и процветали, используя слабости других.

— Когда я начинаю? — спросила я сдавленным голосом.

Элоди взглянула на моё измождённое лицо:

— Поспи несколько часов. Лара сейчас с друзьями. Когда услышишь, что она вернулась, можешь подойти к её двери и узнать, что ей нужно — еда, помощь с раздеванием или что-то ещё. Рядом с дверью есть колокольчик, который она может позвонить, если ей что-то понадобится.

— А разве я не напугаю её, просто появившись у двери?

Элоди выглядела так, будто сдерживает вздох.

— К этому моменту она уже услышит о тебе. Удивлена она не будет.

Её тон ясно давал понять, что довольна леди тоже не будет.

***

Я и не думала, что смогу заснуть, но усталость мгновенно утянула меня в сон, как только Элоди ушла. Я даже не сняла обувь, просто рухнув на кровать. Последней мыслью было удивление: кристаллы на стене начали тускнеть сами по себе, словно понимая, что я хочу темноты.

Я проснулась от звука захлопывающихся ящиков в соседней комнате.

Я села, протирая глаза. Моя комната теперь была освещена мягким желто-розовым светом, напоминающим рассвет. Свет исходил от кристаллов на потолке, плавно смешиваясь с мягким белым сиянием кристаллов, вновь зажёгшихся на стенах. Неужели эти огоньки имитировали небо снаружи? Если это так, я спала больше нескольких часов, и Лара вернулась домой гораздо позже, чем ожидалось.

Было искушение натянуть одеяло обратно на голову и снова провалиться в забвение. Быть бодрой значило бояться. Это значило помнить с каждым ударом сердца, что Аня умерла.

Очередной ящик захлопнулся. Я встала и попыталась причесать волосы пальцами и разгладить складки на платье, но в итоге сдалась. Первое впечатление я приведу не очень опрятное. Глубоко вдохнув, я твёрдо постучала в дверь.

Ответа не последовало.

Трусливая часть меня надеялась, что моя новая хозяйка не хочет меня видеть. Я постучала снова:

— Простите?

— Что? — раздался злой голос.

Я нерешительно повернула ручку и заглянула внутрь:

— Леди Лара?

В центре комнаты стояла статная фейри. Она была ошеломляюще красива, с длинными волнистыми чёрными волосами, губами цвета ягод и карими глазами с полуопущенными веками. Эффект портила гримаса, изуродовавшая её лицо.

— Ну? Чего тебе, человек?

— Меня зовут Кенна, я ваша новая горничная.

— Я слышала, — её голос был холоден и полон ярости.

Я собралась с духом:

— Я пришла узнать, не нужно ли вам что-нибудь.

Её платье мятно-зелёного цвета зашуршало по утрамбованной земле, пока она шла к комоду. Её комната была гораздо изысканнее моей и раза в четыре больше. Деревянная резная ширма разделяла зону для сна и гостиную. За ширмой виднелась массивная кровать с балдахином, обтянутая зелёной полупрозрачной тканью. Мебель была вырезана из золотистого дерева, а стены покрывали вьющиеся лозы с розовыми цветами.

— Ничего не нужно, — ответила она, с силой выдёргивая серьги из ушей. Я даже поморщилась от такого зрелища. Она бросила украшения на комод. — Уходи.

Повторять приказ ей не пришлось. Я поспешно вышла, нелепо присев в реверансе:

— Позвоните в колокольчик, если что-то понадобится. — Я закрыла за собой дверь.

Что-то с грохотом разбилось о неё.

Я уставилась на дверь, сердце бешено колотилось. Было ощущение, что этот колокольчик останется беззвучным ещё очень долго.

Не зная, что ещё делать, я продолжила исследовать свою комнату. На задней стене обнаружилась ещё одна дверь, идеально скрытая в её поверхности. Я осторожно надавила на край, и дверь щёлкнула, затем плавно открылась.

Внутри оказалась купальня с глубокой медной ванной, в которую вели трубы, уходящие в стены. Целую стену занимала мраморная стойка, увенчанная огромным зеркалом. Я провела пальцами по гладкой поверхности в изумлении. Все зеркала, которые я видела раньше, всегда искажали отражение, создавая рябь, но это было ровным, как застывший пруд.

Моё лицо выглядело изможденным. Я коснулась щёк, ощутив пальцами веснушчатую кожу. Я давно плохо питалась, но никогда раньше так явно не видела этого отражения в своём облике. На фоне худобы моего лица и фигуры волосы выглядели огромными — густыми, завивающимися тёмно-каштановыми локонами, доходящими до поясницы.

Аня обожала мои волосы. Она говорила, что променяла бы свои прямые пряди на мои без раздумий, а я называла её сумасшедшей. Слёзы затуманили мой взгляд при воспоминании. Казалось, её призрак преследовал каждый мой шаг, заставляя меня помнить... и её, и своё поражение.

Теперь, когда шок прошёл, волна горя обрушилась на меня с полной силой. Я опустилась на пол, закрыла лицо руками и разрыдалась.

Я не знаю, сколько времени прошло. Достаточно, чтобы свет, исходящий от кристаллов на потолке, стал ярче. Достаточно, чтобы мои глаза начали болеть, а колени занемели. Наконец, я сделала несколько глубоких вдохов и вытерла солёные следы с щёк. Для скорби ещё будет время. Возможно, ночью, в следующий раз, когда я лягу

спать. Возможно, каждую ночь до конца своей жизни. Но сейчас мне нужно было сосредоточиться на выживании, а это значило собрать себя в кучу, избавиться от всех признаков слабости и начать искать путь к свободе.

Всё, что я видела до сих пор, убеждало меня, что я должна выбраться из Мистея. Я не хотела проводить всю жизнь в служении расе, которая ненавидит людей. Я буду выполнять свои обязанности ровно столько, сколько потребуется, чтобы найти выход, а затем начну новую жизнь где-нибудь подальше от границы Фейри и людей.

Колени хрустнули, когда я встала, и я поморщилась. Земляной пол не запачкал моё платье — должно быть, это тоже магия Фейри. Я повернула краны над глубокой раковиной, и потекла тёплая вода. Я умыла лицо, смывая следы горя в слив.

К моему удивлению, на конце стойки стояли не только кувшин и стакан, но и косметика с мазями. Я поднесла флаконы к носу, пытаясь понять, где мыло, а где ароматизаторы, и, протестировав их, нашла то, что вспенилось у меня в руках. Рядом с ванной тоже стояли бутылочки, скорее всего, для мытья волос.

Это была немыслимая роскошь. Слуги в мире Фейри жили лучше, чем кто-либо в Тамблдауне. Я нанесла несколько капель жидкости с ароматом жимолости на запястья, как когда-то говорила мне Аня, и расчесала волосы, распутывая их от узлов. Косметические коробочки были украшены изящными резными рисунками: изгибом щеки, надутыми губами, искусно изображённым глазом. Я выбрала две наугад и нанесла немного румян на щеки и бледно-голубого мерцания на веки.

Я едва узнала себя в зеркале. Мои янтарные глаза казались более бодрыми, покраснение от слёз скрывала ледяная синева теней. Щёки сияли здоровым румянцем. Расчесанные волосы, смягчённые ещё одной мазью, выглядели чистыми, аккуратными и красивыми.

Гардероб предоставил мне голубое платье, которое, к счастью, имело достаточно свободные рукава, чтобы скрыть кинжал, всё ещё обёрнутый вокруг моего плеча, словно украшение. Полностью одетая, я вышла исследовать новые окрестности — и начать искать выход.

Дом кипел жизнью. Я старалась не таращиться на прислужников фейри, мимо которых спускалась по лестнице рядом со своей комнатой, хотя они явно открыто разглядывали меня. Слуги сновали туда-сюда по коридорам, неся подносы и ящики. Среди них были элегантные водные фейри с волосами всех оттенков синего и серого, а также небольшие существа, цветом напоминающие землю и едва доходящие мне до колена. Они несли инвентарь для уборки — видимо, брауни. Их кожа покрыта лишайниками, а чёрные глаза ярко блестели от любопытства. Я резко повернула голову на шорох в воздухе и заметила крошечную пикси, не больше моего длинного пальца, которая пролетела мимо на крыльях, тонких как паутина.

Пикси зависла рядом, изучая меня круглыми глазами. Она была изящной и красивой, с кожей цвета слоновой кости и пучком тёмно-зелёных волос. Она исчезла, прежде чем я успела заговорить.

Я вышла в коридор на первом этаже. С одной стороны доносился звук гремящих тарелок, с другой — плеск воды и несколько визгливых смешков. Общая купальня или прачечная, предположила я. Ещё больше фейри прислужников собирались здесь, но моё внимание привлекла женщина, торопливо проходящая мимо. Теперь, когда я научилась замечать тонкое магическое мерцание, исходящее даже от самых маленьких Фейри, в этой серой женщине не оставалось сомнений: она была человеком.

Ей было около пятидесяти, волосы седели, а взгляд был печальным.

— Простите, — окликнула я её, приближаясь. — Вы ведь человек, верно? Меня зовут Кенна. А вас? — Я протянула руку, но она замерла, словно в шоке, и смотрела на меня с широко раскрытыми глазами. Её руки дёрнулись, будто она собиралась что-то сказать или сделать, но затем упали, как будто её захлестнули эмоции.

Тишина становилась неловкой. Может, говорить с другими людьми в этом доме считалось нарушением?

— Я хотела узнать, можно ли осматривать дом. И разрешается ли нам покидать Дом Земли? — спросила я, пытаясь звучать как можно вежливее.

Широко раскрыв глаза, женщина кивнула и указала вниз по коридору.

— Спасибо, — сказала я, стараясь звучать уверенно, и пошла в указанном направлении. Когда я оглянулась через плечо, она всё ещё стояла на месте и пристально смотрела мне вслед.

Я с облегчением обнаружила Элоди в главном зале. Она улыбнулась мне.

— Как дела у леди Лары?

— Она пока ничего от меня не требовала, — ответила я осторожно.

— Всё настолько плохо? — она мягко вздохнула. — Она примет тебя рано или поздно. У неё просто нет выбора.

— Ну, пока она думает, я хотела бы немного осмотреться, — добавила я, надеясь найти хоть какой-нибудь удобный выход, через который можно будет незаметно ускользнуть. — Это же разрешено, верно?

— Да, конечно. Ты не пленница, — с извиняющейся улыбкой ответила она. — Но выбраться на поверхность ты не сможешь. Все выходы защищены чарами, чтобы никто не мог покинуть Мистей без разрешения короля.

Начало не внушало оптимизма.

— Но я могу свободно перемещаться внутри Мистея?

— Ты можешь посещать общедоступные зоны, но вход на территории других Домов запрещён без разрешения.

— А сколько здесь Домов?

Она на мгновение замялась, прежде чем ответить:

— Всего пять. Остальные — это Дом Огня, Дом Света, Дом Иллюзий и Дом Пустоты.

Интересно. Старейшина говорил, что Благородные Фейри могут выращивать растения, призывать огонь и даже превращать день в ночь, но я не знала, что эти способности зависят от принадлежности к определённому Дому. Нужно было узнать больше.

— А где находятся их территории?

В этот момент крикнул какой-то брауни, балансирующий под горой коробок, и Элоди подняла руку в знак того, что скоро подойдет.

— Я сейчас, — крикнула она, а затем снова обратилась ко мне: — Позже сегодня я нарисую тебе приблизительную карту с указанием входов. А пока просто будь осторожна.

Осторожность — не то, чего мне хотелось. Мне хотелось выбраться отсюда.

Элоди, должно быть, увидела это на моём лице, потому что положила свою тонкую руку мне на плечо.

— Я понимаю, что подземный мир может казаться странным и угнетающим, — мягко сказала она, — но Мистей огромен. Здесь достаточно пространства для

изучения. Некоторые даже говорят, что нет конца тем глубинам, куда можно спуститься.

Она замялась.

— Хотя я не рекомендую тебе заходить слишком глубоко. Там ты можешь столкнуться с Тварями.

Пространства достаточно. Конечно.

— Значит, я не пленница, но на поверхность выйти не могу, на другие территории ходить нельзя, и спускаться слишком глубоко тоже не стоит?

Её взгляд стал сочувствующим.

— Я понимаю, что для тебя всё это новое, но со временем ты привыкнешь. Когда ты освоишься, тебе вряд ли будет не хватать внешнего мира.

Я про себя пообещала себе одно: никогда не привыкать.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 6

Я набралась духу, прежде чем войти в туннель из воды. Элоди была права — днём он выглядел поразительно. Солнечные лучи, пробивавшиеся сверху, окрашивали воду в насыщенный бирюзовый цвет, а вокруг плавали рыбы. Некоторые из них были обычными видами, которых я ловила у Тамблдауна, но другие были экзотическими, сверкающими, как драгоценные камни. Дно озера простиралось в обе стороны, украшенное скалистыми выступами и плавающими растениями.

Неожиданно я ощутила покой несмотря на то, что знала, как быстро эта вода может убить любого, кто осмелится сюда проникнуть. Я вспомнила, как Элоди сразу расслабилась, едва вошла в этот туннель. Когда стайка сверкающих оранжевых рыбок приблизилась ко мне, словно изучая, я почувствовала себя частью этого места — ощущение, которое, должно быть, было частью магии Дома Земли.

Я пыталась вспомнить путь, которым шла прошлой ночью, но вскоре окончательно заблудилась. Мистей оказался не золотым замком в центре пещеры, как думала моя мать, а огромным лабиринтом. Без неба над головой, чтобы определить положение солнца или звёзд, всё казалось одинаковым. Сегодня коридоры были куда светлее, освещённые факелами и встроенными кристаллами, которые утром отражали свет зари в моей комнате, но атмосфера оставалась давящей. Обычно я бы сейчас собирала сокровища в болоте, а не бродила глубоко под землёй.

Сердце сжалось от мысли о моей коллекции. Я так и не успела показать Ане ту куклу, которую нашла.

Эта боль пронзила меня, как осколок стекла в груди, каждое сердцебиение лишь глубже вонзало его в меня. Я знала по опыту потери матери, что горе полно таких мелких ловушек — не только острой тоски, но и мелких уколов воспоминаний и нереализованных желаний. Люди исчезают мгновенно, но всё, что ты хотел им рассказать, показать или сделать вместе с ними, остаётся.

После часа бесцельной ходьбы я признала, что никогда не найду тронный зал. Я ошиблась где-то с поворотом, и этот путь вел наверх. Я оставалась на основном склоне, не заходя в двери, которые заманчиво выглядывали то справа, то слева. Некоторые из них были закрыты, но в других я видела пустые комнаты, уютные гостиные или библиотеки. Даже ряд небольших лавок, где фейри прислужники выбирали ткани, стекло и украшения.

Путь расширялся по мере подъёма. Факелы мерцали в искусно вырезанных кронштейнах, а кристаллы на потолке сияли ярким светом полудня. Ближе к вершине склона кристаллы исчезли, и путь освещался только факелами, их свет отражался от обсидиановых стен.

Склон выровнялся, и передо мной открылось широкое помещение. По бокам стояли устрашающие каменные статуи, а через центр комнаты, преграждая дальнейший путь, тянулась занавесь огня.

— Потрясающе, — прошептала я, поражённая видом огромной, яростно трещащей стены пламени.

Когда я подошла ближе, одна из статуй повернула голову, чтобы взглянуть на меня. Это была не статуя, с ужасом осознала я. Это был гаргулья прислужник фейри. Существо, серое, словно уголь, с рифлёным лбом, скрученными рогами и массивными

крыльями, его передние когти скребли по полу, издавая жуткий звук, от которого волосы на моих руках встали дыбом.

Я повернулась, чтобы сбежать… и врезалась в другую гаргулью.

Её глаза полыхали яростью, и она схватила меня за запястье, её когти вонзились в кожу.

— Нарушители должны гореть, — сказала она голосом, похожим на грохот обрушивающихся валунов.

Затем она потянула меня к огню.

— Пожалуйста, отпустите меня, — взмолилась я, пытаясь вырваться, но гаргулья была неумолима. Она дёрнула моё запястье, вынуждая меня идти за ней или быть волочимой.

Пламя заслонило всё в поле зрения, огромная, извивающаяся стена тянулась до высокого, почерневшего от дыма потолка. Пот лился с моего лица, кожа натягивалась под ударом мучительного жара. Вскоре эта жара станет невыносимой, и если гаргулья бросит меня…

Смерть от огня будет невыразимо болезненной.

— Я не хотела сюда заходить! Я даже не знаю, где нахожусь. Пожалуйста!

Гаргулья зарычала и встряхнула меня. Я обмякла, пытаясь замедлить её шаг, утяжелив её своей массой, но она двигалась вперёд, как будто я ничего не весила. Я брыкалась и царапалась об пол, умоляя о своей жизни, пока её когти впивались в моё запястье, оставляя кровоточащие следы.

Жар обжигал меня, когда пламя приблизилось. Кинжал спустился вниз по моей руке, пульсируя в такт с моим бешеным сердцебиением, но что бы он ни собирался сделать, это будет не вовремя. Мы были всего в нескольких шагах от огня. Гаргулья схватила меня за плечи, готовясь швырнуть внутрь.

— Стой.

Чёткий мужской голос прорезал треск пламени. Гаргулья замерла мгновенно.

— Отпусти её.

Её когти разжались, освобождая меня, и я отшатнулась от огненной стены. Поскользнувшись, рухнула на пол… и обнаружила, что смотрю прямо в насмешливое лицо одного из Благородных Фейри.

Это был Друстан — дерзкий, невероятно красивый принц, который подмигнул мне в тронном зале. Теперь, оказавшись так близко, я разглядела медно-красные волосы, в которых искрились пряди алого, золотистого и чёрного — точно сменяющиеся оттенки пламени за моей спиной. Он носил свободную рубашку алого цвета, заправленную в чёрные обтягивающие брюки, а на золотом поясе висела рапира.

В его серых, как пепел, глазах мелькнуло веселье.

— Уже успела попасть в неприятности?

Я вскочила на ноги и сделала реверанс, бросив взгляд через плечо, чтобы убедиться, что гаргулья не преследует меня. К счастью, она медленно возвращалась на свой пост. Собравшись с духом, я обратилась к принцу Друстану, изо всех сил пытаясь преодолеть страх, всё ещё сковывающий моё горло:

— Я заблудилась. Простите меня. Я сейчас уйду.

Его рука мягко, но уверенно остановила меня, коснувшись моего левого предплечья.

— Подожди.

На другой руке кинжал заметно вздрогнул, словно ожил, хотя его лихорадочный пульс замедлился. Теперь я не могла понять, была ли эта дрожь предупреждением или кинжал просто указывал мне на то, насколько могущественен принц. Что он сделает со мной? Где бы я ни оказалась, очевидно, я нарушила границы.

Принц Друстан был выше меня на целую голову. Его пальцы, горячие, как огонь, мягко подняли мой подбородок, заставляя меня посмотреть вверх. Я изо всех сил старалась не отвести взгляда от его глаз, в которых отражалась необузданная сила. Магия исходила от него волнами, и воздух вокруг него казался искажённым.

— Ты понимаешь, где находишься?

Может быть, было глупо признавать незнание перед одним из Благородных Фейри, но у меня не оставалось выбора.

— Нет, мой лорд... то есть, мой принц.

Он улыбнулся, обнажив ровные белые зубы.

— Это даже хорошо. В противном случае мне пришлось бы задаться вопросом, зачем Дом Земли присылает шпионов на территорию Огня.

Огонь был одним из пяти домов фейри. Я вспомнила совет Элоди и болезненно поморщилась. Нельзя входить на территорию другого дома без разрешения. И вот, спустя всего час после начала моего путешествия, я нарушила одно из главных правил — и едва не заплатила за это жизнью.

— Я не знала, — сказала я, пытаясь отступить, но он твёрдо удерживал мой подбородок. — Я слышала, что фейри владеют магией стихий, но только недавно узнала о ваших домах.

Друстан выглядел удивлённым.

— Правда? Ваши лидеры не рассказали тебе о Мистей?

— Рассказали, но за тысячу лет можно многое забыть.

— Для людей, пожалуй, это верно. — Наконец он отпустил мой подбородок, но на этот раз я удержалась от того, чтобы отступить. Проявлять слабость было уже слишком. Наклонив голову, он изучал меня. — Значит, ты пересекла болото, ничего не зная о месте, куда направляешься. Почему? Ты даже не выглядела как участница ритуала.

На лбу выступил пот, а ладони стали влажными. Его лицо оставалось приветливым, но ситуация казалась опасной. Моё тело знало то, что ум ещё не осознавал.

— Чтобы спасти подругу, — с трудом выговорила я. Если он действительно наблюдал за мной, то уже знал, чем это закончилось.

Он молчал несколько секунд, словно давая мне возможность сказать больше, но я не собиралась делиться с ним своей болью. Наконец он кивнул.

— Ты рискнула своей жизнью ради другого. Достойная черта. Как твоё имя?

— Кенна, мой принц. Кенна Херон.

Его серые глаза всё ещё пристально смотрели на меня; я гадала, о чём он думает.

— Что ж, Кенна, я ценю благородные жертвы. — Его улыбка превратилась в едва заметную ухмылку. — И я поставил немало золота на то, что ты пройдёшь дальше всех, так что не стоит портить мне удовольствие. Позволь мне проводить тебя в более безопасное место.

Облегчение вырвалось из меня с выдохом. Какими бы ни были его мотивы, принц проявил милосердие.

— Спасибо, мой принц.

Он развернулся, жестом подзывая меня следовать за ним. Мне пришлось перейти на бег, чтобы не отставать от его широких шагов, но с каждым шагом от огня я чувствовала себя всё легче. Когда мы подошли к рампе, появились несколько прислужников. Они напоминали Элоди, но их рыжие волосы трещали электрическими разрядами, а глаза горели, словно угли. Огненные фейри. Они низко поклонились принцу, который шёл рядом со мной.

Друстан цокнул языком, когда мы их миновали.

— Я просил их не кланяться на территории дома. Или хотя бы не кланяться так низко — они ещё упадут.

— Почему они не должны кланяться? — удивилась я. — Вы ведь принц.

Даже старейшина Хольман ожидал поклонов, хотя он был всего лишь деревенским лидером. А Друстан — бессмертный правитель.

— Мне не особенно нравится протокол. Он слишком часто создаёт атмосферу страха, а не порождает верность.

Ещё один фейри прислужник сделала реверанс, когда мы начали спускаться с рампы.

— Тогда почему они продолжают кланяться, если вы просили их не делать этого? — спросила я.

— Я стал принцем всего несколько десятилетий назад, — сказал он, его тон был небрежным, но взгляд оставался проницательным. — Это слишком короткий срок по меркам памяти фейри. Слуги ещё не избавились от старых привычек. — Он улыбнулся мне. — Но я их переубежу.

Его слова удивили меня. После той жестокой сцены в тронном зале я ожидала совсем другого. Этот принц был обаятельным, и говорил со мной так, словно я не была просто случайной гостьей. И всё же под этим поверхностным обаянием я ощущала напряжение, будто находилась на пороге опасности. Мы спускались по витиеватому склону, и мне становилось всё труднее дышать от его близости. Его тепло обжигало. Я была испугана и одновременно зачарована. Часть меня отчаянно хотела покинуть его, но другая не могла вынести мысли об этом.

Старейшина оказался прав в одном: Благородные Фейри обладали чарами, перед которыми сложно устоять.

— Лидеры других домов так же спокойно относятся к протоколу? — осмелилась спросить я, стараясь скрыть дрожь в голосе. — В тронном зале всё выглядело иначе.

Он рассмеялся — резко, отрывисто.

— Вовсе нет. Я стараюсь сделать Дом Огня менее формальным местом, но остальные обожают свои церемонии и ритуалы. — Его глаза слегка сузились, и он добавил с задумчивой улыбкой: — Хотя я слышал, что Дом Крови был ближе к моим предпочтениям, когда ещё существовал.

— Дом Крови? — Я нахмурилась. Элоди не упоминала о таком доме.

Он прижал палец к губам.

— Тише. Лучше не произносить это имя, особенно в присутствии других.

Я чувствовала, что за его словами кроется нечто важное, и решила воспользоваться моментом.

— Простите, мой принц. Я просто не знала, что существует шестой дом.

Его взгляд вновь стал испытующим.

— Ваши знания действительно оставляют желать лучшего.

— Да, — согласилась я, стараясь не выглядеть глупо.

После долгой паузы он тяжело вздохнул.

— Если ты не узнаешь эту историю, то непременно попадёшь в беду. Хотя, учитывая твои недавние подвиги, возможно, это неизбежно. — Он сделал приглашающий жест, указывая, чтобы я подошла ближе. Его голос стал тише, почти шёпотом: — Около пятисот лет назад Дом Огня, Пустоты и Крови восстали против короля Осрика. Это было ещё до моего рождения, — добавил он, заметив мой потрясённый взгляд. — Дома Огня и Пустоты в итоге одумались. Крови — нет. Его уничтожили.

Холод прошёлся по моей спине от его слов.

— А другие дома поддержали короля?

— Дом Иллюзий и Света всегда на его стороне, но Дом Земли остаётся нейтральным. Это их принцип, хотя Осрика это сильно раздражает.

Наверное, именно поэтому король так открыто оскорблял принцессу Ориану и леди Лару.

— Какие силы у каждого из домов? — спросила я, чувствуя жажду знаний.

— Ты очень любопытная женщина, — заметил он с лёгкой улыбкой. Казалось, он не мог долго оставаться серьёзным, хотя за его весёлостью скрывалось нечто большее. — Полезное качество.

Я лишь подняла брови, молча задавая вопрос снова.

— Дома связаны между собой как противоположные близнецы, — уступил Друстан. — Дом Земли управляет земными элементами, а Дом Огня контролирует всё, что лежит за пределами этого. Пламя — наша любимая стихия, отсюда и название. Но мы также обладаем некоторой властью над ветром, воздухом и погодой. — Он поднял руку, и пламя вспыхнуло на его пальцах, прежде чем исчезнуть.

— Дом Пустоты управляет тьмой и пустотой. Они могут уничтожать свет и создавать тварей из ночного воздуха. Они разрывают дыры в ткани мира, в которых фейри могут исчезнуть без следа. Их противоположность — Дом Света. Они, как ты, наверное, догадалась, управляют светом. Их вторая великая сила — почти полная защита от магии других домов. Они легко распознают иллюзии и устойчивы к мистическому огню. Они предпочитают сражаться с помощью оружия и грубой силы.

Друстан, должно быть, заметил, как я вздрогнула, потому что наклонился, чтобы прошептать следующее прямо мне в ухо. Его горячее дыхание обожгло изгиб моего уха.

— Дом Пустоты носит чёрное, а Дом Света — белое. На твоём месте я бы держался подальше от обоих.

Я вспомнила холодный расчёт убийцы в чёрном, который предложил отдать меня Дому Земли в качестве оскорбления. Он, должно быть, из Дома Пустоты. А Роланд, садистский принц, предлагавший убить меня, принадлежит Дому Света.

— А что насчёт Дома Иллюзий?

— Дом Иллюзий изменяет то, что видит разум. Они могут создавать образы и заставлять тебя слышать, и чувствовать то, чего на самом деле нет. Они используют манипуляции и обман, чтобы добиваться своего. Король раньше был принцем Дома Иллюзий, до того, как взошёл на трон. Теперь он — король всего Мистея, и в его доме нет принцев или принцесс. — В голосе Друстана звучала странная отстранённость, но его лицо оставалось бесстрастным.

— А что насчёт Дома Крови? — спросила я.

Кто-то поднимался по рампе — ещё один из фейри прислужников. Завидев нас, он остановился и поклонился. Друстан кивнул ему в знак признания. Когда мы прошли

мимо, он взял меня за левую руку и мягко отвёл в сторону. Его длинные сильные пальцы легко сжали моё запястье, а тепло его прикосновения проникло сквозь ткань. Принц снова наклонился, чтобы прошептать мне на ухо. Несмотря на то, что я приготовилась к близости его губ и горячему дыханию, по моему телу всё равно пробежала дрожь.

— Тебе стоит быть осторожнее, когда и как ты произносишь это имя, — сказал он. — Ты заработала мне немало золота прошлой ночью, поэтому я ввожу тебя в курс дел Мистея. Но другие Благородные Фейри не потерпят, чтобы служанка говорила о забытом доме. И ты никогда не узнаешь, кто может подслушивать из тени.

По спине поползли мурашки. Свет факелов играл на обсидиановых стенах, и на миг мне показалось, что камень живой и дышит. Однако предупреждения Друстана показались мне лицемерными. Говорить о Доме Крови, а затем упрекать меня за любопытство?

— Это вы сами подняли тему, — возразила я, глядя на него прямо, не отводя взгляда. — Мой принц.

Он улыбнулся, и моё сердце отчаянно забилось.

— Не просто любопытная, но и смелая. Я знал с первой секунды, что ты сильнейшая из всех, несмотря на твой рост.

Я нахмурилась, услышав его небрежное упоминание других женщин.

— Как вы наблюдали за нами?

— Король Осрик наложил иллюзию на стену, чтобы мы могли смотреть на охоту. Ему это кажется забавным.

У меня заслезились глаза, и я отвернулась, сжимая кулаки, чтобы подавить гнев. Ногти впились в ладони, оставляя острые, болезненные дуги.

— Забавным? Остальные погибли.

Я чувствовала его взгляд на себе.

— Они всегда погибают, — сказал Друстан, но на этот раз его тон стал мягче. — Кроме тебя.

Мы достигли нижнего уровня рампы, и я облегчённо вздохнула, увидев, как обсидиановые стены сменяются серым камнем. Мы вернулись в главные туннели.

— Дальше я справлюсь сама, — сказала я. Возможно. Его присутствие было слишком напряжённым, слишком будоражащим. Мне нужно было немного одиночества, чтобы успокоиться. Я сделала реверанс. — Благодарю.

Когда я поднялась, его лицо стало серьёзным, почти смертельно.

— Я говорил серьёзно. Держись подальше от Дома Света, Пустоты. И Иллюзий, если уж на то пошло.

Я подняла брови.

— А Дом Огня совершенно безопасен? — Мой недавний опыт говорил об обратном.

— Дом Огня… открыт для сотрудничества, скажем так. У нас есть друзья в самых разных местах Мистея.

Это было тонкое предложение, поняла я. Дружба с Домом Огня. Проблема в том, что я не знала, что это означает.

Я кивнула, нетерпеливо желая уйти и спокойно всё обдумать.

— Ещё раз спасибо, мой принц.

— Кстати о протоколе, — добавил он. — Постоянное «мой принц» начинает утомлять. Называть меня Друстаном было бы неподобающим в присутствии других

Благородных Фейри, но в более… частных обстоятельствах я не против услышать своё имя. — Он подмигнул, и я покраснела. — И у друзей есть свои привилегии.

Слово «друзья» он снова произнёс с особым акцентом. Лёгкое беспокойство поднималось у меня внутри, пока кинжал под одеждой будто отзывался на эти ощущения. Принц Друстан был обаятелен, но мне казалось, что этот разговор был чем-то большим, чем просто прихотью. Он меня проверял.

Я сделала реверанс.

— Я учту.

Его взгляд, казалось, обжигал мою спину ещё долго после того, как я оставила его позади.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 7

Лара отказалась видеть меня.

Я была слишком встревожена после инцидента в Доме Огня, чтобы продолжить исследовать замок, поэтому решила вернуться, чтобы узнать, не нужна ли ей моя помощь. Однако на мой робкий стук дверь ответила лишь резким:

— Уходи.

Что мне оставалось делать, если моя хозяйка не желала видеть свою служанку?

Часть меня была рада временной передышке, но я не была дурой. Чтобы выжить достаточно долго и сбежать, нужно было заслужить успех в роли слуги. К тому же любое бездействие давало шанс горю снова настигнуть меня. Лучше уж занять себя делами и оставить слёзы для одиноких ночей. Я вернулась вниз, намереваясь попросить Элоди дать мне другое задание.

Но в главном зале Элоди не оказалось. Вместо неё там стояла принцесса Ориана — ошеломляюще красивая, с великолепными изгибами фигуры. Она тихо беседовала с молодым жизнерадостным фейри, у которого на синем камзоле была приколота одинокая жёлтая роза. Волнистые каштановые волосы юноши отливали золотыми прядями, идеально гармонируя с золотыми локонами Орианы, но карие глаза были точно такими же, как у Лары. Это, вероятно, был её младший брат.

Все Благородные Фейри выглядели так, будто замерли в своей вечной юности где-то между двадцатью и тридцатью годами. Поэтому было странно представить, что Ориана могла быть матерью этому юноше. Это требовало привыкания — в мире фейри невозможно было судить о семейных связях с первого взгляда, как в мире людей. Кто знает, может, Ориане уже тысячи лет.

Я попыталась незаметно уйти, но Ориана сразу же заметила меня.

— Ты. — Она указала на меня строгим пальцем. — Подойди.

Я подошла и сделала реверанс. На этот раз он вышел довольно сносным.

— Принцесса.

Она с решительностью изучала меня, словно я была неприятной обязанностью, от которой нельзя отвертеться. На её голове красовалась закрученная деревянная корона, а на ней — зелёное платье, оттенком напоминавшее густой лес. Её волосы были заплетены в толстые косы, которые спадали почти до середины спины. Ореховый оттенок её глаз напомнил мне Аню, и в груди что-то болезненно сжалось.

— Это и есть человек, — обратилась Ориана к юноше.

Он улыбнулся, и на его щеке заиграла ямочка.

— Я так и подумал.

— Простите, если я помешала, — начала я. — Я искала Элоди, чтобы узнать, есть ли для меня задания.

Брови Орианы удивлённо взметнулись.

— Лара разве не дала тебе достаточно заданий?

Я тщательно подбирала слова, чтобы ответить как можно осторожнее.

— Она не нуждается в моей помощи, принцесса.

— Значит, капризничает, — заключила Ориана, без всяких обиняков. Юноша разразился хохотом.

Я едва не поперхнулась, изумлённо уставившись на неё, не зная, что сказать.

Ориана тяжело вздохнула:

— Лара всегда была слишком чувствительна к критике. — Она щёлкнула пальцами, и от резкого звука я невольно вздрогнула. — Идём.

Юноша ещё раз улыбнулся мне, прежде чем покинуть зал. Я послушно последовала за Орианой вверх по витой лестнице. Она решительно направилась к двери своей дочери и громко застучала.

— Что? — раздался раздражённый голос.

— Открой дверь.

Через несколько секунд дверь отворилась, и Лара отошла в сторону, пропуская принцессу внутрь. Я неуклюже последовала за ней, не зная, что ещё делать.

Лара бросила на меня злобный взгляд. Её чёрные волосы были распущены, а на ней было мятое бирюзовое ночное платье.

— Я не хочу, чтобы человек был здесь.

— Это очевидно, — спокойно ответила Ориана, усаживаясь на роскошный диван и жестом указывая Ларе занять обитое парчой кресло напротив. Они уставились друг на друга. Семейное сходство угадывалось не сразу, но я различила его в изгибе их бровей и форме носа.

Молчание затянулось. Лара беспокойно заёрзала в кресле.

— Этот человек, — наконец произнесла Ориана, — был подарен тебе самим королём Осриком.

— Я не хочу её.

— У тебя нет выбора. Он — король.

Лара посмотрела на меня с ненавистью.

— Из-за неё меня дразнят. Говорят, что я такая слабая, что мне нужна человеческая служанка. Это унизительно.

— Это унизительно только потому, что ты позволяешь им так думать, — спокойно ответила Ориана. — Если бы тебе было всё равно, что они говорят, то не имело бы значения, кто твоя служанка: человек, фейри прислужница или даже Тварь.

— Я не могу не заботиться о том, что они говорят, — Лара сцепила пальцы на коленях. — Разве ты сама не говорила, что я не должна казаться слабой?

— Да, — кивнула Ориана. — Но, отвергая этот дар, ты только подтверждаешь их мнение. Ты показываешь всем при дворе, насколько сильно чувствуешь себя униженной.

Лара тяжело выдохнула и, откинувшись в кресле, устало потерла лицо.

— Я ненавижу это. Почему король так меня ненавидит?

— Дело не только в тебе, — сказала Ориана. — Он ненавидит весь Дом Земли. Ему не нравится наша нейтральная позиция. Мы никогда не становились на его сторону, и он считает это слабостью. Ему нравится испытывать нас. Ты должна быть сильнее этого.

— Значит, мне просто нужно терпеть? Смириться с тем, что все смеются?

— Да.

Лара снова бросила на меня взгляд. Я старалась держать лицо спокойным и не выказывать ни малейших эмоций, несмотря на то, как неприятно было слышать, как меня обсуждают, словно я неодушевлённый предмет.

— И как это докажет мою силу? — Гнев начал исчезать из её взгляда, уступая место усталости.

— Уверенным поведением ты покажешь, что выше всего этого, что настолько достойна, что тебе даже не важно, кто помогает тебе в Испытаниях Бессмертия —

человек, фейри или Тварь. Сохраняя достоинство, ты учишь окружающих, как они должны относиться к тебе.

Я слушала её слова с особым вниманием, пытаясь найти в них урок и для себя. Благородные фейри судят по внешности и поведению. Выгляди уверенной — и ты уверенная. Выгляди сильной — и ты сильная. В своём прошлом я намеренно выглядела грязной, дикаркой, готовой на всё, чтобы скрыть свои страхи. И тогда все в Тамблдауне воспринимали меня именно так, никому даже в голову не приходило заглянуть глубже.

— А что, если испытания потребуют чего-то, чего она не сможет сделать? — спросила Лара, всё же называя меня «она», а не «человек» или «оскорбление».

— Этого не случится, — уверенно ответила Ориана. — Даже король не рискнёт так сильно саботировать участника. Но я уже думала о том, как можно извлечь выгоду из его дара. Мы были так сосредоточены на том, чтобы видеть в этом оскорбление, что упустили из виду очевидные преимущества.

Холод пробежал по моей спине. Что она имеет в виду?

— Какие преимущества? — Лара усмехнулась, её тон был полон скептицизма. — Ты видишь её.

Я сжала зубы, чтобы не ответить. Я знала, что они видят, глядя на меня: маленькую, неухоженную, слабую. С неопрятностью я могла что-то сделать, но с остальным — вряд ли.

— Именно, — сказала Ориана, бросив на меня оценивающий взгляд. — Многие области Мистей защищены от Благородных фейри и фейри-прислужников. Традиционный слуга мало чем мог бы помочь тебе. А человек может рисковать больше и вызывать меньше подозрений. Людей считают слабыми, немагическими, и большинство из них... лишены языка. Даже если бы кто-то из них обрёл храбрость, с кем бы он говорил?

Моё сердце замерло. Лишены языка. Теперь понятно, почему те люди, которых я встречала, не говорили со мной. Мысль об этом вызвала тошноту. Если бы я не попала в услужение к Ларе, сделали бы это и со мной? Ужасающее осознание пронзило меня.

— Твоя служанка станет нашим шпионом, — продолжила Ориана. — Она выяснит всё о предстоящих испытаниях. Она сможет проникнуть туда, куда мы не можем.

Мне стало дурно. Я переступила с ноги на ногу, чувствуя, как взгляд Орианы пронзает меня.

— Ты сделаешь всё возможное, человек, — её голос стал холодным и острым, — чтобы Лара победила. Всё. Никаких ограничений.

Она говорила серьёзно. Всё, вплоть до убийства, было бы допустимо, если это помогло бы её дочери.

— Да, принцесса, — ответила я. Это был единственный возможный ответ.

— Дом Земли милосерднее, чем другие, но даже наше милосердие имеет пределы. Если ты перестанешь быть полезной или провалишься, ты отправишься в Подземелья — в качестве низшей служанки. Если я не решу, что тебя следует казнить.

Холод пробежал по моей спине. Закончив, Ориана повернулась к Ларе.

— Пусть она помогает тебе. Бери её на все мероприятия, чтобы она слушала, о чём говорят. И не показывай слабости. Ни в коем случае. Иначе будут последствия.

***

Лара и я молча смотрели друг на друга, когда Ориана ушла.

Она выглядела так же охваченной страхом, как и я. Почему? Она не была той, кто рисковал потерять язык… хотя, с другой стороны, не стоит забывать, что она тоже подвергалась опасности смерти, если бы провалила испытания.

Я вдруг вспомнила, что ей было мало лет. Она была около моего возраста. Я всегда представляла фейри как древних и могущественных существ, но Лара была не такой. В нашем мире было тяжело расти, но что же испытывала она, вырастая в этом страшном дворе фейри, где за любую слабость следовало наказание?

Я бы сделала всё, чтобы убежать, будь то игра идеальной служанки или становление шпионом Орианы. И если бы я не смогла сбежать до начала испытаний, я помогла бы Ларе достичь успеха по той же причине. Я бы не только спасала свою жизнь. Несмотря на её капризы, Лара была напугана, и ей угрожала опасность.

В этот момент моё восприятие госпожи начало меняться. Несмотря на её резкое поведение, несмотря на пропасть между нашими положениями, мы стали вынужденными союзниками в одной борьбе.

— Могу я принести вам что-нибудь, моя госпожа? — Если нам предстоит стать союзниками, нужно было начать строить перемирие с ней.

Она открыла рот, но, похоже, передумала говорить то, что собиралась.

— Воды, — наконец сказала она.

В её ванной, как и в моей, стояли кувшин и стакан. Когда я вернулась, Лара приняла стакан молча.

— Извините, — сказала я, не зная, что ещё добавить.

Она выпила, затем закрыла глаза и откинула голову, вздыхая.

— Я не хочу твоего сострадания.

Острота в её словах всё ещё чувствовалась. Ей нужно было время, чтобы принять меня, если она вообще когда-либо это сделает. Но она не стала бросаться вещами, так что я посчитала это прогрессом.

— Могу ли я сделать что-то ещё для вас, моя госпожа?

— Мне нужно пойти на обед. Помоги мне подготовиться.

Такие простые слова, но я не знала, с чего начать.

— Я никогда не была служанкой у дамы, — призналась я, решив, что честность необходима, если мы хотим ладить. — Что мне нужно сделать?

Она закатила глаза и указала на шкаф.

— Выбери наряд.

Я открыла двери шкафа и подавила вздох, увидев, как ткани водопадом устремились ко мне. Большинство платьев были синего, зелёного или коричневого цвета, как это было принято в Доме Земли, но несколько были розовыми, кремовыми или жёлтыми. Я провела рукой по бархатистому сатину, роскошному велюру и ткани такой лёгкой и прозрачной, что она вздымалась от каждого сквознячка. Что же выбрать для обеда? Всё было настолько невероятно красивым, что я не знала, с чего начать.

Я случайно схватила платье цвета слоновой кости. Корсет был украшен маленькими изумрудами, а юбка струилась облаком под зелёным сатиновым поясом. Рукава были из тонкой сетки, усыпаны изумрудами, ткань была такой тонкой, что казалась паутиной. Я подняла платье, и Лара посмотрела на меня, как на сумасшедшую.

— Это платье для бала, — сказала она ровным тоном. — Это не бал. Это обед.

Я поморщилась.

— Конечно.

Положив платье обратно, я принялась перебирать остальные, наконец находя то, что не выглядело так вычурно, как остальные. Темно-зеленое, с длинными рукавами и вырезом лодочкой, с юбкой, покрытой черной сеткой. Общий эффект напомнил мне сосны в сумрачном лесу — вечнозеленые иголки, чередующиеся с тенями. Я показала его ей, и она кивнула.

Я помогла ей одеться в тишине, быстро осознав, насколько нелепо сложными были наряды, которые носили богатые дамы. Были нижние части одежды, которые она указывала мне, а затем я накинула на её пышную фигуру сатин, и пришлось затянуть, казалось, бесконечное количество шнурков, чтобы платье подчеркивало каждый её изгиб.

Я отступила на шаг, оценивая результат. Она выглядела потрясающе. Зеленый оттенок заставлял её оливковую кожу светиться, а вырез платья подчёркивал грудь, о которой я могла только мечтать.

— Идеально, — осмелилась я сказать.

Она снова одарила меня уничтожающим взглядом.

— Косметика? — с язвительной интонацией уточнила она. — Волосы?

Я начала потеть. Косметика — я впервые столкнулась с этим утром. А волосы... как делают прическу леди? Я вспомнила сложные косы Орианы и едва не застонала.

Я молча проводила Лару в ванную, отчаянно оглядывая десятки бутылочек и коробочек на столешнице. Осмотрев подписанные крышки, я сгруппировала их по областям лица: губы, щеки, глаза. Затем начала заглядывать внутрь. Там было столько оттенков — разнообразие красных и розовых для губ и щек, бесконечные вариации радуги для век. Что я должна была с этим делать?

Почти в панике перебирая их, я услышала, как она вздохнула:

— Ты не умеешь пользоваться косметикой, верно?

— Нет, миледи.

Она подошла ближе, начав собирать коробочки и кисти из того беспорядка, который я успела устроить.

— Это было очевидно по тому, как ужасно ты нанесла тени.

Я залилась краской. Я правда сделала это неправильно?

— Смотри. — Лара указала, чтобы я наблюдала. — Сначала красим глаза.

Она обвела глаза коричневым карандашом, затем нанесла насыщенно-зеленые тени вдоль линии ресниц. Это выглядело почти так же, как то, что сделала я, подумала я с горечью, но потом она добавила более светлый пигмент, растушевав его до самых бровей, так что тонкие отблески зелени поднялись вверх, создавая едва уловимое мерцание.

О, да, это выглядело лучше, чем у меня. Я сравнила наши лица в зеркале. Теперь стало заметно, что мой синий оттенок был не только слишком резким, но и нанесен асимметрично.

Её тёмные ресницы были короткими, но естественно густыми. Она покрыла их черным пигментом, который ещё больше подчёркивал их. Убрав зелёную пыль с пухлых щек тканью, она нанесла мерцающий коралловый румянец. Затем крем, усиливающий природный ягодный тон её губ, и, наконец, рассыпчатую пудру с блёстками от лба до груди, аккуратно избегая платья.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Я заморгала, глядя в зеркало на её преображённое лицо, поражённая её умением. Она была красивой от природы, но теперь выглядела неземной. Её врожденное сияние фейри усиливало мерцающие цвета, и я вспомнила ярких, переливающихся рыб, плававших у входа в туннель к Дому Земли.

— Я обязательно потренируюсь, — пообещала я.

— Надеюсь. — Она вернулась в основную комнату и села у туалетного столика с зеркалом в раме, стилизованной под ветви деревьев. — У меня раньше была самая умелая служанка из фейри. Она прекрасно справлялась с косметикой и прическами. — Её горький взгляд в зеркале упал на меня. — Её отправили в другую семью после того, как король «подарил» мне тебя.

Её акцент на слове «подарил» ясно дал понять, что она всё ещё видит во мне что угодно, только не подарок.

— Я научусь, — сказала я.

Я расчесала её волосы цвета ночного неба. Их текстура напомнила мне о волосах Ани — мягкие, с естественной волной. Сердце болезненно сжалось от воспоминаний, как мы с Аней заплетали друг другу волосы, обсуждая городские сплетни. Я выучила тогда несколько простых причесок — одна из них должна подойти и для Лары. Я начала заплетать её волосы от уха, планируя обернуть косу вокруг головы и закрепить за другим ухом шпильками, оставив остальное ниспадать вдоль спины.

— В Доме Земли много семей? — спросила я. Я ещё не успела изучить весь дом, но он казался огромным. Я видела множество Благородных Фейри, блуждающих по коридорам или отдыхающих в гостиных, пока слуги спешили по делам.

— Да, — ответила Лара. — Кровная линия моей матери самая сильная, но есть и другие семьи Благородных Фейри с похожими способностями.

— Ваш отец тоже из одной из таких семей? — Я сосредоточилась на том, чтобы вплести больше прядей в косу.

Она замерла на мгновение.

— Да, хотя я почти не знала его.

Я сразу поняла, что допустила ошибку.

— Простите.

Она вздохнула, видимо, решив меня пожалеть.

— Мой отец был вторым консортом Орианы. Она выбрала его всего несколько десятилетий назад. Поэтому мы с Селвином такие молодые по сравнению с наследниками других домов. Мой отец умер вскоре после рождения Селвина.

Селвин, должно быть, тот жизнерадостный подросток, которого я встретила раньше.

— Мне жаль, — повторила я, встречаясь с её взглядом в зеркале. — Мой отец бросил нас с матерью, когда мне было всего несколько лет. Я тоже росла без него. — Возможно, это общее горе станет нашим первым мостиком к пониманию.

Её выражение смягчилось. Она кивнула, молча признавая моё признание.

Коса получалась лучше, чем я ожидала. Я почти закончила, и она вышла лишь слегка неровной. Я попыталась найти новую тему для разговора.

— Значит, у вас с Орианой одинаковая магия?

Мягкость в её выражении тут же исчезла. Она выглядела так, словно я её оскорбила.

— У меня совсем мало магии, — сказала она с язвительным тоном, — потому что я ещё не прошла испытания.

Я поморщилась. Похоже, я напомнила ей ещё об одном поводе для чувства неполноценности.

— Конечно.

Я закончила заплетать косу в тишине. Она изучила её в зеркале, на лице явно читалось недоверие.

— Простой стиль.

— И платье простое, — ответила я. Для меня, конечно, оно таким не было, но она кивнула, будто приняв эту логику, и поднялась с кресла.

— Пойдём. — Она щёлкнула пальцами, как будто звала собаку, совсем как её мать.

— Куда мы идём, миледи? — спросила я, насколько могла вежливо.

— На обед в Дом Света. Не позорь меня, иначе я клянусь, выкину тебя, что бы ни говорила Ориана.

Наш момент единства был окончен. Я последовала за ней к главной лестнице, подавляя желание закатить глаза. Ей был нужен маленький триумф — я могла это понять. Поэтому я сыграла роль покорной служанки и пошла за ней, стараясь выглядеть смиренной.

Лишь позже я вспомнила слова Друстана:

— Держись подальше от Дома Света.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 8

Вход в Дом Света находился, судя по всему, на одном из верхних уровней огромного подземного города. К тому времени, как мы закончили подниматься по ряду мраморных ступеней и вышли в зал, обрамлённый колоннами, мои ноги дрожали от усталости. Лара, напротив, выглядела совершенно невозмутимой — фейри явно были куда выносливее людей.

Глаза болели от яркости. Пол был белым, стены — белыми, а толстые колонны, выстроенные рядами по всей длине зала, тоже были белыми. Над головой плавали яркие светящиеся сферы, а факелы и кристаллы заливали пространство ослепительным сиянием. Камень под ногами был прорезан золотыми жилами.

— Мы идём внутрь дома, миледи? — поинтересовалась я, представляя себе ужасные ловушки, приготовленные для врагов Дома Света. Дом Земли топил нежеланных гостей, Дом Огня сжигал их… Что делал Дом Света?

— Конечно, нет, — тихо ответила она. — Мы будем в одной из внешних зал для приёма гостей.

Я облегчённо вздохнула.

На другом конце зала из двери вышел слуга, одетый в бело-золотые одежды. Он словно светился изнутри, а из его спины вырастали белые пернатые крылья. Подол его снежно-белой мантии волновался у ног. Лишь когда он приблизился, я заметила, что у него нет рта, а глаза были жидкими золотыми сферами.

Сияние вокруг него частично исходило от круга света, следовавшего за ним, куда бы он ни шёл. Я подняла взгляд, чтобы понять, откуда оно взялось. В стенах под потолком были встроены восемь огромных стеклянных линз, через которые излившийся свет фейри собирался в подвижную лужу у его ног.

Я вспомнила, как мальчишки из Тамблдауна использовали осколок стекла, чтобы прожечь муравейник. Неужели Дом Света таким образом защищался— усиливая свет до тех пор, пока он не прожигал нежданных гостей?

Слуга остановился.

— Добро пожаловать, леди Лара.

Глубокий голос прозвучал у меня в голове. Я вздрогнула, но Лара, похоже, была привычна к ментальному общению.

— Следуйте за мной.

Он повёл нас к ближайшей двери, и я с облегчением заметила, что свет остался позади. Он остановился у последней колонны, в десяти футах от нас, и не пошёл дальше.

Комната была полна Благородных Фейри.

Я прошла за Ларой несколько шагов, но остановилась, поймав её предупреждающий взгляд. Я отступила к стене, где стояли другие слуги, склонив головы и сложив руки. Приняв такую же позу, я украдкой взглянула на великолепное помещение.

Оно походило на облако. Пол казался мягким, а на уровне лодыжек плавали клубы тумана. Нижняя часть стен сверкала, словно снег на солнце, а верхняя растворялась в чистой голубизне зимнего неба. Огромная золотая люстра, диаметром не менее двадцати футов, освещала зал.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Благородные Фейри тоже сверкали. Их наряды, вычурные и сложные, были окрашены в цвета, которые я уже могла распознать как принадлежность к пяти домам — естественные тона Дома Земли, фиолетовые и радужные цвета Дома Иллюзий, красные и оранжевые оттенки Дома Огня, а также резкий контраст белого и чёрного Дома Света и Дома Пустоты.

Лара подошла к мужчине-фейри, одетому в бархатный коричневый жакет, немного светлее его кожи. Он поклонился ей, и она улыбнулась.

Я вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Осторожно оглядевшись, я встретилась глазами с принцем Друстаном, который выглядел великолепно в золотом кафтане с алыми акцентами. Он беседовал с двумя фейри из Дома Света. Принц улыбнулся, и я поспешно отвела взгляд.

Но кто-то ещё наблюдал за мной. Фейри из Дома Пустоты, холодный убийца, из-за которого я теперь стала служанкой Лары. Он был похож на воплощённую смерть в длинном чёрном плаще с серебряными застёжками, а на груди у него поблескивала та же опаловая брошь, что и вчера. Он разговаривал с другим членом Дома Пустоты, но его глаза были устремлены на меня.

Мурашки пробежали по спине. Это должен быть принц Пустоты. Во всём его выжидающем положении и ледяном взгляде чувствовалась едва сдерживаемая мощь.

Его внимание переключилось на что-то другое, и я смогла наконец вздохнуть.

Раздался звон колокола, и фейри собрались за длинным обеденным столом. На белоснежной скатерти появились разнообразные блюда. Запах жареного мяса был невыносимо аппетитным; я ничего не ела с самого вчерашнего дня, слишком ошеломлённая новым окружением. С завистью я смотрела, как Лара поднесла ложку горячего супа к губам.

— Голодная, да? — тихий шёпот прозвучал слева от меня.

Стоявший рядом со мной темноволосый Фейри прислужник тоже украдкой смотрел на стол. Он был на несколько дюймов ниже меня, одет в красно-жёлтую ливрею слуги Дома Огня. Его кожа была пепельно-серой, а радужка глаз — чёрной, с лёгким оранжевым мерцанием, напоминающим пламя.

Я насторожилась, но он улыбнулся так заразительно, что я не смогла не улыбнуться в ответ.

— Нам вообще можно разговаривать?

— Нет. Но нас это никогда не останавливает.

И правда, вдоль линии слуг я заметила, как другие шептались, едва шевеля губами. К моему удивлению, они свободно общались между домами: представители Дома Иллюзий разговаривали с Домом Огня, Дом Света и Дом Пустоты делились слухами. Это резко контрастировало с главным столом, где Благородные Фейри сидели изолированными группами, строго по домам.

Если слуги обменивались информацией, возможно, я смогу начать узнавать больше о бессмертных испытаниях.

— Я Кенна, — представилась я.

— Та самая человеческая девушка, которая выбралась из болота? Меня зовут Эйден. Я огненный спрайт.

Разве спрайты не должны быть крошечными и злыми? Этот был куда крупнее, чем я ожидала, и казался вполне дружелюбным. Похоже, людские легенды вновь оказались неверными.

— Приятно познакомиться. Откуда вы обо мне слышали?

— Сплетни быстро разносятся среди слуг. Поздравляю с выживанием.

Я была так ошеломлена, что едва успела осмыслить свой безумный забег на грани жизни и смерти. Теперь воспоминание всколыхнулось, словно эхо ужаса, скользнув по моим венам. Кинжал, обвивавший моё запястье, зашевелился и уколол кожу, впитывая каплю моей бурлящей крови. И снова мне показалось, что он передаёт чувство или мысль. "Мы победили", шепнул он, и мой пульс замедлился. Я сделала глубокий вдох.

— Люди ничего не знают, — сказала я. Возможно, это было рискованно — делиться своими мыслями, но мне нужно было начинать выстраивать связи. Тем более, Эйден встретил меня с интересом и дружелюбием, в то время как многие из окружающих смотрели на меня с враждебностью. — Они думают, что фейри принимают людей здесь как равных и дают им лучшую жизнь.

Эйден поморщился.

— Когда-то ритуал солнцестояния действительно объединял два народа. Но, по крайней мере, с тех пор как на троне сидит король, это превратилось в развлечение.

— Как долго он правит?

— Восемьсот лет.

Трудно было представить, чтобы один и тот же король правил так долго. Какие у фейри законы наследования? У него нет наследников или желания отречься от трона?

Меня мучил ещё один вопрос.

— Как сюда попадают остальные люди, если никто не может пересечь болото?

— Король периодически отправляет разведчиков, чтобы похищать их, — с сочувствием сказал Эйден. — Иногда из-за их красоты, иногда из-за силы, а иногда просто по прихоти.

Прихоть, которая вырывала людям языки и превращала их в рабов. Я никогда не думала, что зло может быть таким.

Двери открылись, и Благородные Фейри поднялись, когда в зал вошли четверо солдат в пурпурной ливрее с изогнутыми клинками. За ними следовал король Осрик, а за королём — ещё солдаты. Когда он вошёл, Благородные Фейри и слуги склонились в поклонах. Я поспешно последовала их примеру, приседая в реверансе так глубоко, что у меня задрожали ноги.

Король Осрик остановился в центре зала — сверкающий, как видение, в длинной тунике из опалового шёлка. Его светлые волосы спускались прямым потоком по спине, а вокруг него вновь кружил радужный туман. Он был бы воплощением хрупкой красоты, если бы не чёрная корона, украшавшая его голову.

Ненависть разгорелась во мне. Этот фейри был причиной смерти Ани. Его прихоти ломали жизни.

— Добро пожаловать на первое событие сезона испытаний, — сказал он.

Я напряглась. Уже первое испытание? Что должна делать Лара? А что — я?

— Сегодня здесь присутствуют девять кандидатов. Встаньте.

Лара поднялась вместе с фейри в коричневом жакете, с которым она разговаривала ранее. Кроме двух кандидатов из Дома Земли, в зале находились двое в белом, один в оранжевом, двое в чёрном и двое в фиолетовом.

Кандидатов оказалось удивительно мало, учитывая, что Элоди говорила, что испытания проводятся раз в десятилетие. Возможно, старейшина Холман в чём-то был прав. Он утверждал, что рождение фейри — редкое явление, и именно поэтому женщины, предложенные на солнцестояние, были так важны. Хотя он никогда прямо не говорил, что их используют для размножения, это всегда подразумевалось.

Эта мысль вызывала у меня отвращение ещё до того, как я попала в Мистей и узнала правду. Теперь же меня буквально выворачивало от отвращения — к фейри, к старейшине Холману, ко всем лживым и извращённым верованиям, которые привели меня сюда.

— Вскоре вы столкнётесь с самыми сложными испытаниями нашей расы, — продолжил Осрик. — Шесть испытаний будут проводиться в течение следующих месяцев. Каждое из них посвящено одному из домов и проверяет определённую добродетель фейри. В конце мы узнаем, кто из вас достоин бессмертной жизни и дара магии.

Я облегчённо выдохнула, поняв, что это просто обед, а не испытание. Было интересно, что испытаний шесть, а домов всего пять. Возможно, эта традиция — единственное, что осталось от Дома Крови.

— Надеюсь, вы все окажетесь достойны, — добавил король, задержав взгляд на двух кандидатах Дома Земли. — Хотя я знаю, что этого не случится.

Взгляд Лары упал на пол. Я прикусила щёку, желая, чтобы могла говорить с ней телепатически, как это делал слуга Дома Света. "Не давай им увидеть твою слабость, — сказала бы я. — Подними подбородок. Борись с этими ублюдками".

— Испытания начнутся через неделю. А пока давайте праздновать, — произнёс король, беря бокал вина у слуги и поднимая его. — За ваш успех.

После тоста Осрик покинул зал, и разговоры тут же возобновились. Благородные Фейри закончили трапезу в возбуждённой суете, а затем поднялись из-за стола, когда заиграла музыка. Пустые тарелки исчезли вместе со столом.

— Ты знаешь что-нибудь об испытаниях? — прошептал Эйден.

— Нет. А ты?

Он покачал головой.

— Я камердинер Эдрика. — Он кивнул на кандидата Дома Огня, который сейчас разговаривал с Друстаном. — Я служу ему всего несколько месяцев, а до этого был домашним слугой. Я даже никогда не видел испытания.

Я подавила разочарование.

— Может, принц Друстан расскажет ему что-нибудь о них. — А потом Эйден расскажет мне.

— Возможно, о испытании Дома Огня. Но не о других.

— Почему?

— Никто не может вспомнить подробностей прошлых испытаний. Это часть магии. Как только сезон испытаний заканчивается, воспоминания исчезают.

Я уставилась на него.

— Что?

— Это правда. Магия очень древняя и невероятно мощная. Главы домов знают только детали испытания, связанного с их домом в этом году.

Я едва не пропустила, как Лара подняла руку и щёлкнула пальцами. Эйден толкнул меня локтем в рёбра, и я поспешила подойти.

Лара протянула мне пустой бокал, почти не глядя на меня.

— Ещё вина.

Двое кандидатов, с которыми она стояла — фейри-мужчины из Дома Иллюзий и Дома Света, — с явным интересом наблюдали, как я сделала реверанс.

— Это действительно отвратительно, правда, Гаррик? — громко спросил рыжеволосый кандидат из Дома Иллюзий, пока я направлялась к буфету.

— Оскорбление для глаз, — согласился Гаррик. Кандидат Дома Света был высоким, широкоплечим, с короткими вьющимися каштановыми волосами, бледной кожей и угловатой челюстью. Воротник его белоснежной туники был таким же жёстким и острым, как лезвие. — Что бы сделали с человеческой служанкой в Доме Иллюзий, Маркас?

Маркас усмехнулся.

— Уверен, кто-нибудь нашёл бы способ развлечься. Не могу представить, чтобы Дом Света сделал то же самое. Вы все такие серьёзные.

Гаррик усмехнулся, но в его карих глазах, скользящих по мне, было что-то леденящее.

— В Доме Света мы не терпим низших существ.

Мои руки дрожали, пока я наполняла бокал Лары, но я заставила себя принять спокойное выражение лица, прежде чем вернуться к ней.

— Миледи. — Я сделала глубокий реверанс и подала ей бокал.

— Это всё.

— Неудивительно, что король дал её тебе, Лара, — сказал Гаррик. — Все знают, что ты самый слабый кандидат. Человеческая служанка — единственно подходящий вариант.

Я вся напряглась, пока шла обратно к стене. Щёки горели от нарастающего гнева. Я хотела броситься на него, зарычать, как делала с хулиганами в Тамблдауне. Ударить его.

Эйден скривился, когда я с каменным лицом заняла своё место. Но на этот раз я не склонила голову в знак покорности. Я держала подбородок высоко поднятым, глядя на Лару, которая стоически терпела нарастающие насмешки.

— Неудивительно, что твой отец умер, — сказал Гаррик, а Маркас захихикал. — Он тоже был слабым.

Лара вздрогнула, будто её ударили.

— Хватит, Гаррик, — произнесла она твёрдо, хотя в её голосе звучала неуверенность.

Гаррик не думал останавливаться.

— По крайней мере, он не увидит, как ты провалишься. Возможно, его смерть была милостью — спасла его от позора.

Он бросил взгляд на меня, а затем моргнул, словно удивившись, заметив, как я смотрю на него.

— Посмотри на неё. — Он толкнул локтем Маркаса. — Похожа на бешеного зверя.

Мой вызов привлёк внимание и других. Принц Пустоты взглянул на меня с лёгкой усмешкой. Друстан тоже смотрел. В его глазах было что-то вроде одобрения, словно он оценил мой гнев.

"Внешность — это всё", напомнила я себе, стараясь расслабить лицо и разжать челюсть.

Я задержала взгляд на Гаррике ещё на секунду, а затем позволила глазам скользнуть в сторону, словно он больше не представлял для меня интереса. Одновременно я сформировала неприличный жест пальцами, скрывая его за складками юбки.

Его резкий вдох был слышен даже на расстоянии. Я улыбнулась и снова опустила голову.

Через минуту Лара стремительно подошла ко мне и щёлкнула пальцами.

— Мы уходим.

Мы покинули приём под звуки жестокого смеха.

***

Лара не разговаривала со мной до конца дня, лишь коротко приказала отправить ей ужин в комнату.

Я отправилась на кухню, чтобы передать её распоряжение и съесть что-нибудь, а потом начала знакомиться с моим временным домом. Дом Земли был уютным, но не тесным. Потолки здесь были высокими, а зелень росла буквально в каждом углу. Время от времени мне попадались журчащие ручьи или бассейны, где дамы купались, пока слуги расчёсывали или смазывали их волосы маслом. Казалось, будто я нахожусь на улице, и напряжение постепенно отпускало, пока мои ноги утопали во мхе и влажной, пахнущей лесом земле. Я заметила, что многие фейри не носили обувь в доме — возможно, завтра я попробую то же самое.

В конце концов я нашла уютную комнату с травяным ковром. Вокруг пруда, покрытого водяными лилиями, были сложены роскошные подушки, а из ветвей раскидистого дерева доносились трели ярко окрашенных птиц.

Я сидела на краю пруда, свесив ноги в воду, когда меня нашёл младший брат Лары, Селвин. На нём всё ещё была жёлтая роза, хотя теперь она выглядывала из его кармана.

Я вскочила на ноги и присела в реверансе, когда он подошёл.

— Простите, милорд. Я не знаю, разрешено ли мне здесь находиться.

Он улыбнулся.

— Вам позволено быть в любой общественной зоне, если только вас не попросят уйти. Пожалуйста, садитесь обратно.

Я нерешительно опустилась на мягкий холмик травы и с удивлением увидела, как он сел на подушку с другой стороны пруда. Мы молча смотрели друг на друга через воду.

— Мне сказали, что вы грубо обошлись с Гарриком за обедом, — заметил он. — Вы знаете, что он племянник принца Роланда?

Прекрасно. Значит, я оскорбила аристократа Дома Света.

— Он дразнил Лару.

Селвин кивнул.

— Знаю. Он так себя ведёт со всеми. Я рад, что вы ему ответили.

— Правда? — Я не ожидала такой реакции от молодого лорда Дома Земли.

— Уверен, моя мать бы не одобрила, но мне нравится, что вы заступились за Лару. — Его щека украсилась ямочкой. Он выглядел очаровательно и мило, совсем не похожим на других фейри, которых я встречала. Впрочем, на вид ему было не больше шестнадцати — возможно, он ещё не успел развить в себе садистские наклонности.

— Я не сделала ничего особенного.

— Возможно. Но вы должны понять, что мы никогда ничего не делаем. Дом Земли — это всегда нейтралитет, сдержанность и внешняя безупречность. Мы никогда не хмуримся и не ведём себя грубо. — Его раздражённый тон дал понять, что он не раз слышал ту же лекцию, что и Лара, о том, что нужно быть выше чужих оскорблений. Он провёл пальцем по поверхности воды, оставляя за собой рябь. — Мне это надоело.

Я не знала, что на это ответить, поэтому опустила взгляд на пруд. Из глубин выплыли любопытные оранжевые рыбки, чтобы исследовать круги на воде.

— Я беспокоюсь за Лару, — сказал Селвин после долгой паузы. — Испытания, говорят, невероятно сложные. Каждый раз кто-то терпит поражение.

— Уверена, у Лары всё получится. — Наверное.

Селвин посмотрел на меня с мольбой.

— Вы можете ей помочь?

— Я постараюсь.

— Моя мать сказала, что, поскольку ты человек, ты сможешь помочь неожиданным образом. Она что-то говорила тебе?

— Да, мы это обсуждали. — Не было смысла упоминать угрозы его матери или то, что я не уверена, сколько информации смогу раздобыть.

Он улыбнулся, явно облегчённо. Кажется, у этого мальчика было больше веры в мои способности помочь Ларе, чем у меня самой.

— Я так рад. — Он поднялся, стряхивая пыль с брюк. — В любом случае, я просто хотел поблагодарить. Моя сестра… ну, она всё, что у меня есть.

Смутившись от своего признания, он быстро ушёл.

Я улыбнулась, наблюдая за юркими рыбками, тронутая этой странной встречей и очевидной привязанностью Селвина к сестре. Раньше я думала, что все Благородные Фейри ужасны, но он был почти как человеческий мальчик — полный идеализма, неуклюжий и наивный. И если он так сильно любил Лару…

Может, стоит попробовать узнать её получше.

Проведя ещё несколько мгновений с птицами, рыбками и мягкими плесками воды у своих ног, я вздохнула и встала. Настало время отправиться обратно, чтобы узнать больше об окрестностях. Моё намерение сбежать не ослабло, и мне нужно было как можно быстрее изучить географию города.

Теперь я знала, какие коридоры ведут в Дом Света и Дом Огня, а Элоди примерно показала мне, где находятся входы в Дом Пустоты и Дом Иллюзий, чтобы я могла их избегать. Но оставались сотни других путей, казавшихся бесконечными лабиринтами. Я выбрала один наугад.

Кинжал, всё ещё маскирующийся под браслет, тихо гудел, пока я углублялась под землю. Но ощущение от этого гудения было обнадёживающим, поэтому я продолжила идти.

Минуты шли, путь становился всё более покатым, а свет тускнел. Факелы отливали красноватым, а кристаллы на потолке темнели, пока всё не наполнилось мягким сумраком, напоминающим закат. В начале моего исследования я встречала много фейри, но чем дальше спускалась, тем пустее становились коридоры.

Вскоре стены превратились в пятнистый серо-чёрный камень, словно ночной снегопад, а воздух стал тяжёлым и затхлым. Я была единственной в этом коридоре.

Справа открылся каменный арочный проход. На его верхней плите была вырезана оскалившаяся тварь с огромными клыками. Комната за ним тонула в кромешной тьме. Я поёжилась от холода, струящегося оттуда, и уже было прошла мимо, как вдруг ощутила жгучую боль в руке.

— Ай! — Я закатала рукав, чтобы бросить взгляд на браслет-кинжал. Красный камень тускло пульсировал. — Ты обязательно должен это делать?

Да, — прозвучал слабый ответ.

Я вздрогнула. Это был определённо голос в моей голове, а не просто впечатление или инстинкт. Металлический, без гендерной окраски, с отзвуком, будто исходящий издалека. Тот же голос, который велел мне бежать на болотах.

Я попыталась подавить шок.

— Почему? Что ты такое?

Всё, чем я захочу быть.

Металл шевельнулся, и сначала я подумала, что это просто отблески света на стали, но потом поняла, что он превратился в жидкость, извиваясь, как змея, вверх по моей руке. Он потёк от плеча к шее. Я подняла руки, испуганная, когда он обвился вокруг моей шеи, но затем снова затвердел, превратившись в ожерелье. Красный камень теперь располагался точно в ямке между ключицами.

— Ты какой-то вид фейри? — спросила я. Что, если это одна из Тварей?

Нет. — Голос звучал с оттенком насмешки. Иное.

Он передал мне ощущение магии, обретшей материальную форму, силы, настолько великой, что она стала живой.

— Зачем ты меня ранишь?

Я пью.

— Почему?

Это моя суть.

Это был не ответ, но ожерелье... кинжал... браслет явно не собирался делиться подробностями.

— Обязательно именно моя кровь?

Если ты не дашь мне другую, то да.

Этот ответ заставил меня содрогнуться.

— Ты собираешься убить меня? — спросила я хрипло.

Нет.

Ответ прозвучал с яростью, и я сглотнула, чувствуя, как тяжело камень у моего горла качнулся на цепочке.

— Как долго ты пробудешь со мной? — Это было навсегда или кинжал просто искал нового хозяина? Мне нравилось носить оружие, и оно помогло мне пройти через болото, но теперь, когда оно заговорило... теперь, когда оно регулярно пило мою кровь... я не знала, как к этому относиться.

Кинжал не ответил, но медленно перетёк обратно на мою руку и устроился в знакомую спираль вокруг бицепса, будто чувствуя мой дискомфорт от того, что он обвивал мою шею. Очевидно, он мог принимать любую форму, которую хотел. Или, возможно, ту, которую хотела я. Он снова станет кинжалом, если мне это потребуется.

Он тихо заурчал, и я поняла, что ему больше всего нравится быть кинжалом. Перед глазами вспыхнули образы насилия — брызги крови, тёплой, густой, такой восхитительно насыщенной...

Я потрясла головой, прогоняя видение, и почувствовала, как внутри поднялось беспокойство. Я двинулась дальше по пути, но кинжал снова укусил меня.

— Прекрати! — Я сердито посмотрела на него.

И тут я услышала это. Шаги, доносившиеся с тропы позади меня. Кинжал предупреждал меня о ком-то.

Я нырнула в непроглядно чёрную комнату. Чёрно-белые плитки под ногами, едва видимые в отражённом свете из коридора, были покрыты изображениями чудовищ,

которые вызывали у меня дрожь. Затхлый воздух отдавал слабым пряным ароматом. Я напряглась, но в темноте ничего не двигалось.

Шаги становились всё ближе. Я отступила дальше, пока меня полностью не поглотила тьма.

Это был смертоносный принц Пустоты и ещё один фейри в чёрном. Судя по их одинаково тёмным глазам, бледной коже и волосам с отливом воронова крыла, они, вероятно, были родственниками. Но если от принца веяло холодной угрозой, то его спутник с длинными волосами излучал свирепую, едва сдерживаемую ярость. Его движения были резкими и беспокойными, а рука нервно парила над рукоятью кинжала.

— ...это будет глупостью, — говорил длинноволосый.

— Тем не менее, Дом Огня уже принял решение, — спокойно ответил принц. — Нам нужно... — Он замолчал, резко остановившись в коридоре. Его голова повернулась в сторону, и он посмотрел прямо в комнату.

Я затаила дыхание, внезапно испугавшись, что он мог меня видеть. Фейри из Дома Пустоты умеют видеть в темноте? Это одна из их способностей? Я прокляла себя за то, что не спросила Друстана.

— Что такое? — длинноволосый начал поворачиваться, чтобы посмотреть в ту же сторону, но принц плавно подтолкнул его вперёд.

— Ничего. Иногда я думаю, что этот коридор наполнен призраками.

Длинноволосый рассмеялся.

— Если бы только призраки могли владеть мечами.

— Давай поговорим о лабиринте, — произнёс принц, пока они исчезали из виду. — Мы почти готовы...

Я напряглась, пытаясь уловить оставшиеся слова, но его голос растворился в тишине.

Я ждала долгие, тревожные минуты, пока не почувствовала уверенность, что они не вернутся. Меня охватило беспокойство — и от того, что я услышала, и от непроглядной тьмы за моей спиной. Что бы ни было в этой комнате с её призраками, холодом и тонким запахом пряностей, я не могла позволить никому узнать, что я здесь была.

Никогда, согласился кинжал.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 9

Ориана была в комнате Лары, когда я принесла завтрак на следующее утро. Я поставила поднос на стол и сделала реверанс, но, когда уже собиралась уйти, она остановила меня:

— Останься. Я почти закончила.

Ориана нахмурилась, повернувшись к Ларе.

— Как я уже сказала, я разочарована твоим поведением вчера. Ты должна была остаться до конца мероприятия.

— Они только продолжали бы меня оскорблять, — угрюмо ответила Лара.

— Ты должна быть твёрдой, как камень. Относись к их оскорблениям с тем равнодушием, которого они заслуживают.

Лара отпила из своей чашки чая, бросив на меня быстрый взгляд. Я поняла, что ей неловко из-за того, что я стала свидетелем этого выговора.

— Постарайся лучше и не забывай, что твои поступки отражаются на всех нас. Я не допущу, чтобы ты унизила Дом Земли.

Ориана вышла из комнаты, и за ней мягко закрылась дверь.

Позу Лары словно отпустило, она устремила пустой взгляд в стену напротив.

Я придвинула к ней поднос с завтраком.

— Вот, поешь, пока я выберу платье.

Она подчинилась, ела медленно, как будто делала это автоматически. У меня невольно поднялась волна сочувствия — должно быть, она чувствовала себя вечным разочарованием для Орианы.

— Какие мероприятия у тебя сегодня? — Может, я смогу её отвлечь.

— Вечеринка, — отозвалась она рассеянно. — А потом официальный ужин.

Два наряда. Две причёски. Я не знала, справлюсь ли, но собиралась сделать всё возможное.

Для вечеринки я выбрала каштановое платье с плотными рукавами и облегающим лифом, расклёшенное в пышные складки. Подол и вырез были украшены сапфирами и изумрудами, а запястья обрамляли изящные манжеты из тончайшего кружева цвета блонд.

Лара позволила мне одеть её в тишине. Я отвела её в ванную, где пробовала подобрать подходящие к платью оттенки теней. Она терпеливо сидела, пока я наносила золотисто-коричневые тени и розовую помаду. Это выглядело не так хорошо, как её вчерашний макияж, но сойдёт.

"Аня бы умирала со смеху, если бы увидела меня сейчас", — подумала я, расчёсывая волосы Лары. Именно она всегда увлекалась красивыми вещами. Она бы каталась по полу, смеясь, как я изо всех сил пытаюсь соответствовать этому миру роскоши.

Я моргнула, прогоняя слёзы, и заметила, что Лара наблюдает за мной в зеркале.

— Прости.

— Расскажи, — велела она.

Её волосы напоминали мне волосы Ани. Не цветом — у Ани они были золотисто-каштановые, — но длина, волна и блеск были похожи. Я осторожно проводила щёткой по волосам Лары, всем сердцем желая, чтобы Аня была здесь.

— Моя лучшая подруга умерла, — тихо произнесла я. — Когда мы бежали через болото.

Лицо Лары смягчилось.

— Мне жаль.

Одна слеза скатилась по моей щеке, но я быстро смахнула её.

— Я не могу перестать о ней думать. Она бы справлялась с этим всем намного лучше, чем я. — Я обвела щёткой комнату, охватывая одежду, макияж, весь этот блеск.

Лара молчала, пока я начинала плести ей причёску. Сегодня я решила сделать три простые косы, которые соединились бы на затылке, а остальная часть волос осталась свободной.

— Мой старший брат мёртв, — вдруг сказала Лара. Она подняла руку, чтобы прервать мои попытки выразить соболезнования. — Я его никогда не знала. Он был сыном первого конкорта Орианы и… Он умер за год до моего рождения. Но он уже прошёл испытания. Он должен был стать следующим принцем Дома Земли, если бы Ориана когда-нибудь решила оставить свою должность. Он бы справлялся со всем этим намного лучше. — Она горько усмехнулась. — Даже Селвин был бы лучшим выбором для наследника, но ему всего шестнадцать, а мне двадцать три, так что всё свалилось на меня.

Я аккуратно вплетала её волосы, благодарная за этот жест доверия.

— Значит, мы обе не совсем подходим для своих ролей. — Когда она не ответила, даже чтобы бросить резкую фразу, я улыбнулась ей в зеркале. — Именно поэтому никто не ожидает, что мы справимся.

Через несколько мгновений Лара неуверенно улыбнулась в ответ.

***

Вечеринка проходила в Доме Огня. Я сделала вид, что не знаю, куда мы направляемся, пока Лара и я поднимались по спиральному подъёму. Как и в Доме Света, мы не дошли до главного зала, заполненного огнём, а свернули в одну из комнат ближе к вершине подъёма.

Стены комнаты были покрыты переливающимся бархатом, который менял цвет с алого на золотой в зависимости от угла, под которым на него смотрели. Потолок был расписан так, чтобы напоминать клубы дыма. Фейри стояли у небольших столиков, попивая напитки, пылающие в бокалах, и пробуя еду с миниатюрных тарелок.

Эйден мельком улыбнулся мне, когда я протиснулась к нему у стены.

— Добро пожаловать в Дом Огня.

— Здесь красиво. — Атмосфера была одновременно простой и элегантной, а главным украшением служили эти загадочно меняющиеся стены. Пламя танцевало в огромном камине в конце комнаты. — Что это за мероприятие?

Спрайт закатил глаза.

— То же, что и всегда. Они болтают, едят и остроумно оскорбляют друг друга.

Я подавила смешок.

— Ты выглядишь разочарованным.

— Скажем так, я скучаю по временам, когда мне не нужно было посещать такие собрания.

Я изучила его хозяина — единственного кандидата из Дома Огня. Эдрик был стройным и харизматичным, с тёмной кожей и облаком чернильных кудрей. Рубины

блестели на его пальцах, когда он что-то оживлённо объяснял собравшимся вокруг дамам. Его алая туника доходила до отполированных чёрных сапог, а отблески огня играли на рубинах, расшитых по ткани.

— Эдрик готов к испытаниям? — спросила я.

Эйден посмотрел на меня с явным негодованием.

— Конечно. Он храбр. У него всё получится.

Я прикусила губу, желая, чтобы то же самое можно было сказать о Ларе.

— Первое испытание будет посвящено Дому Огня?

— Не знаю. — Эйден бросил взгляд на Эдрика. — Думаю, нет, раз он ничего мне не говорил.

Мы наблюдали, как Благородные Фейри скользят по комнате, приветствуя друг друга с натянутыми улыбками. Три кандидата собрались неподалёку, и по их платьям я поняла, что они представляют Дом Пустоты, Дом Иллюзий и Дом Света.

— Как ты думаешь, в какой добродетели ты преуспеешь больше всего, Карисса? — спросила кандидат из Дома Света, стройная брюнетка.

— Конечно же, в гедонизме. — Кандидат из Дома Иллюзий улыбнулась, обнажая ямочки на щеках. Её волосы были алыми, темнее, чем у Маркаса, другого кандидата из Дома Иллюзий, чьи медно-рыжие локоны блестели под светом. У Кариссы они отливали насыщенным алым, как стены. — А ты, Гита, блеснёшь своей хитростью.

Гита рассмеялась.

— Конечно. И в гедонизме, смею заметить. — Она ядовито улыбнулась кандидату из Дома Пустоты. — Даже не знаю, в чём ты сильна, Уна.

Уна ответила ей холодной улыбкой. Её чёрные волосы были заплетены в толстую косу, доходившую до талии, а её платье было лишено каких-либо украшений. Она даже не потрудилась нанести макияж, хотя её выразительное лицо и сияющая каштаново-коричневая кожа не нуждались в дополнительном подчёркивании.

— Да, я предпочитаю не быть такой очевидной, — подчеркнула она, бросив пренебрежительный взгляд на перегруженное украшениями платье Гиты цвета слоновой кости.

Я едва не фыркнула от смеха.

Гита и Карисса вскоре ушли, взяв друг друга под руки и наклонив головы, очевидно, чтобы поделиться каким-то сплетнями. Уне, оставшись без собеседников, пришлось блуждать по комнате. Вскоре она остановилась рядом с принцем Пустоты и длинноволосым фейри, которого я слышала вчера. Она не выглядела ни капли, запуганной их присутствием.

— Кто они? — спросила я Эйдена, кивнув в сторону этой мрачной троицы.

— Ты серьёзно не знаешь?

— Если бы знала, не спрашивала бы.

— Это принц Гектор, лорд Каллен и леди Уна из Дома Пустоты. Они братья и сестра: Гектор — старший, Каллен — второй, а Уна — младшая и единокровная, — шёпотом пояснил Эйден, а затем наклонился ближе. — У них были и другие братья и сестры, но все они погибли во время восстания.

Восстание, случившееся пятьсот лет назад, которое положило конец Дому Крови. Я понизила голос, подстраиваясь под его тон:

— Гектор и Каллен… они участвовали?

Эйден покачал головой.

— Они родились после восстания. Их отец, прежний принц Пустоты, сохранил жизнь, поклявшись в верности. У Гектора нет детей, поэтому Каллен — его наследник.

— Гектор, похоже, близок к королю, — заметила я, вспоминая, как он стоял слева от Осрика, когда я впервые увидела их. Теперь, когда я научилась различать цвета домов, то поняла, что его опаловая брошь — дань уважения Дому Иллюзий и самому королю.

Эйден бросил на меня странный взгляд.

— Ты, наверное, спутала с Калленом. Длинноволосый — это принц Гектор. Он редко появляется при дворе. Я даже удивлён, что он здесь сегодня.

Я снова взглянула на троицу, пересматривая своё первое впечатление. Этот длинноволосый, свирепого вида мужчина — принц Гектор? Он, должно быть, невероятно могущественный, раз его младший брат такой ужасный. Каллен без малейшего колебания убил человека на глазах сотен Благородных Фейри; на что же тогда способен его старший брат?

Словно почувствовав мой взгляд, Каллен посмотрел на меня.

Я тут же опустила глаза.

— Осторожнее, — тихо сказал Эйден. — Его называют Карающим мечом короля. Он шпионит и убивает по приказу, и говорят, в Мистее нет ничего, о чём он не знает. Некоторые слуги утверждают, что о нём даже думать нельзя— он сразу почувствует и появится из ниоткуда.

Меня передёрнуло, когда я вспомнила, как он заглянул в ту чёрную комнату, где я пряталась.

— Это вряд ли. Правда?

Эйден хмыкнул.

— Они ведь не боги, знаешь ли.

Эта фраза заставила меня задуматься. Я осознала, что почти ничего не знаю о религии фейри. В Тамблдауне мы поклонялись смутным, искажённым воспоминаниям о фейри — эхо чего-то, что, как я теперь поняла, вовсе не заслуживало поклонения.

— Фейри поклоняются каким-нибудь богам? — спросила я, размышляя, что эти тщеславные, жестокие и пугающие существа могут считать священным.

— Нет. Мы поклоняемся самой магии, — ответил Эйден. — Точнее, шести Священным Осколкам, от которых она произошла. Их изображения можно увидеть во всём Мистее. Говорят, что они упали с неба давным-давно.

Я ещё не замечала таких изображений, но теперь поищу.

— Шесть Осколков, шесть испытаний, шесть добродетелей. — И шесть лет между жертвоприношениями невинных людей. Я подавила вспышку ярости от мысли о ритуале солнцестояния и спросила: — Какие это добродетели?

— Храбрость, дисциплина, хитрость, сила, гедонизм и магия.

Я сморщила нос.

— Гедонизм не звучит как добродетель.

— Для фейри это так, — его глаза вспыхнули, словно угли. — Неужели люди забыли, как мы обожаем хитрость и удовольствия?

Я задумалась, как они планируют проверять гедонизм, и не придётся ли мне это видеть.

— Наш старейшина предпочёл не упоминать о части с удовольствиями.

— Человеческий мир звучит скучно.

Я посмотрела на прекрасную комнату, полную коварных, опасных фейри.

— Наверное, так и есть, — ответила я, хотя в этот момент вспоминала другое: нежно-розовый рассвет над болотом, открытое небо, аромат живых растений. Тот трепет, что я испытывала, находя неизвестные реликвии. Простое счастье провести день с другом.

Я не могла сказать Эйдену, что хочу вернуться. Это показало бы слабость. Поэтому я подумала о Ларе и изобразила скучающее выражение лица.

— Это не сработает, знаешь ли, — сказал Эйден.

— Что не сработает?

— Притворяться, что ты не скучаешь, — ответил Эйден. Его тёмные радужки почти полностью поглотил огонь, и его лицо светилось хитрым, проницательным выражением, совершенно не похожим на его обычную доброжелательность.

— Почему ты так думаешь?

Он усмехнулся.

— У спрайтов есть небольшой дар, но очень полезный. Мы можем чувствовать тайные желания. — Его взгляд вернулся к Эдрику, и я задумалась, что он узнал о своём хозяине за последние несколько месяцев.

— И что ты делаешь с этой информацией? — Мог ли он почувствовать мой план побега? Или просто знал, что я скучаю по человеческому миру?

— Всё, что захотим. Для кого-то это озорство. Для кого-то — сделки. А иногда информацию используют, чтобы лучше понимать тех, кто им близок.

— А что ты делаешь с этим? — Я начинала уставать от уклончивых ответов фейри.

Он хмыкнул.

— Ты мне нравишься. Ты не говоришь загадками. Ты просто спрашиваешь то, что хочешь узнать.

— И отвечаешь ли ты?

Его улыбка была настолько яркой, что я почувствовала, как часть моей настороженности исчезла.

— Я не использую это никак. Мне просто нравится понимать людей. Хотя, если бы я почувствовал что-то, угрожающее Дому Огня, это была бы совсем другая история.

Мои тайные желания не имели никакого отношения к Дому Огня, так что я почувствовала себя в безопасности. Я вернула своё внимание вечеринке, наблюдая, как Лара изображает улыбку в ответ на что-то, сказанное Гитой. Другой кандидат из Дома Света, Гаррик, смотрел на их разговор с презрением, а затем вставил какую-то язвительную шутку, которая заставила Гиту рассмеяться, а Лару — покраснеть.

— Вы, фейри, определённо умеете затруднить доверие, — сказала я Эйдену.

— Хорошо, — ответил он. — Доверять здесь опасно. Береги себя и тех, кто рядом, и всегда будь начеку.

Казалось, за два дня я увидела три разные стороны Эйдена: весёлого слугу, хитрого спрайта и циничного советника. Что мне было делать с этим странным фейри прислужником?

— Ты кажешься… сложным.

Его фырк был достаточно громким, чтобы привлечь внимание ближайших Благородных Фейри. Он тут же опустил взгляд, сдерживая смех, хотя его плечи продолжали подрагивать.

— Что смешного?

— Ты. Ты очень прямолинейна по меркам фейри. Это редкое качество.

Я начинала привыкать к тому, как фейри упаковывают оскорбления в невинные фразы.

— Ты хочешь сказать, что я простая?

— О нет, совсем нет. Ты сложна, но по-другому. — Его огненные глаза снова встретились с моими. — Это сделает следующие несколько месяцев интересными.

Эдрик щёлкнул пальцами, усыпанными кольцами, и Эйден тут же напрягся.

— Ещё кое-что, — прошептал он, наклоняясь ко мне. — Первое испытание — Дом Пустоты. Добродетель — храбрость. Зная их, оно, скорее всего, пройдёт в полной темноте.

Я уставилась на него с потрясённым выражением, но он лишь подмигнул и ушёл.

***

Я горела желанием узнать у Эйдена больше о первом испытании, но вскоре вечеринка закончилась, и мы с Ларой направились обратно в Дом Земли.

— Ну? — спросила она, когда мы вошли в водный туннель. Вокруг нас закружил калейдоскоп рыб. — Ты что-нибудь узнала от других слуг?

— На самом деле, да. — Я понятия не имела, почему Эйден вдруг передумал и рассказал мне о первом испытании. Потому что я ему понравилась? Или потому, что его это развлекло? — Первое испытание — Дом Пустоты, добродетель — храбрость. Скорее всего, всё пройдёт в полной темноте. — Я вспомнила вчерашний разговор между принцем Гектором и смертоносным лордом Калленом. Если первое испытание связано с Домом Пустоты… — Я слышала что-то о лабиринте, но не уверена, связано ли это.

— О, Осколки, — пробормотала Лара. Это было проклятие? — Вероятно, связано.

Вместо того чтобы направиться к своей комнате, она остановилась у другой двери, украшенной резьбой, изображающей сосновый лес и ниспадающий водопад. Она постучала и жестом велела мне следовать за ней.

Эта комната была ещё больше, чем комната Лары, и на мгновение казалась вовсе не комнатой. Живые деревья выстроились вдоль всех стен, их ветви переплетались, образуя зелёный потолок, отражавший буйную траву под ногами. Мебель — массивные дубовые столы, комоды и кресла с бархатной обивкой — выглядела чужеродно, словно её разбросали по лесной поляне по прихоти чьей-то фантазии. За ширмой виднелась огромная кровать с зелёными занавесками.

Ориана сидела за своим письменным столом и писала. Когда Лара вошла, она подняла голову:

— Вечеринка прошла хорошо?

Лара устроилась на диване с большими подушками.

— Да. Гита и Гаррик — настоящие змеи, но ты и так это знала.

— Ты реагировала?

— Нет, я сохраняла полное спокойствие. Но Кенна услышала кое-что интересное.

Взгляд Орианы скользнул ко мне, и я сделала реверанс.

— Я услышала, что первое испытание будет связано с Домом Пустоты и храбростью, и, скорее всего, оно пройдёт в абсолютной темноте.

— И? — подтолкнула меня Лара.

— В отдельном разговоре я слышала упоминание о лабиринте.

Ориана шумно втянула воздух.

— Конечно, — пробормотала она, отложив перо и повернувшись к нам. — Дом Пустоты всегда наслаждается крайностями.

Я понятия не имела, о чём они говорят. Я взглянула на Лару, но её внимание было приковано к матери.

— Если это Лабиринт Хаоса, я мало о нём знаю. Только то, что он погружён во мрак и, по слухам, выбраться из него невозможно.

— Это не может быть невозможно, иначе никто бы никогда не прошёл испытание. Если, конечно, это то же самое испытание, что и в прошлые годы. Хотя я не уверена.

Память Орианы, вероятно, была стёрта магией. Это имело смысл — если испытания проводятся каждые десять лет, а фейри живут вечно, новые испытания быстро бы закончились.

— Лабиринт Хаоса — это легенда, — пояснила Ориана. — Ни один живой фейри за пределами Дома Пустоты никогда в нём не был, по крайней мере, насколько мы можем помнить. Это место, где они когда-то казнили своих заключённых. Им давали возможность выбраться: отпускали на краю лабиринта без света и припасов и говорили найти выход.

Лара подалась вперёд.

— Это не звучит как что-то невозможное. Кто-то ведь должен был выжить.

— Возможно. Но есть две вещи, которые делают лабиринт таким сложным, — ответила Ориана. — Первая — это любовь Дома Пустоты к хаосу. Лабиринт не упорядочен. В нём нет никакой системы. Каждый путь, по которому ты пойдёшь, будет другим — с другим углом, шириной, длиной или уклоном. Сверху он, вероятно, выглядел бы как абстрактные каракули. Будет очень сложно запомнить, откуда ты пришла.

Лара поморщилась.

— А второе?

— В лабиринте водятся чудовища. Твари, пожирающие плоть. Единственный способ выбраться — найти выход раньше, чем Твари найдут тебя.

В комнате повисла тишина.

— Ох, — наконец сказала Лара.

Действительно, ох...

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 10

День ещё не закончился.

Король Осрик устраивал торжественный ужин, и, в отличие от предыдущих мероприятий, на этот раз приглашались почти все Благородные Фейри. Это означало, что тысячи глаз будут прикованы к Ларе.

Я с ужасом смотрела на её распущенные волосы.

Она уже сама нанесла косметику, заявив, что это слишком важно, чтобы доверить мне. Теперь она сидела, нетерпеливо ожидая, пока я создам причёску, достойную короля.

— Всё, что я умею, — это плести косы, — прошептала я.

Она издала раздражённый звук.

— Просто заплети их и заколи.

Всё, что я делала, превращалось в катастрофу. Косы обвисали, волосы выскальзывали или путались в клубки, похожие на гнездо змей. Через час я была на грани слёз, а работа почти не сдвинулась с места.

Лара выхватила у меня щётку и шпильки.

— Дай сюда, — рявкнула она.

С яростью разрывая узлы, которые я наделала, она собрала волосы в пучок, зафиксировала их маленькой лентой, а затем разделила на пряди и начала заплетать.

— Смотри. Сделай три косы, потом обмотай их вокруг и закрепляй по ходу.

Как-то, совместными усилиями, мы уложили её волосы в огромный узел из кос на затылке. К тому моменту, как мы закончили, я едва дышала от напряжения.

— Пожалуйста, начни тренироваться, — сказала Лара, поднимаясь. — Мне честно за тебя стыдно.

На ней было то самое бальное платье, которое я изначально выбрала для обеда в Доме Света. Слоновая кость атласа спадала роскошными волнами к её ступням, а изумруды, украшавшие лиф, искрились при каждом движении. Когда я попыталась предложить что-то более простое, Лара сообщила мне, что бальные платья уместны для официальных ужинов, потому что ужины всегда заканчиваются танцами. Мне казалось, что я никогда не смогу понять все правила фейрийского двора.

Она посмотрела на моё потное платье и растрёпанные волосы.

— Приведи себя в порядок.

Я попыталась. В гардеробе моей комнаты нашлось платье цвета хвои с рукавами до локтей, украшенными вышитыми узорами в виде лоз. Я убрала волосы в простой пучок, используя, кажется, тысячу шпилек, чтобы удержать его на месте. Когда я вернулась, Лара осмотрела меня со всех сторон.

— Сойдёт.

Когда мы вышли, Ориана похвалила платье Лары, а Селвин за её спиной притворился, что его тошнит. Лара подавила улыбку от выходки брата и величественно спустилась по лестнице. Следуя за ней, я удивлялась, как ей удаётся всегда выглядеть так элегантно. Неужели маленьких фейрийских девочек учат этому точному наклону головы и плавной походке? Я тоже хотела быть элегантной.

Аня бы посмеялась над такими мечтами, возможно, даже громче, чем над моими попытками нанести косметику. Она всегда была грациозной от природы — её

подбородок часто принимал тот же горделивый угол, что и у Лары, словно она была королевой без двора.

— Аня, — подумала я с грустью. — Как жаль, что тебя здесь нет.

Мы прошли мимо тронного зала и спустились по широкой рампе в огромную пещеру. Она поражала своими размерами — высотой не меньше десяти этажей — и я легко могла поверить, что всё население Благородных Фейри из Мистей, насчитывающее тысячи, поместится здесь. Натуральные каменные колонны уходили в высоту, поддерживая далёкий потолок, где свисали сталактиты, похожие на зубы.

Звон бокалов и гул разговоров эхом отражались от камня. В зале было установлено сотни круглых столов, покрытых скатертями, на которых были изображены цвета пяти Домов. Хрустальные бокалы мерцали в свете парящих фейрийских огоньков. На возвышении в центре комнаты стоял стол, покрытый опаловой кружевной тканью, а подсвечники на нём были выполнены в форме шести зазубренных камней красного, фиолетового, зелёного, оранжевого, чёрного и белого цветов. Видимо, это было изображение Священных Осколков.

Слуги выстроились между столами, склонив глаза в учтивом подчинении. Я с ужасом поняла, что стол Лары находится в самом центре зала, всего в нескольких шагах от возвышения. За ним было приготовлено девять мест — одно для каждого кандидата. Я заняла свое место в линии слуг, кивнув неизвестной служанке из Дома Пустоты, стоявшей рядом. Эйден находился чуть дальше по линии, но я не могла подойти ближе с таким количеством взглядов, устремленных на нас.

Вскоре все столы были заняты. Как и прежде, Благородные Фейри расселись по домам, создавая пеструю картину. Зал напоминал лоскутное одеяло: то здесь пятно оникса, то там — россыпь мерцающего фиолета. Единственным столом с разнообразием оказался тот, что стоял на возвышении, где король восседал с главами домов и лордом Калленом.

Фейри-прислужники в ливреях Дома Тьмы метались между столами, подавая вино и воду. Моя роль горничной сводилась к тому, чтобы стоять неподвижно и молчать, игнорируя боль в ногах, пока Лара не даст мне знак. Я была скорее украшением, чем помощницей, аксессуаром, который можно подобрать под цвет платья.

Жонглеры с зеркальной кожей и восемью руками двигались между столами, бросая в воздух десятки блестящих шаров, которые сверкали, словно крошечные солнца. Над головами гостей кружили сотни искрящихся пикси, вырисовывая в воздухе изящные узоры. Зал сиял движением и светом.

На столах волшебным образом появилось пиршество, и я с трудом подавила восхищенный вздох, пораженная и магией, и роскошью. Перед глазами предстали десятки видов жареных птиц, некоторые из которых украшали веера ярких перьев. Рядом стояли супницы, мягкие сыры, теплый хлеб, от которого поднимался пар, и горки салатов, усыпанных ягодами. Лара аккуратно пробовала каждый кусочек, а мой желудок урчал от зависти.

И хотя еды уже было больше, чем могли съесть собравшиеся, звук пронзительного рога возвестил о прибытии следующего блюда. В зал внесли целиком зажаренных оленей и свиней на длинных шестах, которые с трудом удерживали натруженные слуги. Мясо блестело под светом фейрийских огней, маня своим сочным видом. Прислуга установила стойки для шестов у каждого стола, а затем появилась группа фейри прислужников с оголенными торсами и маленькими крыльями, похожими на летучих мышей. Они несли по два меча каждый.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Начался замысловатый танец мечей. С каждым изящным движением острое лезвие отрезало сочные ломти мяса, которые аккуратно падали на приготовленные тарелки. Прислуга, и я в том числе, перестала притворяться, что смотрит в пол. Мы жадно следили за танцем, в котором вращающиеся клинки двигались все быстрее, пока не превратились в сверкающие дуги серебра.

Когда все закончилось, от туш остались лишь оголенные кости.

Благородные Фейри наблюдали за представлением с легким любопытством или безразличием. Наверное, даже новшества приедаются после нескольких столетий, но я осталась поражена этим искусным, почти убийственным танцем. Я захотела двигаться так же — как шелк и молния, как изысканная смерть.

Учись, — прошептал кинжал в моем сознании.

И кто же меня научит? — мысленно спросила я, удивляясь, может ли он меня слышать. Лезвие, казалось, развлеклось моим вопросом, но ничего не ответило.

Обеденные тарелки сменились роскошными десертами. Каждому кандидату достался свой, словно повара заранее знали вкусы каждого присутствующего фейри. Десерт Лары представлял собой воздушное пирожное, казавшееся невесомым. Его украшали сахарная пудра и лужица красного соуса на тарелке. Когда Лара проколола пирожное вилкой, из него потек густой крем. Она смешивала каждый кусочек с соусом, и на её лице появлялось блаженство с каждым новым глотком.

Десерт — это было нечто, с чем я почти не была знакома. В Тамблдауне такое угощение появлялось разве что на свадьбах или фестивалях. Моей матери и мне редко выпадал шанс думать о чем-то, кроме самых насущных потребностей. Я надеялась, что кто-нибудь сохранит остатки еды и позволит слугам их попробовать.

Король Осрик встал, и все взгляды обратились к нему. Разговоры и звон столовых приборов стихли.

— Добро пожаловать, друзья, — его магически усиленный голос разнесся по залу. Он улыбнулся, и меня вновь поразила его красота. Его серебристый камзол был украшен кружевом, доходящим до подбородка, а облегающие штаны из блестящего аметистового атласа дополняли радужные камни на пальцах и блестящая пудра в светлых волосах. Он напоминал изысканный десерт — за исключением его короны. — Сегодня мы чествуем первое испытание на бессмертие, которое состоится через несколько дней. Поднимем тост за наших кандидатов. Да принесут они славу своим домам!

Благородные Фейри подняли бокалы. Теперь в каждом из них плескалось тёмно-красное вино, хотя до этого напитки были самыми разнообразными.

— Эти официальные ужины приносят мне радость, — продолжал король Осрик. — Не только потому, что так много моих подданных собираются вместе, но и потому, что они символизируют нашу приверженность общему делу — работе на благо Мистей. У нас разные чары, но одна история. Только вместе, под моим правлением, мы можем быть по-настоящему сильны.

Он сделал паузу, драматично вытянув руку, чтобы усилить напряжение. Когда рука опустилась, Осрик тяжело вздохнул:

— К сожалению, не все разделяют это мнение.

Я услышала скрип тяжёлых дверей, но не могла оторвать взгляда от короля. Он полностью захватил моё внимание, и у меня было тревожное ощущение, что он сразу заметит, если я позволю себе отвлечься. От него исходил мерцающий белый свет, прорезанный переливающимися радужными узорами. Свет становился всё ярче, пока

всё его тело не оказалось охвачено этим сиянием. Он светился, как звезда, но его красивое и суровое лицо оставалось видимым, пока он устремлял свой пристальный взгляд на тех, кто приближался.

— Взгляните, — сказал он. — Враги Мистей.

Между столами шествовала процессия фейри. Впереди шли двое стражников с крыльями, одетых в белые одеяния. В их руках сверкали острые, как бритва, топоры. Как и у слуги, который встречал нас в Доме Света, у них не было ртов, но глаза сияли белизной, а не золотом. У каждого на цепочке висел кроваво-красный камень.

Я подавила вздох, когда поняла, что двигалось позади них.

Восемь пленников разных видов плелись цепочкой, их запястья были скованы одной цепью. Поднимаясь по ступеням к возвышению, один из них издал полный боли крик, который тут же оборвался. Губы короля изогнулись в усмешке.

— Да, это шокирует, — сказал он, обращая свой злой взгляд в сторону, откуда раздался крик. Слепящий свет его кожи поблёк, оставив лишь лёгкое сияние. — Шокирует понимать, что спустя столько времени всё ещё находятся те, кто хочет разрушить наше королевство.

У меня засосало под ложечкой. Что-то ужасное должно было случиться в нескольких шагах от меня.

Пятеро пленников оказались Фейри прислужниками. Их тела скрывали грязные серые робы, по которым невозможно было определить, к каким домам они принадлежали. Возможно, это и был замысел: предав короля, ты больше не принадлежишь ни к одному дому. Трое из них были водными нимфами, хотя их окраска варьировалась от чёрной до золотистой, вместо бледно-голубой, как у Элоди. Один был женского пола — спрайт, а последний — низкорослый фейри с прозрачными крыльями, выдававшими в нём сильфа.

Но остальные трое пленников приковали моё внимание.

Я сразу поняла, что двое из них были Тварями. У одного была приплюснутая голова и извивающийся язык змеи, правда, он был в десять раз больше любой змеи, которую мне доводилось видеть. Но у его длинного тела были ещё и руки. Бледная слизь стекала по чешуе, образуя лужи на полу. Вторая Тварь напоминала обнажённого человека с шеи до пояса, но её кожа была цвета обожжённого кирпича, а голова — бычья, с острыми рогами. Глаза её, расположенные спереди лица, как у хищника, горели разумной хитростью.

Последним пленником был Благородный Фейри. Его осанка оставалась прямой и гордой под бесформенной робой, хотя на строгом прекрасном лице лежала тень усталости. Его кожа казалась тусклой по сравнению с остальными Благородными Фейри, словно её сияние угасло после пыток.

Осрик повернулся к принцу Гектору из Дома Пустоты:

— Это ведь один из ваших, не так ли?

Гектор холодно смотрел на пленника.

— Я отрекаюсь от него.

— И всё же он принадлежал к вашему дому, когда его подслушали за желанием моей смерти.

— Я ничего об этом не знал.

— Обычно принц дома был бы опорочен из-за этой связи. Знаете, почему я готов поверить вам в этот раз?

Гектор скрестил руки на груди, бросив на короля взгляд, который был опасно близок к скучающему.

— Потому что я говорю правду?

Король Осрик улыбнулся:

— Потому что лорд Каллен сообщил мне о его предательстве.

Гектор мельком взглянул на Каллена, но Месть Короля сидел, словно изваяние, казалось, совсем не заботясь о том, что предал члена собственного дома.

— Мы верны вам, мой король, — сказал Гектор, вернув взгляд к Осрику. — Если бы я знал, я бы первым сообщил вам. В Доме Пустоты нет милосердия для предателей.

Осрик хлопнул в ладоши, и резкий звук заставил меня вздрогнуть, несмотря на все усилия сохранить невозмутимость.

— Прекрасно. Тогда честь казнить этого падает на вас.

Где-то в толпе раздались рыдания.

После паузы, от которой волосы на моих руках встали дыбом, Гектор поднялся и поклонился.

— Для меня это привилегия, мой король.

Я напряглась в ожидании насилия. Принц должен был заколоть предателя или, возможно, обезглавить его… но всё, что сделал Гектор, это встал перед ним с мечом в ножнах.

— Тебе не следовало говорить, — сказал он. — Ты знал законы.

Пленник кивнул один раз и опустил голову.

По правую руку от него в воздухе появилась тёмная круглая дыра, вскоре ещё одна — слева. Я прищурилась, пытаясь понять, что это такое. Сначала они были размером с монету, но быстро разрастались. От них по телу прокатилась волна холода. Казалось, из мира исчезла фундаментальная часть реальности, словно воздух разорвался, и из этого разлома выглядывало что-то чёрное и удушающее.

Два расширяющихся пятна достигли пленника одновременно. Он вскрикнул лишь раз, когда его тело было разорвано пополам. Каждая половина мгновенно сжалась и стремительно была втянута в тёмные круги. Даже кровавые брызги повисли в воздухе лишь на миг, прежде чем их поглотила тьма.

Как внезапно эти дыры появились, так же внезапно они исчезли.

От фейри не осталось ничего. В ушах звенел его крик, но я не могла понять, это шок или его вопль всё ещё эхом разносился по пещере.

Что это была за сила?

Я подавила рвотный позыв, вспомнив ужасный рвущий звук, с которым его тело было разодрано. Его кровь, сверкавшая в воздухе, словно рубины, исчезла навсегда, и теперь от него не осталось ничего, что можно было бы похоронить. Ничего для того, чтобы теперь уже рыдающий фейри в толпе мог оплакать.

Гектор поднял руку, и плач мгновенно прекратился. Его рука сияла белизной и чистотой, на ней не было ни следа убийства. На его элегантных пальцах не осталось даже намёка на кровь. Лицо тоже не изменилось ни на йоту. Спокойно вернувшись на своё место, он взял вилку и откусил кусочек шоколадного торта.

Король засмеялся. Волосы на моей шее встали дыбом, когда его лёгкий, музыкальный смех эхом разнёсся по залу. Он длился так долго, что даже некоторые из фейри на возвышении начали беспокойно ёрзать на своих местах.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Осрик был безумен, поняла я. Или, если не безумен, то настолько далёк от человеческой природы — если это можно так назвать, — что искренне наслаждался этим моментом.

Он поднял бокал.

— Выпьем! За уничтожение недостойных.

Собравшиеся фейри пили вино. Я смотрела, как кроваво-красная жидкость закручивалась в бокале Лары, пока она ставила его на стол. Её пальцы дрожали, но она спрятала их на коленях, а лицо оставалось спокойным. Напротив неё кандидат Света, Гаррик, с отвращением и предвкушением рассматривал цепочку пленников. Затем его взгляд вернулся к тщательно бесстрастному лицу Лары, и он ухмыльнулся.

— Ещё вина. — Каждый бокал на столе вдруг наполнился до краёв.

Осрик вновь засмеялся.

— И для слуг тоже. Будем пить вместе.

Передо мной в воздухе зависла чаша, и я, ошеломлённая, взяла её.

— Пейте, — повелел король.

Мы пили.

Вино было насыщеннее всего, что я когда-либо пробовала. За привычной кислинкой угадывались нотки корицы и перца, но послевкусие отдавалось ужасным металлическим привкусом. Я с трудом проглотила его.

— Принц Друстан. — Король лениво махнул рукой, и кольца на его пальцах сверкнули в свете. — Семеро преступников остаются. Не избавите ли меня хотя бы от одного?

Мышца на челюсти Друстана дёрнулась, когда он аккуратно сложил свою салфетку.

— Разумеется. Для меня это честь.

Принц Огня поднялся с таким равнодушием, что я засомневалась, заметила ли тот напряжённый тик.

Он подошёл к одной из водных нимф. Всё произошло почти мгновенно. Из земли взметнулся столп ослепительного пламени, поглотивший фейри целиком. Она погибла, даже не успев закричать, оставив после себя лишь горстку пепла и осколки костей.

Друстан вернулся на своё место с той же невозмутимостью, что и Гектор, но больше не притронулся к десерту.

Главы других домов последовали его примеру, и каждая казнь становилась демонстрацией силы и жестокости.

Ориана выглядела слегка развеселённой, когда сняла с запястья зелёный браслет и бросила его в нимфу. Это был не браслет — это была виноградная лоза. Она обвилась вокруг пленника, вытягиваясь и быстро сплетаясь, прижимая его руки к бокам. Новые побеги устремились по всему его телу. Сначала мне показалось, что она просто задушит его, но то, что произошло, оказалось куда хуже.

Лозы ввинтились внутрь тела фейри, проникая в каждую конечность, пока он кричал, а затем разорвали его на мелкие куски.

В отличие от метода Гектора, эта казнь была медленной и оставила много крови. Рубиновая жидкость стекала с возвышения и собиралась в лужах на полу. Её брызги покрыли небесно-голубой шёлк бального платья Орианы. Она нахмурилась, словно разочарованная тем, что любимое платье запачкалось, а затем спокойно вернулась на своё место.

Мы подняли бокалы.

Мы пили.

Роланд, принц Света, взялся за спрайта. Когда он поднял руки, на возвышении вспыхнул свет — настолько яркий, что мне пришлось отвернуться. Даже зажмурив глаза, я ощущала его сияние на своей коже.

Потребовалось несколько секунд, чтобы остаточный образ света рассеялся, и я смогла увидеть, что произошло.

Из глаз спрайта текла кровь вместо слёз, когда она, пошатываясь, протянула вперёд руки. Он ослепил её. Роланд рассмеялся, наблюдая, как она спотыкается, словно это была какая-то игра — охотник и его беспомощная добыча. Затем он схватил топор одного из стражников и срубил ей голову. Она упала на пол с влажным шлепком.

Мы подняли бокалы.

Мы пили.

Я не знала, что сделали эти фейри, чтобы заслужить такую участь, за исключением Благородного Фейри, который пожелал смерти короля. Неужели для того, чтобы быть объявленным предателем, достаточно было просто выразить сомнение в правлении короля или усомниться в его власти?

Оставались четыре жертвы — двое Тварей, сильф и последняя нимфа. Твари выглядели яростными, но оба фейри-прислужника дрожали от ужаса.

Неужели главам домов придётся убивать снова? Я напряглась, гадая, будут ли следующие убийства такими же жестокими или же они придумают другие способы. Может, Ориана утопит кого-нибудь изнутри, используя свою водную магию? Или похоронит заживо? Как бы убил Роланд, если бы полагался только на свои способности, а не на оружие?

— Кажется, большая часть работы осталась за мной, — провозгласил король Осрик. — Я рад этому. Всегда приятно сражаться за своё королевство. Пусть эти жизни станут напоминанием о силе вашего короля и цене предательства.

Его кожа засияла, а вокруг пальцев закружились иридесцентные нити магии. Волосы короля поднялись, словно он стоял в самом центре грозы, и каждая бледная прядь сверкала.

— Раскуйте их, — велел он стражникам.

Те не пошевелились, но оковы с пленников всё же упали. Две Твари бросились бежать, сильф взвился в воздух, а нимфа попыталась убежать, но поскользнулась в луже крови. Король рассмеялся, когда она, карабкаясь, размазывала багровую жидкость по полу.

Что он делает? Пленники пытались сбежать, а Тварь с бычьей головой уже почти достигла выхода. Я изо всех сил желала, чтобы им удалось сбежать, кем бы они ни были. Их преступления не имели значения — ничто не оправдывало такие пытки.

Король Осрик поднял руки, и пленники замерли. Но не остановились, как статуи, — нет, они двигались, будто заблудились в тёмной комнате. Бычеголовая Тварь пригнулась, закрутилась на месте, рыча и атакуя невидимого врага. Сильф закричал и стал нырять вниз, как будто пытался уйти от погони. Я ждала, что он остановится, но он всё прыгал и прыгал пока не врезался в возвышение с оглушительным хрустом костей.

Две Твари снова побежали, но на этот раз к возвышению. Нимфа прекратила попытки убежать; она мечтательно лежала в луже крови, двигая руками и ногами, словно делала фигуры на снегу. Я вспомнила, как однажды мы с Аней делали Фейри-ангелов в снегу.

Осрик наводил на них иллюзии, показывая каждому что-то своё. Он менял их восприятие, заставляя верить, что они находятся в другом месте, среди других людей, и что им нужно бежать в совершенно ином направлении.

Крылатый фейри рыдал, таща своё изломанное тело по полу, и мне хотелось заплакать вместе с ним. Я чувствовала, что меня вырвет, если я ещё хоть немного это увижу. Повсюду была кровь, её запах густо наполнял воздух.

За высоким столом Ориана по-прежнему выглядела скучающей, хотя её пальцы крепко сжимали бокал. Гектор продолжал есть торт, но Каллен смотрел прямо перед собой расфокусированным взглядом, будто даже он не хотел видеть подробности этой медленной казни. Друстан сверлил взглядом спину короля, сжатые кулаки источали дым. Только Роланд разделял энтузиазм Осрика — его губы растянулись в жестокой ухмылке. Улыбка нашла отражение на лице его племянника Гаррика, единственного кандидата за столом Лары, кому, казалось, нравилось происходящее.

Я поняла, почему Огонь, Пустота и Кровь восстали. Они стремились уничтожить тирана, который смеялся над резнёй, веками удерживал трон, безжалостно устраняя любых претендентов, даже тех, кто не представлял для него никакой угрозы.

Представление, видимо, подходило к концу, потому что Осрик собрал всех четверых на возвышении. Они смотрели друг на друга, но я знала, что видели лишь то, что выбрал для них король.

Осрик щёлкнул пальцами, и пленники набросились друг на друга.

Может быть, он показал им солдат, идущих их убить. Может, внушил, что они оказались под землёй и копаются в грязи в поисках воздуха. Я не знала, что они видели, но они использовали руки и когти, разрывали друг друга, рвали, кричали.

Последним остался стоять бычеголовый. Он спокойно подошёл к одному из стражников, взял топор и отсёк себе руку. Он умер молча, истекая кровью.

— Четыре бокала! — возликовал король Осрик, поднимая свой бокал, пока тело Твари рухнуло к его ногам. — А теперь — танцы!

***

Я выбежала из пещеры, рыдая.

Меня сейчас вывернет. Только не сейчас, только не сейчас, только не сейчас, — повторяла я мысленно. По пути мне не встретился никто, кроме нескольких ошеломленных людей с корзинами белья, но в этих коридорах за мной могли наблюдать в любой момент.

Танцы начались почти сразу после кровавой расправы. Стоило нам сделать последний тост, как кровь и останки исчезли, словно по мановению руки, вместе с бокалами и столами. Благородные Фейри тут же начали общаться, пока стулья исчезали вслед за прочим. И вот, в воздухе зазвучала изысканная, легкая музыка, исполненная крылатыми фейри-прислужниками на флейтах и лирах.

Я сумела сбежать вскоре после этого. Лара, бросив взгляд на мое лицо, кивнула, явно отпуская меня, чтобы я могла прийти в себя. Она и сама выглядела потрясенной: глаза были влажными, но она сделала несколько глубоких вдохов, осушила бокал вина до дна и нацепила на лицо улыбку, прежде чем принять приглашение на танец. Ее первым партнером, к несчастью, оказался Гаррик. Тот не удержался от замечания о ее покрасневших глазах и с такой силой сжал ей руку, что я испугалась, как бы он не

сломал ей кости. Несмотря на оскорбления и грубость Гаррика, Лара держалась. Я знала, что она прекрасно осознает, как за ней наблюдает и оценивает Ориана.

Но я не могла даже притворяться спокойной после того, что произошло. К горлу подкатывала тошнота. Слишком много крови. Слишком много боли.

Кинжал кольнул меня в руку, возвращая в реальность. Я тяжело сглотнула. У меня не было определенной цели, но у клинка она явно была, и я пошла туда, куда он меня вел. Вскоре факелы стали светить красным, температура воздуха упала, а в воздухе появился легкий пряный аромат.

Мы вернулись в ту самую черную комнату, где я пряталась днем ранее. Я вбежала внутрь и сразу упала на колени. Меня стошнило, но я почти ничего не ела сегодня, и все, что вышло — тонкая струйка кислоты, обжигающая горло. Я застонала, опустив голову на пол, тяжело дыша и рыдая.

Тьма уже не казалась мне пугающей, наоборот, она обволакивала, словно теплое одеяло. Самое ужасное зрелище в моей жизни происходило не в темноте, а под яркими огнями, перед тысячами глаз. Страх перед пустой комнатой теперь выглядел смешным.

Я думала о своей матери, о ее отчаянной, наивной вере в фейри. Она умерла с молитвой на губах — и ради чего? Эти чудовища были предметом ее самых светлых надежд, но они совершенно того не стоили.

Наконец я села, вытирая слезы и сопли. Во время бега волосы растрепались, влажные пряди липли к вискам, тяжелыми спутанными локонами падали на спину. Зеленое платье было мокрым от пота. Вернувшись в пещеру, я не буду выглядеть достойно, но, может быть, если встать в углу, никто не заметит.

— Зачем ты пришла сюда?

Я вскрикнула и отпрянула вглубь комнаты, услышав незнакомый мужской голос.

— Кто здесь? — спросила я, озираясь в кромешной тьме. Никто не выделялся на фоне дверного проема.

— Тише, — высокий силуэт шагнул в полоску света из коридора, и я узнала лорда Каллена из Дома Пустоты.

Я в ужасе отшатнулась.

— Ты за мной следил, — прошептала я. Сердце билось так сильно, что я боялась упасть в обморок, а ноги дрожали настолько, что я не могла подняться.

— Не совсем, — ответил он, присаживаясь на корточки у входа. Он, вероятно, пытался показать, что не представляет угрозы, но его поза напоминала мне хищника, готовящегося к прыжку. — Я наложил защиту на дверной проем, чтобы знать, если ты снова решишь отправиться на поиски приключений.

У меня душа ушла в пятки.

— Ты видел меня, — выдохнула я.

Значит, он все-таки видел в темноте. Это конец. Он обвинит меня в проникновении или подслушивании и отправит к королю на казнь, если сам не убьет меня прямо сейчас. Скорее всего, меня тоже будут гнать сквозь реки крови, пока развлекаются Благородные Фейри.

— Видел, — подтвердил он, изучая меня своими глубокими, как полночь, глазами. Его голова чуть наклонилась набок. — И зачем ты сюда пришла?

После короткого раздумья я решила сказать правду — частично, опустив упоминание о кинжале.

— Здесь тихо и спокойно. Я думала, что меня никто не найдет, если меня стошнит. — Я горько усмехнулась. — Очевидно, я ошибалась.

Я убрала волосы с лица и приподняла подбородок, пытаясь вернуть себе самообладание. Он сильно меня напугал, но это не повод забывать урок Орианы о важности поддержания внешнего вида.

— Ты хорошо справилась, знаешь ли. На ужине, — сказал он.

— Не понимаю, о чем ты, — ответила я.

— Ты не дала им увидеть это, — он указал на мое заплаканное лицо. — Это самое сложное — даже для молодых фейри.

Я знала, что нужно быть предельно осторожной. Фейри — мастера обмана. Каллен сейчас мог казаться сочувствующим, но я видела, как он без колебаний убивает, и знала, что он уже обвинял одного из членов своего дома в измене.

— Я не привыкла к такому насилию, — пробормотала я. — Милорд.

— Представь, что ты смотришь это четыре раза в год, каждый год, в течение восьмисот лет. Именно столько времени некоторые из старейших фейри, вроде Роланда, наблюдают за этим.

— Принц Роланд не выглядел расстроенным, — осторожно заметила я, выбирая дипломатичную формулировку.

— Он не был расстроен и восемьсот лет назад, — ответил Каллен. — Это еще один урок: бессмертие многое меняет в существе, но суть остается неизменной.

Я не понимала, зачем он меня чему-то учит. Это была уловка или странное, но искреннее желание помочь? Возможно, лорд Каллен тоже поставил на меня золото, как принц Друстан.

Я вздохнула и задала прямой вопрос:

— Зачем вы мне это рассказываете?

Каллен пожал плечами.

— Мне не особенно хочется возвращаться к танцам. Кроме того, ты меня заинтриговала. У людей крайне редко проявляются даже слабые магические способности. И это особенно удивительно, учитывая, что наши расы живут раздельно уже тысячу лет.

— Я не знаю, почему это произошло, — ответила я, что было почти правдой. Кинжал показал мне дорогу через болото, но я не знала, сработал бы он так с любым, кто держал бы его, или специально выбрал помочь мне. — У меня никогда не было никаких способностей раньше.

И это тоже не было ложью, хотя в моих словах крылась явная недоговоренность: у меня по-прежнему не было никаких способностей.

Или есть? — мысленно обратилась я к кинжалу. — *Во мне нет крови фейри?*

Без капли крови фейри? — Вопрос, похоже, его позабавил.

— Возможно, стресс пробудил её, — предположил Каллен.

— Возможно. Почему ты не хочешь вернуться к танцам? — Если уж он хотел задавать мне вопросы, я могла задать свои.

Красный свет факелов из коридора падал на его лицо под углом, подчеркивая острые скулы, прямой нос, губы, которые ничего не выдавали. Сложное лицо для чтения.

— Может, я плохой танцор, — сказал он.

— Тебе нравится?

— Танцы или кровь?

— И то, и другое.

— Танцы мне редко приносят удовольствие. Кровь — жестокая необходимость.

Разумеется. Он был частью ближайшего окружения короля, и мне нельзя было об этом забывать. Шпион, охотящийся за информацией повсюду, и, скорее всего, именно поэтому он начал этот разговор. Он наверняка хотел узнать, что я пережила в Доме Земли, что думаю о короле, какую магию призвала в болоте и смогу ли повторить это снова.

— Что это за место? — Я решила сменить тему, чтобы случайно не выдать свои мысли о короле Осрике.

— Ты очень смела, — его голос звучал ровным баритоном, таким же сдержанным, как и всё в нём. — Даже многие из Благородных Фейри не осмеливаются задавать мне вопросы.

Друстан тоже упоминал о моей смелости, и, кажется, даже находил её забавной.

— Кого ещё спрашивать, как не Месть Короля? — бросила я с уверенностью, которой на самом деле не ощущала. — Ты, наверное, знаешь всё.

Его губы тронула лёгкая усмешка.

— Смотрю, ты уже начала изучать меня. Что ещё ты узнала?

— Ничего.

— Да ну? Расскажи, что знаешь, а я расскажу, что это за комната. — Его тон был непринуждённым, но я почувствовала, что он действительно заинтересован.

— Ты второй ребёнок и наследник Дома Пустоты. Гектор — старший, Уна — младшая. Она участвует в испытаниях. Вот и всё. Ах да, и мне сказали, что ты появляешься всякий раз, когда о тебе думают, так что я стараюсь вообще никогда не думать о тебе.

Это был рискованный ход — говорить в таком легкомысленном тоне, но он окупился: на его лице мелькнула слабая улыбка. Возможно, если я его развлеку, он меня отпустит.

— Боюсь, сплетники приписывают мне силы, которыми я не обладаю, — сухо сказал он. — Можешь думать обо мне, когда — и как — пожелаешь.

Чёртовы фейри с их намёками. Надеюсь, он не заметил мой румянец в темноте.

— Твоя очередь, — сказала я.

Он посмотрел за мою спину, словно очерчивая взглядом контуры комнаты, но даже если бы я широко распахнула глаза, всё равно не смогла бы пробиться сквозь кромешную тьму.

— Это вход в шестой дом Мистей. Они восстали против короля сотни лет назад, проиграли и были стёрты из памяти, — сказал он.

Дом Крови. По моей спине пробежал холодок. Если бы кто-то из них выжил, они наверняка наслаждались бы сегодняшней бойней.

— Здесь есть ловушка?

— Ты имеешь в виду охрану у входа? Нет, не в этой комнате. Это передняя, за которой начинается зал. Позади тебя большая арка. Я бы не советовал заглядывать за неё.

— Что с ними случилось? С домом, который восстал, — осторожно спросила я, вспомнив предостережение Друстана и не называя имени.

Дружелюбное выражение лица Каллена исчезло, сменившись привычной холодной маской.

— Больше не задавай этот вопрос. Если кто-то из фейри не той расы услышит тебя, у тебя будут проблемы.

— Разве ты не фейри не той расы? — осмелилась я уточнить.

Его челюсть напряглась.

— Ты человек и новичок в этом мире. Получаешь одно предупреждение. — Он грациозно поднялся на ноги. — Возвращайся в пещеру. Больше сюда не приходи и не задавай слишком много вопросов. Следующие беседы могут оказаться не такими приятными.

Я поднялась на ноги куда менее изящно, мысленно раздражаясь от его самоуверенности, если он действительно считал этот разговор «приятным».

— Благодарю за предупреждение, милорд, — сухо сказала я. И за то, что не убили меня, добавлять не стала. Присев в реверансе, я прошла мимо него, не бросив больше ни единого взгляда.

Мне потребовалось немало времени, чтобы найти дорогу обратно в пещеру. Когда я наконец вернулась, собрание заметно поредело.

Лара крутилась у стола с вином, но, заметив меня, тут же направилась в мою сторону. Только за несколько шагов до меня она запоздало вспомнила о том, что должна щёлкнуть пальцами в знак приказа. Я поняла, что она пьяна, когда она остановилась передо мной, слегка покачиваясь.

— Что так долго? — сердито зашептала она.

— Меня мутило.

— Мне скучно, — громко заявила она, так что несколько фейри обернулись в нашу сторону. — Я ухожу домой.

— Да, моя леди. — Я благодарно склонила голову.

Мы вернулись в Дом Земли молча. Её лицо оставалось напряжённым, рот плотно сжатым, будто она изо всех сил сдерживала слова, готовые вырваться наружу. Только в её покоях я почувствовала себя достаточно уверенно, чтобы заговорить.

— Вы в порядке? — осторожно спросила я.

— Конечно, — резко ответила она, вынимая серьги и с силой швыряя их на стол. — С чего бы мне быть не в порядке?

Я не знала, как подступиться к разговору. Я знала, что она ненавидела каждую секунду казней. Именно поэтому она сейчас была пьяна, зла и рано отправилась спать вместо того, чтобы танцевать с каким-нибудь красивым лордом-фейри.

— Мне было тяжело это видеть, — пробормотала я.

— Ты человек, — холодно сказала она. — Я нет.

Она потянулась к завязкам на спине платья, дёрнула за них, но я шагнула вперёд, чтобы помочь.

— Я сама, — отрезала она.

Но у неё ничего не выходило. С каждым рывком ленты спутывались всё сильнее. Она что-то тихо прошипела себе под нос, а потом посмотрела через плечо, её взгляд остановился где-то рядом со мной.

— Ты можешь...

Я прикусила щёку, чтобы не сказать что-нибудь резкое. Хотела она признать это или нет, но была расстроена. Мои собственные руки всё ещё дрожали, когда я вцепилась короткими ногтями в узел и начала распутывать ленты. Я ослабила шнуровку по всей спине её платья, и Лара тут же отошла, стянула платье и бросила его на пол кучей.

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрыла его. Благодарности за помощь, похоже, не предвиделось. Оставшись в одном нижнем белье, она села перед

туалетным столиком и уставилась на своё отражение в зеркале. Её глаза были покрасневшими и полными страдания.

— Мне стоит… — я потянулась за щёткой для волос, но она покачала головой.

— Нет, — сказала она резко, но тише, чем прежде.

Её глаза внезапно наполнились слезами, и две капли скатились по щекам. Лара издала сдавленный звук, затем закрыла глаза и вдавила в них пальцы, словно пытаясь заставить слёзы исчезнуть. Её плечи задрожали, рот открылся, и я услышала почти беззвучные всхлипы.

— Не говори моей матери, — выдохнула она, задыхаясь.

У меня сжалось сердце.

— Никогда.

Она кивнула, но так и не убрала руки с лица.

— Обычно я… я никогда… Мне это было отвратительно.

В горле встал болезненный ком. Теперь было ясно, почему Лара всегда такая раздражительная и недоверчивая; она даже в одиночестве не могла дать себе волю поплакать после того, как видела, как восьмерых человек безжалостно казнили.

— Мне тоже, — сказала я. — Это было…

Она кивнула, хотя я и не закончила фразу.

— Это было.

— Вы хотите поговорить об этом? — неуверенно предложила я. Да я и сама не была уверена, хочу ли я это обсуждать.

Она покачала головой.

— Мне просто нужно… — она всхлипнула. — Побыть одной.

Она хотела, чтобы я ушла, и честно говоря, я была этому рада. У меня самой живот скрутило, во рту остался мерзкий привкус, а в голове не переставали мелькать ужасные картины. Но я всё равно чувствовала себя виноватой, оставляя её одну. Не зная, что ещё сделать, я направилась в ванную и налила в стакан воды.

— Выпейте это перед сном, — сказала я, ставя его на столик. Я не знала, страдают ли фейри наутро от похмелья, но надеялась, что вода поможет ей почувствовать себя лучше.

Она кивнула, всё ещё пряча лицо в ладонях.

— Я… — её голос дрогнул. — Вода будет кстати.

Не совсем «спасибо», но близко.

— Спокойной ночи, моя леди.

— Спокойной ночи, Кенна, — тихо прошептала она.

Я вернулась к себе, закрывая дверь на звук её сдавленных рыданий.

Я не могла уснуть часами. Каждый раз, как я закрывала глаза, передо мной вставали картины бойни — горы тел и пепла, изуродованные куски фейри, густая лужа крови. А стоило заснуть, как меня тут же вырывало из сна, сердце колотилось, и я была уверена, что в комнате лежат трупы.

Кристаллы на стенах каждый раз начинали светиться ярче, словно успокаивая меня и показывая, что я одна и в безопасности. После третьего такого пробуждения они так и остались гореть, и только благодаря мягкому голубоватому свету мне наконец удалось заснуть.

Последней мыслью перед тем, как я погрузилась в сон, была простая: Я должна выбраться отсюда.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 11

— С приближением испытания Пустоты я помогала другим слугам Дома Земли готовиться. Мы чистили и полировали до тех пор, пока каждый уголок дома не засиял. Из кухни круглосуточно доносились восхитительные ароматы — фейри праздновали начало сезона испытаний.

Праздничная атмосфера казалась мне неуместной. Как фейри могли так быстро забыть о тех жестоких казнях? Им было действительно всё равно? Или же казни происходили настолько часто, что они уже перестали обращать на них внимание?

После того ужасного ужина я ещё сильнее жаждала сбежать из Мистей. В редкие свободные минуты я продолжала искать выход. Ноги болели от пройденных миль, но благодаря постоянному движению и сытной еде фейри я становилась сильнее. Я нашла множество удивительных и потайных мест: пустые каменные альковы за гобеленами, наклонные желоба, по которым можно было скатиться, чтобы сократить путь между уровнями, и бальный зал с зеркальными стенами, полом и потолком — цельными, без единого шва.

Привыкнув к жизни под землёй, я начала ценить, как изобретательно фейри наполняли светом это, казалось бы, мрачное и угнетающее пространство. Вездесущие факелы и кристаллы на потолке, имитирующие дневной свет, соседствовали с более необычными источниками освещения: груды розового камня, светившиеся изнутри, камины, в которых могло бы разместиться несколько лошадей, и светящиеся сети, похожие на паутину, свисающие с потолков.

Во время одной из своих вылазок я встретила принца Друстана неподалёку от тронного зала. Он беседовал с другим членом Дома Огня, но его взгляд задержался на мне, когда я проходила мимо. Вскоре он догнал меня.

— Добрый день, — поприветствовал он.

Я подняла глаза на его красивое лицо и оживлённые глаза, стараясь забыть, что несколько ночей назад он сжёг фейри заживо. Я знала, что у него не было выбора, так же как понимала, что он постарался сделать её смерть как можно более быстрой. И всё же мощь, заключённая в его теле, пугала меня.

— Добрый день, мой принц. Надеюсь, в вашем доме всё хорошо.

— Мой народ в предвкушении испытаний. Думаю, и ваш тоже.

Мой народ. Фейри никогда не станут моими.

— Да, атмосфера кажется странно праздничной.

— Они должны праздновать. Стольких балов и мероприятий не бывает в другое время, и ещё реже что-то может удивить бессмертного. Никто не знает, чего ожидать. Кроме того, на время испытаний выпадают четыре наших праздника: Имболк, весеннее равноденствие, Бельтайн и летнее солнцестояние. — Он бросил на меня хитрый взгляд, когда мы свернули в пустой коридор. — Уверен, Бельтайн тебе особенно понравится.

Мы отмечали те же праздники в мире людей, но я не сомневалась, что празднования фейри куда интереснее, чем танцы и рассказы в Тамблдауне. Лёгкая усмешка Друстана с тёмным оттенком заставила меня задуматься, что именно он считает таким привлекательным в Бельтайне.

— Я всё ещё не понимаю, почему вы забываете, что происходит во время испытаний, — сказала я, озвучивая сомнение, которое не давало мне покоя. — Разве никто не записывает, что происходит, чтобы потом это проверить?

— Уверяю тебя, многие пытались, — ответил он с горьковатой улыбкой, как будто и сам был в их числе. — Даже слова исчезают с бумаги, на которой они написаны.

— Значит, магия, которую вы почитаете, шесть Священных Осколков, просто… стирает воспоминания? Осколки живые?

— Вся магия живая. И да, Осколки скрывают наши воспоминания, когда испытания заканчиваются.

— Как это ощущается? — Я нервничала при мысли, что мои воспоминания может стереть разумный камень.

— Никак. Ты просыпаешься утром, и кажется, будто всё спрятано за мутным стеклом. Мы помним вечеринки, балы, волнение, но детали самих испытаний становятся размытыми.

Увлекательно.

— Но испытание Огня вы помните, верно?

— Да, Осколок Огня рассказал мне детали, — ответил он.

Осколки могли общаться? Это было… странно. Но, вспомнив, как кинжал на моей руке словно ожил, обвиваясь вокруг, и какое впечатление он произвел — магия настолько мощная, что может менять форму и даже говорить, — идея перестала казаться абсурдной.

Мы свернули в очередной коридор, проходя мимо ряда полупустых комнат. Я больше не понимала, куда мы идем; с той минуты, как он пошел рядом, я позабыла о своих первоначальных планах. Старательно держалась уверенно, не желая выглядеть глупо.

Я не знала, почему он решил заговорить со мной — вероятно, от скуки, — но упускать возможность узнать больше о Испытании Огня для Орианы и Лары было бы неразумно.

— Это испытание удивило вас? Или вы ожидали чего-то подобного? Насколько оно сложное?

Он приподнял насмешливую бровь.

— Сколько вопросов. Не думай, что я поделюсь секретами, которые помогут твоей госпоже.

Я нахмурилась.

— Мне просто любопытно, как оно устроено.

— Конечно, — протянул он с тонкой усмешкой. — Лара — наследница Дома Земли. Думаешь, ей потребуется твоя помощь, чтобы справиться?

В его тоне звучало сомнение, которое задело меня, хотя я и сама иногда сомневалась в успехе Лары.

— Я полностью верю в мою госпожу.

Он хмыкнул, а я непроизвольно задержала взгляд на его губах.

— Есть фейри, которые считают, что вековой нейтралитет Дома Земли сделал его слабым.

Я оторвала взгляд от этих манящих губ. Зачем он меня дразнит?

— Уверена, что это не так.

Его серые глаза расширились, и, несмотря на раздражение, я не могла отвести взгляд от изящного изгиба его длинных рыжеватых ресниц. Казалось, каждый его сантиметр был создан скульптором, который обожал детали.

— Вот как? — спросил он. — Значит, Дом Земли наконец отказывается от своей скучной нейтральности?

Разговор принял странное направление, которого я не понимала. Я остановилась, больше не скрывая своего раздражения. Коридор был пуст, мы остались одни. Кроме того, он, кажется, наслаждался моей прямотой.

— Вы намеренно меня не понимаете.

Он протянул руку и зацепил пальцем один из кудрей, выбившихся из моей косы. Я затаила дыхание, пока он разглядывал тёмный локон.

— Возможно, — тихо сказал он. — А возможно, это ты не понимаешь их. Это трудный путь, который на протяжении веков не приносил Дому Земли никаких преимуществ.

— Пожалуйста, говорите прямо, Друстан, — произнесла я его имя нарочито, бросая вызов. Это было напоминание о том, что он сам позволил мне быть откровенной.

Его глаза встретились с моими, удерживая взгляд долгие секунды. Я не отвела глаз, не моргнула. Он отпустил локон, и улыбка, что озарила его лицо, вспыхнула, словно огонь.

— Говорить прямо опасно. Ты уже должна это знать.

— И всё же я здесь, в полной безопасности, — я приподняла подбородок, стараясь игнорировать жар, что разгорался внутри. — Мне говорили, что это освежает.

— Тогда я поделюсь с тобой одной мыслью, одной правдой в честь твоей смелости, — его голос стал таким тихим, что мне пришлось напрячь слух. — Дом Земли не сможет сохранять свою нейтральность вечно. Король Осрик не будет слишком долго это терпеть. Ему скучно без врага. Интересно, думала ли Ориана об этом.

Мурашки побежали по моей коже.

— Вы хотите сказать, что на Дом Земли планируется нападение? — прошептала я. Если это так, почему он говорит это мне, а не принцессе?

Он пожал плечами.

— Я не знаю о таких планах. Я просто смотрю на вещи с перспективы, как и большинство фейри. Наша история сложна, но она имеет свойство повторяться. Рано или поздно будет расплата.

— Зачем вы говорите мне это? Что вы от меня ожидаете? — У меня было ощущение, что весь этот разговор был подстроен, чтобы привести к этому откровению, но я не понимала зачем.

— Я ничего от тебя не жду, — сказал он. — Просто думаю, что ты находишься в интересной позиции, близко к некоторым влиятельным членам Дома Земли. Как я уже говорил, у Дома Огня много друзей. Ориана и Лара могли бы быть среди них — как и ты.

Его палец скользнул по моей щеке, оставляя за собой ощущение тёплого прикосновения.

— Надеюсь, ты вспомнишь это, если услышишь хотя бы намёк на то, что Дом Земли может пересмотреть свою позицию.

Он ушёл, оставив меня в замешательстве.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 12

Ночь перед испытанием Пустоты я проснулась от легкого стука в дверь. Когда я открыла, на пороге стояла Элоди. Она была закутана в плащ с капюшоном, а бледно-голубой оттенок её лица и рук выглядел призрачным в тенях коридора.

— Одевайся, — сказала она. — Надень что-то тёмное.

Я подчинилась, удивившись, что гардероб вместо платья предоставил мне чёрные брюки и рубашку. Куда именно мы собирались?

Мы спустились вниз в полной тишине. По мере нашего движения кристаллы над головой загорались едва заметным светом, освещая только ближайшее окружение, а затем снова погружались во тьму.

— Я хочу кое-что показать тебе, — сказала Элоди, когда мы достигли первого этажа, — но ты должна поклясться, что не расскажешь об этом никому, кроме принцессы Орианы, леди Лары, лорда Селвина или меня. Если ты попытаешься предать этот секрет, ты умрёшь. Это ясно?

Я моргнула, удивлённая сталью в её обычно мягком голосе.

— Предельно ясно.

Она привела меня в комнату, где я ранее беседовала с Селвином. Ивовое дерево склоняло ветви над неподвижным прудом. Птицы молчали, когда Элоди раздвинула свисающие ветви. Я пригнулась и последовала за ней, оказываясь в пещере из зелени, всего в нескольких шагах от глухой каменной стены.

Элоди провела рукой по груди, и в её пальцах появилось золотое изделие — ключ на цепочке, висевшей у неё на шее.

Она протянула мне ключ, и я осторожно взяла его. Когда мои пальцы сомкнулись на холодном металле, в каменной стене проявился светящийся контур двери. Когда Элоди забрала ключ, сияние исчезло. Она провела ключом по стене, даже не вставляя его в замочную скважину, но это всё равно сработало. Стена отворилась внутрь, открывая лестницу, ведущую вниз.

Когда за нами закрылась дверь, мы погрузились во тьму, и я, чертыхнувшись, начала спускаться на ощупь. Вскоре в руках Элоди вспыхнул золотистый свет — ключ сиял, как крошечный фонарь, отбрасывая мрачные тени на её скулы, что придавало её лицу почти скелетный вид.

— Это величайший секрет Дома Земли, — сказала она. — По всему Мистею, глубоко под землёй и скрытые в стенах, находятся туннели, к которым не имеет доступа ни один другой Дом. Они даже не подозревают об их существовании. Мы не знаем, когда и зачем они были созданы, но, по слухам, это дело осколка Земли.

С обеих сторон узкой лестницы простиралась пустота. Я старалась не думать о том, что меня ждёт, если я оступлюсь.

— Именно поэтому Дом Земли сохраняет нейтралитет, — продолжила Элоди. — Предки принцессы начали использовать эти туннели много лет назад, чтобы собирать информацию о других Домах. Дом Земли стал почитаем за свои мудрые советы и невероятное понимание чужих мотивов. Принцы и принцессы Земли получили уважение как советники королей и королев фейри. Они оставались нейтральными, чтобы сохранить этот секрет, а также потому, что использование туннелей научило их ценности нейтралитета. Во время войны каждая сторона считает себя правой. Кто-то

должен стоять в стороне и смотреть на историю фейри беспристрастно, иначе история запомнит лишь одну сторону конфликта.

Мы достигли грубого каменного пола. Где-то вдалеке капала вода, когда Элоди повела меня по влажному проходу.

— Единственные места в королевстве, куда эти туннели не ведут, находятся внутри или под территориями других Домов, так как осколки защищают неприкосновенность этих пространств, — продолжила она. — Это значит, что мы можем проникнуть в тронный зал, библиотеки, бальные залы, кабинеты и почти в любое другое место, где мы захотим подслушать. Входы невозможно найти никакой магией, кроме магии ключей, которые были созданы так давно, что даже фейри уже не помнят их происхождения. Всего существует четыре ключа. У Орианы, Селвина и Лары есть по одному. Четвёртый ключ принадлежал старшему сыну Орианы, Лео, но с его смерти я тщательно охраняла его. Теперь он твой на время испытаний.

— Зачем? — Это казалось слишком большой ответственностью для слуги.

— Ларе нужна помощь, — сказала она, и в её глазах и голосе отразилась тревога. — Больше помощи, чем принцесса могла ожидать. Если она провалит испытания, Дом Земли потеряет то небольшое уважение, которое всё ещё имеет в глазах короля, — а это очень опасная позиция.

Как бы правдиво это ни звучало, в её словах было что-то тревожное. Если Лара провалится, она либо потеряет магию, либо погибнет. Почему не это главная забота всех?

Мы продолжили путь, пока не добрались до подземной реки. На стенах в некоторых местах светились кристаллы, отбрасывая мягкий свет на поверхность воды, гладкой и маслянистой. Маленькая лодка была привязана к столбу у нашего берега, и Элоди жестом предложила мне забраться в неё.

— Что-нибудь угрожает нам внизу? — спросила я, наблюдая за тёмной водой.

Элоди задумалась.

— Ты имеешь в виду Тварей?

— Кнукеров, келпи или... — Я замолчала, вспоминая чудовищ, что гнались за нами через болото, с их перепончатыми лапами и горящими глазами. — Блуждающие огоньки?

— Нет. За редкими исключениями, все Твари обитают в гораздо более глубоких уровнях Мистея, и ни одна из них не имеет доступа к туннелям Земли. — Она посмотрела на меня с пониманием и накрыла мою руку своей ладонью. — Те, кого ты видела наверху, — для защиты территорий фейри. Король Осрик не позволяет Тварям выходить без разрешения. Если они нарушат его приказы, его солдаты их уничтожат.

Я кивнула, проглотив ком в горле, и вернулась к теме разговора:

— Так как туннели помогут Ларе?

Элоди убрала руку и снова взялась за весло.

— Я сказала, что туннели ведут почти везде в Мистее, за исключением других Домов, — сказала она, проводя лезвием весла по воде. — Это включает в себя любые места, где будут проходить испытания.

— Ты хочешь, чтобы я помогла ей отсюда, из этих туннелей? — спросила я, словно надеялась, что ослышалась.

Элоди кивнула.

— Большую часть времени ты сможешь помогать, подслушивая в туннелях и узнавая всё, что возможно о предстоящих испытаниях. Я расскажу, где обычно

бывают принцы, чтобы ты могла узнать важную информацию. Но для испытания Пустоты принцесса Ориана подготовила нечто иное. Ей удалось выяснить точное местоположение Лабиринта Хаоса. Эти туннели ведут прямо туда.

Я сопоставила услышанное и сделала вывод:

— Ты хочешь, чтобы я присоединилась к Ларе в лабиринте.

— Да, — спокойно, но твёрдо ответила Элоди. — Она не может позволить себе провалиться. Если вы обе войдёте в лабиринт, а ты будешь связана с секретным выходом с помощью шнура, то сможешь помочь ей успешно выйти, а затем исчезнуть обратно в туннелях.

Холодный страх заструился по моим венам и осел тяжёлым комком в желудке.

— Ты хочешь, чтобы я отправилась с Ларой в кромешно тёмный лабиринт, помогла ей пройти испытание с обманом, при этом оставшись незамеченной другими кандидатами и не став добычей для кровожадных монстров.

— Это будет нелегко, — признала Элоди с ноткой сожаления, — но другого выхода нет.

Я вспомнила слова Орианы: они могли позволить себе больший риск с человеческим слугой, чем с фейри-прислужником. Я была маленькой и неприметной. Чары, охранявшие Мистей, в основном были рассчитаны на фейри. К тому же я уже доказала свою способность находить путь в сложных условиях во время ритуала солнцестояния.

И, что важнее всего, я была расходным материалом.

Никто не станет меня искать, если монстр меня съест, пока Лара спасается. А если меня поймают, это будет слово принцессы против моего — если, конечно, она не убьёт меня раньше, чем меня успеют допросить. Ориана могла спокойно бросить меня Тварям, и никто бы не возразил.

Элоди причалила к пристани, появившейся справа, и с изяществом спрыгнула на берег. Я, менее грациозно балансируя на краю лодки, чуть не упала, но она крепко схватила меня за руку и помогла выбраться.

Туннель резко уходил вверх, а потолок был настолько низким, что нам приходилось местами ползти. Наконец мы добрались до небольшой пещеры, недоступной ни с одной другой стороны.

Элоди сняла с шеи цепочку и протянула мне:

— Надень её, и пусть ключ лежит у тебя на сердце.

Я подчинилась, и ключ словно растворился в воздухе, исчезнув внутри меня. Даже цепочку я больше не ощущала. Проведя рукой по груди, я увидела, как ключ вновь появился. Ещё одно движение — и он вновь пропал.

Когда ключ находился в моей руке или был спрятан, я всё равно видела светящийся контур двери в стене пещеры. Я подошла ближе, нерешительно дотронулась до камня.

— Мне войти?

— Не сейчас. Дом Пустоты, возможно, ещё готовится. Завтра ночью.

Я приложила ухо к холодному камню, пытаясь услышать хоть что-то, что могло бы дать представление о том, что ждёт нас за дверью. Но всё было тихо.

А потом, словно в ответ на моё любопытство, из-за двери донёсся низкий, протяжный вой. Я отпрянула, покрывшись холодным потом.

— Я не смогу. Я погибну там.

— У тебя нет выбора.

Она была права. Принцесса уже ясно дала понять, что меня ждёт, если я не помогу Ларе: рабство похуже нынешнего или смерть. Сейчас у меня была свобода передвигаться по общественным зонам и доступ в более эксклюзивные пространства, сопровождая Лару на приёмы и балы. Этот ключ открывал доступ к ещё большему количеству мест, а значит, давал больше возможностей найти выход. У меня всё ещё был язык, и я умела им пользоваться. У меня было предложение дружбы от Принца Огня, если оно мне понадобится. Всё это исчезнет, если я откажусь.

Укол в руке напомнил о другом преимуществе. Мысль о нём немного ослабила сжатие в груди. Кинжал испугал Тварей в болоте. Возможно, он сможет испугать и тех, что поджидают в лабиринте.

Я глубоко вдохнула, успокаивая себя.

— Хорошо. Я сделаю это.

***

Испытание Пустоты выпало на Имболк — праздник, который в человеческом мире отмечался тише других, с акцентом на постановку целей на следующий год. Для фейри это тоже был второстепенный праздник, начинавшийся с утреннего размышления и продолжавшийся формальным обедом в стенах домов. После обеда звучала музыка. Я не знала этих песен — даже не понимала языка, на котором исполнялись некоторые из них, — но завораживающие мелодии были столь прекрасны, что у меня на глаза наворачивались слёзы.

Однако тревога, вибрировавшая под кожей, не покидала меня и становилась всё сильнее с каждой минутой. Когда мы покинули Дом Земли ради предшествующего испытанию ужина у Дома Пустоты, тревога переросла в откровенный ужас. В честь хозяев все присутствующие были одеты в чёрное. Ожидание висело в воздухе, почти столь же ощутимое, как запах жареного мяса.

После ужина король Осрик поднял руку, призывая к тишине. Король тоже был в чёрном, но его длинный плащ цвета полуночи переливался радужными звёздами. Этот наряд гораздо лучше сочетался с его тяжёлой короной, чем обычная одежда. Впервые он действительно выглядел как тот тиран, которым являлся.

— Первое испытание начнётся через два часа, — объявил король. — Как вам известно, сегодня мы чествуем Дом Пустоты, и тёмный Осколок выбрал характер этого испытания. Принц Гектор сообщил мне, что это испытание на храбрость пройдёт в Лабиринте Хаоса.

Хор вздохов подсказал, что не все кандидаты были осведомлены об этом заранее. К счастью, Лара довольно убедительно изобразила удивление. Кандидат Огня, Эдрик, лишь поднял одну тёмную бровь и скрестил руки на груди. Он не был удивлён, ведь я поделилась подозрениями Орианы о лабиринте с Айданом за недавним обедом, поблагодарив таким образом за его первоначальные подсказки. Уна и другой кандидат от Дома Пустоты, фейри по имени Уилфрид, вообще никак не отреагировали.

— Лабиринт поглотил жизни бесчисленных преступников и предателей, — продолжил король. — Его стены зачарованы против использования магии, а внутри лабиринта не будет никакого света. Вам предстоит как можно быстрее найти выход, избегая самого известного опасного элемента лабиринта — жестоких и кровожадных Тварей, которые питаются павшими.

Король, несомненно, обладал талантом к драматическим выступлениям, и по его зловещей улыбке было видно, что он наслаждается вызванным ужасом. Я постаралась отгородиться от эмоций, вызванных его словами, и сосредоточиться только на предоставленной информации.

— У вас будет пять часов, чтобы выбраться, — продолжил он. — По истечении этого времени вы будете считаться не прошедшими испытание. Однако, если вы отстанете, есть ещё один способ спасти себя — или увеличить своё преимущество, если вам удастся быстро покинуть лабиринт.

Осрик щёлкнул пальцами, и один из слуг шагнул вперёд, положив что-то на вытянутую руку короля. Это был простой чёрный пояс с двумя тонкими полупрозрачными шарфами, свисающими с него.

— Каждый кандидат наденет такой пояс. На нём закреплены жетоны, по одному с каждой стороны. — Он вытащил один жетон и поднял его вверх. Это был предмет размером с носовой платок с серебряной медалью на одном углу для утяжеления. — Осколок также примет во внимание, у кого окажется больше всего и меньше всего жетонов к концу испытания.

Гаррик и его соратник из Дома Иллюзий, Маркас, расслабились, услышав это. Они были самыми физически сильными из кандидатов, и я знала, что, судя по их частым издевательствам над Ларой, им понравится возможность отбирать жетоны у других силой.

Лара, напротив, выглядела напряжённой и испуганной. Честно говоря, я тоже была напугана. Одно дело — пробираться по незнакомым туннелям в полной темноте; к подобным заданиям я привыкла. Они требовали терпения, внимания к деталям, которое я оттачивала с детства, и способности запоминать направления, создавая мысленную карту. Твари, обитающие в лабиринте, оставались моим самым большим страхом, но я убеждала себя, что, если мы будем двигаться достаточно быстро и тихо, они нас не заметят.

Но теперь стало ясно: нам придётся иметь дело не только с Тварями, но и с сильными, готовыми на всё Благородными Фейри, для которых это испытание — вопрос жизни и смерти. Я не знала, как мы справимся. Я не была ни быстрее, ни сильнее кого-либо из них, и Лара, вероятно, тоже. Если мы столкнёмся с другим кандидатом, Лара вряд ли сможет сохранить свои жетоны.

Король Осрик хлопнул в ладоши:

— Это правила. Теперь кандидатов проводят в комнаты, где они переоденутся и будут ждать начала испытания. Принц Гектор вскоре проводит зрителей к выходу из лабиринта. Да даруют вам Осколки мужество.

Я улыбнулась Ларе, когда её увёл фейри с чёрными крыльями, мысленно умоляя её не паниковать. Она покажет себя с лучшей стороны, если войдёт в лабиринт в спокойном состоянии.

Следующий этап вечера я должна была провести без неё. Ни одному из слуг и служанок не позволили сопровождать кандидатов, опасаясь, что мы могли бы снабдить их припасами, которые помогли бы им сбежать. Меня это устраивало: мне было нужно дополнительное время, чтобы подготовиться к своему собственному, тайному входу в лабиринт.

Гардероб предоставил мне именно то, что требовалось: узкие, но удобные чёрные брюки, чёрную рубашку с длинными рукавами и удобные для бега туфли. Я заплела волосы в косу, спрятала её под рубашку и накинула свободный капюшон, скрывавший

всё, кроме глаз. Я походила на живую тень. Кинжал я прикрепила к запястью в виде массивного браслета, достаточно высоко, чтобы его не было видно из-под рукава, но достаточно низко, чтобы он легко скользнул в мою руку, если понадобится.

Возможно, излишняя тщательность в выборе наряда была бессмысленной, ведь в лабиринте всё равно будет темно. Но я не хотела рисковать. Твари, что жили там, как-то ориентировались в темноте. Я не могла предположить, что их глаза такие же, как мои.

Я привязала к щиколотке круглую деревянную коробочку, убедившись, что механизм разматывания нити работает безупречно. Когда Элоди рассказала мне, что эта крошечная коробка содержит достаточно нити, чтобы хватило даже при блуждании по кругу в течение нескольких дней, я была поражена. Нить была гладкой, тонкой, едва шире волоса, но такой прочной, что я не смогла бы её порвать. Это была нить из паучьего шёлка — редкость, доставшаяся Элоди с немалыми усилиями. После того как я провожу Лару к выходу из лабиринта, я смогу по этой нити найти дорогу обратно к тайной двери.

На пояс я добавила кожаную сумку — на случай, если удастся забрать жетоны у других кандидатов. Теперь я была готова.

Я прошла по маршруту, который мне показала Элоди, и остановилась в пещере, не зная, насколько близко к полуночи. Элоди уверяла, что благодаря особой акустике я услышу голоса у главного входа в лабиринт. Как только король объявит начало испытания, я войду. Кандидатов отвели к другим входам лабиринта — официальным входам Дома Пустоты, расположенным на одинаковом расстоянии от выхода.

Делать больше было нечего, и я принялась рисовать узоры на земле, стараясь освободить мысли от лишнего. Когда это не помогло, я вновь прокрутила свой план.

Войдя в лабиринт, я привяжу свободный конец нити к железному кольцу у основания стены. Элоди уверяла, что кольцо там будет, и мне оставалось только довериться её словам. Затем я постараюсь как можно быстрее найти Лару. Элоди заверила меня, что лабиринт не будет тихим — Твари, по меньшей мере, будут реветь, а возможно, и другие звуки будут сбивать нас с толку. Под прикрытием этого шума я издам трель, которую мы отработали накануне — один из секретных кодов Дома Земли. Как только я услышу ответ, я пойду на звук, чтобы найти Лару.

А затем мы будем блуждать по лабиринту вместе.

Нет, поправила я себя. Не блуждать, а исследовать. Это звучало целеустремлённее. Мы будем оберегать её жетоны и двигаться так быстро и тихо, как только сможем, используя мою нить и природное чувство ориентирования, чтобы вывести Лару наружу. Я отвлеку всех врагов, что появятся на нашем пути. Лара выйдет победительницей, а я по нити найду дорогу обратно к свободе.

Просто.

Нечего волноваться.

Я поморщилась.

Из глубины лабиринта доносились странные завывания, хотя, учитывая, что камень вокруг лабиринта был высечен так, чтобы усиливать звуки, я понимала, что Твари, вероятно, находились дальше, чем казалось. Всё равно я собиралась держаться подальше от завываний, которые звучали слишком близко.

Прошли долгие минуты — достаточно времени, чтобы дыхание стало ровным, а сердце успокоилось. Я закрыла глаза, мысленно готовясь к полной темноте.

— Пора, — произнес голос, прозвучавший будто прямо над моей головой.

Я вздрогнула, мгновенно теряя всё своё мнимое спокойствие, а сердце вновь забилось как сумасшедшее.

Это был король. Его голос, обращённый к зрителям, раздавался эхом:

— Кандидаты стоят у входов в лабиринт под охраной слуг Дома Пустоты. Их впустят в лабиринт меньше, чем через минуту. У нас будет пять часов, чтобы узнать, кто выйдет победителем… а кто не выйдет вовсе.

Я уловила звон стекла. Когда король провозгласил тост, я закатила глаза. Единственное, что он, казалось, любил больше речей и убийств, — это произносить тосты.

— Мы будем пить и веселиться до рассвета! Да начнётся первое испытание. Пусть оно будет захватывающим!

Смех толпы отразился от каменных стен, наполняя пещеру гулом, пока гости пили с ним.

Я встала, размяла затёкшие ноги и призвала ключ. Сжав его в руке, я смотрела на светящийся вход.

— У тебя нет выбора, — напомнила я себе.

Прижав ключ к двери, я наблюдала, как она распахивается, открывая темноту, настолько густую, что даже свет ключа не мог её пробить. Я убрала ключ, глубоко вдохнула и вошла в лабиринт.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 13

Дверь захлопнулась, запирая меня внутри.

Темнота.

Отсутствие света было ощутимым, словно тяжесть, давящая на кожу. Я широко распахнула глаза, пытаясь увидеть хоть что-нибудь, но это было так, словно меня внезапно ослепило. В отсутствие зрения слух обострился, и я вздрогнула, когда крики и завывания эхом разнеслись со всех сторон.

Это и была та пустота, в честь которой фейри назвали свой дом. Такая глубокая, что её отсутствие света словно обрело собственную сущность. Чудовище, ужасное и непостижимое, разверзающее свою пасть.

На ощупь я сумела найти кольцо на стене. Аккуратно закрепила на нём верёвку, завязав узел потуже, а потом ещё раз — на всякий случай. Я не могла позволить себе, чтобы узел развязался.

Я прислушалась, надеясь понять, в каком направлении двигаться, но ничего не услышала. Сделала шаг от двери… и тут же врезалась в стену.

— Чёрт, — прошипела я, потирая ушибленный лоб, а затем повернула направо.

Коридор оказался настолько узким, что я могла одновременно касаться обеих стен. Медленно двигаясь вперёд, я отметила, как плавно и бесшумно разматывалась верёвка, которую я время от времени проверяла на натяжение, чтобы убедиться, что она всё ещё прикреплена к кольцу. Со временем я перестала проверять, доверившись своему узлу. Верёвка разматывалась легко, не требуя усилий, и благодаря коробке, привязанной к моей лодыжке, лежала низко к земле. Если кто-то и наткнётся на неё, они, скорее всего, решат, что это одна из хаотичных ловушек лабиринта.

Я издала трель, как учила меня Элоди, но в ответ не услышала ничего. А что, если я никогда не найду Лару? Выгонит ли меня Ориана? Или просто убьёт?

Я ускорила шаг, доверяя тому, что мои пальцы найдут стену раньше, чем моё лицо. Вскоре вместо стены они встретили пустоту. Прикосновения нащупали развилку: повернуть направо — значит остаться ближе к краю лабиринта, но я выбрала левую сторону, ведущую к его сердцу. Опустившись на колени, я зацепила свою верёвку за неровный выступ камня, создав ещё одну точку крепления.

Как только я ступила в новый коридор, ноги подскользнулись.

— Чёрт! — выругалась я, хватаясь за стену, чтобы не упасть. Затем осторожно присела и коснулась пола. Под пальцами оказался скользкий, покрытый мхом камень, по которому текла тончайшая струйка воды. Это препятствие убедило меня, что я двигаюсь в правильном направлении. Дом Пустоты, конечно, сделал бы побег как можно сложнее.

Я прижалась спиной к стене, боком продвигаясь вперёд, пока проход не расширился, а пол не стал более грубым и сухим. Теперь стены были слишком далеко, чтобы касаться их обеих одновременно, поэтому я держала руку на одной из них. Я игнорировала отверстия, которые периодически ощущала пальцами, решив, что прямой путь внутрь лабиринта увеличит мои шансы найти Лару.

Я продолжала издавать трели. Иногда мне отвечали сбивчивые вскрики, а однажды — глубокий рык, прокатившийся вибрацией по полу. После этого я несколько минут двигалась молча, пока не почувствовала, что зловещая сущность поблизости исчезла.

И наконец, спустя, наверное, час блужданий, я услышала её: грубую, пронзительную трель, напоминающую крик кровожадной птицы. Мои ноги дрожали от облегчения, когда я направилась к звуку.

Темнота начинала сводить меня с ума. Пока я не столкнулась ни с чем ужасным, но это было лишь вопросом времени. Если Твари здесь были похожи на монстров из болота, они не сразу нападали. Они любили кружить вокруг, растягивая напряжение, чтобы получить от охоты максимум удовольствия.

Найти Лару оказалось непросто. Я несколько раз свернула не туда, попав в тупики, а однажды наткнулась на наклонный спуск. Наконец, звук стал настолько близким, что до него оставалось футов двадцать. Я услышала, как обувь заскользила по камню.

— Лара? — прошептала я, молясь, чтобы это был не другой кандидат, разгадавший код.

— Благодарю Осколки, — ответила она, оказавшись рядом через секунду. Её рука нащупала мою. — Здесь так ужасно.

— Ты видела других кандидатов? Тварей? — Мы не могли позволить себе долго говорить, но нужно было знать, есть ли места, которых стоит избегать.

— Нет, — её дрожь передалась и мне. — Однажды мне показалось, что что-то было рядом, но я замерла, и оно ушло.

— Жетоны?

Я услышала, как она потрогала свой пояс.

— Всё на месте.

— Тогда поторопимся, — сказала я. Для нас с Ларой любое столкновение обернулось бы катастрофой, и скорость оставалась нашим единственным шансом. — Мы справимся.

Лара позволила мне вести, и мы двинулись вперёд в молчании, держась за руки, чтобы не потеряться. Я тщательно следила за тем, чтобы давать ей только левую руку — кинжал на моём правом запястье зашевелился, ощутив присутствие другого человека, и тревожно задрожал.

Успокойся, — мысленно велела я ему. Затем добавила, переосмыслив: Или хотя бы перестань дрожать из-за неё. Лучше подавай знак, если рядом кто-то чужой.

Кинжал недовольно заворчал, но его дрожь всё же прекратилась — не без последствий. Он резко цапнул меня, и я вздрогнула от лёгкого укола. Интересно, сколько шрамов останется у меня, когда всё закончится?

Откуда-то из дальнего коридора донёсся зловещий вой, и Лара вздрогнула. Когда звук стих, она сжала мою руку, будто делясь со мной своим облегчением. Это напомнило мне Аню: как мы тоже держались за руки в болотах. Эти две женщины были настолько разными, но иногда мне казалось, что в Ларе есть отголоски Ани — наклон головы, вздох при виде красивого платья, сжатая рука, пока мы блуждаем во тьме. Напоминания о том, что я потеряла.

Я заставила себя выкинуть Аню из мыслей. Её здесь нет, но Лара — здесь. Если я потеряю концентрацию, мы обе можем потерять ещё больше.

Моя стратегия заключалась в том, чтобы пройти как можно больше земли, прокладывая общий маршрут в мысленной карте. Пусть она была далека от совершенства, но хотя бы позволяла удерживать общее направление и планировать дальнейшие шаги.

Как и обещано, никакой логики в устройстве лабиринта не наблюдалось. Широкие тоннели с гладкими стенами сменялись такими узкими проходами, что нам приходилось двигаться боком. Одни коридоры изгибались длинными дугами, другие поворачивали под острыми углами. Пол варьировался от грубой мостовой до скользких, покрытых мхом камней.

Несколько раз мы слышали низкое рычание, а однажды — оглушительный рёв, раздавшийся всего в нескольких туннелях от нас. Каждый раз мы поспешно двигались в противоположную сторону, и ни одно из существ нас не преследовало.

Во время одного из таких отступлений мы оказались у арки, ведущей в путаницу узких коридоров. Я едва умещалась под низким потолком, а Ларе приходилось пригибаться, чтобы не удариться головой. Мы блуждали по этому лабиринту в лабиринте, раз за разом натыкаясь на тупики. Но этот путь казался мне особенным — будто новая часть лабиринта, где пол шёл под уклон вверх. Даже запах здесь был другой — пыль и затхлая земля.

Через полчаса стало ясно, что я ошибалась. Перед нами встала глухая стена, без каких-либо признаков скрытых дверей.

— Тупик, — сообщила я Ларе, стараясь подавить нарастающую панику. — Мы уже всё проверили.

Мы потеряли слишком много драгоценного времени в этом замкнутом участке. Осознание, что выхода нет, сделало узкие проходы и низкий потолок ещё более давящими. Мы поспешили вернуться.

Кинжал за пульсировал на коже, как вдруг впереди раздались шаги.

Я втянула Лару в небольшую нишу, едва больше алтаря, и приложила палец к губам, предупреждая её молчать. Кто-то ещё бродил по этим тоннелям. Единственный шанс выбраться — выскользнуть, когда они пройдут, надеясь, что их тоже задержит этот безумный лабиринт.

Шаги приближались. Звук был весомым, будто кто-то в тяжёлых ботинках. Мы с Ларой носили мягкую обувь, не издающую ни звука, но этот кто-то, похоже, был настолько уверен в своих силах, что не заботился о скрытности.

Шаги замедлились, проходя мимо нас. Я почувствовала едва уловимое движение воздуха прямо перед своим лицом.

Лара вскрикнула.

Я бросилась в коридор, пытаясь схватить того, кто был там, но вместо этого ударилась о холодный камень, ушибив руки. Тяжёлый топот удалялся в сторону выхода из низких туннелей.

Я повернулась к Ларе:

— Ты в порядке?

— Жетоны! — воскликнула Лара, вцепившись в мою руку так, что её пальцы впились в кожу.

Я лихорадочно нащупала её пояс, затем ощупала пол. Она была права. Другой кандидат украл оба жетона.

— Чёрт, — выругалась я. — Пошли.

Через несколько минут мы прошли под аркой и снова оказались в главных тоннелях. Я потянула её за собой, направляясь в ещё не исследованном направлении. Нам пришлось пересечь небольшой ручей, а затем мы наткнулись на склон, резко уходящий вниз. Мои мокрые туфли скользили по гладкому камню, и я едва удерживала равновесие.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Прямо перед нами раздался яростный, нечеловеческий вопль. Мы тут же бросились назад, взбегая по склону, пока тяжёлые когти царапали камень за нашими спинами. Ледяное дыхание зимы скользнуло вдоль моих щиколоток.

Я оступилась, когда скат неожиданно выровнялся, и упала в основной коридор. Лара приземлилась прямо на меня, выбивая из лёгких весь воздух. Я зажмурилась, готовясь к укусам клыков или ударам когтей… но ничего не произошло.

Мы лежали, тяжело дыша, напрягая слух, но, похоже, монстр исчез.

Однако кто-то другой услышал звуки. Вновь послышались тяжёлые шаги, на этот раз издалека, и кинжал зашевелился на моём запястье, жадно гудя, пока кто-то приближался.

Теперь этот кандидат уже не мог помешать шансам Лары — её жетонов больше не было. Но он также не знал, что нас двое.

— Останься здесь, — шепнула я. — Когда он подойдёт ближе, издай какой-нибудь звук.

Я отошла на небольшое расстояние и приготовилась к схватке. Лара тихо всхлипнула, и шаги замерли, а затем повернули в её сторону.

Я бросилась вперёд, сталкиваясь с высоким, мускулистым телом, и сорвала с его пояса все трепещущие жетоны, до которых смогла дотянуться. Он зарычал, разворачиваясь ко мне, но я уже отпрыгнула, лёгкая, как тень, и прижалась к стене, присев. Он наверняка ожидал, что я побегу как можно дальше, и, возможно, именно поэтому не стал бы искать меня всего в нескольких шагах. Я задержала дыхание, пока фейри стоял неподвижно, явно прислушиваясь, чтобы понять, в каком направлении я скрылась. Где-то вдалеке послышался шорох, и он побежал в ту сторону.

Я вернулась к Ларе и передала ей жетоны. Всего четыре. Она спрятала их за пояс.

Я откинулась назад, размышляя, куда идти дальше. Единственные выходы отсюда вели либо в лабиринт с низкими потолками, либо к склону с монстром, либо в туннель, куда уже побежал разъярённый фейри. У нас не было хороших вариантов. Пришлось выбирать меньшее из двух зол — преследующего нас кандидата или монстра, поджидающего внизу?

Я уже знала, что предпочла бы: идти за кандидатом, надеясь, что мы с ним больше не столкнёмся. Существо, чуть не напавшее на нас, внушало мне куда больше страха.

Я нахмурилась.

Это ведь испытание на храбрость, а самый трусливый выбор — убегать от монстра. Кроме того, он не преследовал нас выше склона. Возможно, это из-за того, что он охранял только свой участок территории? Или же он пытался отпугнуть нас от нужного пути?

Я поспешно объяснила свои догадки Ларе — что нам нужно всегда выбирать путь, который требует наибольшей смелости, а это значит идти прямо на ужасные звуки.

Она молчала, обдумывая.

— Это звучит ужасно, — наконец сказала она, её голос дрожал. — Но это именно тот трюк, который я могу себе представить. Испытания должны проверять конкретное качество, а сейчас мы проверяем только скорость и умение ориентироваться.

Чем больше я размышляла, тем правильнее это казалось.

— Мы должны попробовать, — сказала я. — Я не знаю, сколько у нас осталось времени.

Она взяла меня за руку, и я почувствовала слабую вибрацию её страха, пока мы начали спускаться по рампе. Моё сердце билось так яростно, что монстр наверняка мог это услышать.

Когда мы достигли конца спуска, послышался низкий рык. Мы остановились, настороженно прислушиваясь. Скрежет когтей о камень снова раздался, на этот раз ближе. Воздух стал ледяным, и мне в лицо ударил порыв холодного ветра, словно что-то огромное выдохнуло.

Я собрала всю свою смелость и продолжила идти. Лара шла в нескольких шагах позади, явно надеясь, что я первой проверю свою теорию, чтобы у неё было время сбежать, если я окажусь неправа.

Рык превратился в сердитый крик. Я вздрогнула, когда когти скребли стену прямо над моей головой, сбивая мелкие кусочки камня, которые обрушились на нас, как град, но я не замедлила шаг.

Крики становились громче, ужасные звуки всё сильнее оглушали, а порывы ледяного ветра били в лицо. Тварь была совсем рядом; острое ощущение её присутствия ползло по моей коже, вызывая мурашки.

Но она не нападала.

Триумф вспыхнул во мне. В следующий раз, когда когти заскребли по камню, я не вздрогнула. Эти когти могли бы разорвать меня пополам, но не сделали этого. Монстр позволял нам пройти.

Постепенно звуки Твари стихли. Мы шли вперёд, прислушиваясь. Когда справа раздался вой, мы направились к нему.

Снова и снова мы выбирали самый опасный на слух путь, пробираясь сквозь коридоры, наполненные воплями и рычанием. Нас никто не атаковал, и мы ни разу не наткнулись на тупик.

Темнота вокруг нас начала отступать, и я смогла разглядеть рядом силуэт Лары. Она сжала мою руку.

— Мы близко, — сказала она, и её голос звучал так, будто она вот-вот расплачется.

Конец туннеля озарялся пляшущими отблесками огня от празднества снаружи. Мои глаза, привыкшие к полной темноте, болезненно реагировали даже на такой слабый свет, и я поморщилась.

Я остановилась.

— Дальше ты пойдёшь одна.

Лара замялась, явно боясь пройти даже этот последний отрезок пути в одиночку, но в конце концов отпустила мою руку, которая уже начала неметь от её крепкой хватки.

— Увидимся дома, — сказала она и побежала к свету.

Я уже двигалась обратно в лабиринт, но услышала, как снаружи раздались приветственные возгласы, когда она появилась.

Обратный путь оказался гораздо легче. Монстры больше не рычали на меня, ведь я удалялась от выхода, а в моём распоряжении была нить, чтобы ориентироваться. Я сняла коробочку с лодыжки и держала её в руках, нажимая умную кнопку сбоку, которая сматывала нить обратно на катушку. С нитью, указывающей дорогу, мне не приходилось шарить в темноте, и вскоре я смогла почти бежать.

Я врезалась прямо в широкую грудь.

Я вскрикнула и отскочила назад, почти уронив коробочку, но чьи-то сильные руки обхватили мои плечи. Это был другой кандидат — высокий, как башня.

— Кто это? — Мой сердце сжалось, когда я узнала в голосе Гаррика его жестокие интонации.

Если он успеет рассмотреть меня, я пропала. Я была слишком низкой, чтобы сойти за Благородную Фейри, и, если он обнаружит коробочку и нить в моих руках, станет очевидно, что кто-то жульничает. Я сделала единственное, что пришло в голову, — зашипела и издала лучший из возможных имитаций кровожадного воя Твари.

Он отшатнулся, и я воспользовалась моментом, чтобы пнуть его, впечатав в стену. Он выругался и снова потянулся ко мне, но на этот раз я провела когтями по его лицу. Под моими ногтями остались кусочки плоти, когда он закричал.

Я сорвала жетон с его пояса — так ему и надо! — и бросилась бежать. Он пошатывался, преследуя меня, выкрикивая проклятия, но я была слишком быстрой и уверенной на ногах. Я отчаянно сматывала нить, скользя по углам с головокружительной скоростью.

Мои ноги попали на мокрый, покрытый мхом камень, и я рухнула, ударившись копчиком так сильно, что на глаза навернулись слёзы. Я всхлипнула, наполовину от боли, наполовину от радости, осознав, что снова оказалась в скользком коридоре, с которого всё началось несколько часов назад.

Я ползла, не обращая внимания на то, как вода пропитывает мои брюки, а камень царапает руки. Ещё один поворот — и я добралась до выхода.

Дрожа, я развязала нить с железной петли и вызвала ключ. Когда я вывалилась в пещеру, золотое сияние ключа вновь ожило. После стольких часов в темноте оно показалось ослепительным. Я закрыла глаза и легла на землю, следя за мягким красным пятном на внутренней стороне век.

Мы с Ларой справились.

***

Я вернулась в Дом Земли, переоделась в платье, которое носила ранее, и успела попасть в тронный зал к началу завершающей церемонии первого испытания. Я надеялась найти Лару и передать ей последний жетон Гаррика, но, когда я пришла, девять кандидатов уже стояли перед королём Осриком. Многие, как Уна и Лара, выглядели торжествующе, но у некоторых на лицах читалось разочарование. Не всем удалось вовремя выбраться.

Кулаки Гаррика были сжаты в ярости, а его лицо пересекали ярко-красные полосы — следы от моих когтей. На его поясе висело пять жетонов. Пять вместо шести, потому что последний находился в мешочке на моей талии.

— Поздравляю с завершением первого испытания, — произнёс король Осрик. — Вот ваши результаты.

Фейри-прислужник с козлиной внешностью, выполнявший обязанности королевского распорядителя и, как я выяснила, носивший имя Пол, зачитал время финиша и количество жетонов, собранных каждым кандидатом.

Уна оказалась самой быстрой, но она финишировала только с двумя жетонами, с которыми начала. Другой кандидат из Дома Пустоты, Уилфрид, пришёл к финишу вскоре за ней. Это выглядело подозрительно, ведь я знала, что по крайней мере один представитель Дома Пустоты мог видеть в темноте, хотя Осколки якобы гарантировали равные условия для всех.

Лара была одной из самых медленных, но её четыре жетона вызвали в толпе удивлённый ропот. К моему удовольствию, Гаррик не прошёл лабиринт до конца, хотя его пять жетонов оказались самым большим количеством среди всех, что сыграет свою роль в итоговом подсчёте. Двое из тех, кто не завершил испытание, вообще не имели жетонов: Карисса, рыжеволосая кандидатка из Дома Иллюзий, и, к моему огорчению, другой кандидат из Дома Земли — Талфрин. Он пользовался уважением в нашем доме.

— Гаррик, — сказал король после объявления результатов, — у тебя единственного нечётное количество жетонов. Ты потерял один?

В ответ на вопрос раздались смешки, большинство из которых исходило от представителей Дома Пустоты.

Гаррик нахмурился:

— На меня напали, ваше величество.

— Один из кандидатов? Ни у кого из них нет твоего жетона.

— Напала Тварь. Она оцарапала меня и забрала жетон.

Король Осрик рассмеялся, но на этот раз представители Дома Пустоты не поддержали его. Гектор и Каллен переглянулись с узкими, настороженными глазами. Они знали, что Твари не нападали во время этого испытания. Надеюсь, они предположат, что один из кандидатов поцарапал Гаррика, а жетон был утерян в суматохе.

Каллен вдруг повернулся и обвёл взглядом толпу. Я отвела глаза, сделав вид, что мне скучно.

— Я это чувствую, знаешь ли, — прошептал кто-то мне на ухо.

Я вздрогнула. Рядом стоял Друстан, с приподнятыми бровями глядя на меня сверху вниз.

— Чувствуешь что?

— Жетон в твоём мешочке.

Моё сердце сжалось от страха. Он знал, что я была в лабиринте, а значит, знал и то, что Лара жульничала.

— Я не понимаю, о чём ты говоришь.

— Ты забываешь, что я принц. Самые сильные фейри чувствительны к магии, а этот жетон насквозь пропитан магией Пустоты. Тебе стоит избавиться от него, пока кто-то ещё не почувствовал его на тебе.

— Почему ты меня предупреждаешь? — прошептала я. — Почему не сдаёшь?

Его челюсти сжались, пока он смотрел на других кандидатов.

— Мне не по душе Дом Света, — сказал он с тихой, почти ядовитой интонацией, а затем на его лицо вернулась улыбка, как будто он внезапно вспомнил о необходимости носить маску. — Почти так же, как мне нравится неповиновение.

Я кивнула и собралась уйти, но он схватил меня за руку. Его пальцы обжигали даже через тонкий рукав.

— Не забывай, что я говорил о друзьях Дома Огня.

Я выскользнула из тронного зала, надеясь, что никто не заметит моего ухода. Вход в Дом Земли был далеко, а значит, лучше было воспользоваться одним из тайных проходов. К счастью, несколько таких дверей находились поблизости.

Я уже стояла перед одной из них, готовясь призвать ключ, как вдруг за спиной послышались шаги. Обернувшись, я почувствовала, как сердце уходит в пятки.

Каллен стоял в десяти шагах, наблюдая за мной.

Я сделала реверанс.

— Милорд.

Месть Короля медленно двинулся ко мне, и я с трудом удержалась от того, чтобы не вцепиться в мешочек с украденным жетоном, будто сжатием пальцев могла бы спрятать его от его взгляда. Однако моя напускная беспечность не обманула Каллена. Его глаза внимательно скользнули по мне, остановившись на моей талии.

— Ты совершила преступление.

Холодный тон его голоса пробирал до мурашек.

— Я? — Может, если притвориться, что я ничего не знаю…

— Ты была в лабиринте. Я чувствую это.

— Нет, я…

Он остановил меня взмахом руки.

— Не лги мне, или пожалеешь об этом. Говори.

Я судорожно сглотнула. Он был прав — я не могла лгать ему, не с магией Пустоты на мне. Оставалось лишь надеяться на его милость.

— Я была в лабиринте, — призналась я.

— Ты что-то взяла.

Я кивнула, понимая, что, возможно, подписываю себе смертный приговор. Он протянул руку, и я, дрожащими пальцами открыв мешочек, положила жетон на его ладонь.

Он внимательно осмотрел его.

— Как ты попала в лабиринт?

Я не могла выдать секрет проходов, но во что ещё он мог поверить?

— Пробралась туда до начала испытания.

— Лабиринт хорошо охранялся. Маловероятно, что тебе удалось пройти мимо часовых.

Я пожала плечами.

— Людей никто никогда не замечает. Я дождалась, пока стражники отвлекутся, и прокралась внутрь.

— Если я узнаю, что ты лгала мне, — произнёс он, и в его бархатном голосе зазвучала угроза, — это плохо кончится для тебя. У тебя есть ещё один шанс рассказать мне что-то другое.

Я беспомощно развела руками.

— Мне нечего больше рассказать. Я прокралась. Вот и всё.

Жетон всё ещё лежал на его ладони. Он смотрел на меня ещё несколько невыносимых секунд, затем сжал кулак, спрятал жетон в карман и, казалось, закончил допрос.

— За это тебя могут казнить.

Ледяной холод пробежал по моему телу, за ним последовали капли панического пота. Я дрожала, ожидая приговора.

— Ты хочешь, чтобы тебя казнили? — спросил он, когда я не ответила, с такой же лёгкостью, будто интересовался временем.

— Нет, милорд. — Не то, чтобы это имело значение. В этой ситуации вся власть была у него, и он прекрасно это знал.

Его тёмные глаза скользнули по мне с задумчивым выражением.

— Я предлагаю сделку.

Облегчение от того, что смерть удалось избежать, сменилось новым беспокойством. Заключать сделку с фейри было чрезвычайно опасно. Они лгали так же легко, как дышали, и очаровывали так же легко, как убивали.

— Какую сделку? — спросила я, надеясь, что цена за выживание не окажется слишком высокой.

— Я избавлюсь от этого жетона и не расскажу королю о том, что произошло сегодня ночью. — Он сделал паузу, наблюдая, как я перевариваю его предложение. — В обмен ты будешь должна мне информацию.

— Какую информацию? — Что может понадобиться Мести Короля от человеческой прислужницы? Разве у него не было других, более успешных шпионов? Что могло быть настолько ценным, чтобы он предложил мне такую щедрую сделку?

— Каждую крупицу информации, которую ты сможешь достать. О чём говорят в Доме Земли за закрытыми дверями. Что Друстан шепчет тебе на ухо. — Он усмехнулся, заметив, как я моргнула от удивления. — Ах да, я видел, как он говорит с тобой. Ты странный выбор для принца.

— Ему весело со мной, — возразила я, ощущая, как в голосе звучит защита. — И он поставил на меня во время солнцестояния, так что ему выгодно, чтобы я оставалась в порядке.

— Возможно, так он говорит, но всё, что он делает, — это часть его собственной игры. Если тебе удастся понять, какова его цель, ты сообщишь мне немедленно.

Я оказалась в настоящей ловушке. Если бы я отказалась от сделки, он казнил бы меня. Лучше согласиться сейчас и попытаться найти способ сообщать ему ровно столько, чтобы его удовлетворить, но не предавать Лару, её семью или Друстана, который был добр ко мне без всякой причины. Это будет сложная линия, но всё же лучше пройти по ней, чем позволить своему пути закончиться прямо здесь.

Я кивнула.

— Я расскажу всё, что узнаю.

Каллен улыбнулся, но в его холодных глазах не было ни капли радости.

— Когда у тебя появится информация, иди в переднюю у Дома Крови. Жди там, пока я не приду, сколько бы времени это ни заняло.

Я кивнула, молча клянясь ходить туда как можно реже.

Словно прочитав мои мысли, он сказал:

— Если ты будешь появляться там недостаточно часто, я сам найду тебя.

Он провёл прохладным пальцем по моей щеке, и я подавила дрожь отвращения при его прикосновении.

— И, Кенна… поверь, тебе не захочется, чтобы это произошло.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 14

Лара и я обе проспали до раннего вечера — празднования длились до самого рассвета. Лара была в восторге, когда я помогала ей раздеваться после торжества.

— Ты видела их лица? Они не верили, что я справлюсь!

Я улыбнулась, хотя внутри мелькнула неприятная мысль: Ты не справилась. Это сделала я.

Потом она взяла меня за руки.

— Спасибо.

Её искренняя улыбка рассеяла моё раздражение, словно её благодарность была способна смыть всё.

Её хорошее настроение сохранилось и на следующий день. Когда она, наконец, позвала меня, она попросила лишь отправить запрос на поднос с кухни. Остаток дня был в моём распоряжении. Мне хотелось бы просто продолжить спать, но я не собиралась упускать возможность заняться чем-то полезным.

У меня было две цели. Другие человеческие слуги не могли говорить вслух — варварская магия фейри лишила их языка, — но я заметила, что они общаются между собой с помощью жестов. Ещё в мой первый день в Доме Земли меня удивило, как женщина шевелила пальцами, и с тех пор я видела, как другие использовали такие же движения. Я собиралась спуститься на уровень, где жили люди, и попросить их научить меня. Вторая цель — продолжить исследовать проходы. Возможно, я увижу или услышу что-то полезное: информацию, которой можно поделиться с Калленом, или детали, которые помогут в побеге.

Человеческие уровни сильно отличались от уровней фейри.

Они находились глубже под землёй, и я вышла из лестничного пролёта в узкий коридор с низким потолком и неровным каменным полом. Здесь не было кристаллов, имитирующих дневной свет, — тусклые факелы давали единственное освещение. Стены над ними почернели от копоти за века горения. Пахло дымом, потом и нечистотами.

Здесь не было запертых дверей, только открытые арки. Я проходила мимо бесчисленных мастерских, где мужчины и женщины шили, полировали серебряные украшения, мыли кастрюли, сортировали зёрна и чечевицу, гладили, складывали и убирали. Казалось, наиболее чёрная работа была отдана людям, а не фейри-прислужникам, хотя это не всегда было так: в Доме Земли были и фейри, которые убирали и гладили. Возможно, Ориана не хотела, чтобы «низшие» человеческие руки касались её белья.

На меня бросали любопытные взгляды, но никто не подходил. Ощущение было жутким: без привычного шума и разговоров слуг царила тишина, нарушаемая лишь вспышками движений рук и редким смешком или звуком одобрения.

Мастерские сменялись комнатами с рядами крошечных кроватей, поставленных друг на друга. Здесь тоже не было дверей. Возможно, это была тонкая демонстрация власти фейри, лишающая людей права на приватность.

Я словно шла по норе животного: темно, тесно, спертый воздух. Меня начинало тошнить после нескольких минут пребывания здесь. Лица, что я видела, были измождёнными, а тела сгорбленными от возраста или тяжёлого труда. И всё же,

несмотря на угрюмую обстановку, многие улыбались и оживлённо жестикулировали, находя радость друг в друге.

И тут я услышала тихий плач из конца коридора.

Любопытство привело меня на звук. В одной из комнат на кровати сидела женщина, обхватив колени руками. Её каштановые волосы касались пола, закрывая лицо. Рядом сидела пожилая женщина и утешающе гладила её по спине.

— Мне страшно, — прошептала молодая женщина.

Я вздрогнула от неожиданности: голос! Обе женщины подняли головы, как испуганные зайцы.

— Простите, что вторглась, — сказала я, подняв руки в мирном жесте. — Я хотела встретить других людей.

Старуха посмотрела на меня с подозрением, но молодая женщина — теперь я могла разглядеть её прекрасные карие глаза — выглядела поражённой.

— Тебя тоже только что выпустили из королевского борделя? — спросила она.

Слово бордель было как удар в живот. Я постаралась, чтобы в голосе не прозвучала жалость.

— Нет, я служанка в Доме Земли.

Женщина выпрямилась, вытирая слёзы со щёк.

— Я слышала о тебе. Ко мне приходил гость в день солнцестояния. — Её голос дрогнул на слове гость, и я поняла, что она имела в виду. — Почему тебе не отрезали язык?

— Мне нужно говорить с моей госпожой. Почему тебе не отрезали язык?

Она вздрогнула.

— Потому что он понадобился.

Ах. Я поморщилась от собственной бестактности, от того, как случайно причинила ей боль.

— Мне очень жаль, — сказала я. — Я даже не знала, что здесь есть бордель. Я ничего не знаю о других людях. Меня, кстати, зовут Кенна.

— Я Триана. — Она кивнула на женщину, которая всё ещё гладила её по спине круговыми движениями. — Это Мод. Она здесь дольше всех, и она тоже была в борделе.

На кончиках пальцев Мод виднелись знакомые зеленовато-жёлтые пятна — она, должно быть, работала с травами, готовя зелья и припарки. Слабая, но привычная боль в груди усилилась. Летом исполнится два года, как не стало моей матери, но иногда такие мелочи, как эта, напоминали о ней, и тогда горе накрывало меня, как порыв внезапного ветра.

Я прижала руку к сердцу и склонила голову.

— Приятно с вами познакомиться. Насколько это возможно в таких обстоятельствах.

Лицо Мод смягчилось, а губы Трианы изогнулись в грустной улыбке.

— Наша жизнь сильно изменилась, правда?

— Как долго ты здесь? — спросила я. Возможно, мне следовало оставить её в покое, но её глаза заискрились интересом, и она, казалось, хотела поговорить так же сильно, как и я. — И откуда ты родом? Я из Тамблдауна.

— О, Тамблдаун! Я там бывала. Я жила в Алиторпе, но меня похитили восемь лет назад, прямо из кровати. — Триана вздрогнула. — Один из фейри Иллюзий искал женщин. Король любит разнообразие.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Алиторп — деревня в дне пути от Тамблдауна. Возможно, я видела её когда-то на ярмарке. Её история доказала то, о чём мне рассказывал Эйден: король похищает людей по своему капризу. Свежая волна ярости затопила меня, вытеснив грусть. Гнев чувствовать легче.

Я повернулась к Мод.

— Я ещё не говорю на вашем языке жестов. Прости. Но ты тоже из Алиторпа?

Она кивнула, её рот был искривлён в угрюмом выражении, а в глазах читалась тяжесть прожитых лет.

— Старейшины никогда не рассказывали нам ничего из этого, — сказала я, чувствуя почти такую же ненависть к вождям деревни, как и к королю Осрику. — О том, какие фейри на самом деле, о том, что они делают с людьми.

Вместо этого они наполняли наши головы пустыми мечтами. Эти рассказы о благословениях, о том, как фейри шепчут им на ухо и направляют их руки… Знали ли они горькую правду? Или были такими же невежественными, как и все мы, просто изобретая себе авторитет?

Я бы поставила на второе. И старейшины никогда не будут теми, кто платит за свою же ложь. За это платят такие, как Триана и Мод, как Аня… даже такие, как моя мать, отдавшая свои лучшие годы вере и умершая, молясь о спасении, которое так и не пришло.

— Я когда-то верила по-настоящему, — горько сказала Триана. — Ты поверишь, что сначала я даже была рада, что меня украли? Думала, меня осыплют богатствами. Что, возможно, фейри разглядели во мне то, чего никто никогда не видел.

Она опустила голову, скрыв лицо за волосами.

— Они действительно что-то разглядели.

Мод тихо хмыкнула и провела пятнистой рукой по волосам Трианы.

— Всех здесь похитили из кроватей? — спросила я.

— Да, в основном. Обычно потому, что они были красивыми или особенно сильными. Но некоторых забирали младенцами.

Сначала я подумала, что ослышалась — идея была слишком отвратительной.

— Ты сказала, младенцами? Зачем?

— Кто знает? Возможно, чтобы воспитывать их как слуг с самого рождения.

Меня пробрала дрожь.

— Я не могу представить, каково это — вырасти здесь.

Триана печально улыбнулась.

— Думаю, в этом смысле нам повезло. По крайней мере, мы знаем, как выглядит внешний мир. Здесь есть те, кто никогда не видел солнца.

Она похлопала по свободной части кровати рядом с собой.

— Садись, устраивайся поудобнее.

Мод кивнула, повторяя приглашение.

Я села, благодарная за их гостеприимство.

— Ты говорила, что они отпустили тебя из борделя? — нерешительно спросила я.

— Да. — Триана глубоко вдохнула, чтобы успокоиться. — Я слишком стара, чтобы их привлекать. Большинство Благородных Фейри предпочитают шлюх молодыми и… без изъянов. По крайней мере, на время.

Её плечи опустились при этих словах, и Мод снова издала мягкий звук, обняв её.

Всё это было отвратительно.

— Значит, теперь ты станешь служанкой?

— К счастью, да.

Я нахмурилась, вспоминая звук её горьких рыданий, доносившихся из коридора.

— Но ты говорила, что боишься. Чего ты боишься? — Разве работа по дому не лучше того, что ей пришлось пережить в борделе? Между добровольным выбором торговать своим телом за деньги и принуждением к этому была огромная разница, хотя я сомневалась, что Благородные Фейри хоть как-то компенсировали страдания людей.

— Это глупо. — Свежие слёзы появились на глазах Трианы. — Я так долго этого хотела и говорила себе, что любая жертва того стоит. Но теперь, когда это наконец случится… Я боюсь потерять язык.

Я отшатнулась.

— Они всё-таки его отрежут? — Я должна была ожидать такого от фейри, но всё равно это было шокирующее варварство.

— Завтра утром. Прислужники из Дома Огня отрежут его и прижгут рану. После этого я стану, как все остальные. — Её передёрнуло. — Но это всё равно лучше, чем бордель.

— Мне очень жаль. Я даже представить себе не могу, — сказала я, чувствуя вину. Несмотря на то, что я была пленницей, моя жизнь под землёй казалась раем по сравнению с тем, через что прошла Триана. — Ты знаешь язык жестов?

— Немного. Нас держали отдельно от остальных людей, но кое-что мы выучили. Мод научит меня многому.

Я замялась, размышляя, могу ли я попросить присоединиться к этим урокам. Не напомнит ли моё присутствие Триане о том, что она потеряла, — о том, что я по чистой случайности всё ещё сохраняю?

— Можно мне иногда присоединяться к вам? — спросила я. — Мне было бы приятно познакомиться с вами поближе и выучить язык жестов.

Триана посмотрела на Мод.

— Что ты думаешь?

Мод внимательно посмотрела на меня своими тёмными, проницательными глазами, а затем кивнула.

Триана улыбнулась.

— Тогда да.

***

Поблагодарив Мод и Триану, я покинула их, не желая больше вторгаться в горе Трианы.

Я заметила мерцающую потайную дверь в коридоре, но вышла через основную лестницу на случай, если кто-то наблюдает. Другие лестницы вели на более глубокие уровни, где жили ещё больше людей. Интересно, сколько человек обитало здесь? Сотни, как минимум. Поразительно, что такое количество людей могло быть похищено из своих домов, не привлекая внимания человеческого мира. Хотя, вспоминая Тамблдаун, я не раз слышала истории о пропавших: кто-то предполагал, что они утонули в болоте, кто-то считал их беглецами или жертвами убийства.

Я нашла другой вход в проходы несколькими уровнями выше и проскользнула внутрь. Достав из мешочка кусок пергамента и перо, я начала рисовать. Моей мысленной карты было недостаточно, учитывая, сколько уровней и коридоров петляло

через Мистей. Я начала документировать свои открытия и набросала схему человеческого сектора.

В проходах легко было потеряться, но два фактора играли мне на руку. Во-первых, рано или поздно я неизбежно выходила к подземной реке, по которой могла найти дорогу обратно в Дом Земли. Во-вторых, здесь было столько выходов — как традиционных дверей, так и глазков для слежки, — что я всегда могла найти путь к знакомому месту. Тем не менее я аккуратно записывала свой маршрут, двигаясь по туннелю.

Этот участок проходов был грубо высечен, и я шла осторожно, освещая путь светящимся ключом. Туннель постепенно шёл вверх, пока свет ключа не смешался с лучами, пробивающимися через небольшое отверстие в стене. Я прищурилась, глядя сквозь него, и подумала, как бы посмотреть на этот глазок с другой стороны, чтобы понять, как его скрыли от острого взгляда фейри. Возможно, он был замаскирован под элемент декора.

Маленькое отверстие выходило в коридор рядом с Домом Огня. Факелы сияли красно-золотым светом, а кристаллы на потолке отражали тёплое освещение позднего дня. Мимо пробежала стайка смеющихся детей.

Я видела в Мистей не так много детей. Среди кандидатов были самые молодые фейри, которых я замечала на официальных мероприятиях, а в Доме Земли дети редко отправлялись исследовать новые места. Вероятно, потому что королевский двор был опасен даже для взрослых фейри.

Рядом были и другие отверстия, поэтому я продолжила осмотр, заглядывая в глазки и прижимая ухо к трещинам и скрытым дверям. Большинство разговоров, которые я подслушивала, были лёгкими: обсуждение моды, испытаний, подготовки к празднованию весеннего равноденствия.

Я двигалась дальше, пока не нашла небольшое витражное окно на уровне глаз. Острые линии узора изображали костёр, а свет из комнаты отбрасывал осколки цветов на коридор.

Я прищурилась, глядя сквозь искажённое стекло, пытаясь определить, что это за комната. На стенах висели полки — библиотека или кабинет. В центре комнаты над столом склонились три фигуры: двое в светлой одежде и один в тёмно-красной. Лица разглядеть было невозможно.

Я прижалась ухом к стеклу, напрягаясь, чтобы расслышать едва уловимые слова.

— Это представление было ещё более отвратительным, чем обычно, — голос принадлежал Друстану.

— Это всегда отвратительно, — ответил незнакомый женский голос.

— Обычно убивать приходится не так много. Его терпимость к несогласию падает. Скоро будет незаконно даже думать о нём плохо.

— Нам стоит быть осторожнее с выражениями, — произнёс другой мужской голос. — Говорят, у лорда Каллена шпионы в каждом углу.

Я поморщилась.

— Я наложил защиту на дверь, и, если бы в этой комнате была магия, я бы почувствовал её. Даже у силы Каллена есть пределы.

— Всё же, может, стоит смягчить слова, когда мы обсуждаем нашего дорогого короля. Мы хотим показать тебе список.

Друстан вздохнул.

— Хорошо. В любом случае его порочность долго не продержится.

Разговор прекратился, сменившись шуршанием бумаги и слишком тихими для понимания словами. Я напрягалась, глядя сквозь искажённое стекло, но не могла разобрать, какой список они рассматривали или кто были эти двое собеседников.

Моё сердце забилось быстрее, и меня слегка затошнило. Друстан не просто критиковал короля — он намекнул, что его дни сочтены. Это была измена, и Каллен точно захочет узнать об этом.

— Что насчёт Бельтейна? — наконец спросила женщина, достаточно громко, чтобы я расслышала. — Стоит ли нам налаживать связи?

— Нет, — ответил Друстан. — Слишком рискованно. У Осрика есть союзники в Гримвельде.

— Но Элсмир скоро получит нового лидера. Молодого, неопытного, возможно, податливого.

— Ты всегда узнаёшь самые интересные слухи. Хотел бы я знать, откуда, — заметил он.

— Некоторые секреты остаются моими, — ответила она.

Я не до конца понимала, о чём шла речь. Гримвельд был страной к северо-западу от Энтерры, за горами, которые мы называли Зубами Гигантов — в честь легенды, настолько старой, что от неё сохранилось лишь название. Говорили, что в ледяных равнинах Гримвельда день и ночь длятся по шесть месяцев. Там тоже, как шептались, жили фейри, но они носили доспехи изо льда и скакали на существах, созданных из снега.

А вот про Элсмир я никогда раньше не слышала, как и не понимала, какое отношение к этому имел Бельтейн.

— Это неплохая идея, — сказал Друстан, — но молодой и неопытный — не то, что нам нужно. А связи между нами всегда были слабыми.

Тогда заговорил второй мужчина.

— Внешние силы будут иметь свои собственные взгляды.

— Верно, — согласилась дама.

— Кроме того, на таких событиях Каллен всегда шепчет кому-то на ухо, — добавил Друстан. — Если они и податливы, он успеет уговорить их до того, как мы сможем даже представиться.

Последовали ещё несколько неразборчивых слов, затем шуршание бумаги. Наконец, дверь открылась и закрылась, а в библиотеке больше ничего не происходило.

Я замёрзла, дрожа не только от сырого холода коридора. Даже не понимая всех деталей их разговора, я знала, что он был важным. Каллен ждал от меня отчёта — что я могла ему дать?

Но я не собиралась предавать Друстана, особенно если он замышлял что-то против короля.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 15

Череда вечеринок и ужинов продолжалась, дни сливались в одно целое, пока я служила Ларе, помогала Элоди в Доме Земли и навещала Триану и Мод. Мой двадцать пятый день рождения тоже прошёл, будто его и не было. Какой смысл праздновать, если единственные два человека, которым это было бы важно, больше не со мной? Мама больше никогда не испечёт крошечный фруктовый кекс и не споёт тихим голосом, а Аня не станет притворяться раздражённой из-за того, что я на целый год её обогнала.

Человеческое время почти ничего не значило в Мистей, и я постаралась подавить любые чувства, связанные с этим событием, сосредоточив свои усилия на планировании побега.

Каждую свободную минуту я посвящала исследованию катакомб, ища путь наружу и прислушиваясь к новостям о ходе испытаний. Постепенно я начала узнавать места, где элита фейри собиралась пить, обмениваться колкостями и заключать бессмысленные пари. Однажды я даже обнаружила проход под тронным залом — жуткий, лишённый света коридор, где звуки сверху эхом доносились до меня.

Я не могла долго оставаться там: каждый разговор, который я подслушивала, был пропитан жестокостью, каждая шутка — омерзительна, а порой их сопровождали крики. Люк светился над моей головой, и каждый раз, проходя под ним, я видела в воображении, как он распахивается, обнажая меня перед кровожадным взглядом короля Осрика.

Поскольку в тронном зале никто не собирался делиться секретами, я сосредоточилась на других местах, скользя по проходам в стенах библиотек и гостиных. В некоторых местах коридоры были настолько узкими, что мне приходилось двигаться боком, стараясь не думать о том, что будет, если я застряну.

Мой самый важный прорыв случился однажды днём, когда мои исследования совпали со встречей кандидатов из Дома Иллюзий и Дома Света в богато обставленной гостиной. Я могла видеть их через глазок: Гаррик и Гита из Дома Света сидели на диване, в то время как Карисса и Маркас беспокойно шагали туда-сюда, словно не могли стоять на месте.

— Ну же, — сказала Гита. — Хоть намёк.

Она выглядела безупречно: каштановые волосы были уложены в изящный пучок, а снежно-белое атласное платье идеально ниспадало до пола.

Карисса рассмеялась — её смех звенел, как колокольчики. Её пурпурное бархатное платье было перевязано поясом из переливающегося шёлка, а рыжие волосы каскадом спадали до пояса, добавляя ей яркости, которая резко контрастировала со сдержанной элегантностью Гиты.

— Ты правда думаешь, что я что-то расскажу? Ты прошла лабиринт, Гита. А я — нет.

Её взгляд скользнул к Гаррику.

— Хотя я тут не единственная, кто потерпел неудачу.

— Неудачу? — переспросил Гаррик. — Я, кажется, помню, что вышел из лабиринта с наибольшим количеством жетонов. А сколько собрала ты, Карисса?

Щёки Кариссы вспыхнули.

— Ещё одна причина не делиться тем, что я знаю, с тобой.

— Мы могли бы обменяться информацией о нашем испытании Света, — предложила Гита.

— Ты первая.

— Это нечестно. Твоё испытание следующее.

— Вы все обошли меня в этом соревновании, включая Маркаса, а он идиот. Это более чем справедливо.

Маркас фыркнул, но защищать себя не стал.

Гита рассмеялась.

— Хорошо. Ты знаешь, что Свет ценит дисциплину. Наш тест будет проверкой на контроль. Способность управлять телом, даже если разум нарушен.

— Нарушен как?

Гита пожала плечами.

— Это всё, что я могу сказать.

Очевидно, это было далеко не всё, судя по самодовольному взгляду, которым она обменялась с Гарриком.

Карисса драматично вздохнула.

— Этого явно недостаточно.

— Очень жаль, — сказал Гаррик. — Теперь твоя очередь.

Карисса усмехнулась.

— О, я так не думаю. Пойдём, Маркас.

Она направилась к выходу, но Гаррик вскочил прежде, чем она успела сделать несколько шагов. Его рука крепко обхватила её за предплечье, рывком останавливая.

— Не думай, что можешь отказаться от сделки, — сказал он, сжимая её руку так, что его пальцы вдавились в её кожу.

— Это была бесполезная информация, — с вызовом ответила Карисса, вскинув подбородок, хотя в её глазах заблестели слёзы от боли.

Гаррик толкнул Кариссу к стене и ударил руками по стене с обеих сторон её головы.

— Попробуй ещё раз.

Гита смотрела на происходящее с развлекающимся видом, даже Маркас наблюдал с налётом жестокого удовлетворения. Видимо, верность дому заканчивалась там, где начинались унижения и насилие, которыми можно было насладиться.

Плечи Кариссы опустились в знак поражения.

— Я просто шутила, — угрюмо сказала она.

Гита изогнула идеальную бровь.

— Тогда ты такая же смешная, как и умная. Ну же, Карисса, ты ведь знаешь, что у тебя нет достаточной изысканности для таких игр.

— Ты такая стерва, Гита.

— Зато я компетентная стерва.

Гаррик обвил пальцами шею Кариссы, и она подняла руки в знак сдачи.

— Ладно, — сказала она. — Добродетель Иллюзий — это хитрость, так что ждите испытания на сообразительность.

— Как именно? — Гаррик не разжал пальцев.

— Через серию загадок и головоломок, которые нужно решить в установленное время.

— Какие загадки?

— Я скажу, если ты расскажешь, как именно будут нарушать наш разум.

Пальцы Гаррика сжались сильнее, и он улыбнулся, наблюдая, как Карисса пытается разжать их. Наконец он отпустил её.

— Увидимся на испытании, — сказал он.

Двое кандидатов из Дома Света вышли из комнаты.

Карисса с ненавистью посмотрела им вслед, а потом повернулась к Маркасу.

— Ты должен был меня защитить.

Он пожал плечами.

— Тебе стоило знать, что нельзя бросать вызов Гаррику. Это не моя вина, что ты дура.

— Я знаю, как тебе нравится лизать сапоги Гаррика, но мне нужно вернуть себе позиции после испытания Пустоты.

— И ты думаешь, что противостояние ему — лучший способ — это сделать? — Маркас покачал головой. — Никто не идёт против Гаррика. Он первый в очереди на наследие Дома Света.

Карисса нахмурилась.

— Я думала, брат Роланда был наследником. Самый младший… Лотар? Я слышала, что он занял это место после того, как Роланд убил отца Гаррика.

Что? Принц Роланд убил собственного брата? И Гаррик всё ещё был ему верен?

— Уже нет, — сказал Маркас. — Гаррик только вчера этим хвастался. Говорил, что принц Роланд наконец понял, кто достоин. Гаррик в деле, Лотар — вне игры.

— Это абсурд. Лотар живёт уже несколько веков; его уважают при дворе. А Гаррик… — Она сморщила нос, словно почувствовала что-то дурно пахнущее. — Гаррик.

Маркас пожал плечами.

— Может, он врёт. Суть в том, что ни один из нас не может позволить себе пойти против него. Если хочешь укрепить свои позиции, лучше постарайся показать себя на испытаниях.

Карисса возмущённо фыркнула и подняла руку, чтобы ударить его. Маркас поймал её запястье, а потом рассмеялся, когда она попыталась его поцарапать другой рукой.

Двое кандидатов из Дома Иллюзий продолжили ссориться, выходя из комнаты.

Я же почувствовала головокружительное удовлетворение от успеха. Принцесса Ориана ясно дала понять, что мне нужно добывать больше информации о предстоящих испытаниях, иначе последствия не заставят себя ждать. И теперь мне было что сообщить.

Позже, укладывая волосы Ларе, я рассказала ей о подслушанном разговоре.

Она скривилась, глядя в зеркало.

— Я ужасно разгадываю загадки. А вот Селвин их обожает. Может, у него есть книга, которую я могу почитать.

— Загадки фейри сложные? — спросила я.

— Сложные и скучные, — ответила Лара. — Обычно это ужасные стихи, написанные века назад, с отсылками к каким-то шуткам про давно умерших королей.

— Это звучит ужасно.

— Так и есть. На самом деле я меньше беспокоюсь о испытании Дома Света. Я всё лучше учусь выглядеть скучающей, так что, если всё, что от меня потребуется, — скрывать свои мысли и чувства, это не должно быть слишком сложно.

Лара становилась всё более откровенной со мной с каждым днём. Всё началось после того злополучного ужина — наверное, потому что я не рассказала её матери о слезах, — а испытание Пустоты, казалось, укрепило эту шаткую связь между нами.

— Хотела бы я знать, что они сделают с твоим разумом, — сказала я. — Зная Дом Света, это, скорее всего, будет больно.

Я передёрнулась, вспоминая, как принц Роланд наслаждался казнями.

Лара поморщилась.

— Думаю, ты права. Я никогда не понимала, почему они такие садисты.

Я закрепила косу на её голове и добавила жёлтый цветок.

— Я слышала, что они невосприимчивы к магии.

— В основном да. По крайней мере, они к ней устойчивы — Иллюзия может обмануть их на пару секунд, но не больше. Даже лозам Орианы пришлось бы изрядно постараться, чтобы пробиться сквозь их защиту. Именно поэтому король делает их тюремщиками и палачами: их нельзя обмануть или ранить магией других домов.

Я вспомнила крылатых стражников с того ужасного, кровавого ужина — их белоснежные глаза и гладкую кожу там, где должны быть рты.

— Хотя никто не может убить с помощью магии без разрешения короля, — продолжила Лара. — Это слишком истощает силы, но раньше такое случалось чаще, до восстания. Дом Света иногда сражается магией, но предпочитает оружие. Это так примитивно.

Как у людей, подумала я, но не сказала.

— Часто ли фейри сражаются? — спросила я. — Вряд ли войны здесь так уж обычны.

— Небольшие стычки между домами случаются довольно часто, или даже между семьями внутри одного дома. Но настоящая война была лишь одна — во время восстания. Ориана говорит, это было ужасающе.

Лара окинула взглядом своё отражение в зеркале.

— Ты становишься лучше в этом. Найди ожерелье, и я готова к ужину.

Я начала перебирать украшения в её шкатулке.

— Тебе вообще нравятся эти ужины?

— Не особо. Все такие конкурентные, что только и делают, что оскорбляют друг друга. Гаррик и Гита любят говорить мне, что я провалюсь.

Гаррик и Гита, похоже, наслаждались тем, чтобы мучить всех вокруг.

— Обязательно ли пройти все испытания, чтобы победить?

Если так, то Карисса и Талфрин уже были обречены.

— Думаю, нет. Судя по всему, решение принимается на основе общей успеваемости, но никто не знает, как магия это определяет.

Она отмахнулась от этой мысли и поднялась.

— Пойдём.

Тем вечером я стояла рядом с Эйденом, наблюдая, как Лара разговаривает с другими кандидатами за небольшим ужином, устроенным Домом Иллюзий. Гаррик и Маркас сидели вместе, а Гита и Карисса снова объединились в союзниц по язвительности. Все четверо постоянно оскорбляли Лару.

Лара была права — она действительно научилась выглядеть равнодушной. Но я могла понять, когда колкость попадала в цель, по тому, как её пальцы сжимались или дёргался глаз.

— Она хорошо держится, — сказал Эйден. — Во время первого испытания она удивила всех.

— Она сильнее, чем кажется.

— Эдрик больше не недооценивает её.

Кандидат из Дома Огня действительно показал себя, завершив лабиринт вовремя и собрав два жетона. Пока Эдрик запрокидывал голову, смеясь над шуткой Гиты, Эйден смотрел на него с тёплой улыбкой.

— Ты заботишься о нём, правда? — спросила я.

— Очень, — ответил он.

Как несправедливо, что кандидаты сталкивались с угрозой смерти, когда у них были друзья и близкие, которые переживали за них. Что бы делал Эйден, если бы Эдрик потерпел неудачу? Куда бы он пошёл? Мы с ним стояли на равных, но если я могла хоть как-то предотвратить его утрату...

— Испытание Иллюзий будет состоять из головоломок и загадок, — прошептала я. — А у Дома Света это будет проверка дисциплины: контроль над телом, когда разум нарушен.

Он удивлённо взглянул на меня. Я пожала плечами.

— Считай это платой, — сказала я. — За то, что ты тогда рискнул и помог мне перед испытанием Пустоты.

— Но ты дала мне три информации, а я — только одну.

— Значит, придумай что-нибудь ещё. — Я подмигнула, и Эйден рассмеялся.

Лара задержалась на приватные посиделки с другими кандидатами, поэтому я отправилась в Дом Земли одна. Я выбрала другой маршрут, менее прямой, но проходящий мимо интересных комнат. Один из коридоров был выстроен с нишами, в которых стояли мраморные статуи: лорды и леди Благородных Фейри, изображённые в натуральную величину, настолько реалистичные, что казалось, вот-вот вдохнут.

Воздух в коридоре сдвинулся от странного сквозняка, которые иногда блуждали по Мистей. Пламя факелов затрепетало, тени углубились, и мне почудилось, будто мраморные глаза двигаются, следя за мной, а мраморные руки сжимаются на оружии.

Я покачала головой, осуждая собственную глупость, и остановилась у статуи прекрасной леди, укутанной в розы, приказывая сердцу успокоиться.

В коридоре за моей спиной послышались шаги. Я резко обернулась, но облегчённо выдохнула, когда появился принц Друстан. Он улыбался, выглядел расслабленным, его наряд ярко поблёскивал в свете факелов.

— Добрый вечер, Кенна, — сказал он, останавливаясь рядом со мной. Он кивнул на статую. — Вижу, ты нашла первую леди Дома Земли, принцессу Клоту.

Давнюю предшественницу принцессы Орианы — я слышала её имя в доме. Её мраморное лицо было круглым, фигура — пышной, а из поднятой руки казалось, будто льётся вода, образуя у её ног небольшую лужу. Мне хотелось спросить, кого изображали остальные статуи, но Друстан явно последовал за мной сюда с ужина, и наверняка у него была причина.

Глядя на его лёгкую улыбку, я вспомнила услышанное ранее: Его порочность долго не продержится.

Моё облегчение сменилось тревожной неуверенностью. Через меня прокатилась волна нервного ожидания — или, может, предвкушения.

— Добрый вечер, мой принц, — сказала я, делая реверанс.

Его брови приподнялись.

— Мы сегодня такие официальные? Я думал, я ясно выразил свои предпочтения.

— Только наедине и в кругу твоих друзей, — указала я. — Я всего лишь слуга, а мы всё ещё на территории Иллюзий.

Какую бы игру он ни затеял, она была опасной, и я чувствовала себя одновременно настороженной и заинтригованной.

Его улыбка стала шире, а эта кривая усмешка сбила меня с мысли и вызвала тёплый отклик где-то внизу живота. Это была улыбка, которая словно приглашала довериться, исповедаться… приблизиться.

— А я-то надеялся, что мы ближе друг к другу, Кенна, — сказал он.

Мои щёки запылали от того, как он почти промурлыкал моё имя. Проклятье этому фейри за то, что он был таким привлекательным — он путал мне голову, заставлял чувствовать жар и смущение. Я огляделась, но коридор был пуст, если не считать статуй, притаившихся в тенистых нишах. Друстан, казалось, не волновался о подслушивающих, хотя его голос был достаточно низким, чтобы далеко не разноситься.

Что ж, я всегда предпочитала говорить прямо.

— Со мной? Или с кем-то, кто находится в удобной позиции в Доме Земли? — спросила я так же тихо, надеясь, что в тусклом свете факелов мой румянец не виден.

Его глаза чуть сузились, а затем скользнули по мне.

— Если ты задаёшь такие вопросы, то ответ определённо — с тобой.

Он стоял слишком близко. Жар, исходивший от него, согревал мою грудь, живот… и ещё ниже. Его лицо было безупречно выточенными, кожа мерцала, как у всех фейри, а серые глаза в свете факелов казались расплавленным серебром. Он был таким же недостижимым, как звезда для простой смертной, таким же неосязаемым, но как же мне хотелось прикоснуться. Несколько медных прядей выбились из его собранных волос, и мои пальцы непроизвольно дёрнулись — я хотела убрать их за ухо.

Я изо всех сил старалась сохранить трезвость мыслей.

— Не уверена, что понимаю, что ты имеешь в виду, мой принц.

Он наклонился ближе, и его дыхание коснулось моей щеки.

— Зови меня Друстаном. И, думаю, ты всё прекрасно понимаешь, Кенна.

Он отступил ровно настолько, чтобы наши глаза встретились. Я утонула в его взгляде, в этих серых ирисах, как жидкое серебро.

— Смелость, но с умом — редкое сочетание.

Мое сердце сбилось с ритма. Как и мои колени, которые чуть не подогнулись. Я сжала кулаки в складках юбки, будто это могло удержать меня на ногах.

— Хотелось бы, чтобы фейри говорили прямо, а не юлили, — пробормотала я.

Друстан рассмеялся — звук был почти удивлённым, — а затем выпрямился.

— Не так сильно, как мне хотелось бы, чтобы люди умели слушать смысл между словами.

Его зубы прикусили пухлую нижнюю губу, пока он внимательно разглядывал меня.

— Хорошего вечера, Кенна.

Он собирался уйти? Я едва понимала, что только что произошло, но всё моё тело жаждало, чтобы он остался. И всё же у меня была гордость.

— Тебе тоже, — ответила я, осторожно облизывая губы. — Друстан.

Его ресницы на миг опустились, прикрывая глаза. Затем его чувственная улыбка снова заиграла на губах, скрывая смыслы, о которых я могла лишь догадываться. Он

повернулся и ушёл, скрывшись за углом, оставив меня с ощущением, будто я осталась без воздуха, словно всё тело пронизала искра.

— Как интересно.

Я резко отпрянула от неожиданного голоса, прижав руку к груди, когда плечи ударились о стену.

Тени в нише в конце коридора словно зашевелились, и оттуда вышел фейри, за которым тянулись тонкие нити мрака. Лорд Каллен, чьё лицо было холодным и неподвижным, как мраморная статуя.

Моё сердце забилось в панике, пока он медленно приближался, его шаги звучали мерно и угрожающе. Он шёл, как хищник, уверенный, что мне некуда бежать, что я не смогу его обогнать или спрятаться. Он мог видеть в темноте, сливаться с тенями, как змея. Куда я могла пойти, где бы он не нашёл меня?

И вот он оказался передо мной, как только что стоял Друстан, но от его кожи не исходило никакого тепла, а его глаза говорили о холодном, чёрном льде.

— Лорд Каллен, — пробормотала я, неловко кланяясь.

— Ты трахаешься с принцем Огня? — спросил он.

Я вздрогнула от грубого слова.

— Н-нет, милорд.

— Хм. — Его взгляд скользнул по мне. — Скоро будешь, готов поспорить. Он не тратит время на то, что не может получить.

Его губы тронула загадочная улыбка.

— Почти никогда.

Действительно ли Друстан положил на меня глаз? Эта мысль была головокружительной, но точно не той, которую следовало обдумывать в присутствии Мести Короля. Каллен говорил это лишь для того, чтобы вызвать у меня какую-то реакцию.

— Я направляюсь в Дом Земли, — холодно сказала я. — Прошу извинить.

Я попыталась пройти мимо него, но он схватил меня за запястье. Не сильно, но и не мягко. Его хватка была твёрдой, непреклонной.

— О чём вы с ним говорили?

— Я... я не знаю, — запнулась я. — Он сказал, что эта статуя — принцесса Клота. Сказал, что хотел бы, чтобы мы были ближе. Пожелал мне доброго вечера, и всё.

— И всё, — повторил Каллен. Он выглядел так, будто не поверил мне.

В словах Друстана были скрытые смыслы, которые я ещё не разобрала, так что нет, это было не всё, но я и не лгала.

— Думаю, он получает удовольствие, играя со мной, — сказала я Каллену. Это тоже не было полной ложью. — Я для него загадка.

— Человек, который пересёк болото, — задумчиво произнёс он. — Капля крови фейри и изрядная доля смелости. Да, вижу, почему это интригует.

Кинжал на моём запястье чуть сдвинулся, и я едва не вздрогнула. Я так привыкла к этому украшению, что иногда забывала о его существовании. Однажды я пыталась снять браслет перед купанием, но металл стал жидким, побежал по моей коже, покусывая её и передавая в мой разум раздражение. В итоге я сдалась, решив разобраться с этим позже.

Движение кинжала придало мне немного уверенности. Если я действительно окажусь в опасности, он наверняка меня защитит. Я глубоко вдохнула, пытаясь найти в себе ту самую смелость, которую Каллен так странно отметил.

— Хотела бы я, чтобы вы не находили меня интригующей, — честно сказала я.

На его мраморном лице появилась едва заметная трещина — лёгкий подёргивающийся уголок губ.

— Большинство людей думает так же, — сказал он после паузы. — Но большинство не говорит мне этого в лицо.

— Могу ли я уйти, милорд? — с максимальной вежливостью, на которую была способна, спросила я. — У меня есть обязанности в доме.

— Нет, не можешь, — без всякой вежливости ответил он. — Ты не дала мне никакой информации.

Его пальцы чуть сильнее сжались на моём запястье.

— А я не люблю ждать.

По телу пробежала дрожь. Пот выступил на спине и под мышками, несмотря на холод коридора. Вот оно — время платить по счетам. Что я могла ему предложить?

— Я слышала, что Гаррик теперь новый наследник Дома Света, — сказала я. — Об этом говорили кандидаты.

Лицо Каллена оставалось непроницаемым.

— Гаррик считает себя победителем испытаний, хотя это ещё не так. Что ещё?

— Ещё? — переспросила я. — Этого недостаточно?

— За недели, которые ты провела, прячась по углам на приёмах? Нет, этого недостаточно.

Он наклонил голову, и шёлк его чёрных волос скользнул по плечам, прямых и блестящих, как воронье крыло.

— Ну же, Кенна. Ещё одна информация — и я позволю тебе уйти.

Думать в присутствии Каллена было так же сложно, как и в присутствии Друстана, хотя причины были разные. Друстан сбивал меня с толку желанием, а сейчас страх разгонял мои мысли в разные стороны. Улыбка Друстана могла скрывать секреты, но Каллен не улыбался вовсе… и я подозревала, что его секреты намного хуже.

Но кое-что я могла предложить, хотя нужно было скрыть источник этой информации.

— На одной из вечеринок я подслушала кое-что, — сказала я. — Кто-то упомянул место… Элсмир? Говорили, что у него новый правитель. Или скоро будет.

Его глаза расширились.

— Кто это сказал? — потребовал он, и это было самым сильным проявлением эмоций, которое я видела у него до сих пор.

— Я не знаю, — солгала я. Вспомнила бледные фигуры, видневшиеся через витражное окно библиотеки. Это не могли быть представители Дома Света — они союзники короля. Скорее всего, это была какая-то дама из Дома Огня в пастельно-жёлтом платье, которое через цветное стекло невозможно было отличить от кремового.

— Леди из Дома Света, — солгала я. — Я не знаю её имени.

— Как она выглядела?

— У неё были… каштановые волосы? — предположила я, решив, что это будет достаточно общим описанием. Я нарочно давала ложные зацепки, но не хотела, чтобы он смог их куда-то привести.

— Это вопрос или утверждение?

— У неё были каштановые волосы, — повторила я. — Светлая кожа. Это был незначительный комментарий, я не помню остальной разговор. Просто слово зацепило меня, потому что я никогда раньше не слышала об Элсмире.

Он ещё несколько мучительных секунд смотрел на меня, затем разжал пальцы, отпустив моё запястье.

— На сегодня этого хватит.

Я беззвучно выдохнула с облегчением и обхватила своё запястье другой рукой, потирая его не от боли, а скорее пытаясь стереть воспоминание о его прикосновении.

Его тёмные глаза скользнули вниз к моему запястью, затем снова поднялись. Свет факелов отбрасывал на его лицо тени, отчего его скулы и нос казались острыми, как лезвия.

— До следующей встречи, Кенна.

Тени в нише напротив сгущались и темнели, а затем начали медленно выползать на пол, словно живые. Я отшатнулась, прижавшись к стене, пока тёмные нити обвивали лодыжки Каллена, затем поднимались по его ногам и вокруг торса, оборачивая его в кокон ночи. Последними исчезли его глаза, которые всё это время смотрели на меня.

Лёгкий ветерок шевельнул подол моего платья. Когда свет в коридоре вернулся в норму, Каллен исчез.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 16

Испытание Иллюзии настало быстрее, чем я могла предположить. Прошёл целый месяц с момента испытания Пустоты, но время летело так стремительно, что казалось, будто прошла всего неделя.

Испытание должно было состояться этим вечером, во время бала. Лара сосредоточенно изучала одну из книг с загадками, принадлежавших Селвину, пока я закалывала её волосы в корону из кос. Её платье было восхитительным: лиф цвета весенней травы покрывала тонкая сетка из вечнозелёного кружева, а глубокий вырез украшали чередующиеся бриллианты и розовые шелковые розочки. Та же сетка драпировала верхнюю часть её пышной юбки, ткань была собрана в нескольких местах, где её украшали такие же розочки. Лара выглядела воплощением самой весны.

Я же, напротив, была одета в то же зелёное платье, что носила на злополучном королевском ужине. Практичный наряд, совершенно не предназначенный для красоты. На миг я представила себя в шёлке и драгоценностях. Забавная фантазия, но с тех пор, как я получила доступ к косметике и платьям, я начала ценить их гораздо больше. Когда-то я гордилась своей репутацией дикарки, но время, проведённое при дворе фейри, позволило мне попробовать другой образ жизни. И, на удивление, он оказался куда более привлекательным, чем я могла подумать.

Потеря Ани с каждым днём становилась всё более далёкой, но в такие моменты её отсутствие чувствовалось особенно остро. Я могла бы представить, как она дразнила бы меня за желание надеть нарядное платье.

— Я думала, платья для тех, у кого нет фантазии, — насмешливо произнесла бы она, возвращая мне мои же слова. — Разве ты не носила брюки, чтобы быть оригинальной?

Я бы дёрнула её за волосы, она бы рассмеялась, ущипнула меня за нос и тут же вызвала бы на гонку, которую, конечно же, выиграла бы, будучи на добрый фут выше меня. Затем она потребовала бы свою награду — подробное описание моего платья мечты, до последнего стежка.

Лара наклонила голову и улыбнулась своему отражению в зеркале. В этом движении тоже было что-то от Ани.

— Мне нравится, — сказала она. Поднявшись, она разгладила юбку, приложила руку к животу и сделала такой глубокий вдох, какой позволял узкий лиф. — Пора разгадывать загадки.

Селвин ждал нас у подножия лестницы.

— Ты выглядишь ужасно, — бросил он Ларе, когда она появилась в холле.

— Не завидуй взрослым, Росток, — ответила она, используя прозвище, которое давала ему только в отсутствие Орианы. — Разве не пора тебе уже спать?

Он нахмурился.

— Зачем вообще наряжаться? Хочешь произвести впечатление на короля? Все и так знают...

— Селвин, — резко перебила его Лара, когда к ним подошла Ориана. — Спасибо за комплимент моему платью. Спокойной ночи.

Когда Селвин ушёл, сдвинув брови, Лара покачала головой.

— Подростки, — с усмешкой произнесла она.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

***

Бальный зал казался воплощением волшебства. Зеркальный потолок, стены и пол отражали цвет и свет до бесконечности. С потолка свисали гирлянды цветов, а вдоль периметра через каждые три метра стояли сияющие мраморные статуи. Сотни светлячков-фейри медленно кружили над толпой. Благородные Фейри щеголяли в своих лучших нарядах: сложные, сверкающие платья и длинные формальные туники с высокими разрезами, открывающими чёрные брюки и отполированные до блеска сапоги. В переполненном зале было тепло, и фейри охлаждали себя украшенными драгоценностями веерами, идеально подобранными к их нарядам. Они порхали, словно рой бабочек.

Лара щёлкнула кружевным веером и уверенно вошла в зал, пока я отступила в тень, слившись с группой слуг. Сегодня нас не выстраивали вдоль стен, как обычно. Мы должны были быть постоянно наготове, чтобы прислуживать своим хозяевам: подавать напитки или чинить порванные от танцев наряды.

Это были странные и удивительные танцы. Пары чередовали синхронные, изысканные движения с медленным кружением в тесных кругах, протягивая одну руку грациозно вперёд, а другой обнимая партнёра за талию — нечто, что заставило бы нашего деревенского Старейшину неодобрительно хмуриться. Время от времени дамы танцевали с дамами, а лорды — с лордами, что тоже вызвало бы осуждение Старейшины. Но фейри не видели преград для любви, независимо от гендера. Эти танцы были пронизаны чувственностью, смесью обещания прикосновения и лёгкой отстранённости.

Лара танцевала как с дамами, так и с лордами, и я с удивлением заметила, что не все её партнёры были из Дома Земли. На самом деле, многие пары, скользящие по зеркальному полу, представляли противоположные дома. Я спросила об этом у Эйдена, когда направлялась за бокалом вина для Лары.

— Общение между домами — это традиция во время таких балов, — объяснил он. — В другое время это не то, чтобы запрещено, так что дружбы между домами случаются, но именно здесь, на балу, это поощряется. Это напоминание о том, что мы все граждане Мистей.

Друстан танцевал без устали, сменяя одну красавицу за другой, его голова часто запрокидывалась от смеха. Его медные волосы были стянуты назад, подчёркивая чёткие линии лица. В сверкающей алой тунике с вышитыми языками пламени он выглядел просто великолепно. Я зачарованно наблюдала за его движениями, полными атлетичной грации.

Я поспешно отвела взгляд, когда заметила, что Эйден заметил моё пристальное внимание. Но это не помогло.

— Принц Огня, безусловно, приковывает взгляды, — с ухмылкой заметил Эйден. — Всегда интересно… он такой же горячий в спальне, как и внешне?

Я вспыхнула.

— Перестань нести чушь.

Эйден улыбнулся ещё шире, его лицо озарила яркая улыбка.

— Ничего постыдного в том, чтобы смотреть, дорогая Кенна.

Я поспешила уйти, пока Эйден не успел продолжить свои поддразнивания.

Я принесла Ларе несколько бокалов вина, чередуя их с пуншем, чтобы она сохраняла ясность ума. Уже начинала сомневаться, начнётся ли испытание вообще,

как вдруг музыка смолкла. Зал погрузился в тишину, когда король поднялся с прозрачного стеклянного трона в дальнем конце комнаты.

Он был облачён в ослепительно белую тунику с фиолетовой каймой, а алмазные блёстки усыпали рукава, как иней на морозном утре.

— Добро пожаловать на второе испытание, — произнёс он.

Я затаила дыхание, готовая броситься на помощь Ларе. Если, конечно, мне удастся ей помочь. С таким количеством любопытных взглядов, устремлённых на участников, ей, возможно, придётся справляться самой.

— Ваше следующее испытание — это проверка хитрости и интеллекта. У каждого из вас теперь есть браслет на запястье.

Глаза Лары расширились от удивления, когда она заметила новый серебряный браслет с небольшой фиолетовой коробочкой наверху. Остальные кандидаты выглядели не менее ошеломлёнными, рассматривая свои собственные.

— В этом зале спрятаны несколько подсказок для каждого участника. Браслет — первая из них. Разгадайте их все до полуночи и следуйте предоставленным инструкциям. — Он хлопнул в ладони и снова сел на трон.

Некоторое время бальный зал оставался неподвижным и безмолвным, устремив взгляды на короля. Это всё? Неужели больше не будет указаний?

Король Осрик лишь улыбнулся и сделал жест, приказывая слуге подать ему вина.

Ну что ж. По крайней мере, я могла помочь Ларе, отыскивая подсказки и, возможно, разгадывая пару головоломок. Я встретила её встревоженный взгляд и уверенно кивнула, стараясь успокоить.

Участники разлетелись по залу, словно листья на ветру, устремляясь к краям комнаты, чтобы изучить свои браслеты, пока музыка и танцы возобновились.

Я засунула руку в карман, сжимая в пальцах гладкий кусочек коры размером чуть меньше ладони, который должен был помочь нам с Ларой жульничать в этом испытании. Нам нужно было как-то общаться, но переписываться записками или слишком много разговаривать было рискованно. Принцесса Ориана предложила решение — пару кусочков зачарованной коры, на которых можно было писать сообщения. Всё, что Лара напишет на своей коре с помощью своей примитивной магии Земли, появится на моей. Я могла бы затем уединиться и написать ответ чернилами. Мы смогли бы общаться даже на расстоянии, и Ларе не нужно было бы вынимать кору из кармана.

Я подождала, пока древесина согреется в моей руке, а затем отошла за статую и вытащила её.

На коре были вырезаны тонкие линии, изображающие коробочку с петлёй на одной стороне и вычурной замочной скважиной на другой. Каждая сторона содержала круг с подписью: К, З, О, Ф, Ч, Б. Под рисунком Лара написала:

Она заперта. Камни по сторонам — это цвета домов.

Значит, буквы обозначали красный, зелёный, оранжевый, фиолетовый, чёрный и белый. Очевидно, это была некая загадочная шкатулка. Я нахмурилась и приписала свои предположения под схемой:

Нажать на камни.

Пробовать снять камни, чтобы найти ключ.

Я спрятала кору в карман и наблюдала, как Лара украдкой вытащила свою, прикрывая движение взмахом веера. Она быстро убрала её обратно и начала возиться с браслетом.

Моя кора согрелась. Она стерла и своё сообщение, и моё, заменив их новыми словами:

Фиолетовый кликнул, но коробка не открылась.

Я вспомнила схему. Фиолетовый камень находился под петлёй, а сторона с замочной скважиной была красной. Почему фиолетовый кликнул, но ничего не произошло? Может быть, нужно нажать на него, одновременно вставив ключ в замок на красной стороне? Но если шкатулка — первая подсказка, где тогда найти ключ?

Фиолетовый камень явно был частью решения, поэтому я сосредоточилась на нём. Фиолетовый — цвет короля, символизирующий Иллюзию. Сегодня его носили многие из его придворных, а слуги были одеты в ливреи фиолетового и серебряного цветов. Возможно, у кого-то из них есть ключ?

Фиолетовый символизировал Иллюзию…

Ответ пришёл, словно меня ударила молния. Иллюзорная магия доказывала, что внешности нельзя доверять.

Ключа не существовало.

Я быстро написала:

Нажми на фиолетовый и открой со стороны петли.

Лара возилась с коробочкой и, наконец, радостно пискнула, когда она открылась. «Петля» оказалась ручкой, а настоящий шарнир был спрятан в сложной замочной скважине. Изнутри Лара вытащила сложенный клочок бумаги.

Я не спеша ходила по залу, ожидая, пока моя кора согреется. Всё же нельзя было провести весь вечер, прячась за статуями. Наконец я почувствовала магическое тепло и, заглянув внутрь, поняла, откуда у Лары такое озадаченное выражение.

"Лепестки расходятся от бутонов

Розы расцветают из зелёных листьев

За садом скрываются тайны"

Неужели в бальном зале был сад? С потолка свисали гирлянды цветов, но среди них роз не было. Возможно, это была строка из известного стихотворения? Если так, то я разделяла мнение Лары, что древние стихи фейри были ужасны. Может, какой-то из мёртвых королей выращивал цветы? Или это шутка про розы, понятная только фейри?

Я обошла зал по периметру, разглядывая статуи вдоль стен. Они изображали прославленных личностей прошлого: кто-то в коронах или скипетрах, кто-то в богато украшенных платьях. Даже несколько фейри-прислужников, что меня удивило. Похоже, в былые времена Мистей был более равноправным.

Когда я закончила обход, пришлось признать: никаких цветов или садов на статуях не изображено.

Что ж, роза и зелёный — это ещё и цвета. Я снова осмотрела зал, теперь обращая внимание на наряды, сочетавшие эти оттенки, как платье Лары. Но таких оказалось слишком много.

Может, разгадка была не так очевидна и касалась одного из других слов: лепестки, веер, бутоны, розы, расцветают, зелёный, листья, за, сад, тайны. Исключив всё, что связано с несуществующими цветами и садами, остались «веер», «за» и «тайны». Тайны явно указывали на ответ, который, скорее всего, находился за объектом, указанным в загадке. Оставался только веер.

Веер.

Я вновь оглядела толпу, теперь сосредоточившись на аксессуарах, а не платьях, в поисках сочетания зелёного и розового.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Вот! Тёмноволосая дама в мерцающем фиолетовом платье с фигурным вырезом. Она стояла у края танцпола, лениво обмахиваясь веером. Но веер, в отличие от платья, был весенне-зелёным с розовыми цветами в центре.

Проходя мимо к столу с угощениями, я заметила строчку текста вдоль края веера, но подойти ближе, чтобы прочитать, было бы слишком подозрительно.

Я принесла Ларе бокал вина.

— Розовый веер и платье Иллюзии, — шепнула я, а затем громче добавила: — Вам что-нибудь ещё нужно, миледи?

Лара окинула взглядом зал и нашла фейри в платье Иллюзии.

— Нет, у меня есть всё, что нужно, — ответила она.

Через несколько минут Лара, не торопясь, направилась к даме. Она нарочно столкнулась с ней и извинилась, после чего жестом указала на веер. Дама улыбнулась, показала ей переднюю и заднюю сторону, а затем незаметно вложила Ларе в руку клочок бумаги.

Я наблюдала за танцами, пока ждала новое сообщение. Как всегда, мой взгляд невольно останавливался на Друстане. Он с грацией двигался по залу, а разрезы на его тунике открывали проблески ноги. Я с наслаждением оглядела мускулистые бёдра, обтянутые прекрасно скроенными брюками. Если бы только его туника была короче, я могла бы полюбоваться изгибами его ягодиц…

Когда я, наконец, подняла взгляд к его лицу, то увидела, что он наблюдает за мной. Его губы сжались, сдерживая усмешку, а одна бровь взлетела в насмешливом вопросе. Я густо покраснела и отвела взгляд, ужаснувшись, что меня застали за столь откровенным разглядыванием.

К счастью, в этот момент пришло новое сообщение. Я спряталась в уборной, чтобы прочитать его.

"На веере написано: «Нидхуг Невероятный». Это третья статуя от конца, большая, с уродливой короной, но я уже смотрела там и ничего не нашла. Она ещё дала мне одно нелепое стихотворение."

Слова исчезли, уступив место новым:

"Когда снег укроет зелёную траву,
Земля уснёт, но не умрёт.
Под ледяным зимним ветром
Семена ждут, чтобы восстать.
Но что, если зима останется, увы?
Сезон не склонен к компромиссу.
Холодный дождь, озёра изо льда,
И там, где ты преклоняешь колени на зелёной траве,
Король во льду будет сидеть и вздыхать,
Что некогда рядом был Дом,
Но теперь цветы мертвы и утрачены.
Даже Земля склонится перед морозом."

Стих вызвал у меня озноб. Зловещее обещание? Предупреждение о том, что время Земли как дома подходит к концу? Когда я вернулась в бальный зал, Лара пожала плечами, но её лицо выражало тревогу.

Я никак не могла понять, что означала эта подсказка. В зале не было ни травы, ни снега, ни мороза. Это явно была метафора. Я продолжала ходить, разглядывая наряды и аксессуары в поисках зимних мотивов, надеясь, что ответ придёт ко мне.

Возможно, разгадка была связана с чем-то холодным. Воздух в зале был тёплым от множества тел, поэтому я направилась к столу с угощениями. В чаше с пуншем плавал лёд, но ничего похожего на ответ загадки там не оказалось.

Я встретила там Эйдана.

— Как Эдрик? — тихо спросила я.

Эйдан поморщился.

— Плохо. А Лара?

— Она разгадала две подсказки, но говорит, что следующая совершенно бессмысленна. — Я заколебалась, а затем всё же задала следующий вопрос: — Были ли в легендах фейри короли зимы? Кто-то, кто управлял льдом?

Он подозрительно уставился на меня.

— Она сказала тебе, что это за подсказка?

Я не могла сказать ему правду. Одно дело — слуги, обменивающиеся информацией перед испытаниями, и совсем другое — признаться в том, что мы обманываем во время самого испытания.

— Нет, но, когда я принесла ей вино, она что-то бормотала о короле зимы. Мне стало любопытно, вдруг это подсказка.

— Не спрашивай больше ни у кого. Если кто-то увидит, что ты ей помогаешь, последствия будут очень плохими для вас обоих.

— Конечно, — я попыталась выглядеть пристыженной. — Это было глупо с моей стороны.

Эйдан сочувственно похлопал меня по плечу.

— Трудно видеть, как они борются, правда?

— Я боюсь за неё. — И за себя.

Глаза Эйдена блеснули слабым отблеском угасающих углей.

— Королей зимы, о которых мне известно, не существует.

Я удивлённо посмотрела на него, и он тяжело вздохнул.

— Мы оба знаем, что ты всё равно продолжишь копать, пока не найдёшь ответ. Так что остановись и дай Ларе самой разобраться.

Я улыбнулась ему.

— Конечно. Спасибо.

Прошли часы. Я снова и снова прокручивала в голове строки стихотворения, пытаясь понять, что я упустила. Танцы продолжались без остановки; движения становились всё менее изящными по мере того, как фейри выпивали всё больше вина. До полуночи оставалось меньше часа, а мы с Ларой всё ещё были в тупике с двумя загадками и без единого решения. Статуя Нидхуга Невероятного не принесла никаких результатов и, казалось, вовсе не имела отношения к стихотворению. Значит, оставалась ещё одна подсказка, которую нужно было разгадать, прежде чем мы разберёмся с самим стихом.

Я начала молча перебирать слова из стихотворения, надеясь, что одно из них натолкнёт меня на мысль. Этот метод сработал в прошлый раз. Трава, зима, семена, лёд, озеро, стекло, мороз, Земля. Две категории слов: образы Дома Земли и образы зимы. Поскольку Лара была из Дома Земли, возможно, эти слова должны были касаться её. Но тогда что символизировала зима?

Я задумалась о глаголах, связанных с образом Земли. Спит, лежат, поднимаются, преклоняются, кланяются. Спать или лежать на этом балу точно не входило в план, но она могла бы преклониться или поклониться. Глаголы «спят», «лежат» и «поднимаются»

относились к первой части стихотворения, описывающей обычную зиму, но я была уверена, что ответ скрывается во второй части, где говорилось о вечной зиме, уничтожающей Землю. Значит ли это, что Лара должна преклонить колени перед королём льда? Поклониться морозу?

Король. Стекло. Лёд.

Король Осрик лениво развалился на стеклянном троне, его одеяние было ослепительно белым, как снег. Сердце у меня ёкнуло. Я двинулась вдоль стены к трону, пока не оказалась достаточно близко, чтобы рассмотреть детали его наряда. Бриллианты на рукавах были разложены неравномерно, но организованы в кластеры. Невозможно было не узнать узор.

Снежинки.

Земля должна поклониться морозу.

Ответ имел смысл, если учесть, что я знала о короле. Стихотворение было завуалированной угрозой, обещанием, что однажды Дом Земли падёт под рукой Осрика — именно об этом предупреждал меня Друстан. А то, чего Осрик хотел от Лары, было очевидно: он был бы в восторге, если бы наследница Дома Земли склонилась у его ног в смирении. Он не упускал шанса унизить принцессу Ориану.

Когда я принесла Ларе бокал свежего вина, она была на грани слёз.

— Я не могу это разгадать.

Я не стала записывать свои предположения, зная, что Лару придётся убеждать.

— Склониться перед королём, — прошептала я.

— Что? — Её глаза расширились.

— Думаю, в этом смысл подсказки. Склониться, и, возможно, он даст тебе новую. Или что-то лежит на полу.

— Это унизительно, — прошипела она.

— У нас осталось пятнадцать минут. Или это, или ничего.

Я ушла, прежде чем она успела возразить.

Наконец она подошла к трону, стиснув зубы и сжав руки в кулаки так, что побелели костяшки пальцев. Разговоры вокруг затихли, уступив место любопытным взглядам.

— Да? — произнёс Осрик, глядя на неё так, будто перед ним насекомое.

Лара плавно расправила юбки, сделала глубокий реверанс и перешла в изящное преклонение коленей перед ним. В ответ на этот жест подчинения вокруг поднялся ропот.

— Мой король, — произнесла она с удивительным спокойствием. — Я хотела бы поблагодарить вас за этот восхитительный бал и напомнить о моей безусловной верности вам.

Смех короля Осрика эхом прокатился по залу, заставив замолчать всех вокруг.

— Леди из Дома Земли на коленях — какое удовольствие. Твоя мать могла бы научиться столь очаровательным манерам.

Он бросил торжествующий взгляд на Ориану, но земная принцесса прекрасно умела контролировать эмоции и выглядела абсолютно равнодушной к происходящему. Осрик снова повернул своё внимание к Ларе.

— Встань. Твой жест сегодня получил моё расположение.

Лара поднялась, снова сделала реверанс и, отступая, вернулась ко мне. Щёки её пылали сильнее, чем обычно.

— Я порвала подол, — громко сказала она, а затем прошептала:

— Это было там.

Я опустилась перед ней на колени, делая вид, что поправляю подол её юбки.

— Что?

— На спинке трона была надпись. Я увидела её сквозь стекло. "Стой рядом с золотом".

Говорить напрямую было рискованно, но времени оставалось слишком мало, и поблизости никто не мог нас подслушать.

— Что это значит? — И какое это имеет отношение к Нидхугу Неожиданному, другой подсказке, которую мы так и не разгадали?

— Думаю, мне нужно находиться в определённом месте к полуночи.

— Кто-нибудь носит золотую тунику? Или, может быть, речь идёт о статуе? В истории фейри кто-нибудь известен, связанный с золотом?

Лара покачала головой, беспомощно пожав плечами:

— Я плохо знаю историю.

Я поднялась.

— Давай искать что-нибудь, что может подойти под это описание.

Мы разошлись в разные стороны. Я двигалась через толпу, выискивая хоть что-то золотое. К сожалению, многие фейри носили золотые украшения, будь то основной цвет их одеяний или лишь акценты. Лара проверяла статуи на другой стороне зала, внимательно читая таблички у их подножий в поисках подходящего имени.

Времени почти не оставалось. Несколько других кандидатов также метались по залу, что было, по крайней мере, обнадёживающим. Но где остальные?

Мой взгляд зацепился за неподвижное пятно посреди танцующей толпы. Это был Гаррик, выглядевший совершенно спокойным, пока он разговаривал с красивой дамой. Он не двигался, несмотря на пары, кружащие вокруг него. Уна стояла в двадцати шагах от него, вытянув шею, словно разглядывая украшения на потолке. Несколько других кандидатов стояли в зале, некоторые осматривали статуи, другие непринуждённо беседовали посреди зала. Танцующие обходили их, будто их там и не было.

Они все стояли точно в линии с разными статуями вдоль стен.

Я отступила за одну из статуй и нацарапала на коре:

"Думаю, нужно встать в линию с двумя статуями. Нидхуг — одна из них".

Ответ пришёл быстро:

"Нужно найти статую, связанную с золотом".

Лара поспешила к Нидхугу, и тут я поняла, почему. До полуночи оставалась всего минута. Она не успеет осмотреть остальные статуи и вернуться в нужное место. Её глаза молили о помощи.

Золото, что-то золотое...

Если Нидхуг был одной из точек, другая должна была находиться на соседней стене. Задняя стена не содержала ничего золотого, только мраморные статуи.

И тогда я увидела её. Статуя нимфы, записывающей что-то в книгу. У её ног были сложены мраморные монеты. Не в силах выкрикнуть Ларе подсказку или написать её на коре прямо перед глазами всех собравшихся, я пошла к статуе, махнув ей, чтобы она следовала за мной.

Колокол начал отбивать полночь. Если Лара не окажется на месте до последнего удара...

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Я остановилась точно на линии между Нидхугом и статуей фейри, подсчитывающей своё золото. Последний удар прозвучал, и Лара успела добежать до меня. Когда звук затих, нас осветил мягкий свет. Над нами собралась группа фейри-светлячков, оставив остальную часть зала в полумраке.

Я быстро отошла в сторону, оставив Лару стоять одну. По всему залу другие светлячки отмечали позиции кандидатов, которые успешно разгадали свои головоломки. Только трое остались в тени: Талфрин, Карисса и Эдрик.

Эйден выглядел подавленным, когда я подошла к нему.

— Он не может проиграть, — тихо сказал спрайт.

Импульсивно я схватила его серую руку и крепко сжала. Эйден ответил тем же, но его взгляд оставался прикованным к лицу Эдрика, полному отчаяния.

Король Осрик поднялся.

— Поздравляю шестерых, кто завершил испытание. Каждому из кандидатов нужно было оказаться в определённой точке ровно в полночь. Одна подсказка указывала на их первую позицию — конкретную статую в бальном зале. Остальные подсказки направляли их к определённым действиям, которые вели к финальной разгадке. — Его лицо исказила зловещая ухмылка, обращённая к толпе. — Некоторые задания включали в себя доставку вина кому-то или танец с незнакомцем.

Или стоять на коленях, добавлять он не стал. Я ещё больше возненавидела его за то, как невинно выглядели остальные действия в сравнении с этим.

— Финальная подсказка указывала на ещё одну точку. Эти две позиции вместе показывали точное место, где должен был стоять кандидат.

Собравшиеся фейри вежливо захлопали.

— А теперь танцуйте. Пейте. Празднуйте. Второе испытание завершено.

Музыка вновь зазвучала, но Эйден всё ещё держал меня за руку.

— Эдрик всё ещё может пройти, — сказала я. — Одного провала недостаточно, чтобы его исключить.

Он сглотнул.

— Знаю. Но если он погибнет, я… — Эйден покачал головой.

Меня тронула глубина чувств, отразившихся на его лице.

— Я помогу тебе, чем смогу, — пообещала я. — Мы уже знаем немного о том, чего ожидать от испытания Дома Света. Какое будет следующим?

— Огонь. Он справится с этим. — Эйден пожал плечами, заметив мой вопросительный взгляд. — Я не могу рассказать ничего об этом испытании, иначе всё потеряет смысл. Просто знай, что Ларе не нужно готовиться, и это не будет неприятно.

Пустота, Иллюзия, Свет, Огонь…

— Значит, остаются только Земля и Кровь, верно? Я пока не знаю, что представляет собой испытание Дома Земли, но сообщу, если узнаю. Кто руководит испытанием Дома Крови?

— Не знаю, — поморщился он. — Это испытание беспокоит меня больше всего. Магия может провести его без главы дома, а это значит, что нет никакой сплетни о том, чего ожидать.

— Может, мы можем спросить кого-то, какие испытания предпочитал Дом Крови?

Его пепельно-серая кожа побледнела.

— Абсолютно нет. Мы и так уже на грани допустимого, упоминая этот дом даже в контексте испытаний. Единственные, кто до сих пор говорят о них, — это Твари, и это должно сказать тебе всё, что нужно знать об их репутации.

Я смотрела на танцующих, обдумывая его слова. Если никто не станет говорить о доме, кроме Тварей…

Меня пробрала дрожь. Оставался только один выход.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 17

Я заглянула вниз по лестнице, задаваясь вопросом, не самый ли я большой дурак на свете.

Неужели я действительно собираюсь искать самых отвратительных монстров фейри, чтобы расспрашивать их о испытании Крови?

Каменные ступени были неровными, и не было факелов, чтобы осветить путь. Всё напоминало вход в пещеру. Будет ли хоть какое-то освещение там внизу? Если нет, мне придётся вернуться на верхние уровни и взять факел. Я не хотела использовать ключ там, где его могли бы увидеть.

Все равно ключ и так не мог бы дать больше, чем свой золотистый свет внизу. Твари жили даже ниже, чем человеческие кварталы, и мне так и не удалось найти скрытые проходы Земли, которые вели бы так далеко под землю.

Я сжала кулаки, вонзая ногти в ладони. Боль помогала мне сосредоточиться. Я напомнила себе, что у меня есть ум, приличная скорость, защита Дома Земли и мистический кинжал. Конечно, этого будет достаточно.

Я прижалась к стенам с обеих сторон, спускаясь. Вскоре свет коридора наверху стал лишь тусклым отблеском. Когда я уже думала, что не увижу свои шаги, внизу появился голубоватый свет, словно рассеянный солнечный луч через воду.

Лестница вела в зал с колоннами, освещённый светящимися синими мхами, что росли на столбах и ползли по потолку. На стене напротив лестницы зияли три арки. Левый проход был черен как ночь, и воздух, доносившийся оттуда, был ледяным. Средний арочный проём был освещён тем же голубым светом, что и сам зал, открывая выложенную камнем дорожку. Правый проход вёл к острым камням, освещённым огненно-красным мерцанием.

Я выбрала средний проход и тот путь, где я смогу быстрее всего убежать, если понадобится. Дорожка вела в другую пещеру, выложенную светящимися мхами. Молочно-белые сталактиты и сталагмиты тянулись друг к другу, а звук капающей воды эхом отдавался по стенам. Что-то маленькое скользнуло за камень, когда я подошла, но кинжал едва дернулся на моей руке, так что я решила, что это вряд ли что-то опасное. Проходя мимо, я увидела три маленькие красных глаза, меховую морду и лысый раздвоенный хвост. Твари, похожие на крысу.

Дорожка извивалась через несколько таких же пещер, и чем дальше я шла, тем страннее становились окрестности. Я прошла мимо озёр с неподвижной водой, сверкающих чёрными кристаллами и величественными монолитами, всё это освещалось тем же тусклым голубым светом. Подвесной мост без перил пересекал быстрый узкий поток; когда я прошла по нему, из воды вынырнул зелёный плавник, за ним последовал плеск хвоста, покрытого чешуёй, который расплескал воду прямо на переднюю часть моего платья. Кнукер?

Да, — отозвался кинжал, сильно сжимая мою руку. — *Не падай.*

— Постараюсь, — пробормотала я, облегчённо ощущая твёрдую землю под ногами.

Следующая пещера была заполнена снежно-белой травой, которая доходила мне до талии. Я провела рукой по шелковистым стеблям; когда они двигались под моим прикосновением, трава зашевелилась в другом конце пещеры. Что-то быстро приближалось справа, посылая рябь по траве. Кинжал вибрировал в предупреждении и

принял форму в моей руке. Когда я угрожающе подняла клинок, движение прекратилось.

— Лучше оставаться таким, — шепнула я кинжалу. Он слегка задрожал в ответ.

По всему лабиринту пещер от основной тропы отходили узкие боковые проходы, но у меня не было ни малейшего желания их исследовать. Дорога, по которой я шла, была широкой и хорошо освещённой — она явно вела к чему-то важному.

Наконец, я вышла в зал, почти такой же огромный, как пещера, где проходил королевский ужин. В центре возвышалось странное цилиндрическое здание, будто высеченное из того же чёрного камня, что был сверху и снизу, словно его вырезали из скалы, когда только формировалась пещера. Витиеватые колонны поднимались к потолку, а на каждом уровне были балконы. Дверные проёмы и окна были достаточно широкими, чтобы в них могли пройти обладатели крыльев.

Дорога впереди разветвлялась, образуя тёмную сеть, переплетённую по всему пространству. Другие необычные детали дополняли этот ландшафт: высеченные из камня монолиты с изображениями чудовищ, огромные каменные скамьи, даже искривлённый дуб, возвышавшийся над участком белоснежной травы. Его кора сверкала, и когда листья шуршали от одного из необъяснимых сквозняков, что гуляли по коридорам Мистей, в огромном зале раздавалась звонкая мелодия. Это были не дерево и листья, а камень.

И вот здесь, наконец, появились Твари.

Они стояли группами, сидели на скамейках, смотрели в пруды. Летали, ползали, скользили. Они были такими же разнообразными и великолепными, как Благородные Фейри и Фейри-прислужники, но искажёнными, будто их красота была изуродована в кривом зеркале.

Высокие существа с телами, похожими на человеческие, но с головами оленей. Огромная золотая змея с тремя рубиновыми глазами. Звери с клыками, шестью лапами и жёсткой шерстью, покрывающей их мощные тела. Были даже Твари, лица которых выглядели поразительно благородно, как у Фейри, но ниже они переходили в изогнутые тела и острые когти. Над головой летали ночные кошмары — существа с красными чешуйчатыми телами, задними лапами, как у животных, и человеческими торсами, и головами. Из их лбов торчали закрученные рога, а их кожистые крылья напоминали крылья летучих мышей.

Гул голосов смешивался с шипением, рычанием и перезвоном. Не все слова или звуки были различимы, и я задумалась, не разработали ли они общий язык, чтобы общаться с более монструозными созданиями, теми, чьи рты не были похожи на мой.

Шум затих, когда сотни глаз обратились на меня. Их злоба ощущалась, как сгущение воздуха.

Кинжал в моей руке пульсировал тревогой.

— Знаю, — прошептала я ему. Всё моё тело напряглось от осознания, что я была слабой и чужой здесь — потенциальной добычей для этих ужасов.

Ближайшая группа Тварей расступилась, приближаясь ко мне. Меня окружали. Я держала спину прямо, стараясь не выдавать свой страх. Иллюзии формируют реальность в Мистей — возможно, показная уверенность защитит меня.

Тварь передо мной глубоко вдохнула. Её тело было преимущественно кошачьим: с усатой мордой, острыми ушами и изящным хвостом, но руки и ноги под слоем шелковистой чёрной шерсти оставались совершенно человеческими. На груди белел знак, и я вспомнила, как старейшина Холман говорил, что чёрные животные, особенно

с единственным белым пятном, могут быть оборотнями из другого мира. И он предупреждал, что существа Фейри часто испытывают безумный голод.

Тварь оскалилась, демонстрируя острые клыки.

Пот ручьём стекал по моему платью.

— Я хочу поговорить с тем, кто здесь главный, — сказала я с притворной храбростью. Король теоретически командовал всем в Мистей, но наверняка у Тварей была своя иерархия.

— Зачем? — спросила Тварь, её голос напоминал рык, пока она подходила ближе.

— Я из Дома Земли. У меня есть вопросы.

Круг вокруг меня продолжал сжиматься.

— Дому Земли нечего делать здесь, внизу.

— У меня здесь есть дело, — ответила я, выставив оружие вперёд. — Остановись на месте.

Тварь не остановилась.

— Интересно, как будет ощущаться твоя кровь у меня на языке, — произнесла она, облизывая клык.

Я стояла на месте, несмотря на лёгкую дрожь, которая начинала пробегать по моим ногам.

— Я убью тебя, если ты попытаешься это выяснить.

Я никогда не убивала никого раньше, но то, что эта Тварь говорила человеческим голосом, не делало её менее монстром. Я могла это сделать, если придётся.

Слева мелькнуло движение. Огромная змея бросилась с ошеломляющей скоростью. Я едва успела выставить кинжал, между нами, как её удар сбил меня с ног. Она последовала за мной, пока я падала, и клинок вонзился в её чешую.

Да, — торжествовал кинжал, и я ощутила слабое эхо этой мрачной радости в своих венах, пока драгоценный камень на рукоятке светился красным. Глаза змеи потускнели, её некогда сильное тело скукожилось и иссохло.

Кинжал полностью высосал из неё кровь всего за несколько секунд.

Я спрятала шок, с усилием столкнула труп змеи с себя и поднялась на ноги. Я снова подняла кинжал, готовая к следующей атаке, но никто не подошёл. Вместо этого все отступили, глядя широко раскрытыми глазами на оружие в моей руке.

Справа раздался протяжный стон. Одна из клыкастых, похожих на свиней Тварей рухнула на землю, склонив голову. Ей последовали другие.

Они скорбели? Меня затошнило от мысли, что они могли оплакивать друга так же, как я оплакивала Аню.

Это монстры, напомнила я себе. У них нет чувств.

— Куда идти? — спросила я Тварь похожую на кошку, стараясь скрыть тошноту и смятение.

Она молча указала на цитадель в центре зала. Существа расступались, освобождая мне путь, пока я поднималась по ступеням к массивным дверям и входила в огромное помещение.

Я успела пройти всего несколько шагов внутрь, как ко мне подбежало невысокое, высохшее существо с заострёнными ушами и кожей, серой, как гранит. Оно кланялось и жестами приглашало меня следовать за ним. Я могла бы подумать, что это Фейри-прислужник, но под его кожей что-то тревожное извивалось, словно черви копошились в толще плоти.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Существо провело меня через несколько лабиринтов коридоров и остановилось перед дверью, выкованной из серебра. Открыв её, оно жестом предложило войти.

Комнату освещали свечи. Она была более интимной, чем парадный зал, с полом в чёрно-белую клетку и серебряной обшивкой на стенах. Целую стену покрывал самотканый гобелен цвета слоновой кости, перед которым стоял каменный алтарь. За алтарём стояла обнажённая фейри, видимая от талии и выше.

Она была пугающе красивой, с молочно-бледной кожей, угольно-чёрными волосами и круглыми глазами цвета свежей крови. Её алые губы влажно блестели в мерцающем свете свечей. По обе стороны от неё выстроилась линия крылатых стражей, таких же, как я видела парящими над залом.

— Зачем ты пришла сюда, человек? — Её голос был мягким и обволакивающим, но при этом вызывал ощущение, будто по моей коже что-то ползало.

Пришло время сказать слова, которые я никогда не должна была произносить.

— Я ищу информацию о Доме Крови.

— Вот как? — Она склонила голову набок. — Как интересно. Разве наверху тебе этого не расскажут?

— О Доме Крови запрещено говорить наверху.

Судя по выражению её лица, она уже это знала.

— Значит, ты пришла к Королеве Тварей, надеясь, что я ослушаюсь Осрика и расскажу тебе всё, что ты хочешь знать.

Королева? Осрику это точно не понравилось бы. Сердце у меня забилось быстрее от нарастающего страха.

— Мне сказали, что только Твари достаточно смелы, чтобы говорить о Доме Крови. Ваше величество.

Она засмеялась, и волосы у меня на затылке встали дыбом. Этот звук вонзался в меня, как тончайшие иглы.

— Ты, разумеется, права. Хотя, похоже, ты и сама кое-что знаешь о крови.

Её взгляд скользнул к кинжалу в моей руке, как будто она знала о змее, которую я убила.

— Тебе действительно нужно, чтобы мы что-то добавили?

Она собиралась судить меня? Или казнить?

— Ваш подданный напал на меня, — возразила я, крепче сжав рукоять кинжала. — Я имела право защищаться.

— Если ты смогла его убить, он не заслуживал жить. — Она махнула рукой с таким видом, будто этот вопрос уже был улажен. — Но меня интересует этот кинжал. Где ты его взяла?

— Он был у меня всегда.

— Лжёшь.

— Это правда. Он принадлежал моему отцу.

— Отдашь его мне в обмен на информацию о Доме Крови?

Кинжал задрожал так сильно, что вибрация отдалась в моих костях. Я огляделась в поисках опасности и поняла, что несколько крылатых Тварей справа подошли ближе, чем были несколько секунд назад. У каждого на поясе висели ножи, а их чёрные бриджи обрывались чуть ниже колен, открывая когтистые ноги, которые могли легко разорвать меня.

— Возможно, — соврала я, стараясь не поддаться панике. — Просто скажите вот что: что было священно для Дом Крови? Какое качество они искали в других, и как могли бы это проверять?

— Ты слишком многого хочешь, требуя ответов от королевы Даллаиды, ничего не предлагая взамен.

Она широко улыбнулась, и теперь я увидела, что у неё во рту не было зубов. Но за её кроваво-красными губами скрывалось что-то другое — чёрное и блестящее...

— Королева Даллаида, — сказала я, чуть сдвинувшись ко выходу, — я не хочу проявлять неуважение, но это простой вопрос. Он не стоит такого кинжала.

— Простой вопрос с непростым ответом. Вот его самая лёгкая часть: Дом Крови ценил силу.

Я знала, что сила была одним из священных качеств, но этого было недостаточно, чтобы угадать, каким может быть испытание.

— Какую силу? Физическую? Они ценили насилие?

— Все формы силы. — Она взмахнула своей бледной рукой, и крылатые солдаты начали двигаться ко мне. — Знаешь ли ты, что Тёмные Фейри — Твари, как вы нас называете, — раньше присягали на верность Дому Крови? Когда другие дома изгнали нас за то, что на нас было слишком мерзко смотреть, Дом Крови принял нас, потому что мы были сильны. А ты — слаба.

Она собиралась забрать кинжал силой. Я начала осторожно двигаться к выходу, стараясь держать всех врагов в поле зрения. У двери стояли двое стражников — возможно, мне придётся убить их, чтобы выбраться.

Я никогда раньше не убивала никого, кроме животных. Можно было утешать себя мыслью, что змея, которую я убила, тоже была животным, несмотря на разум в её глазах. Но эти крылатые Твари точно не были животными. Монстрами, да. Но не животными.

Я сделаю всё, что нужно, чтобы выжить.

Один из Тварей замер, пристально глядя на оружие в моей руке, но по приказу королевы Даллаиды, прозвучавшему как лай, он сделал шаг, чтобы перехватить меня. У него тоже был нож, но по дрожанию клинка я поняла, что он тоже трясётся.

Они настолько боялись кинжала? Я знала, что он магический, но, чтобы внушать такой страх...

Металлический диск защищал грудь Твари, отполированный так гладко, что я видела в нём отражение своего испуганного лица. Но её руки, ноги и крылья оставались без защиты — уязвимые места, в которые можно ударить, если я окажусь достаточно быстрой.

Тварь нанесла удар. Я отпрыгнула в сторону, едва избежав лезвия ножа. Сделав вид, что целюсь выше, я ударила низко, перерезав артерию на её бедре. Существо рухнуло на землю, а кинжал задрожал от удовольствия, его драгоценный камень засветился красным. Второй страж пал так же быстро, и королева завизжала.

Обернувшись, я увидела, как Даллаида обходит алтарь, устремляясь ко мне. На мгновение показалось, что это просто парящий в воздухе обрубок торса, но затем я заметила копошащуюся чёрную массу снизу. Её сияющий белизной торс поддерживали восемь сегментированных ног. Теперь, разглядев её выпуклое брюшко, начинающееся прямо под пупком, и ужасные конечности, царапающие камень, я поняла, что за слоновая кость украшала стену позади неё. Это была гигантская паутина.

Я бросилась бежать, оставляя королеву позади, кричащую мне вслед.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Серокожий слуга всё ещё стоял в парадном зале. Я ожидала, что он нападёт, но вместо этого он посторонился и глубоко поклонился. Выбежав за массивные двери, я мчалась мимо удивлённых Тварей. Крылья загрохотали над головой, когда легионы королевы поднялись в воздух. Одна из них устремилась ко мне, но я успела развернуться и скользящим ударом задеть её руку.

Этого хватило. Кинжал напился, и существо рухнуло с небес. Запретное возбуждение пронизало меня, словно я и кинжал были единым целым, наслаждающимся убийством.

Твари вокруг меня восклицали, возмущённые случившимся. Одни попытались схватить меня, другие — поклонились. Это сбивало с толку и ужасало, но я не могла тратить время на размышления. Всё, что я могла сделать, — это бежать, уворачиваясь от ударов крылатых солдат и уклоняясь от тех, кто пытался меня задержать.

Дыхание резало горло, когда я пробегала по знакомым местам. Зал с травой промелькнул, и я мчалась дальше, пересекающая узкий мостик. Очередной нападающий устремился ко мне. Я пригнулась, почти потеряв равновесие и едва не свалившись в реку. На мгновение я замерла на краю моста, задержав дыхание. Кончик крыла Твари коснулся воды, когда она попыталась выровняться. Поверхность реки прорезала драконья голова с острыми как шипы зыбами. Челюсти сомкнулись на крыле, утаскивая Тварь под воду.

Грудь горела, а страх бил по нервам, но я продолжала бежать, выжимая из себя всё, пока вокруг проносились монолиты, кристаллы и пруды. Мох, камни, вымощенная дорожка — всё мелькало перед глазами. Позади раздавались топот ног и хлопанье крыльев.

Один из нападавших приземлился прямо передо мной. Его изогнутый клинок блестел в свете, а изогнутая улыбка обнажила клыки.

— Разве ты не истинное предзнаменование? — сказал он.

Я проигнорировала его странные слова и побежала прямо на него. Его золотистые глаза широко распахнулись, когда кинжал в моей руке засветился, ликуя и жаждая большего. Тварь резко сменила форму: красные чешуйки превратились в чёрные перья, и он взмыл в воздух ястребом. Мой кинжал прорезал лишь воздух в том месте, где он стоял мгновение назад.

Мои ноги подкашивались, но я почти добежала до места, с которого всё началось. Искривлённые каменные ступени показались мне самым чудесным зрелищем на свете, и я бросилась к ним с криком облегчения.

Что-то обрушилось на меня сверху, сбив с ног. Я перекатилась, морщась от боли в коленях и руках, и подняла взгляд на своего крылатого противника.

Это была тёмно-красная Тварь с клыками и глазами, чёрными как оникс. Её уши были проколоты серебряными серьгами, а хвост заканчивался жестоким жалом. Я вскочила на ноги, и жало метнулось ко мне.

Действуя на инстинктах, я ринулась вперёд, сбив Тварь на землю и оказавшись сверху. Пока она пыталась оправиться, я вонзила кинжал глубоко в её глазницу.

Чёрная, едкая кровь брызнула мне в лицо и на шею, обжигая кожу. Через рукоять кинжала в меня влилась запретная радость, пока существо корчилось и затихало.

Остальные монстры остановились. Они смотрели на меня с выражением страха. Может быть, это был их генерал, и они не решались продолжать без неё. Или, может, они поняли, как и я сама, что я не задумывалась бы убить каждого из них.

Мне было всё равно. Я бросилась вверх по ступеням, прислушиваясь к звукам погони, пока, наконец, не выбралась в спасительную безопасность уровней людей.

***

После того провального опыта я больше не возвращалась к Тварям.

Единственное, что я узнала о испытании Дома Крови, — это то, что дом ценил силу. Но я и так узнала бы это рано или поздно. Неудача разочаровывала, но я понимала, что не стоит пытаться снова. Цена оказалась слишком высокой, а в следующий раз могла стать ещё выше.

Я убила пятерых Тварей. Из женщины, которая охотилась ради пропитания, я превратилась в ту, что убивает ради самозащиты.

Это было или моя жизнь, или их, так что я не испытывала особой вины за убийства. Но мне было стыдно за удовольствие, которое я ощутила в тот момент. Оно пришло от кинжала, через нашу странную эмоциональную связь, но осознание этого не облегчало ситуацию.

Что сделано, то сделано. Терзания ничего бы не изменили.

Хотя я больше не спускалась глубоко под землю, на человеческие уровни я всё же наведывалась — чтобы учиться языку жестов у Мо. Мы с Трианой выучили базовый алфавит и теперь работали над распространёнными словами и фразами. Это было увлекательно. Структура языка отличалась от устной речи, а нюансы значений передавались через выражение лица, движения губ или положение рук по отношению к телу.

Во время моего первого визита после ампутации Триана была бледной и слабой. Фейри-прислужники обрили ей голову перед тем, как отрезать язык, и она казалась совершенно другим человеком. Но в последнее время она начала снова улыбаться. Мы двигались медленно, с ошибками и недоразумениями, но она смогла сказать мне, что ей нравится её новая работа. — Никаких фейри, — показала она, когда я спросила, что именно ей нравится.

Я понимала её облегчение. Я ещё не видела бордель, но это был вопрос времени — мои исследования неизбежно привели бы меня туда. Какие ужасы могли скрываться за теми смотровыми глазками?

Я приносила Мо и Триане еду из кухни Дома Земли в качестве платы за уроки. Им было трудно глотать без языка, поэтому я выбирала супы, соусы и блюда, которые можно было легко положить в рот пальцем, чтобы тщательно разжевать перед глотанием. Но даже с учётом того, что я приносила, Триана становилась всё худее с каждой неделей. Когда я упомянула об этом, она пожала плечами. — Мало еды, — медленно показала она. — Но лучше, чем бордель.

— Что вы ели там? — спросила я, жестами повторяя свои слова. Она дала понять, что не против, если я буду задавать вопросы о борделе. Возможно, ей становилось легче, когда она делилась тем, что пережила.

— Хорошая еда. Но лучше голодать.

Я понимала. Раньше её держали, как выставочное животное: кормили изысканной едой, одевали в шелка, а затем продавали любому покупателю. Теперь она ела меньше, но её глаза стали радоснее, и она высоко держала голову. Её нынешние обстоятельства, какими бы мрачными они ни были, доказывали, что больше никто не владел ею так, как раньше.

Хотя, конечно, её всё равно держали в собственности, только иначе. Она больше не была трофейным животным, но оставалась собственностью фейри. Все люди были собственностью, включая меня.

Если бы в Мистей правил кто-то другой, изменилось бы это? Я размышляла об этом после урока. Если свергнуть короля Осрика, освободят ли людей? Благородные Фейри, несомненно, всё ещё захотели бы, чтобы им служили, но, возможно, условия стали бы лучше. Особенно если фейри вроде Друстана, Лары и Селвина получили бы власть влиять на будущее. Может быть, люди стали бы оплачиваемыми слугами, как большинству Фейри-прислужников. А может быть, они смогли бы вернуться домой, если бы захотели.

Я представляла это будущее, поднимаясь на верхние уровни. Я бы начала получать жалованье из глубоких сундуков Орианы, наполненных золотом фейри. Поскольку волшебный гардероб обеспечивал меня одеждой, а кухня — едой, мне не пришлось бы тратить эти деньги. Когда я накопила бы достаточно, я бы покинула Мистей и купила дом в деревне где-нибудь далеко на юге. Завела бы друзей, возможно, встретила бы любовь. Стала бы торговцем и отправилась через горы в Гримвельд, чтобы увидеть шестимесячное солнце, а затем спустилась бы в Линдвик с его огромными озёрами и густыми лесами. А потом вернулась бы в Энтерру, в дом, который я создала для себя.

Эта идея была настолько сладкой, что у меня перехватило дыхание.

Но лучшее будущее требует большего, чем просто надежда. Сейчас у меня были только мои выборы. Я выберу продолжать борьбу за это будущее, и мои действия, а не мечты, определят мою судьбу.

Когда впереди показалась группа Благородных Фейри, с Друстаном в их числе, я сделала выбор. Я подождала, пока принц заметил меня, а затем развернулась и вошла в пустую комнату.

Если что-то и изменится в Мистей, Друстан будет частью этих изменений.

Он зашёл через десять минут. Сегодня утром он выглядел небрежно, но притягательно: его яркие волосы свободно спадали на плечи, а белая рубашка была расшнурована на груди, обнажая бледную кожу с лёгким золотистым отливом. Закрыв за собой дверь, он махнул рукой, и на неё легло мерцающее оранжевое покрывало магии. Защита.

— Полагаю, ты хотела, чтобы я пошёл за тобой, — сказал он. — Иначе я совершенно не понимаю, что мы здесь делаем.

— Мы давно не разговаривали.

Его взгляд скользнул по моему лицу и опустился ниже, к едва заметному вырезу моего практичного синего платья.

— Восхитительно. Хотя обычно люди не вызывают принцев для непринуждённых бесед.

Его голос звучал, как дымчатый бархат, а слово «бесед» он выделил едва уловимым акцентом.

Я проигнорировала жар, охвативший меня от его намёка.

— Значит, ты можешь подходить ко мне, когда пожелаешь, но я не могу подойти к тебе? Не думаю, что так работает дружба.

Сердце заколотилось быстрее от собственной дерзости.

Вокруг его глаз появились морщинки, когда он улыбнулся.

— Значит, мы друзья.

Я глубоко вдохнула. Вот оно — моё заявление о намерениях, начало длинной череды выборов и действий, чтобы приблизить лучшее будущее.

— Да. Я хотела сказать тебе, что мы друзья.

Этими словами я связала свою цель с его.

Он медленно подошёл ко мне, как крадущийся кот.

— И есть ли у моей дорогой подруги какая-нибудь информация для меня?

— Я ходила к Тварям.

Он замер, его пепельно-серые глаза широко раскрылись.

— Что ты сделала?

— Я хотела узнать больше о Доме Крови.

— Это было очень глупо. Они опасны, Кенна.

Я вздрогнула от удовольствия, услышав, как он произнёс моё имя.

— Я знаю. Но мне нужно было спросить их об испытании Дома Крови.

— Всё ещё пытаешься помочь Ларе, как я вижу. Будь осторожна с этим.

— Ты уже знал, что я помогаю ей, — осмелилась я сказать. — В любом случае, я ничего не узнала. Испытание Крови будет проверять силу, но как именно — я не знаю.

— Значит, ты не узнала ничего интересного об испытании. Так зачем ты здесь?

Я не знала, как сформулировать своё решение: если он замышляет восстание против короля Осрика, я помогу ему, как только смогу, пока остаюсь в Мистей, будь то один день или долгие годы.

Моя мать и Аня были мечтательницами; я же всегда хотела доказательств. Моё доверие чему-либо обычно было пронизано цинизмом. Но Мистей не мог продолжать существовать так, как есть, во всём этом садизме и страданиях. И я тоже не могла так жить вечно. Если я правильно понимала намерения Друстана, это было хотя бы чем-то реальным, во что можно поверить, даже если сам акт веры немного пугал меня.

Итак. Если Друстан восстанет против короля, я тоже восстану. Я буду сражаться на его стороне.

Такие слова было слишком опасно произносить вслух, поэтому я сказала ему то, что, как мне казалось, он мог оценить.

— Внизу есть женщина-паук по имени Даллаида. Она называет себя королевой Тварей. Я подумала, это интересно, ведь у Тварей уже есть король.

— Ты встретила Даллаиду? — Он выглядел потрясённым. — И она не съела тебя?

— Я быстро бегаю.

Моё воодушевление угасло, когда я поняла, что эта информация была бесполезной.

— Прости. Я не знала, что ты уже о ней знаешь.

— Даллаида была неофициальным лидером Тварей уже целое столетие. Но новость, что она взяла титул королевы. Она, должно быть, уверена, что дни короля подходят к концу.

Его тон был настолько непринуждённым, что казалось, будто он говорит о том, что ел на завтрак, а не о цареубийстве.

Я сделала реверанс, задаваясь вопросом, попытается ли он привлечь Даллаиду на свою сторону.

— Это всё, что я хотела тебе сказать. Как друг.

Его рука поднялась к моему лицу, мягко обхватив мой подбородок.

— Спасибо за твою дружбу, Кенна. Она невероятно важна для меня. И ты поможешь бесчисленному множеству других людей. Я обещаю тебе, Мистей изменится к лучшему.

Когда он отпустил меня, я покачнулась, и его лукавая улыбка дала понять, что он заметил мою неустойчивость. Его взгляд опустился на мои губы и задержался там на несколько долгих, горячих секунд, прежде чем он отступил.

Когда он ушёл, я не могла не задуматься, во что превратится эта "дружба", основанная на обмене информацией. Я уважала его, и он, похоже, уважал меня. Наши разговоры были пропитаны поддразниванием, юмором и неоспоримым жаром. Мы оба хотели лучшего мира.

Может быть, Каллен был прав насчёт намерений Друстана по отношению ко мне, несмотря на нашу огромную разницу в положении? Потому что если принц Огня хотел от меня большего, чем просто союз...

Что ж, я тоже этого хотела.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 18

Дом Земли в день весеннего равноденствия был словно из сказки.

Мы убирались и украшали его несколько дней, и когда я вошла в главный зал вместе с Ларой этим утром, я не могла не восхититься преобразованием. И без того пышный сад утопал в буйстве цветов, огромные бутоны всех цветов радуги, словно рождённые из бесконечного источника магии Орианы, покрывали каждый уголок. С потолка свисали цепочки призм, отражающие свет и цвет во всех направлениях. Воздух пах весенними посевами, как в полях за Тамблдауном.

Лара выглядела, как весенний сон. Её чёрные волосы свободно ниспадали волнами до талии, увенчанные короной из жёлтых роз. Розы украшали также подол её струящегося зелёного платья, а на плечах лежала лёгкая накидка, усыпанная крошечными бриллиантами.

Сегодня я тоже была в зелёном платье с короткими, прозрачными рукавами, из-за чего кинжал пришлось закрепить на лодыжке, а не на предплечье. Простой венок из ромашек украшала мои распущенные волосы. Прошло много времени с тех пор, как я выходила из Дома Земли без строго заплетённой косы или пучка, и я удивилась, насколько шелковистыми стали мои волосы благодаря частым применениям фейрийского тоника. Моя кожа тоже стала мягче и глаже, а худощавое тело обрело желанные формы. Между едой, физическими упражнениями и моим новым увлечением косметикой я с каждым днём всё меньше походила на оборванную крестьянку и всё больше на одну из тех изысканных дам, которые приезжали в Тамблдаун на фестивали фейри.

Весеннее равноденствие было особым праздником Дома Земли, темой которого было обновление. Всю неделю слуги перекрашивали стены, собирали старую мебель и одежду в кучи. Эти вещи будут сожжены на поверхности, как объяснила мне Элоди, символизируя начало нового этапа.

Эта часть меня особенно вдохновляла. Сегодня мы все, даже слуги, поднимемся на поверхность, и это подогревало мои мечты о побеге из Мистей. Это будет мой первый раз на свежем воздухе за три месяца с момента похищения, и я намеревалась извлечь максимум пользы, выискивая места для укрытия и лучшие маршруты обратно к болоту, готовясь к возможности побега.

А если такая возможность появится сегодня? Я замялась, разглядывая своё отражение в зеркале, и задумалась о своём невысказанном обещании Друстану. Я хотела помочь ему свергнуть короля. Но я тогда ещё не знала, что даже слугам позволят выйти на поверхность. В Мистей было слишком много опасностей, и дело было не только в короле и его жестоком дворе. Каллен и Ориана каждый по-своему ожидали от меня верности, и каждый обещал тяжёлые последствия за провал. Рано или поздно равновесие между этими конфликтующими обязанностями рухнет.

Я не была мечтательницей по натуре, особенно если существовала более осязаемая альтернатива. К тому же я всего лишь человеческая служанка. У Друстана были ресурсы, о которых я не могла и мечтать. Ему я, в сущности, была не нужна.

От этой мысли внутри образовалась странная пустота.

Перед празднеством мы должны были присутствовать на ритуале «обновления защиты». Оно проходило в тронном зале, и я с удивлением заметила, что другие дома тоже надели цвета Земли, как они сделали это на первом испытании для Дома

Пустоты. Передо мной раскинулось море зелёного, коричневого и синего, и почти у каждого фейри в волосах были цветы.

Король Осрик надел тунику бледно-голубого цвета и длинный белый плащ, украшенный опалами, вновь напоминая короля льда — очевидно, намеренно. На нём не было цветов, только корона.

— Приветствую. — Он жестом указал на собравшуюся толпу, и опалы на его запястьях и пальцах заискрились. — Весеннее равноденствие — время обновления и возрождения. Один из наших обычаев — ежегодное подтверждение клятвы не причинять насилия трону.

Он поманил, и главы четырёх домов вышли вперёд. Каждый из них обнажил одну руку — кроме Орианы, потому что её воздушное сапфировое платье имело только один рукав, остальные закатали рукава до локтя. Осрик сошёл с возвышения и присоединился к ним, образуя круг в центре зала. Я не заметила раньше, но на полу между ними была выгравирована корона.

По щелчку короля вперёд вышел слуга с фиолетовой подушкой, на которой лежало пять ножей. Каждый глава дома взял по ножу и поднял его над обнажённым предплечьем. Король начал что-то произносить на незнакомом языке, и все пятеро сделали глубокий надрез. Их кровь полилась, соединяясь в углублении, повторяющем форму короны. Когда потоки смешались, кровь впиталась в камень и исчезла. Волна силы пронеслась по залу, отбрасывая мои волосы назад.

Все молчали, пока главы домов прикладывали ткани к быстро заживающим ранам. Король Осрик ухмыльнулся, пока слуга перевязывал его руку.

— Ещё один год в безопасности. Огонь, Земля, Пустота, Свет и Иллюзия не причинят мне вреда. А теперь к празднику!

Он хлопнул в ладони, и толпа начала расходиться.

Я дёрнула Элоди за рукав.

— Что это было?

— Обновление старого заклинания, — тихо сказала Элоди, пока мы шли за толпой к выходу. — После восстания король Осрик высек в камне клятву, что никто из выживших домов не поднимет на него руку. Они всё ещё могут нападать друг на друга, но любая попытка применить магию или физическое насилие против короля приведёт к смерти нападающего. Защиту обновляют каждое весеннее равноденствие.

У меня оборвалось сердце.

— Значит, его никто не может ранить?

Я не решилась произнести слово «убить» вслух.

— Именно, — кивнула она и слегка подтолкнула меня. — Благодари Осколки за его безопасность.

— Благодарю Осколки, — повторила я, понимая молчаливое предупреждение. Даже за догадки здесь наказывали.

Осознание того, что Осрика нельзя свергнуть с помощью насилия, было удручающим, но наверняка существовали другие способы ограничить его власть.

Хотя, возможно, через несколько часов для меня это уже не будет иметь значения.

Мы дошли до винтовой лестницы. Обычно её охраняли солдаты Дома Иллюзий, а доступ защищали магией, но сегодня эти ограничения были сняты. Сердце у меня заколотилось, когда мы начали подниматься, проходя мимо уровней, которые я никогда раньше не видела. Комнаты, наполненные низкими диванами и пахнущие

сладким ладаном, ряды роскошных магазинов, полных драгоценностей и шёлка, и коридоры с загадочными дверями, закрытыми решётками.

Наконец лестница закончилась у арки, где массивная металлическая дверь была распахнута, открывая вид на залитый солнцем зелёный пейзаж.

Глаза защипало, когда мы вышли на склон большого холма. Осветительные кристаллы Мистей были лишь бледным подобием яркости солнца. Слёзы потекли по моим щекам, и я опустила голову, чтобы никто не заметил. Дело было не только в свете — воздух пахнул свежестью и чем-то знакомым, а в деревьях пели птицы.

Трава была густой, усыпанной полевыми цветами. В двадцати шагах от нас, на вершине холма, сложили большой костёр из мебели. За лесом, далеко внизу, я увидела болото — оно оказалось гораздо дальше, чем я ожидала. Тамблдаун был едва заметным пятном на горизонте.

Я почувствовала грустную тоску по своей деревне, несмотря на её постоянные трудности. Жизнь там была проще. Ни запутанных обязательств, ни кровавых пиршеств, и, хотя путь выживания часто казался сложным, он никогда не был таким сложным, как тот, по которому я шла в Мистей. Когда ветер коснулся моих щёк, я вспомнила рассветы над болотом, мамины травы, сушившиеся под балками, и наши скромные пикники с Аней, где мы делили кусочек сыра, — и моё сердце сжалось.

Но теперь простая жизнь снова была в пределах досягаемости. Я, наконец, оказалась снаружи.

Фейри выходили на свет через двери, разбросанные по всему склону. Я осмотрелась, раздумывая, что нас окружает, кроме болота. Озеро, покрывающее вход в Дом Земли, сверкало на солнце. Лес простирался, насколько хватало глаз, с травянистыми холмами, выныривающими из зелёного океана. На севере и западе холмы переходили в горы, увенчанные снежными вершинами Гигантских Зубов. На соседних склонах Благородные Фейри и Фейри-прислужники, которых не пригласили на королевский праздник, складывали свои костры. Вскоре каждый холм напоминал остров в море деревьев, у каждого — своё население.

Я взяла бокал вина для Лары с одного из столов с угощениями. Светлая жидкость сверкала, как дистиллированный солнечный свет. Здесь, наверху, где не было тени от деревьев, было жарко, и прохладное стекло в руке доставляло удовольствие. Я принесла бокал Ларе, а затем отступила, чтобы изучить местность.

Фейри уже танцевали вокруг ещё не зажжённого костра, скрипачи играли весёлые мелодии. Меня удивило, что Благородные Фейри танцевали с Фейри-прислужниками, а слуги болтали и смеялись с их господами. Казалось, в великие праздники классовые границы размывались. Эйден стоял рядом с Эдриком, потягивая вино и улыбаясь так, будто Эдрик был лучшим другом.

От этих мыслей у меня тоже сжалось сердце, и я выругала себя за внезапно возникшую, совершенно ненужную романтичность. Неужели жалость к себе и тоска по невозможному — всё, на что я способна? Сегодня был день действий, а не эмоций, и мне предстояло спланировать побег.

Фейри было так много, они бродили повсюду, а склон холма был таким большим и открытым, что ускользнуть незаметно казалось почти невозможным. Лучше подождать, пока все напьются. Я отошла от толпы и посмотрела в сторону леса внизу.

На меня легла тень. Я обернулась, прикрывая глаза рукой, и увидела Друстана.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Принц Огня выглядел великолепно в цветах Дома Земли. Бархат цвета лесной зелени подчёркивал его огненные волосы, которые он оставил распущенными. Я рассмеялась, заметив венок из ромашек в его волосах — отражение моих собственных.

— Ты смеёшься над принцем?

Я покачала головой.

— Я смеюсь над другом, который выглядит очаровательно с цветами.

Он улыбнулся.

— Мне уже говорили. Что ты тут делаешь, вместо того чтобы наслаждаться праздником?

— Просто любуюсь видом, — ответила я, стараясь звучать небрежно. — Я никогда не знала, что находится по ту сторону территории фейри.

Он махнул рукой в сторону лесов и гор.

— Всё это — территория фейри. Мистей гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Думаю, мы даже не картографировали его полностью. Но когда-то давно мы жили и на поверхности. Даже в тех горах.

— Ты помнишь это? — Каков же его возраст?

— Нет. С тех пор, как восстание закончилось, мы живём исключительно под землёй.

— Почему?

— Потому что управлять людьми легче, когда у них нет возможности сбежать, — прямо ответил он. — Когда всё было более… открытым, мы могли уходить или жить за пределами города. Но теперь защищать такую огромную территорию слишком трудно. Сложно удержать людей рядом, если они этого не хотят. А пещера… Пещера создает прекрасную тюрьму.

Его губы сжались в горькую линию.

— И вот один из самых великолепных городов фейри в мире превратился в то, чем ему никогда не суждено было стать.

Я потрясённо уставилась на него. Я знала, что все жили под землёй и что для выхода требовалось королевское разрешение, но даже не подозревала…

— Благородные Фейри тоже заперты здесь?

— После войны. Никто не может сбежать.

Я дотронулась до его рукава, и он опустил взгляд на мою руку, сжав челюсти.

— Мне жаль.

Он коротко кивнул, признавая мои слова, а затем весело улыбнулся, во что я ни на секунду не поверила.

— Это место кажется таким свободным, правда? Словно можно просто уйти и больше никогда не возвращаться.

Он сделал паузу, его взгляд пронзал меня насквозь.

— Но тебе стоит знать, что весь этот холм защищён заклинанием против побега. Единственный способ уйти и выжить — это получить специальное разрешение короля, который изменяет охрану.

Я облизнула губы, внезапно уверенная, что он всё понял.

— Интересно.

Сегодня мне не сбежать. На мгновение разочарование грозило захлестнуть меня, но я заставила себя отпустить надежду на сегодня и сосредоточиться на завтрашнем дне. Я ещё не исследовала все проходы Дома Земли — возможно, там есть тайный

выход. Путь, который минует королевские заклинания и выведет меня из этой прекрасной тюрьмы.

— А теперь, любопытная Кенна, пора тебе потанцевать, — улыбнулся Друстан, и на этот раз его улыбка выглядела искренней. Его вернувшееся хорошее настроение чудесным образом подняло и моё, и я решила насладиться праздником. Если уж мне не убежать, то хотя бы повеселиться.

И всё же я сомневалась насчёт танцев. Я последовала за ним обратно к празднику, протестуя на каждом шагу:

— Я не умею танцевать. Во всяком случае, не так, как фейри. Людские танцы — это в основном держаться за руки и кружиться в кругу.

Я тараторила, понимая, как унизительно будет споткнуться перед изысканными Благородными Фейри.

Он положил руку мне на поясницу, будто собираясь подтолкнуть меня к танцующей толпе.

— О, пожалуйста, не бросай меня туда. Я упаду и буду затоптана насмерть.

— Я не позволю тебе упасть, — горячо прошептал он мне на ухо.

Я вздрогнула, когда его рука потянула меня ближе, а другая взяла мою.

— Держись за моё плечо.

Я подчинилась, ошеломлённо гадая, неужели это действительно происходит. Принц Огня действительно танцевал с человеческой служанкой? Никто, похоже, не удивился этому зрелищу, но я всё равно чувствовала смущение.

— Я далеко ниже твоего положения, — прошипела я, пока он вёл меня в танце.

— В этом и смысл этого праздника. Нам советуют смешиваться, чтобы напомнить, что мы все — фейри. Или, в твоём случае, почти фейри. Уверен, король был бы рад устранить и эту разницу, но традиция так стара, что никто уже не помнит, когда она началась. А теперь тише.

Он ловко закружил меня среди толпы, шепча шаги мне на ухо, пока я не уловила ритм. Затем мы танцевали в молчании, кружась под звуки скрипок, раз за разом.

Жар накрыл меня волной, и толпа взревела, когда костёр вспыхнул ярким пламенем, устремляющимся к небесам. Я удивлённо посмотрела на Друстана, подняв брови.

Он рассмеялся.

— Я могу делать два дела одновременно, знаешь ли.

Он наклонился, его губы оказались у моего уха.

— Я бы с удовольствием это продемонстрировал.

Я издала тонкий писк от его намёка и оступилась, заставив его смеяться ещё громче. Затем он закружил меня в последний раз под конец мелодии. Он поклонился, и я едва вспомнила, что нужно сделать реверанс. После этого он подмигнул и схватил новую партнёршу, а ко мне подошёл кто-то ещё.

К моему удивлению, это был Пол, похожий на козла управляющий короля. Несмотря на копыта, он двигался удивительно грациозно, и мы танцевали джигу, оставившую меня без дыхания и в восторженном настроении. Когда он ушёл, меня подхватил другой партнёр, затем ещё один и ещё. Я мельком увидела Лару в толпе — она смеялась, запрокинув голову, кружась в объятиях дамы из Дома Пустоты.

Я сделала реверанс в конце очередной песни, обмахиваясь рукой, и направилась к столу с напитками. Если все пьют вино, почему бы и мне не выпить?

Крепкая рука схватила меня за локоть.

— Потанцуй со мной.

Эти слова были не просьбой, а приказом.

Я подняла взгляд на лорда Каллена и сглотнула. Я не могла ему отказать, поэтому кивнула, напрягшись, когда он положил руку низко на мою талию и осторожно обхватил мои пальцы. Танец был медленным, элегантным скольжением, упрощённой версией того, что я танцевала с Друстаном. Я старалась держаться подальше от Каллена, что оставило нас в неловком положении — на расстоянии вытянутой руки, с прямым взглядом в его непроницаемое лицо.

Я раньше старалась не смотреть на него слишком долго, но сейчас у меня не было выбора. Его тёмно-коричневая туника была не менее впечатляющей, чем его обычно мрачные одежды Дома Пустоты, а сверкающая молния, запечатанная в опаловой броши на груди, выглядела завораживающе. Его привычная хмурая гримаса сегодня отсутствовала, обнажая полные губы и проблески белоснежных зубов. Его ресницы были густыми и длинными, угольно-чёрными, что резко контрастировало с бледной кожей. И я была удивлена, заметив, что его глаза не чёрные, как мне казалось, а насыщенного цвета полночного неба. Его лицо раскраснелось от танца, волосы до плеч слегка растрепались, а лёгкий блеск пота сверкал в ямке у основания шеи.

Благородным Фейри нечестно быть настолько красивыми, с горечью подумала я. Их внешность должна была бы отражать их прогнившую сущность.

— Ты не приходила ко мне с новой информацией, — произнёс он, пока мы медленно кружились вокруг костра.

— Я не думала, что что-то из услышанного важно, чтобы об этом рассказывать.

— Это мне решать, что важно, а что нет. О чём ты разговаривала с Друстаном ранее?

Он всегда за мной наблюдает?

— Он сказал, что всё это — территория фейри, даже горы, и что раньше некоторые фейри жили на поверхности. Мне показалось это интересным.

— Он, кажется, любит играть в наставника. Не оказывал ли тебе Принц Огня каких-нибудь других... особых знаков внимания?

Слова «особых знаков внимания» были произнесены с оттенком насмешки, и я напряглась, но сдержалась, чтобы не огрызнуться.

— Нет, — твёрдо ответила я. Хотя мне бы хотелось. — И он почти ничего не рассказывал по существу. В основном он любит быть остроумным и находит забавным учить меня странным отрывкам из истории фейри. Например, он сказал, что этот фестиваль основан на принципах равенства. Это, видимо, объясняет, почему ты танцуешь со мной.

— Понятно. Как Дом Земли реагирует на неожиданный успех Леди Лары в испытаниях?

Я моргнула, сбитая с толку резкой сменой темы.

— Ориана, конечно, довольна. Лара с каждым днём становится всё увереннее. Они надеются на похожий успех в следующих испытаниях.

— Ты всё ещё помогаешь ей?

Вопрос прозвучал лениво, но его взгляд сверкнул сталью.

— Нет, — солгала я. — Хотя, конечно, пересказываю сплетни, если что-то слышу.

— Хорошо.

Он резко отвел меня от пары, которая, пошатываясь, кружилась в танце.

— Мистей отличается от мира людей, Кенна.

Мне не понравилось, как он произнёс моё имя.

— Да, я в курсе.

— Если ты слишком многое отдашь здесь, — продолжил он странным тоном, глядя на меня с напряжённой сосредоточенностью, — ты рискуешь потерять всё. Потому что никто не вернёт тебе твою преданность. Ты будешь только отдавать и отдавать, пока не останешься пустой… или мёртвой. Помни это.

Я не поняла, о чём он говорил. Я нахмурилась, глядя на него.

— Милорд?

— Так что за сплетни ты услышала и передала Ларе? — спросил он, игнорируя мой вопрос.

Какой странный человек. Впрочем, все фейри, похоже, обожали быть загадочными, и пытаться понять их слова часто было пустой тратой времени.

— Я слышала, что испытание Дома Света связано с физическим контролем, но ничего более.

— Поэтому ты ходила к Тварям? Ради сплетен?

По спине пробежал холодок. Откуда он знал? Возможно, у него и правда были шпионы повсюду.

— Да, — призналась я, понимая, что отрицать бесполезно. — Я слышала, что только Твари могут говорить о… доме, о котором мне нельзя упоминать. Я ничего не узнала.

Я не собиралась рассказывать ему о том, что Даллаида провозгласила себя королевой. Он донёс бы королю Осрику, и тот уничтожил бы её. Как бы заманчиво это ни звучало, любой враг короля был моим союзником. Если Даллаида чувствует себя достаточно уверенно, чтобы бросить ему вызов, она должна получить свой шанс.

— Удивительно, что Твари оставили тебя в живых, — сказал Каллен, закружив меня так резко, что я споткнулась. Он тут же притянул меня ближе, чтобы удержать, его рука твёрдо легла на мою талию, не давая отстраниться. Я оказалась на расстоянии нескольких дюймов от его груди, мои плечи почти касались его с каждым вдохом.

Я постаралась подавить смущение. Я знала, что это такое. Он пытался вывести меня из равновесия, навязать неудобную близость, запугать своей красотой и властью. Ещё одна из тех игр, которые так любили фейри.

Но слабость фейри заключалась в том, что они ожидали, что все будут играть по тем же правилам. Я перестала сопротивляться и вместо этого подняла взгляд на него и улыбнулась.

— Меня всегда удивляет, как фейри недооценивают людей, — сказала я. — Казалось бы, пора бы уже учиться.

Он фыркнул, и музыка смолкла. Наклонившись, он прошептал мне на ухо:

— Счастливого равноденствия, Кенна. В следующий раз не заставляй меня так долго ждать того, что я хочу знать.

Он ушёл, оставив меня оглушённой и с облегчением наблюдающей за его уходящей фигурой.

Я тут же направилась к столу с вином, отказываясь от приглашений на танец как от Фейри-прислужников, так и от Благородных Фейри. Взяв бокал, я осушила половину его содержимого.

Вино было лёгким и сладким, с яркими яблочными нотами и тонким привкусом дыни. Я закрыла глаза, чувствуя, как оно прохладной волной скользит по горлу. Когда я их открыла, мир стал другим — цвета стали ярче, а солнечные лучи словно переплелись

с блёстками. Сердце билось в такт музыке, и я почувствовала древнюю силу земли под ногами, будто была частью почвы.

Допив бокал, я ощутила приятное головокружение. Это было особое вино Дома Земли, созданное в подземных погребах под жилыми уровнями. Остальные дома пробовали его только в дни весеннего равноденствия, и оно считалось одним из лучших частей праздника. Теперь я понимала, почему фейри так его любили — я никогда не пробовала ничего подобного.

Я взяла второй бокал и подошла к краю танцплощадки, выжидая, пока блеснут чёрные волосы Лары. Когда она завершила поворот, я подняла бокал в воздух. Она улыбнулась и кивнула. Когда музыка смолкла, Лара схватила бокал, выпила вино несколькими глотками и вернулась к танцам.

Я могла бы присоединиться к ней, но теперь мои «винные» глаза находили невероятное удовольствие просто в наблюдении. Платья, кружившиеся в танце, стали похожи на листья на ветру, а трава под ногами пульсировала жизнью.

Лара рассмеялась, и я с тёплой нежностью смотрела, как она схватила нового партнёра. У Благородных Фейри кожа всегда имела эфирное сияние, но вокруг неё было нечто большее, след магии Земли, сверкающий на солнце, как аура. Это был слабый отблеск яркого золотого свечения Орианы, но он делал Лару живой, в отличие от всех остальных вокруг неё.

Аня тоже любила танцевать. Она была ростом с Лару, и на мгновение мне показалось, что это Аня кружится среди толпы, живая, здоровая и счастливая.

Я глубоко вдохнула и моргнула, избавляясь от иллюзии. Лара вернулась — её лицо было круглее, чем у Ани, волосы чёрными, а не золотисто-каштановыми, а черты лица совершенно её собственными.

В свете вина я приняла решение.

Я слишком долго сравнивала Лару с Аней и находила её недостаточной. Я тосковала по реальности, которая никогда не станет явью, потому что не могла смириться с тем, что моя мать и лучшая подруга мертвы, а я осталась одна. Это было несправедливо по отношению к Ларе и ко мне.

Мечты — не больше, чем иллюзия. Они заслоняли то, что существует на самом деле. Все те моменты, что я тратила на воображение Ани, были моментами, когда я не замечала Лару. Все те разы, когда я думала, как поступила бы Аня, были разами, когда я не спрашивала себя, что сделаю я.

Я глубоко вдохнула. С выдохом я, наконец, отпустила призрак Ани.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 19

Мы проснулись на рассвете, чтобы подготовиться к испытанию Светом.

Прошла уже целая неделя с весеннего равноденствия, и все это время Лара занималась медитацией и физическими упражнениями. Я присоединилась к ней в некоторых занятиях, хотя боевые тренировки, которые она проходила с Орианой, были для меня слишком сложными. Даже без бессмертия Лара обладала выносливостью и силой, которых мне не хватало.

Несмотря на всю эту подготовку, Лара была мрачной, когда я надевала на неё бесформенное белое одеяние. Её волосы были распущены, а ноги босые — как велел Дом Света.

— Ты в порядке? — спросила я, распутывая ей волосы.

Она глубоко выдохнула.

— А если нас будут пытать? Если это и есть испытание?

Я заметила тени под её глазами — страх не дал ей заснуть всю ночь. Я провела рукой по её волосам, пытаясь успокоить.

— Если бы всё было так ужасно, я сомневаюсь, что многие фейри прошли бы испытание. Может быть, это будет неприятно, но не слишком страшно.

— Лабиринт был ужасен.

— Но твари на самом деле не нападали на тебя, — заметила я. — Они бы так не рисковали вашими жизнями.

Лара зарылась лицом в руки.

— Я думаю, что я трусиха.

— Ты не трусиха, — я положила расческу и присела рядом с её креслом, дождавшись, пока она посмотрит на меня. — Это нормально — бояться. Может, именно это они и проверяют — как бояться, но всё равно выполнять свой долг.

— А если я не смогу?

— Ты сможешь, — пообещала я. — Ты будешь не одна. Я буду рядом, и, если я смогу чем-то помочь, сделаю это.

— Как ты остаёшься такой спокойной? — Лара почти сердито взглянула на меня. — Ты никогда не выглядишь расстроенной.

Это был неожиданный взгляд на меня. Понимание, что она, благородная фейри с магией и деньгами, наследница великого дома, видит во мне то что ей так не хватает.

— Многое из того, что ты видишь, — не такое спокойное, как кажется, — сказала я. — Помни, как мне стало плохо после ужина? Но иногда... — я замолчала, почувствовав дискомфорт. Мне не нравилось показывать другим свои слабости, но Ларе нужно было помочь. Может, мне тоже нужна была помощь — утешение, что мои секреты лежат на плечах другого человека, и это уже не только моя тяжесть.

Я встретила её взгляд в зеркале. Сегодня ее глаза были коричневые, как свежевспаханная земля. Новая возможность, а не утрата.

— Я пережила много плохого, — сказала я. — Мой отец ушёл, когда я была совсем маленькой, и я росла в бедности. Бывали недели, когда мы почти не ели. — Мое горло сжималось от боли с каждым словом, как будто оно пыталось сжаться так сильно, чтобы больше не вырвалось ни единой правды. — Моя мама заболела, и болезнь забирала её медленно и мучительно. Она ушла почти два года назад, и тогда осталась только я. Но у меня была подруга, настолько близкая, что мы были почти как сёстры. —

Я глубоко вздохнула, ощущая эхо слишком многих ран. — Её выбрали на зимнем солнцестояние, и я пошла за ней, чтобы помочь выбраться из болота. Но она умерла за моей спиной, и я даже не оглянулась.

В глазах Лары отразился ужас… и сочувствие. Она слегка кивнула, подталкивая меня продолжить рассказ.

— Ты думаешь, что я никогда не расстраиваюсь, — сказала я, — но это совсем не так. Жизнь может быть такой болезненной. В самые худшие моменты ты можешь думать только об одном: жить. Ты делаешь это своей единственной целью и забываешь всё, что было до или после. — Выбор, а не мечта. Борьба, есть ли надежда или нет. — Это тяжело, но это единственный способ, который я когда-либо находила, чтобы пережить всё.

Лара схватила мою руку и сжала её.

— Твоя жизнь стала лучше, да? — спросила она тихим голосом.

Я с трудом сдержала слёзы. Какой ужасный и сложный вопрос.

— Лучше во многом, — ответила я. — У меня есть еда и кров, я наслаждаюсь работой с тобой. Я учусь тому, о чём и не мечтала. Но… я не свободна.

Лара убрала руку, её выражение стало болезненным.

— Никто из нас не свободен.

— Я знаю. Наверное, поэтому никто из нас и не счастлив.

Она закусила губу и отвернулась.

Кристаллы на потолке начали пульсировать — это был знак. Испытание Светом вот-вот начнётся.

— Пойдем, — сказала я, вставая и протягивая ей руку. — Мы будем идти шаг за шагом.

***

Мы присоединились к остальным кандидатам у входа в Дом Света. Слуги получили простые деревянные коробки, которые мы несли, следуя за кандидатами по спиральной лестнице.

Мы вышли на солнечный дворик на вершине каменистого холма. Мраморный пол блестел, словно усыпанный алмазами. Роланд, принц Света, стоял напротив входа с королём Осриком, а Благородные Фейри стояли по обеим сторонам, наблюдая.

— Добро пожаловать, — сказал принц Роланд. — Испытание Светом проверяет вашу способность к контролю и дисциплине. Вы должны вытерпеть всё, что с вами будет, с безмолвным стойким терпением. Пройдите в центр двора.

Он поманил, и кандидаты шагнули вперёд.

Карисса вскрикнула. За каждым её шагом тянулся след из крови, и она шла, прихрамывая. Я нахмурилась, пытаясь понять, что её ранило, но вскоре поняла: каждый сверкающий кусочек мрамора был осколком стекла.

— Лягте, — сказал Роланд, когда кандидаты оказались в центре.

Роба Лары была слишком тонкой; стекло легко могло бы порезать её. Но она с решимостью легла и не произнесла ни звука, глядя в бездонно голубое небо.

— Слуги, — Роланд щёлкнул пальцами. — Положите коробки у своих ног и откройте их. Вы должны достать ампулы с оранжевой жидкостью и подойти к кандидатам, чтобы налить её им в рот.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Внутри было три ампулы, каждая размером с мой большой палец — оранжевая, фиолетовая и чёрная. Оранжевая жидкость блестела на солнце так же, как и осколки стекла. Я знала, что это что-то вызывающее боль.

Я глубоко вздохнула, готовясь, затем сняла резинку с волос, позволив локонам свободно падать на плечи.

Я направилась к Ларе и сразу поняла, что выбрала не ту обувь для этого испытания. Мои тонкие тапочки совершенно не подходили для хождения по разбитому стеклу. Я пыталась не показывать боли на лице, пока стекло резало мои ноги. Другие слуги тоже хромали — за исключением тех, кто был из Дома Света и носил тяжёлые сапоги на толстой подошве.

Я присела рядом с Ларой, стараясь не порезать колени.

— Открой рот и пей, — прошептала я. Пока наклонялась, мои волосы создали плотный занавес, скрывая лицо и руки.

Ампула была маленькой. Я осторожно наклонила её к своим губам и выпила половину жидкости, прежде чем дать остальное Ларе.

Жидкость обожгла мне горло, как пламя. Я встретила широко раскрытые глаза Лиры и кивнула ей в знак поддержки, затем быстро вернулась на своё место в линию слуг. Мои ноги жгло, но эта боль быстро побледнела по сравнению с тем, что происходило внутри меня. Молнии жгучей боли пронзали меня, исходя от горла и живота. Я встала в строй слуг, пока изображение в моих глазах не начало расплываться от боли.

Мы стояли в молчании, и это молчание казалось вечностью. Даже половина дозы яда была невыносимой, как если бы я проглотила огонь. Моя грудь сжималась, и перед глазами всё покрылось красной дымкой. Лезвия боли вонзались в виски и бились в затылок. Руки дрожали, и я едва сдерживала крик. Когда зрение немного прояснилось, я увидела, как несколько кандидатов корчились от страха, но Лара оставалась неподвижной.

Вскоре боль начала отступать, а дымка рассеялась. Я глубоко вздохнула, сосредоточив внимание на капле пота, стекающей по спине, и ощущении земли под моими болящими ногами.

— Вторая ампула, — приказал Роланд.

Эта ампула была переливающегося пурпурного цвета. Я могла догадываться, что она делает.

Глаза Лары были полны слёз, когда я подошла к ней второй раз. Я снова выпила половину жидкости, прежде чем подать её Ларе.

— Иллюзия, — прошептала я.

Я вернулась в линию слуг, едва замечая остроту стеклянных осколков под ногами. После зелья боли эти порезы уже не так сильно жгли.

Моё сознание как будто отделилось от тела.

Я снова оказалась в болоте, мох под ногтями и трава, скользящая по ногам. На мгновение я была безмерно счастлива, что сбежала из Мистей, но затем тропа подо мной обрушилась, и я начала тонуть в бесконечно глубоком болоте. Жидкость затекала мне в нос и в горло, заполняя всё тело, тонущая, убивающая…

Я сжала кулаки и пыталась дышать, несмотря на желание, кричавшее в голове, что нужно задержать дыхание и держаться как можно дольше. Это не реальность, говорила я себе. Это не реально. Это не реально.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Я шла по туманному полю сражения, сжимая в руке кинжал, пробираясь через рубиновые лужи. Драгоценный камень ярко светился в рукояти, и я ощущала, как много крови он уже выпил. Ещё больше крови покрывало моё лицо и руки, капало с губ, и мы оба были так рады этому вкусу…

Передо мной возникло существо. Оно было в два раза выше меня, с восемью руками и двумя головами, похожими на волчьи. С его клыков капала кровь, а на руках были когти длиной с мое предплечье. Достаточно длинные, чтобы отрубить мне голову, если оно подберется слишком близко. Существо взвыло к небу и рвануло ко мне с невероятной скоростью.

Я побежала. Бежала. Бежала. Бежала…

Где-то в глубине меня я осознавала, что стою неподвижно, как оболочка, на белом поле. Пропасть между телом и разумом казалась непреодолимой, но я сосредоточилась на мантре, сопротивляясь ложным иллюзиям.

Не двигайся. Не двигайся. Не двигайся.

Я лежала на дне озера. Вода была мутной, но свет дня всё же пробивался, освещая все вокруг. Рядом в воде покачивались листья какого-то растения, словно волосы.

Что-то сверху пронзило воду, плывущая масса, которую я узнала, как женщину. Её длинное белое платье тянуло её вниз. Она была ранена, огромные облака крови расплывались в мутной воде. Когда она приблизилась к месту, где я лежала в грязи, она наконец заметила меня. Её карие глаза расширились, её каштановые волосы запутались в озерной траве. Она забилась в панике и закричала, испуганная мной, но не в силах вырваться.

Я почувствовала металлический привкус её крови в воде, и не моргнула, когда Аня дернулась в последний раз, и, наконец, замерла, её глаза всё ещё неотрывно с ужасом смотрели на меня.

Не кричи. Не кричи. Не кричи.

Я снова стояла в Доме Света, ногти впились в ладони, рот сжался, чтобы не сорвался крик.

— Третья ампула.

Я опустилась на колени и открыла коробку дрожащими руками, в ужасе. Я снова в реальном мире или это очередная галлюцинация?

Разве так на самом деле погибла Аня — утонув в крови, одинокая и обречённая?

Я поднялась, сжимая в руке ампулу с чёрной жидкостью, и машинально направилась к Ларе. Моё тело помнило свои обязанности, даже когда разум пытался разобраться, что из этого реально, а что — лишь иллюзия. Я дала Ларе половину чёрного зелья, а потом вспомнила, что мне тоже нужно немного выпить, чтобы уменьшить ее эффект. Я подняла ампулу к губам, но замерла, когда её глаза метались в панике, как будто она больше не могла меня видеть.

Если оранжевое зелье было огнём, а фиолетовое — иллюзией, то это зелье было пустотой. Тальфрин застонал и взмахнул руками, как только проглотил зелье, а руки Кариссы вцепились в мрамор, будто она пыталась удержаться на месте.

Я сжала ампулу в кулаке, пока не встала рядом с остальными слугами. Пока все наблюдали за кандидатами, я опустила голову и вылила оставшееся зелье в рот, а потом позволила пустому флакону упасть в открытую коробку у моих ног.

Мгновенно стало темно.

Не просто темно. Чёрно. Пусто. Отсутствие света, настолько глубокое, что оно с каждым вдохом проникало в мои лёгкие, как щупальца.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Тишина. Я провалилась в бескрайнее пустое пространство, освобождённая от всех ограничений мира, потерянная в тёмном сне. Я не могла понять, где верх, а где низ, не была уверена, действительно ли я плыву или замерла на месте, или же падаю в бесконечную пропасть. Моё внутреннее ощущение направления выворачивалось наизнанку, отчего чувствовала головокружение. Я хотела развести руки, чтобы восстановить равновесие, но вместо этого оставалась совершенно неподвижной — или, по крайней мере, так мне казалось в этом пустом мире, где не было ничего другого, кроме темноты. Не имело значения, смотрела я вверх или падала. Важен был только этот момент, и моя способность контролировать его.

С этим исчезновением всего пришёл ужас. Он оплёл меня, проникал в меня, разрывал те нити, что составляли моё существование. Люди не предназначены для того, чтобы пережить это место. Это было, как если бы вселенная была стерта, и это была та чёрная тьма, что существовала ещё до появления звёзд.

Я дрейфовала в этом холодном пустом пространстве, что казалось вечностью, настолько долго, что начала сомневаться, не умерла ли я. Это ли было послесмертие? Я чувствовала облегчение или гнев от того, что оказалась здесь?

Вдруг свет вернулся, такой яркий, что я поморщилась, а слёзы катились по щекам.

Я всё ещё стояла среди слуг на солнце, всё ещё смотрела на кандидатов, лежащих на своих постелях из стекла.

— Встаньте, кандидаты, — сказал принц Роланд. — Испытание закончится, как только вы покинете этот двор.

Кандидаты с трудом поднялись на ноги, многие из них шатались. Карисса снова упала на землю с тихим криком, порезав колени о стекло. Лара посмотрела на меня, как на свечу в окне в бурю. Она шла медленно, осторожно ступая, но не падала. Наконец она подошла ко мне, и я обвила её руками, поддерживая, пока она обрушивалась на меня.

Не было торжественных ужинов или танцев. Только Лара и я, шли шатающиеся обратно в Дом Земли, с кровавым следом за нами.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 20

Даже с фейри-медициной мои порезанные ноги заживали несколько дней. Лара оправилась за день благодаря своей силе Благородной Фейри, но я оставалась мучительно прикованной к постели, читая книги и с ненавистью вспоминая Дом Света.

Элоди взяла на себя мои обязанности по уходу за Ларой, каждый раз, когда поднималась наверх, она заглядывала ко мне. Лара часто приходила в гости, садилась на край постели и рассказывала все слухи из двора. Мы не много говорили о самих испытаниях, кроме как обсуждали, что может быть в испытании Огня, связанном с гедонизмом. Она отказалась рассказать мне, какие видения она видела в Испытании Света, но, с другой стороны, я тоже не рассказывала ей, что пережила. Я все еще не понимала, действительно ли мне удалось вдвое уменьшить боль для неё, или зелья были настолько сильными, что количество принятого не имело значения.

Я все ещё не могла разобраться в своих галлюцинациях от яда Иллюзии. Мое лучшее предположение было, что они заставили меня столкнуться с моими самыми большими страхами: болото, запутавшее меня, Твари, преследующие меня, и моя лучшая подруга, умирающая прямо на моих глазах.

Это было ужасно, но я понимала цель испытания. Могла ли фейри сохранить самообладание, будучи раненной, дезориентированной или напуганной? За свои века жизни фейри сталкиваются с множеством ужасных вещей. Поэтому требуется определённая стойкость.

На второй день моего выздоровления ко мне пришёл брат Лары, Селвин. Он неуверенно сел у моей постели. Это было первое наше общение наедине после разговора у пруда.

— Спасибо, что помогла Ларе, — сказал он. — Она рассказала мне, что ты сделала.

Я улыбнулась ему. Он всегда подшучивал над Ларой, когда мог, но на самом деле Селвин искренне заботился о ней.

— Я была рада помочь.

Он потянулся за прядью своих золотистых волос, его карие глаза были необычно серьёзными.

— Испытания кажутся такими ужасными. Я не хочу проходить через это.

— Ты справишься. Лара говорит, что ты очень умён.

— Может быть, — промолвил он с сомнением. — Но я не понимаю, почему должно происходить это всё. Вся эта система жестока. Зачем всё это?

Он напомнил мне многих подростков, которых я знала. И, возможно, даже меня. Каждый ребёнок в какой-то момент осознаёт, что мир не справедлив. Моё осознание пришло гораздо раньше, чем у Селвина, но я выросла в нищете, а он — в роскоши, почти полностью в стенах Дома Земли.

Я задала себе вопрос, почему он решил поделиться сомнениями именно со мной, и поняла, что Благородные Фейри, вероятно, не были склонны к таким вопросам. Они ценили силу и презирали слабость. Я была всего лишь слугой, завернутой в бинты и прикованной к постели, да ещё и совершенным новичком в их мире. Я была олицетворением слабости. Возможно, это делало меня безопасной для него.

— Я не знаю, — честно ответила я. — Многие вещи в жизни несправедливы, но все, что мы можем сделать, это пройти через них как можно лучше и постараться сделать мир лучше. Лара справится, и ты тоже. Ты гораздо смелее, чем думаешь.

Он покраснел и опустил голову.

— Спасибо. Ты тоже.

Перед уходом он оставил на моём столе одну желтую розу, и она каждый раз радовала меня, когда я на неё смотрела. Не все Благородные Фейри были жестокими. Может быть, идеалисты вроде Селвина действительно смогут сделать мир лучше.

Когда мои ноги, наконец, зажили, я решила выйти в город. Как бы успокаивающе ни было зелёное убранство Дома Земли, мне нужно было размять ноги и понять, что происходило за время моего выздоровления.

С тех пор как я разговаривала с Друстаном на весеннее равноденствие, я начала по-другому смотреть на туннели и комнаты. Мистей был лишь одним городом, хотя и великолепным, в том, что когда-то было обширной и густонаселённой территорией фейри. Фейри, должно быть, гордились, мастерством, которое потребовалось, чтобы вырезать эти бесконечные комнаты, и магией, которая оживила их. Весь подземный город был свидетельством творчества, сложности и расточительности. Наверное, сюда приезжали гости из других земель, чтобы полюбоваться этим, а молодые фейри переезжали в Мистей из своих надземных домов, надеясь попытать счастье на этих извилистых подземных улицах.

Теперь же это был красивый тюремный комплекс. Я начала скучать по солнечному свету уже спустя несколько месяцев — как же фейри справляются без него на протяжении веков? Как чувствует себя Друстан, который родился после восстания, практически никогда не видя внешний мир?

Я не видела Мод и Триану уже долгое время, поэтому направилась к ним в первую очередь. Триана была на поручении, а Мод встретила меня с необычайно обеспокоенным выражением лица. Прежде чем я успела что-то сказать, она вложила мне в руку записку, покачав головой и прогоняя меня, когда я спросила, что в ней.

Я нашла пустой, но хорошо освещённый коридор, в котором был вход в туннели Земли. С тех пор как я видела, как Каллен растворяется в тенях, я всегда проверяла, нет ли там ниш или темных уголков, прежде чем использовать ключ. Записка была написана наклонным, но грациозным почерком, чернилами такого темного цвета, что они казались поглощать свет ключа.

Узнай, что Друстан знает о принце Гекторе. Немедленно.

Моя рука задрожала, когда я разорвала записку на мелкие кусочки и положила их в карман платья. Я знала, кто её прислал: Каллен, который, по-видимому, так тщательно следил за моими передвижениями, что знал, что я беру уроки языка жестов у Мод. То, что она вручила мне записку, было напоминанием о его власти… и моей уязвимости.

Зачем Каллен интересовался своим собственным братом? Что произошло, пока я лежала в постели? Я никогда не видела Друстана и Гектора вместе, кроме как на официальных мероприятиях, и не слышала, чтобы принцы обсуждали друг друга. Но я слышала, как Каллен говорил о Друстане. Огонь принял своё решение, — сказал он Гектору у прихожей Дома Крови.

Они что-то затевали. Что же это было?

Я боялась, что знаю ответ. Тонкие намёки Друстана, наводящие вопросы и случайные замечания всегда сводились к одной теме: король Осрик был

коррумпирован и, возможно, вскоре не выдержит давления на троне. Хотят ли Гектор и Каллен предотвратить переворот?

Я не собиралась предавать революционные наклонности Друстана, но мне нужно было дать Каллену информацию, иначе он меня накажет. Я не сомневалась в его способности воплотить угрозы в жизнь.

Игра, в которую я играла, если её вообще можно было назвать игрой, была опасной. Незаконная помощь Дому Земли в испытаниях. Обещания дружбы и информация Друстану. Шпионаж для Каллена в пользу короля. Три совершенно противоположных миссии, и, если хотя бы одна из сторон узнает о других, я буду мертва.

Моя миссия была проста: выжить достаточно долго, чтобы сбежать или увидеть, как на троне появляется новый король.

***

Я пошла искать Друстена, бродя мимо тронного зала, входа в Дом Огня, библиотеки, где когда-то подслушивала его, и других комнат, где любили собираться благородные фейри, но его нигде не было. Возможно, он был в Доме Огня. Обычно благородные фейри общаются в общественных зонах в течение дня, но для него не было бы странно пообедать или провести встречу в своей комнате.

Я долго ждала у Дома Огня, надеясь, что он появится. Каллен сказал «немедленно», что означало, что у меня оставалось мало времени.

Где-то внизу резко захлопнулась дверь.

Звук был еле уловимым, но я почувствовала его как слабую вибрацию через пол. Я подумала, что он пришел с более низкого уровня, и пошла в ту сторону, размышляя, какие этажи скрыты ниже этого и как туда добраться. Я не заметила никаких признаков лестницы, ведущей вниз с этой части Мистеи, значит, либо нижний этаж был доступен откуда-то издалека, либо существовала скрытая дверь.

Я была уже на полпути вниз, когда стена открылась прямо перед поворотом. Друстан вышел, и стена за ним закрылась.

Я развернулась и сделала вид, что все это время поднималась по спиральной дорожке. Когда он подошел ко мне, я подпрыгнула, как будто испугавшись.

— О! Я тебя не услышала.

Он улыбнулся, но его улыбка была натянутой. На щеке виднелась длинная царапина.

— Я очень скрытен, когда хочу.

— Ты ранен, — сказала я, протянув руку к его ране, но остановилась, не коснувшись его.

— Это ничего, — ответил он, и рана тут же затянулась, оставив только маленькую полоску крови, которую он стер.

Я почувствовала зависть к той скорости, с которой он заживал. Лара тоже будет исцеляться так быстро, когда обретет бессмертие. А я... мои ступни все еще были изуродованы шрамами после испытания Светом.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Друстан.

— Я хотела узнать, можешь ли ты помочь мне в кое чем разобраться.

Он улыбнулся, как ленивый кот, и мое сердце дёрнулось.

— Так вот как? Тогда иди со мной. Друзья не делятся информацией на публике.

Он повел меня вверх по спиральной дорожке и в небольшую, скромно обставленную комнату, похожую на кабинет или гостиную. Когда дверь закрылась, вокруг её краев вспыхнуло оранжевое свечение защитного поля.

Друстан прислонился к деревянному столу в углу и скрестил руки.

— Ну?

Мои пальцы нервно теребили ткань юбки. Комната была настолько маленькой, что я остро ощущала близость и жар, исходящий от него.

— Я видела, как принц Гектор наблюдал за Ларой перед испытанием Светом, — сказала я. Это была самая правдоподобная ложь, которую я смогла придумать за такое короткое время. — То, как он смотрел на неё, меня напугало. Что ты можешь о нем рассказать?

Брови Друстана поднялись.

— Гектор? Этот холодный ублюдок? Не могу себе представить, что ему нужно от твоей дамы. Обычно он предпочитает менее благородных. Немного более... беззащитных.

От этих слов у меня пробежали мурашки.

— Ты не хочешь сказать...

— Гектор опасен, — сказал Друстан ровным тоном. — Он жесток и расчетлив. Он сделает все, чтобы продвинуть свои интересы, так что, если он действительно наблюдает за леди Ларой, я бы посоветовал тебе предупредить её держаться от него подальше.

— Его собственные интересы? Что ты имеешь в виду?

Друстан, казалось, взвешивал свои слова.

— Ты знаешь, что Гектор, Каллен и Уна — единственные дети Дома Пустоты, верно? Все остальные наследники погибли во время восстания, до того, как предыдущий принц Пустоты, Дрикс, принес клятву верности королю. — Его губы искривились в усмешке. — Как и мои родители. Трое из них вновь присягнули Осрику и были помилованы, чтобы успокоить беспорядки в своих домах.

— Но теперь ты и Гектор — принцы.

— Мой отец погиб в неудачной дуэли с Роландом тридцать лет назад, — сказал Друстан, сжимая челюсть. Я вспомнила его ожесточенную ненависть к Дому Света, которую он использовал как повод, чтобы помочь мне скрыть доказательства жульничества Дома Земли. — Моя мать не захотела жить без него и бросилась на королевские охранные чары.

— Мне так жаль, — произнесла я, ужасаясь откровению.

Друстан покачал головой.

— Это уже в прошлом. Но Дрикс умер не с такой же честью, как мой отец. Его убили в постели, вскоре после того, как родилась Уна.

— Но Дом Пустоты закрыт для чужаков.

Он поднял брови, словно ожидая, что я сделаю вывод.

— Ты хочешь сказать, что Гектор убил собственного отца?

Как женщина, которая никогда не знала своего отца, я нашла эту мысль отвратительной. Как Каллен мог смотреть на своего брата?

— Это не доказано, конечно, и в итоге за это был казнен слуга. Гектор не оплакивал смерть отца. Он принял титул принца и приблизился к трону.

— Король Осрик правит Мистей. Какое значение имеет, что Гектор — принц?

Друстан оторвался от стола и подошел ко мне.

— Хороший вопрос, но ты умная женщина. Ты знаешь ответ.

Мое дыхание участилось, когда он подошел ближе.

— Ты хочешь сказать, что Гектор стремится стать королем?

— Есть много тех, кто устал от тирании короля Осрика и строит планы, как обойти защитные чары, которые его охраняют. К сожалению, не все согласны, кто должен править после него.

Я подняла на него взгляд, пытаясь понять, какие эмоции скрываются за той маской безразличия, которую он так часто носил.

— Это измена, — сказала я.

Друстан подмигнул.

— Хорошо, что я говорю о Гекторе.

Мое сердце бешено колотилось, пока я обдумывала все последствия. Гектор хотел свергнуть короля и занять его место. Каллен искал информацию о своем брате, или хотя бы о том, что знал Друстан. Каллен был убийцей и шпионом короля Осрика. Гектор и Каллен — потомки дома, который когда-то пытался устроить переворот. Осрик убил их братьев и сестер. Гектор убил их отца.

Это был невозможный клубок лояльностей и предательств. Каллен пытался остановить брата... или помочь ему?

Политика фейри была невероятно запутана, каждая вражда и обида была затуманена воспоминаниями прошлых веков. Фейри редко забывают, но прощают ли они? Или они воспринимают всех вокруг только как инструменты для достижения своих целей?

У меня пересохло во рту.

— Когда Гектор сделает свой ход? — спросила я. Наверняка никто не мог быть хуже короля Осрика, но, если принц Пустоты так жесток, как говорит Друстан, Мистей может избавиться от одного тирана, чтобы попасть под власть другого.

— Так много вопросов, — сказал Друстан, сделав еще шаг ко мне. Его проницательные серые глаза внимательно изучали меня, и я задумалась, может ли он увидеть прямо через мое сердце и мысли, те вещи, которые я хотела бы, но не решалась произнести вслух.

Я прокашлялась.

— Меня часто обвиняют в любопытстве, — сказала я.

— Интересно, что я так часто становлюсь объектом твоего любопытства, — задумчиво произнес Друстан. — У тебя нет никого другого, к кому ты могла бы обратиться с вопросами? Есть много других, кто мог бы рассказать тебе о репутации Гектора.

Но не о его возможном перевороте.

— Я... я не думала спрашивать у кого-то другого, — произнесла я, почувствовав, стыд из-за моего заикания. Я была неуклюжей и очевидной; он бы раскусил меня в секунду. — Ты был очень честен со мной, мой принц.

— Так официально, — сказал он, сделав еще шаг ко мне. — И все же я сказал тебе называть меня Друстаном.

Он был всего в шаге, так близко, что я могла бы схватить его бархатную тунику и притянуть к себе. Эта мысль пробежала у меня в голове, и я почувствовала, как по телу прокатилась волна жара, а низ живота сжался от предвкушения.

— Друстан, — выдохнула я, едва справившись с единственным словом, прежде чем замолчать, не в силах заставить свой мозг найти что-то еще для продолжения. Мои

глаза скользнули с его лукавой улыбки на крепкую линию его шеи, и я задумалась, каким он был бы на вкус.

Внутри меня что-то заклокотало, и мне стало жарко от запретного желания.

Друстан усмехнулся, быстро и жестоко.

— Думаю, ты наслаждаешься поиском меня, Кенна, и думаю, ты знаешь, почему.

— Не знаю. То есть, мне нравится твое общество, но... — О, я только усугубляла все. Я замолкла, широко раскрыв глаза и не в силах выговорить ни слова.

Он прикоснулся рукой к моей щеке.

— Ты всегда была честна со мной, — прошептал он. — Не останавливайся и сейчас.

Его другая рука скользнула мне на талию, и затем он потянул меня к себе, прижимая губы к моим.

О.

Его рот был горячим и мягким, на вкус как дым и пряности. Я застонала, когда его язык проник внутрь, и ответила на поцелуй всем жаром своего тела. Мои движения были неуклюжими, но он мягко наклонил мою голову, ведя, обучая меня, как это должно быть.

Я целовалась с парнями в деревне, но это... Это не шло ни в какое сравнение. Те поцелуи были неловкими столкновениями губ и зубов, начатыми и завершенными в спешке — желание, любопытство, или же вольность, на которую закрывали глаза. Ничего, что хотелось бы повторить.

А это... Это было, как тонуть в растопленном шоколаде. Как погружаться в перину после горячей ванны. Я чувствовала, как растворяюсь, как частички души утекают в него с каждым его движением.

Потом он прикусил мою губу, и сознание вернулось с оглушительным грохотом. Все тело ныло от желания. Напряжение тянуло мышцы живота, а низ пульсировал в такт этим ощущениям. Я вцепилась в его шею, притягивая ближе, прижимаясь всем телом, отчаянно нуждаясь в чем-то, что облегчило бы жгучую тягу внутри.

Он зарычал на моих губах, его пальцы вплелись в мои волосы, удерживая голову на месте. В ответ я провела ногтями по его спине, и с удовлетворением ощутила, как он содрогнулся.

— Как держать в руках молнию, — выдохнул он, прежде чем снова накрыть мои губы своими. Он целовал меня жадно, его язык, губы, зубы полностью поглощали меня, руки сжались на талии и голове так сильно, будто оставляли горячие метки. Я задыхалась, полностью теряя контроль. Я никогда раньше не чувствовала ничего подобного. Даже не мечтала...

И внезапно все закончилось. Он оттолкнул меня, тяжело дыша, с глазами, полными огня.

— Тебе нужно уйти. Если, конечно, ты не хочешь закончить это прямо сейчас.

Мой пульс бешено стучал. Хотела ли я продолжения? Я желала его уже несколько месяцев, но теперь, когда его взгляд горел таким же желанием, реальность показалась пугающей.

— Я... я... — пролепетала я, прижав ладонь к горлу.

Он издал недовольный звук и провел рукой по волосам.

— Это не было "да", а значит, если ты не можешь уйти, уйду я. — Он поморщился, поправляя что-то ниже пояса. Моё лицо вспыхнуло, когда я поняла, что его тело отреагировало на меня. — Подумай об этом, — бросил он, направляясь к двери.

— Подожди, — выкрикнула я, едва обрела каплю рассудка. Его плечи напряглись, и я поспешила пояснить: — То есть, я просто хотела спросить... почему ты это сделал с человеком?

Его смех был низким и соблазнительным.

— Мы не все такие, как Осрик. — Его взгляд скользнул по мне. — А ты выглядела восхитительно.

Дверь закрылась за ним, оставив меня дрожащей и одинокой.

***

Я сразу направилась в прихожую Дома Крови несмотря на то, что тело всё ещё горело от желания. К счастью, этот холодный, тёмный зал помог мне охладиться, и через несколько минут я начала дышать нормально, даже если не до конца понимала, что только что произошло.

Он поцеловал меня. Друстан поцеловал меня. Своими губами. Мои губы. Это было…

Я заставила свои мысли утихнуть, когда услышала шаги в коридоре.

Взгляд Каллена сразу нашёл меня, когда он появился в арке.

— Все фейри из Дома Пустоты могут видеть в темноте? — спросила я, когда он вошёл в комнату. — Это несправедливо, если Уна могла видеть на испытании Пустоты.

— Только самые могущественные, — ответил он. — Уна не сможет развить этот навык, пока не пройдёт испытания и не обретёт полную силу.

Он остановился в нескольких шагах от меня. Красный свет факелов в коридоре позади него делал его лицо неразличимым.

— Я поговорила с Друстаном о Гекторе, — сказала я.

— О, это было быстро.

— Ты сказал немедленно.

— Учитывая твоё прежнее понимание слова "быстро", я решил перестраховаться, — его тон был издевающимся.

Я сделала глубокий вдох, чтобы справиться с раздражением.

— Он сказал, что Гектор холоден, расчётлив и эгоистичен.

— Все это знают, — Кален, казалось, не был впечатлён.

— А я нет. Так что, теперь я выполнила твоё поручение, и мы закончили.

Я попыталась обойти его, но он поймал меня за руку.

— Мы не закончили. Ты уверена, что это всё, что сказал тебе Принц Огня?

Раз ему не понравились мои ответы, я дам ему то, что он просил, но вряд ли он этому обрадуется.

— Он сказал, что ходят слухи, будто Гектор убил твоего отца.

Он долго оставался неподвижен, и, когда наконец заговорил, его голос был холодным и отстранённым.

— Обычный слух. Что ещё?

Я дёрнула руку, пытаясь вырваться, и, к своему удивлению, почувствовала, как он отпускает меня.

— Он сказал, что Гектор предпочитает беспомощных партнёров. — Я выплюнула слова, надеясь хоть чем-то задеть этого холодного фейри. — Достойный у тебя брат.

Он оказался передо мной так быстро, что я даже не заметила его движения. Его пальцы сомкнулись на моих плечах, словно он собирался встряхнуть меня, но его руки только напряглись, ощущаясь через тонкую ткань. Его дыхание нарушило тишину.

Но спустя миг он, казалось, взял себя в руки, убрал руки и отступил.

— Благодарю, — сказал он, голос вибрировал сдерживаемым чувством. — Твоё следующее задание: узнай, с кем встречается Друстан. О чём он говорит с тобой и другими. Всё, что ты можешь рассказать о его действиях и взглядах.

— Конечно, — ответила я.

Я не собиралась выполнять это обещание. Из них двоих Друстан завоевал мою преданность задолго до того горячего поцелуя. А теперь, когда между нами случилось нечто большее… Я не предам его.

— Можешь идти.

Я прошла мимо Калена, благодарная, что его допрос на этом закончился.

— Кенна, — окликнул он меня, когда я уже ступила в коридор.

Я напряглась, обернулась через плечо, но в тёмной комнате ничего нельзя было рассмотреть.

— Да?

— От тебя пахнет дымом.

Я вспыхнула при воспоминании о горячих губах Друстана и вкусе дыма, который он оставил на моих губах.

— Я была рядом с кухнями.

Когда я уходила, его голос донесся вслед.

— Лгунья.

Глава 21

На следующей неделе был устроен очередной официальный ужин. Зная, чем закончился прошлый, я с трудом скрывала напряжение, занимая своё место в безмолвном ряду слуг за столом кандидатов. Эйден мельком взглянул на меня с другого конца зала и слегка наклонил голову, приветствуя. Я ответила ему улыбкой, мечтая оказаться где-нибудь, где мы могли бы свободно поговорить.

Этот ужин был столь же изысканным, как и первый. Переполненные корзины с фруктами уступали место тушёному ягнёнку, жареной утке с яблоками и сливочным пирогам с сыром, картофелем и луком. Каждое блюдо украшали цветы в честь наступившей весны. Вино на этот раз оказалось лёгким, прозрачном красным, а не густым кровавым напитком, что подавали во время казни, и слугам, к счастью, его не предложили. Пикси из Дома Земли парили в воздухе, описывая плавные узоры и время от времени осыпая собравшихся лепестками роз.

Когда десерт подошёл к концу, и никто не был убит, я наконец смогла немного расслабиться. Возможно, на этот вечер нам даровали передышку от жестокости.

Пришло время танцев, но король оставался сидеть на возвышении в окружении глав домов и Каллена, и никто не осмеливался начать двигаться без его разрешения. Наконец Осрик встал и хлопнул в ладони. Обычно в этот момент он произносил речь, но вместо этого я заметила, как Благородные Фейри в замешательстве поднялись со своих мест.

— Сядьте обратно, — повелел он.

Фейри повиновались, и по залу прошёл лёгкий шум — вздохи, приглушённые шёпоты, догадки, которые никто не осмеливался произнести вслух.

Шум внезапно оборвался.

В настигшей тишине я услышала, как раздался звук медленных шагов. Тревога сковала мой живот, но я заставила себя не оборачиваться, чтобы не смотреть на очередной ужас, что приближался.

Мимо меня прошёл Пол, неся в руках небольшой свёрток. Его козлиное лицо было печальным как никогда, а за стёклами золотых очков блестели слёзы. Он положил свою ношу к подножию возвышения и, низко склонив голову, отступил назад.

Тонкий крик прорезал воздух.

Холодок ужаса пробежал по моему позвоночнику. Это был младенец. В том свёртке был младенец. Маленькая ручка выскользнула из-под одеяла, сжимая крошечный кулачок.

— Нет, — выдохнул Друстан, начиная подниматься, но Осрик жестом велел ему молчать. Друстан остался на месте, его лицо перекосила ярость.

Каллен тоже был в гневе. Его кулаки сжимались так сильно, что казалось, кожа вот-вот лопнет.

— Совершено тяжкое преступление, — произнёс король Осрик, приближаясь к ребёнку. — Кровные линии Мистей чисты. Так было на протяжении тысячелетий, и вы все прекрасно знаете, к чему приводит нарушение этого закона. Почему же, несмотря на всё это, такие вещи, — он указал на свёрток, — продолжают происходить?

"Только не убивайте его", — мысленно взмолилась я. Я бы не смогла остаться равнодушной, увидев нечто настолько чудовищное. Я бы наверняка бросилась на короля, чтобы выцарапать ему глаза, и меня казнили бы в ответ.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Он поднял младенца, оставив одеяло на возвышении. Держа ребёнка под мышками, он демонстрировал его залу. Я увидела, что это был мальчик с копной чёрных волос, торчащих в разные стороны.

Пронзительный вопль донёсся с одного из столов Дома Света, и белая вспышка промчалась по проходу: женщина в платье, украшенном бриллиантами, выглядела так, будто её мир был разрушен. Она побежала к возвышению, но стража короля среагировала быстрее. Её сбили на колени, а над ней нависли с обнажёнными мечами.

— Прошу, — слёзы ручьями текли по её лицу, пока она умоляла. — Прошу, ваше величество, проявите милосердие.

Король бесстрастно смотрел на неё.

— Ты отрицаешь, что этот ребёнок рождён от двух домов?

— Да, отрицаю. Это ошибка. Должно быть, произошла ошибка.

— Тридцать ударов плетью за ложь. Сверх наказания, которое ты уже заслужила за это преступление.

— Пожалуйста, это неправда!

— Ещё тридцать за очередную ложь.

Она обрушилась на пол, разрыдавшись, её голова утонула в руках, а плечи судорожно вздрагивали. Когда она подняла лицо, взгляд её обратился к дальнему концу зала, где за столами сидели Благородные Фейри из Дома Пустоты, замершие в тёмной, мрачной тишине.

– Прошу, – голос её дрожал, а рука тянулась к ним. – Встань рядом со мной. Постой за нас.

Никто не двинулся.

Она, несомненно, обращалась к отцу ребёнка – тому, кто был с ней, но оказался слишком труслив, чтобы защитить её. Гектор и Каллен бросали хмурые взгляды на свою свиту, а лицо Каллена было искажено яростью, словно он готов был убивать. Наказание за то, что кто-то из его дома проявил слабость?

Нет. Я пристальнее вгляделась в него и поняла: он сгорал от гнева не из-за нарушения. Несмотря на свою безжалостность и хитрость, это был взгляд человека, горящего яростью за мать и ребёнка. Казалось, чудовища из свиты короля Осрика были куда сложнее, чем я могла представить.

– Этот ребёнок – порождение мерзости, – голос короля был холоден и неумолим. – Он рождён от Дома Света и Дома Пустоты. Это нарушает один из наших священных законов: магия каждой ветви должна оставаться чистой.

Малыш заёрзал в руках короля и заплакал.

– Это была ошибка! Я клянусь, это была ошибка! – голос женщины прерывался на всхлипы. – Оставьте его мне, мой король, умоляю. Я увезу его далеко от двора. Или изгоните меня, заточите, сделайте всё, что пожелаете, только позвольте ему жить.

Её голос сломался на последнем слове, и вместе с ним треснуло моё сердце. Она стояла на коленях перед королём, умоляя о жизни своего ребёнка, и ни её любовник, ни её дом не встали на её сторону. Всё это время я видела членов Дома Света как врагов, но сейчас... Люди, чьи сердца бьются, как моё, которые любят, теряют и отчаянно хотят защитить своих близких.

– Вот, – король протянул ей ребёнка. – Забери своё дитя из моих рук.

Прощение? Милосердие? Неужели он готов на это?

Я взглянула на лица Друстана и Каллена и поняла: король Осрик никогда не проявлял милосердия.

Она шагнула к нему, осторожно, словно каждое движение могло разрушить её хрупкую надежду. Когда младенец оказался в её руках, она прижала его к себе, зарыдала и пошатнулась.

Король улыбнулся и щёлкнул пальцами.

В зале появились фейри-прислужники с радужными крыльями и лиловой кожей. Один из них выхватил ребёнка из её объятий и взмыл в воздух, унося его прочь.

Женщина закричала. Её крики разрывали тишину.

Я не могла сдержать слёз. Грусть и ярость душили меня, и я знала: я плакала не одна. Мой взгляд скользнул к Друстану и Каллену. Лицо Друстана отражало мягкость и скорбь, а выражение Каллена было мучительным – взгляд человека, которого преследует сознание собственного бессилия.

Это то, что делал с нами король Осрик. Он заставлял нас быть свидетелями его жестокости, а мы, из-за его власти, оставались молчаливыми. И становились соучастниками.

Прислужники не покинули зал. Они обступили женщину, которая упала на колени и рыдала, не в силах вымолвить ни слова.

– Шестьдесят ударов за ложь, – холодно произнёс король. – И ещё шестьдесят за преступление. – Его губы скривились в довольной усмешке, когда прислужники подняли женщину, сорвали верх платья и заставили её согнуться, упираясь руками в помост. – Обработайте раны травами, чтобы остались шрамы. Пусть это станет напоминанием о её потере.

Один из фейри-прислужников размотал кожаную плеть, увенчанную металлическими шипами. Он замахнулся и ударил.

Я вздрогнула, когда она закричала. Кровь брызнула из рассечённой спины, запятнав остатки её белого платья. Удар следовал за ударом, впечатывая в её кожу жестокие алые полосы. С каждым новым размахом плети волшебное свечение ее тела гасло, уступая место ранам.

Меня охватило головокружение, и я почувствовала, как к горлу подступает тошнота. В отчаянии я перевела взгляд на Друстана. Он тоже вздрагивал при каждом ударе, но не отводил взгляда от происходящего. В толпе, собравшейся вокруг, было мало тех, кто испытывал тошнотворное ликование, которого я ожидала. Некоторые беззвучно плакали, большинство казались оцепеневшими, но никто не отворачивался – все молча наблюдали за каждым взмахом плети.

Лара вцепилась в край стола так, что её пальцы побелели, как будто сама боль уже прокралась в её тело. Её лицо застыло маской, но глаза неотрывно смотрели на кровавую бойню. Внезапно она перевела взгляд на меня, и я увидела в её глазах горе и ужас. Между нами, невидимыми нитями, пробежала немая связь – общий крик, который ни одна из нас не могла вырвать наружу. Но спустя мгновение Лара снова обратила всё своё внимание на кричащую фейри, продолжая смотреть на неё без единого моргания, пока кровь алыми дугами разлеталась по залу.

Я заставила себя снова поднять взгляд, хотя все внутри бурлило, готовое вывернуться наружу. Эта фейри нашла в себе смелость защитить своего ребёнка. Если она могла принять это наказание, я могла быть достаточно храброй, чтобы стать его свидетелем.

Существует множество видов силы, подумала я, наблюдая, как толпа смотрит, как с её спины срывается плоть. Сила противостоять королю, сила любить вопреки всем запретам… и сила смотреть правде в глаза, созерцать её ужасы и не отворачиваться.

Когда всё закончилось, она осталась лежать на полу перед помостом, окровавленная, без сознания, измождённая.

– Тост! – Король поднял свой бокал и одним глотком осушил его, не обращая внимания на то, что почти никто не поддержал его призыв.

***

Я торопливо провела Лару обратно в Дом Земли после злополучного банкета. Мы двигались быстро и молча по каменным коридорам, не нуждаясь в словах, чтобы понять друг друга. Как только мы дошли до туннеля Земли, его блестящие мокрые стены погрузились во тьму ночи, из груди Лары вырвался дрожащий, почти стонущий звук. Её плечи сгорбились, а дрожащая рука прижалась к животу.

Моё собственное горло стянула боль, и я не могла дышать. Теперь, когда нас никто не видел, ужас, который я подавляла внутри, нахлынул с новой силой. Я прикоснулась ладонью к воде, чувствуя, как её холод обволакивает мои пальцы, и представляла, как она смыкается над моей головой, проникая в лёгкие, как змея.

– Как он мог сделать это? – голос Лары был сорван и полон боли.

Я покачала головой, всё ещё не в силах заговорить.

Ноги не хотели нести меня дальше, к дому. Я жаждала почувствовать под собой землю, ощутить запах зелени и живого мира, но даже Дом Земли со своими обещаниями укрытия теперь казался мне давящим. Принцесса Ориана, возможно, уже ждала нас там – готовая читать Ларе лекцию о том, как скрывать свои чувства, или, что ещё хуже, снизойти до холодного замечания, что всё произошедшее – всего лишь плата за политику или необходимый урок. Эта мысль вызывала отвращение. Если Лара напоминала мне солнечный сад, а Селвин – журчащий ручей, то Ориана была льдом – холодным, твёрдым, и, казалось, ничто не могло проникнуть в её замёрзшую сердцевину.

– Это было… – я замялась, не в силах подобрать достаточно ёмкое слово. – Неописуемо жестоко.

– Младенец, – прошептала Лара. Её пальцы сжали подол платья, и я заметила тёмное пятно на атласе – следы крови, попавшей на неё. – Они отняли у неё ребёнка.

Во рту появилась горечь, но я заставила себя проглотить её.

– Ты знала, что будет? Когда увидела его?

Она поколебалась:

– Я… я не знаю. Все знают, что дети от двух домов запрещены, но меня никогда не приглашали на эти ужины до начала сезона испытаний. Это было… – её голос сорвался, и молчание затянулось. – Это было хуже, чем я могла представить.

– Мать выживет? – тихо спросила я. Крови было столько, что казалось, её невозможно вместить в одно тело.

– Да, – ответила Лара. – Но захочет ли?

Глаза наполнились слезами.

– Как здесь вообще решаются завести детей?

– Не знаю. – Слеза скатилась по её щеке, и она поспешно её вытерла. – Я думала, что хочу этого, но теперь…

Сзади раздались шаги – мягкий шорох тапок по камню. Я обернулась и увидела приближающуюся принцессу Ориану. Её голова была высоко поднята, лицо спокойно.

На передней части её светло-голубого платья, как и на Ларином, виднелись брызги крови – неровные линии напоминали переплетающиеся ветки.

Я слегка коснулась руки Лары, и та выпрямилась, поспешно стерев следы слёз, прежде чем повернуться к матери.

– Почему вы стоите здесь? – голос Орианы прозвучал холодно.

– Мне нужно было немного времени, – ответила Лара.

Ориана скривила губы в явном неодобрении:

– Кто угодно мог увидеть тебя здесь.

Я стиснула зубы и опустила глаза, чтобы она не увидела моего гнева.

– Мы остановились лишь на минуту, – Лара прикусила губу, с трудом сдерживая слова, которые, я чувствовала, рвались наружу. Ориана смотрела на неё молча, словно пытаясь угадать, что та скажет.

– Это был всего лишь младенец, – наконец выпалила Лара.

Ориана хмыкнула и перевела взгляд на изгиб водного туннеля.

– Это никогда не бывает всего лишь младенцем, – сказала она. – Я думала, ты уже это поняла.

– Это был чей-то ребёнок, – Лара поспешно продолжила. – Мать…

– Знала цену непослушания. И цену любви к чему-либо. – Ориана отступила от нас, бросив через плечо: – Я жду тебя в доме через пять минут, Лара.

Я смотрела ей вслед, изумляясь тому, как моё сердце научилось ненавидеть такими разными способами.

***

Лара вернулась в Дом Земли, но сказала, что я могу не идти с ней, если не хочу. Её платье застёгивалось сбоку, и она могла снять его сама. Я же отправилась бродить по общественным залам, надеясь унять ярость, что бурлила во мне, заставляя шаги становиться быстрее, а дыхание – тяжелее. Каждый раз, когда я останавливалась, внутри все снова начинало вскипать.

Ноги сами привели меня к Дому Огня.

Я не сразу поняла, почему. Вопрос остался со мной, пока я не устроилась в алькове, устало глядя на стену пламени, откуда-то издалека ощутив тепло на своём лице. Может быть, потому что сегодня ночью Друстан проявил скорбь. Может, потому что он поцеловал меня. А может, потому что он был единственным другом, который не нуждался в моих услугах. Он принимал мою помощь, но никогда её не требовал, а беседы с ним всегда казались честными и нужными.

Я опустилась на каменный пол и просидела там часами, наблюдая за танцем огня. Время от времени фейри проходили через огненную завесу, едва взглянув в мою сторону. Настроение у всех было подавленным, и вскоре коридор опустел. Ночь оказалась короткой: фейри искали укрытие в своих домах, единственных местах, куда не мог дотянуться король.

Если бы у меня был собственный дом, я бы никогда не выходила из него. Я бы спрятала там своих людей, сохранив их в безопасности. Пусть он был бы маленьким по сравнению с Мистей, но всё же лучше, чем жизнь в вечном страхе.

Я задремала в том алькове и проснулась, когда надо мной склонился Друстан. Он поднял меня на ноги, и я молча последовала за ним в комнату, где мы целовались. Он закрыл дверь, и вновь оранжевый отблеск окрасил её поверхность, замыкая нас

внутри. Друстан прошёл к столу и, повернувшись ко мне спиной, облокотился на его край. Его плечи казались ещё шире под туникой без рукавов, а языки пламени плясали над пальцами, заставляя воздух вокруг дрожать от жара.

Я сделала несколько неуверенных шагов вперёд.

– Ты в порядке?

– Нет.

Я села на единственный предмет мебели в комнате – полосатый диван в красно-жёлтых тонах.

– Что будет с ребёнком?

Он издал грубый звук, похожий на рычание.

– Теперь это подменыш. Его отправят в мир людей, обменяют на младенца и оставят стареть и умирать в одиночестве.

Подменыши? Они были лишь мифы в человеческом мире. Говорили, что эти фейри, притворяясь человеческими детьми, вырастают странными, магическими и злыми – шутка над людьми, чтобы напомнить им о существовании фейри. Никто из знакомых мне людей никогда не встречал их.

– Зачем?

Друстан всё ещё не смотрел на меня. Его пальцы барабанили по столешнице.

– Давным-давно, – начал он, – а разве такие истории начинаются иначе, фейри из Мистей были слабее, но каждый из них обладал магией всех шести домов в разной степени. Никто не может подтвердить это сейчас, конечно. Нет никого, кто был бы жив, чтобы помнить те времена, даже среди тех, кто прожил очень-очень долго. Но это часть нашей истории, и, может быть, в ней есть доля правды.

– Фейри поняли, что если выбирать любовников с магией, схожей с их собственную, то можно усилить те способности, что доминируют в их семейных линиях. Они начали подбирать пары, исходя из силы. Так мы пришли к тому, что видим сегодня: шесть домов, теперь пять, каждый из которых специализируется на одной из школ магии – Земли, Огня, Света, Пустоты, Иллюзии и Крови. Наша идентичность стала определяться нашими способностями. Дома отделились друг от друга и прекратили делиться знаниями.

Он покачал головой, глядя на огонь, что лизал его пальцы.

– Проблема такого хладнокровного плана размножения в том, что он не учитывает любовь. А когда общество становится таким разделённым, как у фейри, в нём не остаётся места для ребёнка, в котором переплелась магия двух домов. Детей двух миров, как их когда-то называли, отвергали, превращали в слуг или запирали в стенах домов. Они стали подменышами в самом начале правления короля Осрика.

Я задумалась, сколько детей пострадали только потому, что родились в мире, где сила ценится выше любви.

– Почему только тогда?

– Потому что Осрик – тиран, – резко бросил Друстан, и пламя на его пальцах вспыхнуло ярче. – Ему выгодно держать нас разобщёнными, чтобы мы не заключали союзов. Ребёнок Света и Пустоты… Ты можешь представить, что произойдёт, если между этими домами начнёт формироваться связь? Они враги с тех пор, как Осрик взошёл на трон благодаря поддержке Света. Один ребёнок, возможно, ничего не изменит. Но если междомовые союзы продолжатся…

– Дома могут начать заключать альянсы.

Он кивнул.

– Король Осрик правит с позиции силы, и его власть укрепляется благодаря непреклонной поддержке Света. Если она поколеблется или другие дома договорятся между собой, королю придётся столкнуться с новой войной.

Сколько боли. Сколько жизней потеряно, а будущего украдено.

– Но зачем отправлять детей в мир людей?

– Осрик, вероятно, считает это более жестоким наказанием, чем убить их. Эти дети всё равно умрут – без Фейри они не смогут пройти Испытания и обрести бессмертие. А так родители знают, что их ребёнка растят в нищете, среди грязных людей. Мальчик проживёт короткую, жалкую жизнь и умрёт в одиночестве.

– Грязных людей, – эхом повторила я, обиженная его словами.

Друстан наконец повернулся ко мне. Его лицо, усталое и строгое, казалось высеченным из камня.

– Так думает Осрик.

Я тяжело вздохнула, отпуская обиду на него.

– Значит, вместо этих детей сюда приводят человеческих младенцев. – Теперь я понимала, откуда взялись слуги, не помнившие солнечного света. – А фейри вырывают им языки и заставляют работать, как только те становятся способными. Никому нет дела до их жизни или смерти.

– Кенна… – Он потянулся ко мне, но я отвернулась, вдавив ладони в глаза.

– Как он может разлучать детей с их родителями? – Несмотря на все усилия, из-под моих рук всё равно просочились слёзы и покатились по щекам. – Не только с фейри, но и с человеческими. Этих детей любили!

Мои слова звучали с яростью, и я смутно понимала, что часть моей скорби шла от того, что мой отец никогда так меня не любил – он ушёл, чтобы избежать этой ответственности. Это была эгоистичная причина для горя, но мои эмоции переплелись настолько, что я уже не могла разделить прошлое и настоящее. Я никогда не чувствовала себя своей в Тумблдауне, но не чувствовала себя своей и здесь. Люди, томящиеся внизу, тоже не принадлежали этому месту, как и фейри, которые проживали всю свою жизнь в человеческом мире, чувствуя себя чужаками, не понимая почему…

Сильные руки схватили меня за плечи и повернули лицом к нему.

– Спасибо, – с чувством сказал Друстан. Он наклонился и поцеловал мои слёзы на одной щеке, его губы горячо касались моей влажной кожи. – Спасибо за твою ярость.

– За что? – Я вытерла остатки слёз с лица. – Почему ты так переживаешь?

– Я не чудовище.

– Ты понимаешь, что я имею в виду.

После долгой паузы он отступил на шаг.

– У меня была подруга, – сказал он, и слова давались ему с трудом. – Мой лучший друг. Дама из Дома Огня по имени Мильдритта. Мы росли вместе, и, честно говоря, я всегда хотел, чтобы она была для меня кем-то большим, чем просто другом. Но она веками твердила, что предпочитает независимость. А потом она влюбилась. В наследника Дома Земли.

Осознание ударило меня, словно молния.

– Лео, – прошептала я. Пропавший брат Лары.

Друстан кивнул.

– Он был великолепен: золотые волосы, уверенность десяти воинов. Мильдритта полюбила его, и он полюбил её. Со временем стало ясно, что она ждёт ребёнка.

Моё горло сдавило от тяжести слов.

– Король узнал, – догадалась я.

– Да. До того, как Мильдритта родила, её прилюдно высекли. – Лицо Друстана исказилось от боли. – Никакие мольбы не смогли убедить короля. А Лео… Он был хорошим человеком. Он остался с ней, был наказан вместе с ней. Зная, что их ждёт после рождения ребёнка, он отчаянно пытался найти способ выбраться за пределы барьеров Осрика, внизу холма.

Я тихо выдохнула, разделяя его горе.

– Он погиб, – продолжил Друстан. – А после рождения ребёнка у Мильдритты его отняли. Меньше, чем через неделю она покончила с собой.

Слёзы катились по моим щекам, пока история достигала своего трагического, неизбежного конца. Слёзы за Друстана и его потерю, за фейри-ребёнка, обречённого расти в одиночестве, и человеческого ребёнка, превращённого в слугу. За Мильдритту и Лео, чья любовь оказалась обречена, и за Лару, потерявшую брата. Я обняла Друстана, крепко прижав его к себе. Он замер на мгновение, словно не привык к утешению, а затем нерешительно обнял меня в ответ.

– Ты когда-нибудь пытался найти ребёнка? – спросила я, уткнувшись лицом в его плечо.

– Король никогда не позволит мне выйти за пределы барьеров. Единственные фейри, которым это разрешено, – его слуги или иногда гости из других дворов. Я думал попросить помощи у кого-то из них, но это слишком опасно.

– Другие дворы? – я подняла на него удивлённый взгляд. – Они приезжают сюда?

Он наклонился, коснувшись моих губ мягким поцелуем. Солёный привкус моих слёз смешался с его дымным, пряным вкусом.

– Да. Некоторые приезжают на Белтейн и на Испытание Огня.

Моё горло сжалось от боли.

– Другие дворы лучше, чем этот?

– Каждый двор уникален. Некоторые ещё жестокие, если можешь себе это представить.

Я покачала головой.

– А есть те, которые добрее?

– Да. – Он поцеловал меня в висок. – Есть дворы, которые добрее.

Я провела ладонью по его лицу, и он прижался щекой к моей руке, словно к давно потерянному теплу.

– Может быть, однажды и этот станет добрее, – сказала я.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 22

Последнее событие перед Испытанием Огня оказалось пикником. На фоне всего, что мне пришлось пережить, это выглядело странно безобидным, и тем не менее я, держа в руках корзину, следовала за Ларой в теплый весенний день.

Я разложила одеяло, расставила на траве тарелки с едой и отошла под ближайшее дерево, чтобы встать рядом с Эйденом.

– Фейри часто выходят на поверхность? – спросила я. Этот залитый солнцем склон всё ещё был частью большой тюрьмы, но создавал иллюзию свободы.

– Нет, – ответил он. – Годы испытаний особенные. Крупные фестивали всегда проходят на поверхности, но такие события, как этот пикник, случаются редко.

Я выбрала тенистое место, тогда как Эйден стоял в просвете между ветвями, подставив лицо солнцу. Его глаза были закрыты, а выражение лица излучало удовольствие.

Я улыбнулась.

– Ты выглядишь счастливым.

– Фейри Огня любят тепло.

– А каково это – внутри Дома Огня?

Он довольно вздохнул.

– Очень тепло и очень драматично. Обстановка там вся в оттенках пламени, повсюду факелы. Есть горячие купальни, питаемые подземными источниками, и горы подушек в каждой комнате, так что всегда можно согреться и расслабиться. Некоторые комнаты покрыты коврами из огня. Всё здание мерцает и светится, а коридоры наполнены ароматным дымом. – Его голос стал мечтательным, словно он переносился туда в своём воображении.

– Действительно драматично, – заметила я. Горячие купальни и подушки звучали привлекательно, но я никак не могла представить, что предпочту огненные ковры успокаивающей атмосфере Дома Земли.

Эйден подмигнул.

– В каком-нибудь углу всегда кто-то пьёт или занимается любовью.

Я невольно задумалась, как часто этим «кем-то» оказывался Друстан. Вероятно, нередко. Я подавила укол ревности. Он был принцем, и даже если бы это было не так, наш поцелуй не делал его моим.

Раздался треск, и я заметила, что Лара и кандидаты, сидевшие вокруг неё, смотрели на меня. Эйден тихо прошептал:

– Удачи.

Я сделала реверанс, приблизившись к Ларе.

– Да, моя леди?

Она не смотрела мне в глаза.

– Вот она, – объявила она группе. Гита, Талфрин, Уна, Карисса и Маркас разглядывали меня с явным интересом.

Мои чувства обострились, как у зверя, почуявшего поблизости хищников. Почему они так на меня смотрят?

– У твоего питомца такой маленький рост, – фыркнула Карисса, прикрывая рот рукой. – Прямо как у ребёнка.

Я сдержала желание закатить глаза. Да, я была невысокой, но не настолько. В человеческом мире это было лишь небольшой неудобностью, однако среди величественных фейри мой рост превращался в повод для насмешек.

– И уродливая, – добавила Гита. – Похожа на маленького гоблина.

Гита, Карисса и Маркас рассмеялись.

Было глупо чувствовать себя задетой их словами, особенно когда я знала, что они не соответствуют правде. Гита и Карисса просто играли в свою игру, пытаясь унизить Лару.

Уна наблюдала за мной внимательным взглядом тёмных глаз. Дама из Пустоты была одной из самых успешных кандидаток на данный момент, и многие слуги делали ставки на её победу. Она была одета проще других – как обычно, в свободное чёрное льняное платье.

– Ты когда-нибудь видела гоблина, Гита? – спросила она. – Сомневаюсь.

– Почему ты сомневаешься во мне? – с вызовом ответила Гита.

Уна улыбнулась, её улыбка была пропитана ядовитым сарказмом.

– Потому что я не могу представить, чтобы у тебя хватило смелости посетить Тварей.

Слова вызвали новый всплеск смеха. Гита злобно уставилась на Уну, но та оставалась невозмутимой. Тогда Гита вновь обратила внимание на меня.

– У неё волосы как колючий кустарник. Я поражена, что король дал тебе столь отвратительно выглядящую служанку, Лара.

Лара всё ещё избегала встречаться со мной взглядом и лишь пожала плечами.

Мой желудок сжимался от каждого нового насмешливого замечания, а решимость не сравнивать Лару с Аней начала трескаться. Аня никогда не стояла в стороне, если кто-то из её друзей нуждался в помощи.

– Он знает, что слуга отражает хозяина, – голос за моей спиной объявил о приближении Гаррика. Я выпрямилась, чувствуя его присутствие – тяжёлое, почти ощутимое напряжение, которое пробежало по моему позвоночнику, заставив волосы на затылке подняться дыбом. – Говорят, ты красавица, Лара. Возможно, король хотел отразить другие части твоей личности.

Талфрин вскочил на ноги.

– Личность леди Лары так же прекрасна, как и её лицо.

– Талфрин, – тихо произнесла Лара.

– Это правда, – Талфрин остался твёрд. – Я не позволю никому унижать наследницу моего дома.

Гаррик рассмеялся, и я вздрогнула, когда его палец скользнул по моей шее под собранными волосами.

– У тебя нет шансов, Талфрин. Сядь, пока я тебя не покалечил.

К чести, Талфрина, он остался на месте.

Маркас, частый союзник Гаррика в жестокостях, поднялся и встал рядом с ним. Теперь оба находились за моей спиной. Как бы мне ни хотелось развернуться и плюнуть им в лицо, это не входило в мою роль. Это бы плохо отразилось на Ларе и, скорее всего, привело бы к ужасным последствиям. Я замерла, несмотря на внутреннюю дрожь, подсказывавшую бежать.

– Сядь, – приказала Лара Талфрину, явно пытаясь разрядить ситуацию. Наконец, он подчинился.

Гаррик, однако, не убрал руки. Его палец скользнул ниже, вдоль моего позвоночника, к талии. От слишком близкого, почти интимного прикосновения по моей коже пробежал холод.

– Она ещё и костлявая, – протянул он.

– Гаррик, – произнесла Уна, её тон был ледяным, но скучающим. – Это должно быть развлечением? Очень уж уныло.

– Я просто пытаюсь разгадать загадку, – ответил он с усмешкой. – Вот у нас прекрасная леди из Благородных Фейри, о которой Талфрин утверждает, что она столь же красива внутри, как и снаружи, а вот её костлявая человеческая служанка. Может, её красота скрыта, а?

Он схватил меня за воротник и потянул.

Ткань натянулась, сдавливая горло. Я закашлялась, схватившись за шею, но швы начали трещать под его силой. Шов на плече моего платья разошёлся.

– Прекрати, Гаррик, – неуверенно протянула Лара, протягивая руку, но не осмелившись вмешаться.

Маркас рассмеялся, затем схватил другой рукав платья и дёрнул. Меня качнуло, и платье окончательно разорвалось на стороне Гаррика, передняя часть ослабла, грозя упасть. Я отчаянно пыталась прикрыться. На мне была нижняя рубашка, но фейрийское бельё было столь тонким, что почти ничего не скрывало.

Кинжал-браслет на моём предплечье завибрировал, его край оказался всего в нескольких сантиметрах от пальцев Гаррика. Ещё пара рывков, и он обнаружит его.

Я пыталась вырваться, но Маркас обхватил меня за талию, удерживая на месте, пока Гаррик обошёл меня спереди.

Убей, – прошептал кинжал. – *Пить.*

– Прекрати это. – Лара, наконец, поднялась и потянула Гаррика за руку. Она защищала меня, но этого было слишком мало, слишком поздно.

Гаррик рассмеялся и сорвал висевший лоскут платья до моей талии. Моя влажная от пота нижняя рубашка прилипала к коже, становясь почти прозрачной. Я вспыхнула от стыда. Никогда ранее мужчина не видел меня в столь оголенном виде.

— Что скажешь? — Он схватился за ворот рубашки, пока я тщетно пыталась прикрыться. — У людей есть какая-то скрытая красота под одеждой?

Убей. — К моему ужасу, кинжал на руке начал медленно двигаться вверх, готовясь к удару.

Нет. Ты не можешь его убить. — Если бы кинжал убил его, меня наверняка приговорили бы к смерти.

Накажи, — прошептал он, и наказание звучало прекрасно. Но если кто-нибудь узнает, что у меня есть оружие, его сразу же отнимут. Сейчас я не могла позволить себе потерять кинжал.

Гаррик отбросил мои руки и разорвал сорочку спереди. Я вскрикнула, пытаясь оттолкнуть его ногами, но Маркас схватил мои запястья и заломил их за спину. Моя грудь оказалась обнаженной перед всеми, кто устроил пикник. Фейри, сидевшие на ближайших одеялах, с любопытством наблюдали за шумом. Щеки горели, а сердце бешено колотилось от ярости и ужаса.

— Продолжить? — спросил Гаррик, стряхнув руку Лары, которая снова попыталась его остановить.

Ударь его, мысленно взмолилась я, но Лара была слишком робкой, чтобы осмелиться напасть на другого кандидата. Она умоляла его словами, а он смеялся, сжимая ткань у моей талии, готовясь сорвать последний щит, прикрывающий меня.

Кинжал начал сползать по моей руке к сжимающим меня кулакам Маркаса, напевая мелодию ненависти в моей голове. — Накажи. Накажи. Накажи.

— Прекратите. — Новый, громоподобный голос вмешался в происходящее.

Маркас тут же отпустил меня. Секунду спустя отступил и Гаррик. Я прикрылась, отчаянно стараясь собрать разорванные части платья, и повернулась.

Лорд Каллен стоял в нескольких шагах, неподвижный, словно дикий кот, готовящийся к прыжку. Его темные глаза пылали обещанием насилия.

— Что это значит? — спросил он холодным, устрашающим тоном, который я никогда прежде от него не слышала.

Я попятилась, прижимая разорванное платье к груди.

— Просто игра, — ответил Гаррик, разводя руки в жесте невинности.

Уна подошла к брату и что-то прошептала ему на ухо. После ее слов Каллен выглядел еще более свирепым.

— Человек находится под защитой, — произнес Каллен. — Она принадлежит Дому Земли.

Гаррик осмелился рассмеяться.

— Это же человек. Почему это важно? Она ничтожество.

Каллен двинулся так быстро, что я успела увидеть лишь черно-серебристую тень, прежде чем его меч оказался у горла Гаррика.

— Подумай хорошенько, прежде чем усомниться в моих приказах.

Рядом с Гарриком в воздухе появилась крошечная черная точка размером с монету, но она начала стремительно увеличиваться. Гаррик вскрикнул, но не мог отступить от растущей тьмы, иначе сам же перерезал бы себе горло мечом Каллена.

— Ты не можешь меня убить, — выпалил Гаррик, его бравада сменилась жалким лепетом.

Каллен улыбнулся — медленно и страшно.

— Поверь, я могу.

Чернота разрасталась, приближаясь к рукаву Гаррика.

— Простите мою дерзость, лорд Каллен, — выпалил Гаррик. — Я не хотел ставить под сомнение ваши приказы.

Каллен не шевельнулся.

— Ты извинился за сомнения в моих приказах, — холодно произнес он. — Но не раскаиваешься в нападении на слугу из другого дома?

На лбу Гаррика выступили капли пота, пока черное пятно приближалось.

— Леди Лара, простите за оскорбление вашему дому, — выпалил он.

Извинений мне, разумеется, не последовало. Я метнула на него взгляд, полный ненависти, желая его смерти. Кинжал тихо зазвенел в унисон с моими мыслями.

— Каков ваш ответ, леди Лара?

Лара, с широко раскрытыми глазами, металась взглядом между мной и Гарриком.

— Просто… больше так не поступай, — пробормотала она.

Я поморщилась от ее слабого ответа, чувствуя очередное предательство. Лара, моя госпожа, моя подруга, позволила этому случиться. Она могла остановить это, но не сделала ничего.

Магия Пустоты исчезла, и Каллен убрал меч в ножны. Щелкнув пальцами, он скомандовал:

— Иди за мной.

Я тут же ощетинилась, как всегда, когда ко мне обращались, как к собаке. Но выбора у меня не было. Я подошла к нему, крепко прижимая к себе платье, стараясь скрыть дрожь.

— Куда вы её ведете? — Лара наконец встретилась со мной взглядом, её лицо выражало извинение. Я проигнорировала его.

— Я отведу её обратно в Дом Земли. Служанка Уны заменит её.

Гаррик, все еще кипя от злости, проводил нас взглядом, пока лорд Пустоты уводил меня под землю.

***

— Ты в порядке? — спросил Каллен, когда мы спустились на несколько уровней вниз.

Я с трудом сдерживала слова ярости, рвавшиеся наружу. Кинжал продолжал тихо вибрировать у меня на коже, подстрекая: — Накажи. Гнев. Ненависть. Убей. В итоге я была слишком взбудоражена, чтобы сохранять хоть подобие спокойствия.

— Конечно, нет, — выпалила я.

— Мне жаль, что Гаррик сделал это. — Его лицо было невозможно прочитать; ярость, обжигающая мгновения назад, уступила место ледяной неподвижности. Возможно, вся эта сцена была просто показухой. — Это было недопустимо.

— Потому что я принадлежу Дому Земли, верно? Потому что по законам нельзя плохо обращаться с чужой собственностью? — Когда он не ответил, я продолжила наседать: — Я не чья-то собственность, знаешь ли.

— В Мистей — ты чья-то. Так устроена система.

— А может, ей не стоило бы так работать, — отрезала я, шагая рядом с ним, отказываясь плестись позади, словно потерянный щенок. — Может, этот двор стоит проучить.

Кинжал тихо вторил моим мыслям, впиваясь в мою руку и забирая крошечную каплю крови, будто унимая собственные разрушительные порывы. Я приняла эту лёгкую боль, как якорь, который удерживал меня в теле, помогая направить бушующую ярость.

Каллен резко схватил меня за руку и потянул в небольшую, почти пустую комнату. Мерцающая, прозрачная чёрная завеса опустилась на дверь — точь-в-точь как те магические щиты, что я видела, когда их вызывал Друстан.

— Никогда больше не говори ничего подобного, — произнёс он.

— Почему? — бросила я, крепче сжимая ткань платья на груди. Глубоко внутри я знала ответ, но ярость заглушала голос разума. Гнев бился в моих венах, заполняя меня беспокойной энергией, которая требовала выхода. Если я не могла выплеснуть её в споре с ним, то готова была кричать, пока не охрипну.

Глаза Каллена горели каким-то невыразимым, глубоким чувством, но его лицо оставалось неподвижным, будто высеченным из камня. Что скрывал этот холодный, загадочный фейри? Иногда мне казалось, что его глаза — это окна в тёмную бездну, на дне которой прячется чудовище.

— Ты хочешь жить? — спросил он.

— Да, но это не значит—

— Это значит. Это мир, в котором ты живёшь, и, если хочешь прожить достаточно долго, чтобы его изменить, тебе придётся играть по его правилам.

Изменить его? У Каллена был доступ к самому королю; зачем ему менять что-то? Я фыркнула.

— Почему бы тебе просто не доложить обо мне королю Осрику? Предать меня, как ты предал того благородного фейри из Дома Пустоты, когда он осмелился заговорить о мятеже? Разве не твоя работа — быть верным псом короля?

Что-то тёмное всколыхнулось внутри меня. Слова рухнули в тишину, словно молот по наковальне. Я прижала руку ко рту, будто могла загнать их обратно, но было слишком поздно.

Каллен выглядел поражённым, а затем его лицо исказила ярость.

— Я не говорю королю о тебе, потому что ты полезна, — резко бросил он, и я невольно поморщилась от резкости его тона. — Ты находишься в доме, чья лояльность имеет решающее значение в случае восстания. Поскольку большинство фейри не замечают людей, ты можешь свободно передвигаться. Всё это делает тебя достойной спасения — пока ты продолжаешь предоставлять мне информацию.

Так вот зачем меня спасли. Я оказалась важна только потому, что из меня получился хороший шпион. Горечь этой правды обожгла меня, но я тут же её отвергла.

— Я достойна спасения просто потому, что я человек, — сказала я. — И я не твоя марионетка.

Каллен резко обернулся и зашагал к стене. Я думала, он ударит её кулаком, но вместо этого он лишь приложил руку к холодному камню, опустив голову.

Моё дыхание звучало оглушительно громко в повисшей тишине.

— Что Друстан рассказывал тебе в последнее время? — наконец спросил он.

Из меня вырвался рваный смешок.

— Это всё? — Я и сама не была уверена, чего ожидала. Ещё больше гневных слов? Чтобы он изгнал меня, оставив гнить среди остальных людей? Почему я вообще продолжала эту стычку с одним из самых опасных фейри в Мистей? Но мой гнев не позволял мне отступить, и кинжал на руке, казалось, упивался этим гневом, пульсируя на коже.

Каллен внезапно оказался совсем близко — его твёрдое, напряжённое тело всего в нескольких дюймах от моего. Я подняла подбородок, отказываясь пятиться. Одной рукой я всё ещё удерживала платье на груди, и с каждым вдохом мои костяшки едва касались его груди. Его взгляд задержался на моих губах, а затем опустился к руке, сжимающей ткань.

— Ты ищешь драки? — Его голос был настолько тихим, что стоило бы мне отступить всего на шаг, я бы его уже не расслышала.

— Нет, — ответ прозвучал более хриплым, чем я хотела.

— Думаю, ищешь. Вопрос только — зачем?

Зачем, действительно? Я сама себя не понимала.

Мы стояли, словно два противника, скованные невидимыми цепями немого боя, пока он, наконец, не отступил.

— Расскажи мне о Друстане.

С его отступлением я выдохнула, будто только что пришла в себя после долгого напряжения.

— Он ничего особенного мне не говорил.

— Мне не важно, считаешь ты это важным или нет.

Очевидно, мне придётся что-то сказать, иначе Каллен не оставит меня в покое.

— Он рассказывал мне о подменышах.

— Почему? Что именно он говорил?

— У меня были вопросы после ужина. Он объяснил, почему младенцев отправляют прочь.

— И что думает Друстан о подменышах?

Друстан был подавлен, вспоминая судьбу своей близкой подруги и её ребёнка.

— Не знаю. Думаю, он считает это жестоким.

— Как и ты, — произнёс Каллен, его взгляд словно проникал в самую глубину моей души.

— Да, — честно ответила я. — Хотя я всего лишь человек.

Мы изучали друг друга взглядами, и я вновь попыталась понять, что он чувствует, что думает. Если Гектор захочет занять трон, поддержит ли его Каллен? Или он поддерживает только то, что служит его собственным интересам, а значит, и интересам короля?

В душе всё ещё тлела дерзость.

— А что ты думаешь о подменышах?

Каллен отвёл взгляд.

— На сегодня хватит, — отрезал он.

Я не могла оставить это просто так. Каллен уже выдержал всю мою ярость, не отправив меня к Осрику и его палачам, — он выдержит и это.

— Ты хочешь сказать, что тебе всё равно?

Его челюсть напряглась, но он не ответил. Я продолжила:

— Этот ребёнок никогда не узнает свою мать. Человеческий младенец, который займёт его место, будет страдать. Тебе правда всё равно?

— Я не могу позволить себе заботиться об этом, — сказал он. — Никто из нас не может.

Я хотела назвать его чудовищем за отказ волноваться о беспомощных. Но это ведь была не совсем правда, не так ли? Сегодня я сама была беспомощна, а он меня спас.

Его слова звучали значимо. Я не могу позволить себе заботиться об этом, — сказал он. Не мне всё равно.

Вспоминая руки Гаррика на себе, звук рвущейся ткани и прикосновение холодного воздуха к моей коже, я задумалась, насколько хуже всё могло бы быть, если бы Каллен не вмешался. Я была ему полезна живой, но зачем ему волноваться, если бы меня унизили или ранили? Почему он вообще остановил Гаррика и Маркаса?

«Месть Короля» не должен… да и не мог заботиться.

— Почему ты это сделал? — спросила я, голосом мягче, чем прежде. Словно оружие, едва вложенное в ножны.

— Что сделал?

Но это не был настоящий вопрос. Его взгляд метнулся между моими глазами, а потом опустился туда, где моя рука всё ещё сжимала разорванное платье.

— Спас меня. Это не могло быть только из-за моей полезности.

Он смотрел на меня долгую, бесконечную, казалось, минуту. Его тёмно-синие глаза, непроницаемое выражение лица. Напряжённая челюсть… и не только она, поняла я. Всё его тело словно находилось в состоянии постоянной готовности к неизвестной беде. Словно он… ждал.

— Нет, — наконец сказал он. — Не только. — Затем сглотнул. — Ты жалеешь, что я это сделал?

Может, это комната слегка дрогнула. А может, меня просто кружила голова от пережитого. Я почувствовала, будто тону в болоте, случайно ступив на клевер, который оказался трясиной, и тень под поверхностью медленно тянула меня вниз.

Каллен не говорил, почему, но всё же дал ответ. И что было ещё страннее — он выглядел почти… неуверенным. Как будто боялся услышать мой ответ.

Вероятно, это была фейская хитрость. Желание поиграть с добычей. Лорд Каллен наверняка не мог чувствовать настолько, чтобы чего-то бояться.

Но всё-таки…

Я прочистила горло.

— Думаю, мне стоит поблагодарить тебя.

Неуверенность исчезла из его взгляда, а уголки губ чуть приподнялись.

— И ты это сделаешь?

Я на мгновение замялась, борясь со своим языком.

— Спасибо, — наконец выдавила я.

В ответ он чуть наклонил голову.

Мне стало не по себе от собственной благодарности. Я глубоко вздохнула.

— Что ж, я ухожу.

— Ты должна продолжать сообщать мне любую информацию, — сказал он. — Особенно если это касается принца Друстана, слухов о восстаниях, беспорядках или недовольствах против короля.

Я почувствовала странное разочарование, осознав, что мы вернулись туда, откуда начали.

— Конечно, — солгала я.

Моя рука уже была на дверной ручке, когда я вспомнила нечто из той ужасной ночи, когда король забрал ребёнка из рук матери. Отец того ребёнка был из Дома Пустоты.

— Подменыш. Это ты… Ты рассказал королю Осрику о нём?

— Нет, — мгновенно, почти яростно, ответил он. — Но я выясню, кто это сделал. И поверь, отец уже наказан за свою неудачу.

Неудачу? За то, что бросил свою возлюбленную и ребёнка в их час нужды? Или за то, что вообще стал отцом?

Но я не стала спрашивать. Не после того, как уже зашла так далеко и чудом осталась невредима. Я кивнула и выскользнула за дверь, оставив Каллена позади.

***

Поздно ночью Лара постучала в мою дверь.

Я тёрла заспанные глаза и босиком подошла к двери, соединявшей наши комнаты. Желудок болезненно сжался при мысли о том, что придётся её увидеть, но я всё равно открыла.

Она была в лёгкой ночной сорочке, а её коса оказалась неровной — потому что я отказалась заплести её перед сном. Глаза Лары покраснели.

— Можно мне войти? — спросила она тихим голосом.

Я отошла в сторону, молча пропуская её внутрь.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Лара оглядела простую обстановку моей комнаты, прежде чем осторожно присесть на край кровати.

— Этого не должно было случиться, — сказала она наконец.

— Этого вообще не должно было быть, — резко ответила я. — Ответственная хозяйка не допустила бы такого со своей собственностью. Подруга не позволила бы этого.

Лара вздрогнула от моих слов, словно от удара. Её пальцы сжались, комкая тонкую ткань сорочки.

— Я знаю. Мне очень жаль.

Я тяжело вздохнула и села рядом с ней.

— Даже если ты сожалеешь, это всё равно больно.

— Я понимаю. — Её рука накрыла мою. — Я никогда не умела постоять за себя, а значит, и за других тоже. Я просто не знала, что делать.

У меня в горле встал комок.

— Ты могла бы его остановить. Закричать. Ударить его. Сделать хоть что-то.

— Я не боец, — пробормотала она. — Не такая, как ты. У меня этого просто нет. — Её губы дрогнули в неуверенной улыбке, но я заметила, как глаза Лары наполнились слезами. — Ты бы была лучшей среди Благородных Фейри, чем я.

Лучшей? Вряд ли. Если быть фейри значит быть бессердечной и расчётливой. Если это значит причинять боль тем, кто рядом.

— Я не фейри. Ты — фейри. Ты наследница Дома Земли и участница испытаний. Ты обязана быть сильной.

Её влажные карие глаза встретились с моими.

— Как?

— Не знаю. Наверное, нужно учиться.

— Мне страшно.

— Мне тоже. Но это неважно. Мы обязаны быть сильными. А ты должна быть сильнее меня, потому что от тебя зависят так многие. Я тоже завишу.

Лара кивнула и сжала мою руку, прежде чем отпустить. Она быстро вытерла слёзы.

— Я постараюсь, — сказала она.

Это всё, чего я могла просить. Я кивнула, глотая подступивший к горлу ком, пока Лара вставала и шла к двери.

— Ты не собственность, — произнесла она, обернувшись через плечо. — Я… я не знаю, как быть другом. У меня никогда его не было. Но я буду стараться.

Она ушла, прежде чем мои первые слёзы упали на колени.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 23

Белтейн настал в вихре красных и оранжевых оттенков.

Коридоры украсили тончайшей тканью цвета пламени, а все факелы светились алым. Воздух наполнился ароматом благовоний, от которого кружилась голова. С каждым глубоким вдохом сложный букет запахов огня, страсти и корицы разливался в лёгких, оглушая своей насыщенностью.

В честь Дома Огня все облачились в яркие огненные оттенки или в чёрно-серую гамму, напоминающую дым. Лара сияла в платье из алого атласа, переливавшемся в оранжевый на рукавах и подоле. Её волосы были покрыты золотой сеткой, украшенной рубинами, я нанесла ей на губы красную помаду в тон наряду, а глаза подчеркнула чёрной подводкой и золотой пудрой.

Даже я выглядела необычно в простом платье, с распущенными тёмными локонами, красными губами и золотыми линиями вокруг глаз. Драматизм Дома Огня захватил нас всех: куда ни глянь, фейри пили, смеялись и целовались прямо в коридорах, их руки бесстыдно бродили друг по другу.

— Белтейн — наше самое необузданное торжество, — объяснила мне Элоди этим утром. — Фейри почитают наслаждение, и нет дома, который делает это ярче, чем Дом Огня. Сегодня ты увидишь много скандальных сцен.

Я сохраняла спокойное выражение лица, хотя в душе была шокирована. Никогда прежде мне не приходилось видеть, как пары так откровенно обнимаются на людях. Говорили, что вечерний костёр будет ещё более диким — что же я увижу там?

Мне не положено было присутствовать на этом маскараде у костра — Благородные Фейри теряли все свои запреты, и прислужникам было запрещено на них смотреть. Но именно там собирались объявить суть испытания, и Ориана нашла способ тайком провести меня. Последнюю неделю в Мистей прибывали гости из других дворов, и на празднике ожидались незнакомцы. Мне предстояло впервые в жизни надеть красивое платье, закрыть лицо маской и следить за Ларой, защищая её и помогая ей, как только станет известна суть Огненного испытания. С таким количеством гостей никто не обратит внимания, если меня не узнают.

Мы всё ещё не знали, что именно будет включать испытание. Эйден отказывался что-либо рассказывать, заверяя лишь, что беспокоиться не о чем — успех гарантирован, если Лара последует своим инстинктам.

По пути на официальный обед мы миновали группу фейри-гостей. Половина из них носила кулоны в форме луны, другая половина — серебряные браслеты. Лара вежливо наклонила голову, а я сделала всё возможное, чтобы остаться незаметной, с интересом наблюдая за ними.

Они были прекрасны, как и все Благородные Фейри. Некоторые были моего роста, другие возвышались даже над Ларой. Единственное отличие от придворных Мистей было в их одежде. Независимо от пола, они носили прозрачные, едва прикрывающие тела ткани, закреплённые лентами, кожаными ремнями или цепочками. Через тончайшую материю проглядывали соски и силуэты их тел.

Когда мы отошли на достаточное расстояние, я склонилась к Ларе, шепнув:

— Откуда они?

— Те, что с лунными кулонами, из ледяных чертогов на севере Гримвельда. А с серебряными браслетами — из Элсмира.

— Элсмир? — Это название снова всплыло в памяти.

— Фейри-город на юге Линдвика. Гримвельд был назван в честь своих фейри, а Линдвик — нет.

Линдвик находился к югу от Гримвельда и юго-западнее Энтерры, за горами. Их мастерство в создании тканей было непревзойдённым, и это одна из стран, в которые я мечтала отправиться, будучи торговкой. Я и не подозревала, что там есть анклав фейри, но южные леса считались дикими и почти непроходимыми, а магия процветала в скрытых уголках мира.

Фейри Мистей смешались с гостями, пока мы шли на обед, и я заметила Каллена, опиравшегося о стену и беседующего с дамой из Элсмира. Она была примерно моего роста, но гораздо более фигуристой — это подчёркивали почти прозрачные серые ткани её наряда. Её волосы были тёмно-рыжего оттенка, а глаза — синими, как летнее небо, когда она смотрела на Каллена. Его голова была склонена к её уху.

Флирт на Белтейн? Каллен вовсе не казался тем, кто поддаётся подобному.

Будто мои мысли привлекли его внимание, он поднял на меня взгляд. Затем, взяв даму за локоть, он развернул её, направляя к Дому Огня.

— Каллен всегда шепчет что-то на ухо на таких мероприятиях, — говорил мне Друстан. Я рассказала Каллену о слухах о смене власти в Элсмире, и вот он, лорд Пустоты, идёт рука об руку с фейри из того самого королевства.

— Ты выглядишь обеспокоенной, — заметила Лара.

Я заставила себя отвести взгляд от высокого силуэта Каллена и прогнать из мыслей тревогу о том, как он может использовать информацию, которую я ему предоставила.

– Не могу поверить, насколько откровенны их наряды, – сказала я, указывая на группу фейри из Гримвельда в прозрачном чёрном одеянии.

– Правда? – Лара бросила на меня восторженный взгляд. – Я тоже хочу такое.

– А я нет, – ответила я, представляя себя в чём-то столь же откровенном. Показать столько своего тела на публике? Нет уж, спасибо.

Лара рассмеялась:

– Я совсем забыла, какие люди чопорные.

– Даже ты выглядишь скромнее по сравнению с ними, – заметила я. Никогда бы не подумала, что сверкающий и опасный двор Осрика будет казаться таким невинным. Но сегодняшние наряды превзошли все мои самые смелые фантазии.

– Они просто заранее наполняются духом праздника. Сегодня вечером моё платье будет столь же откровенным. И твоё тоже.

Я поморщилась:

– А это обязательно?

– Это традиция. Все взрослые Благородные Фейри надевают самые скандальные наряды и собираются вокруг костра на закате. Они перепрыгивают через огонь, а потом… словно теряют рассудок. Танцы, выпивка, драки, секс…

– Ты бы… ну… – начала я и, смутившись, осеклась. Щёки запылали жарче костра.

– Занялась бы с кем-нибудь? – Лара задумчиво нахмурила брови. – Не знаю. Не все этим занимаются, но это поощряется. Просто сейчас мне никто не нравится настолько.

В мыслях мелькнул образ Друстана, но я тут же его прогнала. Я не собиралась прыгать через огонь – моя роль заключалась в том, чтобы быть телохранителем и

помощницей Лары. А вот Друстан прыгнет. Что, если он забудется и займётся любовью с кем-то у меня на глазах?

Укол ревности дал понять, насколько глупо я себя вела. Да, он привлекателен и добр ко мне, но, в конце концов, он принц, а я всего лишь слуга. Какие бы ни были его мотивы для того поцелуя, было бы нелепо предположить, что я для него значу больше, чем кто-либо другой.

И всё же, за обедом я не могла отвести от него глаз. Мы находились в той же зале, где проходило первое мероприятие Дома Огня. Король, к счастью, отсутствовал, и Друстан царствовал в комнате со своего места за главным столом, смеясь и рассказывая истории в окружении знатных фейри. Он сиял в алом бархатном камзоле, разрезы которого открывали черно-золотую вышивку.

Эйден заметил, как я смотрю на Друстана, но, на удивление, не стал меня дразнить. Возможно, потому что сам с не меньшей внимательностью изучал Эдрика. Кандидат от Огня сидел в золотой рубашке с расстёгнутым воротом, открывавшим сильную грудь, а рубины мерцали в его тёмных кудрях. Он уже успел опьянеть от пряного красного вина Дома Огня и громко хохотал над каждой шуткой, запрокидывая голову с такой беззаботностью, что казалось, он принадлежит лишь этому моменту.

Я толкнула Эйдена локтем:

– Ты в порядке?

Он улыбнулся мне, но эта улыбка была лишена радости.

– Конечно.

Как и я, он не был приглашён на вечернее собрание. Но в отличие от меня, он проведёт ночь в зале с зеркалами вместе с другими прислужниками, наслаждаясь их весельем.

– Ты беспокоишься о том, что сделает Эдрик? – наконец спросила я то, что назревало у меня в голове уже несколько недель.

Эйден нахмурился:

– Конечно, нет.

Я лишь вопросительно приподняла брови.

Он поморщился:

– Может быть, немного.

Волна сочувствия захлестнула меня:

– Возможно, он ничего не сделает.

– Ещё как сделает, – угрюмо ответил Эйден. – Эдрик обожает удовольствия. Всё, что меньше абсолютного гедонизма, было бы оскорблением для Осколков.

– А ты? Ты собираешься что-нибудь делать? – мягко спросила я.

Я наблюдала за тем, как Эйдан задумчиво пожал плечами.

— Может быть, а может, и нет. Эдрик никогда раньше не посещал костёр, а я ежегодно хожу на праздник для слуг. Всё зависит от того, кто окажется рядом.

Возможно, этой ночью Эдрик и Эйдан найдут себе любовников, но мне казалось, что Эйдан не получит от этого истинного удовольствия.

— Ты думаешь, он знает, что ты чувствуешь? — спросила я.

Эйдан горько рассмеялся:

— Мудрый принц всегда должен знать, чего хотят его люди.

— Но знает ли...

Он резко покачал головой, перебивая меня:

— Это традиция. Она ничего не значит.

Оставшуюся часть обеда мы провели в молчании.

Когда Благородные Фейри начали пить с особым усердием, Лара отпустила меня, чтобы я могла подготовиться к вечернему празднованию. Я сделала реверанс и удалилась, чувствуя тайное облегчение от того, что можно уйти от шумного веселья.

И всё же я не удивилась, когда Друстан догнал меня у подножия пандуса.

— Принц, — я сделала глубокий реверанс. — Чем могу помочь?

Сегодня он выглядел по-настоящему грешно привлекательно: его волосы сверкали, как огонь, в глазах плясали отблески пламени. Однако он не улыбался.

— Мы не говорили с той ночи, — произнёс он.

— Лара держит меня в постоянной занятости.

— В ту ночь я доверился тебе. Я хочу быть уверен, что мои откровения в безопасности.

У меня перехватило дыхание. Неужели он узнал, что я говорила с Калленом?

— Они в безопасности.

Его серые глаза с проницательностью изучали меня, от которой у меня пробежали мурашки.

— У меня много врагов, Кенна.

— У тебя? — я сама не знала, почему спросила это. Ведь мне было очевидно, что у того, кто замышляет революцию, враги неизбежны.

— Да. Поэтому, когда я узнал, что ты ушла с пикника с Калленом, а потом ещё беседовала с ним… Ты должна понять моё беспокойство.

Меня охватил холод. Многие видели, как Каллен вывел меня с пикника, но я не осознавала, что нас заметили, когда мы вошли в ту комнату для приватного разговора. Хотя его заклинания наверняка предотвратили подслушивание.

— Он спрашивал о тебе, — призналась я. — После того, как разнял драку. Он хотел знать, о чём мы разговариваем.

Друстан не моргнул.

— И что ты ему сказала?

— Я сказала, что спрашивала тебя о подменышах и что ты объяснил, кто они такие. Только это. Он думает, что ты проявляешь ко мне интерес, потому что поставил на меня на зимнем солнцестоянии. — Граница между ложью и правдой становилась всё менее различимой, чем дольше я находилась среди фейри.

— Уверена, что это всё? — Ледяной холод в его глазах и угроза в голосе заставили меня поёжиться. Передо мной предстал Друстан — правитель.

— Да, — я подняла голову, заставляя себя сохранять спокойствие. — Мне пришлось что-то ответить, но, пожалуйста, верь: я никогда не предам тебя.

Он кивнул, и лёд в его взгляде растаял, сменившись жаром.

— Я верю тебе. И прости за то, что случилось на пикнике. Жаль, что меня там не было — я бы выбил из Гаррика всю дурь. Но помни: Каллен очень опасен. Не важно, что он тебе сказал или даже если спас тебя. Он змея.

— Я понимаю.

Он начал разворачиваться, чтобы уйти.

— Мне нужно вернуться на праздник.

Я коснулась его рукава, чтобы остановить его.

— Каким будет четвёртое испытание? — Это был мой последний шанс узнать.

Он рассмеялся.

— Устала от недомолвок, да? Будь осторожна — ты не хочешь, чтобы кто-то подумал, что ты жульничаешь.

Я смело подалась вперёд:

— Ты уже знаешь, что я жульничаю. Подскажи хоть что-нибудь.

Его глаза опасно блеснули, и он шагнул ко мне, заставляя меня отступать, пока мои лопатки не упёрлись в холодный камень стены. Он остановился всего в нескольких дюймах от меня, его горячее дыхание касалось моих губ.

— Советую перестать думать об испытании и сосредоточиться на своём первом Белтэйн, — произнёс он. — Это единственная ночь, когда фейри могут почувствовать свободу.

Я подавила разочарование.

— Свободу от чего?

— От всего. От морали. Сдержанности. Размышлений, — его палец медленно скользнул по моей шее, заставляя меня вздрогнуть. — Ты ещё не видела, как фейри теряют над собой контроль. Жаль, что ты не будешь у костра — это было бы великолепное зрелище.

Наши взгляды встретились, и секунды тянулись вечностью. Поцелует ли он меня снова? Я невольно облизнула губы, ожидая этого мгновения, несмотря на опасность быть замеченной.

— Не искушай меня, — прошептал он. — Я уже на грани. Ты не представляешь, что можешь пробудить.

Я вздрогнула, когда он ушёл, оставляя меня разрываться между страхом и неудержимым желанием узнать, что скрывалось за его словами.

***

Поздним вечером мы с Ларой обсуждали правила поведения у костра. Если уж мне предстояло быть её спутницей, я собиралась исполнять свои обязанности серьёзно.

— Развлекайся, но, если почувствуешь себя неуютно, притворись, что отключилась от слишком большого количества выпитого. Я присмотрю за тобой. Многие будут заниматься сексом, а Элоди сказала, что огонь зачарован, чтобы исключить возможность зачатия. Так что никаких ограничений — кто с кем, не важно. Тебе могут сделать предложение, но соглашаться не обязательно. Только то, что тебе действительно хочется.

Лара закатила глаза.

— Ты становишься слишком заботливой. Но хорошо знать про огонь — это полезно. Хотя, честно говоря, всё будет зависеть от того, с кем я окажусь.

Она рассказывала, что ей нравились люди всех полов, а её последний роман — скорее дружеское соглашение ради удовольствия — был с другой фейри из Дома Земли.

Я долго размышляла о заклинании контрацепции, пока не осознала, что оно, вероятно, было введено для предотвращения смешения крови между домами. Белтейн — древняя традиция, такая же старая, как и сами фейри, где не было места ни логике, ни разуму. А раз обычаи изменить нельзя, король принял меры, чтобы избежать нежелательных последствий.

Лара закружилась в танце.

— Как я выгляжу?

Я прикусила губу, внезапно ощутив укол зависти. Она выглядела потрясающе, словно облачённая в дым. Её прозрачное платье едва доходило до верхней линии колен, а вся передняя часть живота была обнажена, открывая гладкую кожу. Лиф крепился при помощи дерзких кожаных ремней, обвивавших грудь и шею. Её черная маска, усыпанная рубинами, завершала образ.

— Ты выглядишь идеально. Наверняка завоюешь десятки сердец.

Она бросила на меня многозначительный взгляд.

— Дело не в сердцах.

На мгновение мне захотелось стать частью этого веселья, а не сторонним наблюдателем. Хотелось отпустить все сомнения и почувствовать необузданное наслаждение, как остальные. Я никогда не заходила дальше поцелуев и не позволяла никому видеть себя полностью обнажённой. Что бы я ощутила, танцуя нагой под лунным светом? Что бы значило почувствовать горячее тело рядом, на себе, внутри себя?

— Надень своё платье, — сказала Лара, вырывая меня из этих мыслей. — Хочу на тебя посмотреть.

Я вернулась к себе в комнату, где в ванной висело платье. Можно ли было назвать платьем то, что состояло всего из двух частей? Я не сразу поверила, что это действительно наряд, когда впервые достала его из шкафа. Поначалу я попыталась спрятать его обратно, но сколько бы раз я ни открывала двери, гардероб упорно предлагал мне одно и то же.

Я влезла в него, застегнула застёжки и принялась за волосы, расчесывая их гребнем с широкими зубьями и добавляя масла. Макияж уже был завершён: алые губы, чёрная подводка, растянутые стрелки до самых висков. Завершив подготовку, я покрыла каждый сантиметр открытой кожи сверкающей золотистой пылью, которая превратила меня из человека, играющего в переодевания, в таинственную иностранную фейри.

Когда я вернулась к Ларе, её челюсть едва не упала. Она захлопала в ладоши от восторга.

— Просто потрясающе!

Я закружилась, но тут же остановилась, когда юбка опасно взметнулась вверх.

— Кажется, я почти голая, — призналась я.

— Ты выглядишь идеально.

Ткань была темно винного оттенка. К счастью, она не просвечивала, но её было так мало — всего лишь узкая полоска юбки и тугой корсет на груди. Золотые цепочки свисали от колье на шее, соединяясь с верхом. После долгих экспериментов я наконец преобразовала кинжал в заколку для волос, учитывая почти полное отсутствие одежды. Он удерживал верхнюю часть причёски, а остальные локоны ниспадали до талии.

С маской из гранатового кружева, закрывающей верхнюю половину лица, я действительно выглядела как одна из фейри.

— Этот наряд просто гениален, — Лара тронула цепочку, улыбнувшись. — В Мистей ничего подобного не встретишь, даже на Белтейн. Все подумают, что ты из дальних краёв.

Мысль о том, чтобы попробовать себя в этом таинственном и чувственном празднике, кружила мою голову, но уверенности мне отчаянно не хватало.

Мы с Ларой вышли вместе, босиком, готовясь к вечерним забавам. Она скрылась в туннеле, наполненном водой, а я выбрала менее популярный путь через тунели,

оказавшись в пустом коридоре одного из уровней, где располагались гости. Сливаясь с толпой, направлявшейся к лестнице, я заметила, как на меня поглядывали с вожделением, но никто не задал лишних вопросов. Я пыталась игриво улыбаться, хотя внутри была растеряна.

Когда мы вышли на открытый воздух, солнце уже касалось горизонта, окрашивая небо в бурные, почти гневные краски. На склоне холма ярко горел костёр, и его отблески дополняли это дикое зрелище. Я направилась к столу с угощениями и взяла бокал вина. Густая, пряная жидкость обожгла горло.

Гулкие удары барабанов раздавались с противоположной стороны костра. Фейри уже двигались в такт этой неумолимой, первобытной музыке. Кто-то танцевал в одиночестве, кто-то прижимался друг к другу, их тела сливались в потных объятиях. Другие кружились, словно в трансе, или пили вино, запрокинув головы к звёздам.

Я сделала большой глоток вина, чувствуя, как тепло разливается по моему телу. Вокруг всё было пронизано страстью, наполнено желанием, и мне нестерпимо хотелось быть частью этого хаоса, избавиться от собственной скованности. Вместо этого я снова подняла бокал.

Друстана нигде не было видно. Возможно, он уже затерялся среди тех, кто предавался утехам на холме.

Внезапно воздух разорвал крик, полный необузданного наслаждения. Я повернулась на звук и застыла. Полуобнажённый мужчина-фейри неистово двигался над женщиной, которая извивалась под ним, её грудь вздымалась в такт его мощным толчкам. Моё дыхание перехватило. Сердце забилось так сильно, что, казалось, сейчас выпрыгнет из груди.

Картина завораживала. Она была одновременно дикой, животной и пробуждающей что-то запретное во мне. Я невольно представила, что это Друстан лежит надо мной, его медные волосы окутывают нас, прижимаются к моей влажной коже, пока он погружает меня в этот вихрь удовольствия снова и снова…

Вторая вспышка огня озарила пространство рядом с главным костром. Пламя, насыщенно кровавого цвета, взвивалось на уровень пояса. Один из фейри перепрыгнул через него, и толпа разразилась радостными криками.

Это словно открыло шлюзы. Благородные фейри хлынули к огню, прыгая через него в непрерывном потоке. Барабаны звучали громче, сопровождаемые пением и воплями, что эхом отдавались в моих костях. Ритм звал танцевать, но я осталась на месте, наблюдая за Ларой. Она стояла в конце очереди, напряжённая, как струна. Обернувшись ко мне за поддержкой, она встретила мою ободряющую улыбку.

Внезапно я заметила Каллена, стоявшего ближе к огню. Его полупрозрачная рубашка, усеянная драгоценностями, сверкала, а обтягивающие штаны подчёркивали каждый его шаг. Он опрокинул бокал вина, отбросил его и, подняв руки, легко перескочил через огонь.

Но сразу после приземления он обернулся и ударил ближайшего фейри кулаком.

Я ахнула, прижав руки ко рту. Однако избитый лишь рассмеялся, ответив ударом. Остальные тут же присоединились, и сцена переросла в бурную схватку. Два фейри из Гримвелда также прыгнули через огонь, а за ними женщина из Эльсмера, которая двигалась с невероятной скоростью, бросаясь в битву с криком, от которого пробирало до мурашек.

Каллен упал под чьим-то мощный удар, но, несмотря на это, его лицо сияло восторгом.

— Это их единственная возможность свободы, — говорил мне Друстан.

Я думала, он имел в виду свободу в любви, но теперь поняла, что речь шла о чём-то большем. Фейри отдались своим инстинктам — страстным, яростным, мрачным, — наслаждаясь моментом полной раскованности.

Очередь дошла до Лары. Её юбка взвилась, когда она грациозно перелетела через пламя. Приземлившись, она вдруг застыла, глядя на свои руки, словно увидела что-то странное.

Я поспешила к ней, обеспокоенная её состоянием.

— Ты в порядке? — спросила я, когда оказалась рядом.

Я едва успела увернуться от её кулака.

— О! — воскликнула она, узнав, кто подошёл. — О, Кенна, это просто невероятное ощущение. Огонь говорил со мной. Он сказал, чтобы я была сильной. — Она вновь рассмеялась, её смех звенел, словно колокольчики. — Не волнуйся за меня — со мной все просто прекрасно.

Она грациозно зашагала к танцующим, кружась в чувственных вращениях, пока кто-то не приблизился к ней. Когда он протянул руку, чтобы дотронуться, она ударила его, сбив с ног. Все вокруг засмеялись, включая её жертву, который вытер кровь с быстро заживающего носа и весело улыбнулся ей. Лара опустилась на колени, оседлав его. Она встретилась со мной взглядом ещё раз, махнула рукой, словно отсылая меня прочь, и вновь обратила внимание на свою добычу. Она жадно и глубоко поцеловала его, а затем снова ударила.

Я продолжала следить за ней, но Лара действительно выглядела абсолютно счастливой. Она переходила от одного фейри к другому, чередуя танцы, поцелуи и драки. Она не исчезала с кем-то для близости, но по выражению её лица я поняла, что ей это и не нужно. Казалось, это и было её тайным желанием — мир, где она могла бы танцевать как безумная и совершать насилие без последствий, где она могла быть такой сильной, как всегда, мечтала.

Я держалась на расстоянии, осознавая, что сейчас я ей не нужна. В конце концов я поняла, что ей вообще не понадобится моя помощь, и вернулась к столу с напитками, осушив ещё один бокал. Барабанный ритм притягивал меня, словно зов, а вино распевало свою пряную песнь в моих жилах. Не осознавая того, я уже танцевала, подняв руки высоко над головой и запрокинув лицо к звёздам. Они едва мерцали сквозь густой дым, но я улыбалась им, моим давним друзьям.

Чья-то рука схватила меня за локоть.

Я обернулась и увидела незнакомое лицо — фейри с длинными каштановыми волосами и весёлой улыбкой под жёлтой маской. Его руки легли на мои бёдра.

— Потанцуем, — прошептал он, так близко, что я ощутила на своих губах его дыхание с привкусом алкоголя.

Я остановила его, положив ладонь на грудь.

— Может быть, позже.

Он ошеломлённый моргнул.

— Ты не прыгала.

— Эм, — пробормотала я неопределённо. Похоже, моя сдержанность вызвала подозрения.

— Она не прыгала! — объявил он толпе вокруг нас.

— Прыгай! — начали скандировать они, подталкивая меня ближе к огню. — Прыгай, прыгай, прыгай!

— Впервые в Мистей? — спросил он, заметив моё колебание. Я кивнула.

— Тогда я прыгну ещё раз, чтобы ты поняла, что бояться нечего. — Он отпустил меня и с лёгкостью перескочил через пламя под одобрительный гул зрителей.

Но тут же меня вновь стали подталкивать вперёд, и скандирование не утихало. Я глубоко вдохнула и побежала, смешав волнение со страхом. Жар огня лизал мою обнажённую кожу. А если я прыгну слишком низко?

И тут я уже летела над пламенем.

Время остановилось.

Я застыла, паря среди россыпи углей, таких же неподвижных и ярких, как звёзды в небе. Одна согнутая нога вытянулась вперёд, другая осталась позади, и подол юбки задрался почти до талии.

Жар захватил меня.

Чего ты хочешь? — спросил огонь.

Моё сердце ответило раньше разума. Любви. Прикосновений. Свободы. Я жаждала этого каждой клеточкой своего существа, с той же силой, что когда-то жаждала воды или пищи.

Тогда действуй.

Угли вновь закружились в воздухе, и я с лёгкостью приземлилась на другой стороне, ступая босыми ногами по мягкой траве. Радость нахлынула на меня, и я рассмеялась, дико и свободно, под восторженные крики толпы.

И тогда я увидела его.

Там, у костра, в черной кожаной одежде и рубашке, расстегнутой до пупка, обнажающей каждую линию мышц, стоял Друстан. Он застыл, заметив меня. Его глаза, сверкавшие ярче серебряных монет, сияли из-под ониксовой маски.

Мои ноги сами понесли меня к нему. Его рот приоткрылся, взгляд скользил по моему телу, запоминая каждый дюйм обнаженной кожи.

Не колеблясь, я обхватила его лицо руками, приподнялась на носки и поцеловала.

Его руки сомкнулись вокруг меня, словно капкан. Моя грудь прижалась к его, соски затвердели под тканью. Я застонала и прижалась к нему крепче, втягивая его язык глубже в свой рот.

— Кенна, — выдохнул он.

Он поднял меня, не отрывая губ, а я обвила его талию ногами, забыв обо всем на свете, не заботясь о том, что мое тело обнажено перед всеми. Он шагал прочь от веселья, страстно целуя меня, одной рукой поддерживая мои бедра, другой впиваясь пальцами в распущенные волосы.

Мы спускались с холма, пока гул барабанов не растворился в отдалении, пока вокруг не стихли стоны. Наконец он опустился на колени, а мое тело осталось сплетено с его. Моя спина встретилась с травой, и я выгнулась, касаясь своей пылающей промежностью о его бедра, пока его руки не опустились по обе стороны от моей головы. Он прижался ко мне бедрами, ловя мой вскрик в свои губы, пока меня пронизывали волны наслаждения.

Он отстранился, чтобы впиться зубами в чувствительную кожу на стыке шеи и плеча, чуть ниже моего золотого ошейника. Я вздрогнула, не в силах сдержаться.

— Маленькая обманщица, — прошептал он с укором.

Я застонала:

— Я ничего не знала про испытание. Может, объявление будет позже этой ночью.

Его рука скользнула по золотым цепочкам и задержалась на моей груди.

— А тебя волнует это испытание? — Он нежно сжал сосок сквозь ткань.

— Нет, — я извивалась, жаждая повторения, желая, чтобы он сделал это сильнее. — Еще…

Он рассмеялся и переключился на другую грудь, ущипнув сосок так, что я вскрикнула и прижалась к нему еще сильнее.

— Вот и хорошо.

Вокруг нас взметнулась стена огня. Я вздрогнула, но пламя оказалось странно мягким, его тепло не жгло и не распространялось. Я поняла, что это был его подарок — защита, создающая безопасное пространство, где мы могли быть свободными и необузданными.

— Позволь мне это, — обратилась я к кинжалу в своих волосах с последней разумной мыслью. Он не ответил, но я знала, что он не станет пить кровь этой ночью, даже если Друстан случайно коснется его. Сегодня во мне пульсировала чистая магия фейри, смешиваясь с моим желанием, и это было естественно, правильно.

Мои руки метались по телу Друстана, рвали его рубашку, жаждая прикоснуться к горячей коже.

— Кенна! — Он выругался, пока я разрывала ткань на куски. Закончив, он отбросил остатки одежды и протянул руку к моему ошейнику. Его пальцы ловко открыли застежку, и вскоре ошейник упал с моей шеи. Следом исчезли топ, юбка и последний кусочек ткани.

Он откинулся назад, глядя на меня. Я должна была чувствовать смущение, но вместо этого я раскинула руки над головой и выгнулась, словно предлагая ему свою грудь.

Он резко вдохнул, затем наклонился и взял сосок в рот.

Я сжала его волосы, теряясь в круговерти огня, звезд и наслаждения.

— Чего ты хотел? — спросила я, когда его губы скользнули к другой груди. — Что показало тебе пламя?

Он укусил, и мое тело сжалось в ответ. — Силу нарушать все правила, — пробормотал он на моей коже. — Иметь все, что я хочу, без ограничений.

Затем его губы скользнули от моей груди к пупку. Одна из его рук начала подниматься от моего колена, медленно приближаясь к тому месту, где у меня все горело.

— О, пожалуйста, — задыхалась я, когда его дразнящий язык поднялся выше, а его пальцы ласкали бедра. — Пожалуйста, прикоснись ко мне.

Никто никогда не касался меня там, кроме меня самой. Я знала, что он обнаружит — я была мокрой, мокрее, чем когда-либо в своей жизни.

Его пальцы наконец достигли моей киски. Я подавила крик, в блаженстве закрыв глаза, пока эти горячие пальцы играли со мной. Когда они поднялись к клитору, я застонала.

Он вырисовывал маленькие, неумолимые круги, пока я не начала извиваться под ним. Мои руки впились в его волосы, дергая его, умоляя дать мне то, что мне нужно. — Пожалуйста.

Он усмехнулся, и его пальцы отступили, когда он переместил свое тело ниже.

Я застонала, потянувшись вниз, чтобы заставить его руку вернуться к моей киске, затем замерла, почувствовав влажное прикосновение его языка к себе.

— Что… — начала я, но затем он снова лизнул меня, и вопрос превратился во вздох. Мои колени подтянулись к нему, касаясь бедрами сильных мышц его рук. Он

устроился, обхватив одной рукой мою ногу. Другая рука вернулась, чтобы погладить мою щель, а затем один палец протолкнулся внутрь.

Я вскрикнула. Тело сжалось вокруг пальца, когда его язык промчался по мне, отправляя меня в небеса, размывая зрение, а тело заставляя содрогаться в экстазе.

Когда я пришла в себя, он все еще не остановился. Один палец превратился в два, пока он наслаждался моим телом, подготавливая меня, проверяя, сколько я могу выдержать. Я тихонько застонала от дискомфорта, крепко сжимая ноги вокруг него, прежде чем расслабиться.

— Ты уже делала это раньше? — пробормотал он мне.

— Нет, — призналась я. — Но я хочу этого.

Он еще глубже вошел в меня пальцами, большим пальцем рисуя узоры на клиторе, пока я снова не содрогнулась под ним.

— Пожалуйста. — Хриплый шепот был всем, что я могла выдавить из себя. Дай мне почувствовать тебя. Будь моим.

Он поднялся, вытер рот тыльной стороной ладони, прежде чем расположиться между моими бедрами. Наклонившись чтобы поцеловать меня, я почувствовала толчок его толстого члена. Он проталкивался, медленно растягивая меня.

Была боль, но она быстро прошла. Все, что я могла чувствовать, — это жар его тела, его железный член внутри. Я никогда не думала, что секс может быть таким: это подавляющее ощущение того, что я наполнена им, что я часть его, а он часть меня.

Он снова толкнул, и я ахнула, когда он полностью вошел. Он убрал мои волосы с лица, поцеловал висок, прежде чем оставить долгий, томительный поцелуй на моих губах.

Я обвила его руками и прижала ноги к его икрам, целуя его в ответ со всей страстью в моей душе. Это было невероятно. Идеально. Все, чего мне не хватало, и я даже не знала об этом.

Затем он начал двигаться.

Глубокие, прерывающиеся толчки, которые вырывали из меня крик и заставляли меня царапать ногтями его спину, отчаянно желая обладать им, как он обладал мной. Я тонула в ощущениях, в скольжении его тела, когда он брал меня. Он сжал кулак в моих волосах, удерживая меня на месте, пока его язык глубоко погружался в мой рот в такт ритму тела.

Пламя лизало его волосы и кожу, легкие огоньки, которые щекотали, когда они касались меня, но не причиняли боли. Его тело было таким горячим, что мне хотелось раствориться в нем. Этот жар эхом отдавался внутри, где он двигался, медленно, ровно и глубоко.

Его темп ускорился, и я воскликнула, какую-то бессмысленную комбинацию слов. Наклонившись, я укусила его, мои зубы ухватились за его плечо. Он дернулся и застонал, теряя контроль своих толчков, когда я жадно вонзил в него зубы и ногти, когда обхватила его талию ногами и подстегнула извивающимися волнообразными движениями бедер. Он вошел в меня, так же не контролируя себя, как и я, пока огонь бушевал вокруг нас.

Он сделал еще несколько сильных толчков и задрожал, оставаясь глубоко внутри, издавая стон сбившимся дыханием. Я крепко обняла его и из глаз потекли слезы счастья.

Я думала, что мы закончили, но Друстан отстранился и опустил руку между моих ног, вызывая еще один оргазм. Я закричала, слезы текли по моим щекам, когда я

закрыла глаза, все мое тело вибрировало от освобождения, моя душа практически взлетела в небо.

Я никогда не чувствовала себя такой свободной.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 24

Я проснулась, покрытая росой. Капли жемчужинами оседали на моих волосах, ресницах, холодом покалывая оголённую кожу. Я пошевелилась, и резкая боль между ног заставила меня поморщиться.

Ох.

Я села, опершись на ладони, и огляделась вокруг. Был ранний рассвет, и золотистый свет скользил по телам спящих обнажённых фейри, разбросанных по склону. На месте, где прошлой ночью горел огненный круг, оставалась лишь обугленная трава.

Рядом со мной лежал Друстан, раскинув руку за голову. Его грудь медленно поднималась и опускалась, а глаза под сомкнутыми веками едва заметно дёргались – он явно что-то видел во сне.

Я невольно задержала взгляд на его обнажённой груди, затем скользнула ниже. Вчера ночью я не разглядела его так чётко. Теперь, при свете дня, его тело казалось совсем иным – спокойным, почти хрупким, и совсем не похожим на ту напряжённую мощь, которую я ощущала на себе ночью. Я знала кое-что об анатомии мужчин, но любопытство прожигало меня насквозь: что будет, если я разбужу его и увижу, как он изменится под утренним солнцем?

Соблазн звал, но я не могла позволить себе поддаться ему.

Я встала, с трудом удерживая равновесие, и начала искать свою юбку и блузку. Хоть я могла вернуться в Дом Земли с небольшим опозданием, долго оставаться здесь было опасно. Вчерашний огонь и маска на моём лице создавали ореол таинственности в темноте, но теперь, при ярком свете дня, я, вся покрытая росой и потом, скорее всего, выглядела просто человеком.

Я бросила последний взгляд на Друстана, прежде чем поспешно удалиться.

Когда я спустилась обратно в тесные коридоры Мистей, мой разум стал проясняться, а пелена сна и вина постепенно рассеялась.

Я переспала с Друстаном.

Друстаном, Принцем Огня. Одним из пяти самых могущественных фейри в королевстве. Я позволила ему войти в моё тело, почти не обменявшись с ним словами. Я стонала, царапала его и теряла рассудок от страсти.

Щёки вспыхнули от воспоминания. Будет ли он судить меня за это?

Я подавила стыдливые мысли. Судила ли я его за то, что он сделал? Нет. Он отбросил все свои ограничения, и это было прекрасно. Единственная причина, по которой я сомневалась в себе, заключалась в том, что я мыслила по-человечески, вспоминая сухие, осуждающие проповеди Старейшин, вместо того чтобы довериться своим инстинктам.

Нож, вплетённый в мои волосы, мягко пошевелился, предупреждая о приближении кого-то постороннего. К счастью, рядом оказалась дверь в туннели, и я скользнула внутрь.

Моё тело ныло от непривычного состояния, пока я спускалась по узкой каменной лестнице.

Я больше не была девственницей.

Но это осознание не казалось таким значимым, как я ожидала. Моя невинность имела бы значение, если бы я когда-нибудь хотела выйти замуж за человека из своей

деревни. Здесь же она была бесполезна. Да и замуж я никогда особенно не хотела – человеческие мужчины всегда казались мне… скучными. Ограниченными и мелочными.

Я вспомнила горячие руки Друстана, огонь, пробегавший по его коже, пряный вкус его языка.

Я не жалела.

Но я всё же нервничала при мысли о том, чтобы снова встретиться с ним. Меня смущало, как я царапала и кусала его, словно дикое животное, хотя он, похоже, был не против. Позже, ночью, когда мы соединились снова, он даже запрокинул голову в экстазе. На его плече остался тёмный след от моих зубов. С его способностью к исцелению он быстро исчез, но тогда я почувствовала себя дикой, первобытной и… собственницей. Этот укус словно говорил: «Ты мой».

Но он не был моим. Возможно, в тот момент, когда нас окружал круг огня и ночь была посвящена чистому наслаждению, но не в реальной жизни. Он – принц, а я – служанка. Он – Благородный Фейри, а я – человек. У него была сила, у меня – нет.

Ах, но если бы она у меня была…

В своей комнате я переоделась в ночную рубашку, смыла макияж и, с трудом распутав волосы, прочёсывала их гребнем. Локоны спутались после долгих часов, в которые Друстан хватался за них.

Из соседней комнаты донеслись звуки.

Я тихо постучала в дверь Лары.

– Входи. –

Она лежала на постели в ночной рубашке, с блаженной улыбкой глядя в потолок. Я ахнула, заметив синяки, усеявшие её кожу. Левый глаз почти полностью заплыл.

Я бросилась к её постели.

— Что случилось? Я принесу компресс.

Она отмахнулась от моих рук.

— Всё в порядке. — Её голос звучал так счастливо и расслабленно, как я ещё никогда не слышала. — Ты повеселилась? Я потеряла тебя из виду.

Она не знала, что я провела ночь с Друстаном. За это я благодарила звезды.

— Да, — ответила я, стараясь сохранить невозмутимость. — Я танцевала и пила до самого рассвета. А ты?

Она потянулась, но поморщилась от боли.

— Это было невероятно. Я дралась, пила, кричала… целовала столько людей, а потом каждого из них била. — Она рассмеялась. — Они били меня в ответ, но я всегда побеждала.

— Это не похоже на веселье, — сказала я, разглядывая её синяки. — Может, отомстим тем, кто причинил тебе боль?

Это была та фраза, которую я сказала бы Ане, если бы кто-то был к ней жесток, но тогда моя месть ограничилась бы невинной шалостью или каким-нибудь публичным унижением. Теперь же я поймала себя на мысли, что думаю о настоящем насилии. Это жизнь среди фейри так изменила меня? Или эта жестокость всегда жила во мне?

— Нет. — Она с трудом приподнялась на подушках. — Это было то, чего я хотела. И то, чего хотели они. Кенна, я никогда в жизни не чувствовала себя такой сильной. Прошлой ночью я могла всё.

Она сияла от радости, и я осторожно улыбнулась в ответ.

— Огонь велел тебе драться? Ты говорила, что он сказал быть сильной.

Её глаза стали мечтательными и отстранёнными.

— Это было странно. Время будто остановилось, пока я прыгала, а потом что-то — может, Осколок Огня, кто знает — спросило, чего я хочу. И ответ появился сам собой. Мне надоело быть слабой. Тогда он велел мне быть сильной и брать то, что я хочу.

"Власть нарушать все правила," — шептал Друстан у меня на ухо, когда я спросила, что показал ему огонь. "Иметь всё, чего пожелаю, без границ."

Моё самое сокровенное желание — быть любимой, быть нужной. Быть свободной после детства в нищете и недавних месяцев в роли прислуги. Брать то, что я хочу так же, как Друстан и Лара.

Я взяла её за руку, ослабив хватку, заметив её опухшие костяшки. Она скоро исцелится — не так быстро, как Друстан, но куда быстрее меня.

— Я рада, что ты получила то, чего хотела, — сказала я, и это было правдой.

***

Кандидаты собрались за поздним обедом, чтобы справиться с похмельем. Лара чувствовала себя прекрасно после сытного завтрака, но Эдрик и Карисса выглядели так, будто им едва удавалось удержать себя от тошноты. Я не видела, чем занимались остальные кандидаты: всю ночь я была занята тем, чтобы следить за Ларой, а потом столкнулась со своими собственными самыми тёмными желаниями.

Я моргнула, пытаясь не уснуть. Утром мне удалось поспать всего несколько часов, и этого было явно недостаточно.

Эйден бросил на меня насмешливый взгляд.

— Ты хорошо провела время прошлой ночью?

Я улыбнулась как можно беззаботнее.

— Да. Просто засиделась допоздна с вином.

— Знаешь, я тебя не видел на собрании слуг. Где ты была?

— На небольшой вечеринке, — ответила я и тут же подавила желание хихикнуть. Вечеринка для двоих, подумала я. Ох, как же мне хотелось спать.

Эйден приподнял брови.

— У тебя лицо женщины, которая что-то скрывает.

— Ничего особенного, — отмахнулась я.

— Милая, ненавижу говорить это, но это значит, что он не слишком старался.

Я не выдержала и фыркнула от смеха, быстро прикрыв рот и нос рукой, чтобы не разразиться громким хохотом.

Эйден ухмыльнулся.

— Ну так кто это был?

— Не понимаю, о чём ты, — сказала я, всё ещё пытаясь сдержать смех. — Я просто пила вино.

— Конечно, — протянул он, закатив глаза. — Как скажешь.

— А ты? Ты… кого-нибудь встретил?

Его лицо омрачилось, и я сразу же пожалела о своём вопросе.

— Нет. Просто пил.

Он повторял мои слова или говорил правду? Я не могла углубиться в расспросы, не рискуя дать ему повод начать допрашивать меня в ответ. Я взглянула на Эдрика, размышляя, что же делал этот кандидат Огня прошлой ночью.

— О, он определённо нашёл себе занятие, — заметил Эйден, поймав мой взгляд.

— Ты же вроде не умеешь читать мысли.

— Я читаю только желания, дорогая, поэтому и знаю, что ты что-то скрываешь. — Он подмигнул. — Нет, я говорю чисто как человек, который понимает, когда друг лезет туда, куда ему не следует.

Друг. Что-то внутри меня тепло откликнулось на это слово.

— Мне просто любопытно.

— А ты, должно быть, считаешь меня дураком. Продолжай копаться, хотя, знаешь, мне это даже нравится — сочувствие и всё такое.

В его голосе звучала скрытая боль, и я сжала его руку.

— Когда захочешь поговорить, я всегда готова слушать.

— Я расскажу, если ты расскажешь.

— Значит, никогда.

Мы оба рассмеялись.

Двери столовой открылись, и я подняла взгляд. Сердце оборвалось, как будто я падала.

Друстан.

Он выглядел немного сонным, но это только добавляло ему чарующей небрежности. Он был воплощением желания в карминной рубашке, расстёгнутой до середины груди. Щёки запылали, сердце забилось быстрее, когда его взгляд скользнул по комнате и, наконец, остановился на мне.

— Нет, — прошептал Эйден, звуча абсолютно потрясённо. — Кенна, ты ведьма, рассказывай всё.

Я проигнорировала его.

Глаза Друстена медленно прошлись вниз по моему телу, а затем снова поднялись. Его губы изогнулись в ленивой улыбке, от которой у меня закрутило в животе, а потом его язык мелькнул в уголке рта — крошечный, небрежный жест, но я прекрасно знала, что он означал.

— Осколки небес, — пробормотал Эйден, будто был готов упасть в обморок.

— Кандидаты, — обратился Друстан ко всем. — Вам понравился вкус любимого праздника Дома Огня?

На его вопрос последовали тихие возгласы одобрения и кивки, хотя некоторые поморщились и потёрли виски, будто от этого их головная боль стала только хуже.

— Когда начнётся испытание? — спросила Уна. — Я думала, его объявят прошлой ночью.

— Оно уже прошло, — с усмешкой ответил Друстан.

Всколыхнувшееся в зале негодование было почти комичным.

— Что значит "уже прошло"?

— Мы прошли?

— О, Осколки, меня сейчас вырвет.

Гаррик вскочил, упёршись руками в стол, и метнул в Друстена сердитый взгляд.

— Нам не объяснили правил.

— А что это было за испытание? — Карисса выглядела испуганной. Она обменялась обеспокоенными взглядами с Талфрином, что удивило меня: казалось, два худших исполнителя успели сблизиться, несмотря на первоначальную враждебность. Он тоже выглядел напуганным при мысли о том, что они могли провалить неизвестное испытание.

Я нахмурилась, вспоминая всё, что видела. Что это могло быть за испытание? Никто не делал объявлений…

Но огонь был магическим и дал каждому, кто прыгал через него, чёткий приказ. Испытание было посвящено наслаждению. Если кандидаты не поддались своим самым диким желаниям…

Друстан подтвердил мои подозрения.

— Огонь сказал вам, что делать. Истинный Благородный Фейри ценит удовольствие и инстинкты так же, как всё остальное. Если вы показали огню, что способны взять то, чего хотите, — вы справились.

Это испытание показалось мне на удивление лёгким, особенно в сравнении с тем, через что пришлось пройти мне прошлой ночью. Однако, к моему изумлению, на лицах некоторых кандидатов отразилось недоумение и даже тревога. Талфрин выглядел совершенно убитым, в то время как Карисса вдруг сделалась самодовольной. Вильфрид, мужчина-кандидат от Дома Пустоты, тоже выглядел обеспокоенным, насколько это было возможно для него, обычно столь сдержанного. Но больше всего меня удивила Уна: она сидела неподвижно, а её напряжённые плечи и расширенные глаза ясно выражали тревогу.

Неужели это просто совпадение, что двое из трёх тех, кто провалился, представляли Дом Пустоты? Этот дом, как я слышала, ценил хаос, но каждый фейри из Пустоты, с кем я встречалась, включая Гектора и Каллена, отличался скорее холодной сдержанностью, чем беспорядком. Это не укладывалось в моей голове. Остальные дома я могла описать в двух-трёх словах, но Пустота оставалась загадочной и противоречивой.

Я чуть не хлопнула себя по лбу. Противоречивая и загадочная. Просто другие слова для описания хаоса и тьмы. Возможно, я поняла их куда лучше, чем думала.

— Приятного аппетита, — бросил Друстан и вышел, даже не взглянув в мою сторону.

Я выдохнула, чувствуя, как плечи опускаются от облегчения, едва он скрылся из виду. Мне стоило радоваться, что он не обратил на меня внимания? Или огорчаться? Я понятия не имела, как женщины вообще ведут себя в подобных ситуациях.

Взяв себя в руки, я перевела взгляд обратно на столы. Кандидаты жарко обсуждали, насколько сильно они должны были предаться наслаждению, чтобы доказать себя, и справедливо ли Дом Огня устроил это испытание, не разъяснив правила заранее.

— Полагаю, тебе беспокоиться не о чем, — сказал Гаррик Ларе. — Я видел тебя прошлой ночью. Ты набрасывалась на фейри, как дикое животное… если не сосала их языки.

Эти слова, полные яда, были сказаны с явной целью унизить её.

Лара встретилась со мной взглядом через комнату, а потом подняла подбородок.

— Именно так. И я сделала бы это снова. Завидуешь, Гаррик? Может, ты хочешь, чтобы я ударила и тебя тоже?

Гита и Карисса разразились громким смехом, а Эдрик хлопнул Лару по плечу. Она смотрела Гаррику прямо в глаза, с вызовом, без тени стыда на лице.

Я никогда в жизни не гордилась ею больше, чем в этот момент.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 25

Позднее в тот день я столкнулась с Трианой.

Она шла, согнувшись под тяжестью большого корзины с тканями. Я предложила свою помощь, и, доставив груз в одну из швейных мастерских, спросила:

— Что это? — одновременно проговаривая слова и показывая их жестами.

— Платья из Дома Света, — медленно ответила она, её руки двигались плавно, но упрощённо, как для ученика. Я уже лучше понимала язык жестов, но до уровня Трианы мне было ещё далеко. Когда она говорила с Мод, её пальцы порхали, словно крылья птиц, но для меня она всегда старалась говорить короче и проще. — Леди надевали их один раз. Теперь — тряпки.

— Какое расточительство, — проговорила я, сопровождая слово «расточительство» жестом. Благородные фейри, живущие вечно, делали всё, чтобы избежать скуки, даже если это означало выбросить что-то после одного использования.

Эта мысль заставила меня почувствовать беспокойство. Неужели и Друстан видел во мне не больше, чем мимолётное развлечение? Новую игрушку, способ скрасить вечность?

Я заставила себя прогнать эти сомнения. Что бы ни руководило им той ночью, это уже случилось, и никакие раздумья ничего не изменят.

— Чем ты сейчас занимаешься? — спросила я, стараясь сопровождать жестами хотя бы часть вопроса. Пока что мне приходилось дополнять свои слова речью, но я надеялась, что скоро смогу выражать более сложные мысли.

— Швея. Раньше шила.

Раньше, до того, как она попала в бордель. Её лицо напряглось, едва заметно отразив напряжение. Она казалась счастливее, чем в день нашей первой встречи, но я сомневалась, что её раны, пусть и невидимые, когда-нибудь полностью затянутся.

Это напомнило мне о том, что я давно хотела спросить:

— Прости за вопрос, но ты можешь сказать, где находится королевский бордель?

— Зачем?

— Мне нужно увидеть это место. Может быть, однажды я смогу помочь тем, кто там остался.

— Ты не сможешь, — её пальцы резко двигались, подчёркивая серьёзность слов. — Это опасно.

— Пожалуйста. — Само это место не выходило у меня из головы. Я хотела понять, сколько людей там нуждаются в помощи.

Она вздохнула, прежде чем неохотно ответить руками:

— Спустись по лестнице рядом с кварцевым залом.

Кварцевый зал — популярное место рядом с тронным залом. Логично, что король Осрик предпочёл бы держать свои удовольствия неподалёку. Коридоры там всегда были переполнены Благородными Фейри, что означало, что спуститься по лестнице, не привлекая внимания, будет сложно. Однако теперь, зная примерное местоположение, я могла попробовать добраться до борделя через тоннели.

Я дотронулась пальцами до подбородка и протянула их к ней — жест благодарности.

— Спасибо.

Я помедлила, прежде чем задать ещё один вопрос:

— Как ты себя чувствуешь? — Это был слабый, недостаточно выразительный вопрос, который не мог передать всего, что я хотела узнать. Справилась ли она с пережитым? Возможно ли вообще оправиться после такого?

Меня по-прежнему преследовали кошмары — моя умирающая мать, гибель Ани, страх, охвативший меня во время бегства от Тварей. Всё это заставляло меня чувствовать себя слабой, когда рядом со мной были такие, как Триана, прошедшие через ещё худшее, но при этом продолжавшие жить и работать, словно ничего не случилось.

— Трудно. Но становится легче, — её губы дрогнули в слабой улыбке.

Я обняла её, поражённая её тихой, незаметной, но огромной внутренней силой.

***

Тем вечером я исследовала тоннели неподалеку от тронного зала, пытаясь найти бордель.

Мой желудок сжался от тревоги, но я знала, что должна увидеть это место. С тех пор как моя собственная жизнь оказалась связана с тем, что происходило в постели, я всё чаще вспоминала слова Друстана о Гекторе — о том, что тот предпочитает беззащитных партнёров.

Эта мысль наполняла меня яростью.

Кинжал, крепко обившийся вокруг моего предплечья, будто ощущал мои эмоции. Его голодное шипение отразилось в моей голове. Голодный.

Иногда он пил понемногу из меня, чтобы не умирать от голода, но, очевидно, этого было недостаточно. Всплыла омерзительная, но живая память: Тварь, которую я заколола, попав прямо в глаз. Её кровь жгла мою кожу, как кислота. Но в этом странном видении кровь казалась мне терпкой, пряной, оставляющей в горле горьковатый, почти опьяняющий привкус.

Я оттолкнула от себя этот образ вместе с внезапным жаждущим желанием, которое он породил. Прекрати, — мысленно приказала я. Это была не моя память, а кинжала, смешанная с моей. Меня передёрнуло от радости, которую он испытал во время того акта жестокого насилия.

Тогда накорми меня.

— Ты просто истощаешь всё досуха. Я не хочу убивать никого ещё.

Не буду. Если не будет необходимости. Тогда я умирал с голоду. Если я не голоден, я пью медленно. Беру меньше.

— Ты и так пьёшь из меня всё время.

Только немного. Ты не предлагаешь больше.

Кажется, я действительно никогда не предлагала этого явно. Но ведь и не останавливала его.

— Ты можешь убить меня случайно, — сказала я кинжалу, обнаружив узкую лестницу и начав спускаться вниз.

Связаны. Убить тебя я не могу. И не буду.

Его голод теперь горел в моём собственном животе, отвлекая от задачи, ради которой я здесь оказалась. Я опустилась на ступени, размышляя о том, что делать дальше.

Это была серьёзная проблема. Если я не позволю кинжалу пить больше крови, его голод будет только расти, пока он не вырвется из-под моего контроля. Он мог бы убить

кого-то, просто если случайно столкнётся с человеком. Но если я позволю ему пить слишком много моей крови, это убьёт меня — разве что он действительно говорил правду, утверждая, что не способен этого сделать.

Я не хотела становиться убийцей, но и не могла позволить кинжалу напасть на кого-то из Благородных Фейри. Значит, мне придётся начать давать ему больше крови.

А что, если просто оставить его где-нибудь и уйти? Я ведь не знала о его жажде крови, когда впервые взяла его в руки. Конечно, он помог мне защитить себя, но разве обыкновенный кухонный нож не мог бы справиться с той же задачей?

Его возмущение эхом прокатилось по нашей связи. Я не знала, насколько хорошо он улавливает мои мысли, но он, безусловно, понимал мои намерения. *Связаны,* — повторил он, и металл ещё сильнее обвился вокруг моего предплечья.

Я вздохнула и потерла глаза. Я верила ему. Через нашу странную связь я чувствовала, что кинжалу всегда был нужен хозяин. Его заточение в болоте было для него настоящей пыткой. Он не расстался со своим прежним владельцем по своей воле — и теперь не собирался расставаться со мной.

Она тоже не ушла от меня по своей воле, — внезапно добавил кинжал.

— Кто была твоя последняя хозяйка? — спросила я, неожиданно для себя испытывая любопытство. Но ответа не последовало.

Хватит. Либо я доверяю ему защищать меня, либо нет.

— Ладно, — сказала я вслух.

Кинжал с радостью растёкся вниз по моему предплечью, принимая в моей ладони твёрдую форму. Я посмотрела на его лезвие, глубоко вдохнула и провела лёгкий надрез на своей руке, подальше от крупных вен.

Кровь медленно выступила на коже, но исчезла в лезвии так быстро, словно её никогда и не было. Я почувствовала, как он тянет ещё сильнее, жадно.

— Хватит, — приказала я.

Кинжал нехотя прекратил пить.

Я оторвала полоску ткани от подола своего платья и аккуратно перевязала рану. Когда он вновь принял привычную форму обруча вокруг моего предплечья, мысли вернулись к тому моменту, как я впервые нашла его.

— Как ты выжил в болоте столько времени без крови? — спросила я.

Боль. Пустота. Ожидание. Его ответы были не словами, а размытыми, полусонными впечатлениями, пробуждавшими странное чувство кошмара.

— Чего ты ждал?

Кто-нибудь прикоснулся бы ко мне.

Я. Я поёжилась, осознав, насколько близко подошла к смерти в тот день.

— Почему ты не убил меня, когда я тебя коснулась? Ты же, должно быть, умирал от голода.

Ты спасла меня. К тому же я больше не был связан с хозяйкой. Первая капля крови, что я попробовал после её смерти, связала нас.

— Как умерла твоя хозяйка?

В ответ — только тишина. Но я почувствовала его грусть.

Я смотрела в темноту невидящим взглядом, пытаясь понять, что же это за существо — кинжал, живой, но неживой, голодный, полный ярости и вместе с тем способный чувствовать привязанность к своей давно погибшей хозяйке.

— У тебя есть имя? — вдруг подумала я.

Кайдо.

Многие знаменитые клинки носили грозные названия, вроде «Палача» или «Молнии», но это имя звучало иначе. Личнее. Словно я, наконец, узнала имя загадочного знакомого, имя, что принадлежало ему с рождения, а может быть, и было выбрано им самим.

Внезапная мысль заставила меня замереть, а затем я чуть не ударила себя по лбу от её очевидности.

— Ты можешь пить кровь животных?

Да.

Неужели я ни разу не задумывалась об этом раньше?

— Я достану её на кухни. Свиную или баранью кровь. Тогда ты сможешь питаться регулярно.

Я не ожидала волны благодарности, что излучил Кайдо, и его тихого удовлетворения, когда он скользнул вверх, превратившись в гладкий серебряный обруч, уютно устроившийся в моих волосах. Он был привязан ко мне, я это поняла.

Решение проблемы убийственного кинжала оказалось куда проще, чем я могла предположить. Мне не придётся морить его голодом, увечить себя или позволять ему убивать кого-либо. Я смогу красть кровь животных с кухни, держать его сытым и довольным — и больше не бояться.

Я тихо рассмеялась. Всё казалось таким сложным, что я просто не заметила простого решения. Рана на моей руке наверняка оставит шрам, но он будет напоминанием, что не все трудности нужно решать ценой страданий. Порой ответы на вопросы находятся прямо у нас под носом.

***

Я нашла королевский бордель.

Он прятался за несколькими извилистыми лестницами и лабиринтом туннелей. Ужасные звуки, что доносились оттуда, подтвердили — я пришла по адресу.

Дикие крики удовольствия перемежались жуткими стонами боли. Смех. Вопли. Я сжала кулаки и зажмурила глаза, пытаясь подавить накатывавшие тошноту и страх.

Смотровых отверстий в стенах не было, но рядом стояла лестница, ведущая в узкий лаз. Пол этого прохода был испещрён крошечными отверстиями, сквозь которые можно было заглянуть в комнаты внизу.

Я бесшумно проползла над залами, обставленными атласом, бархатом и шёлком. Внутри стояли огромные кровати, груды подушек и занавеси из алого тюля. Пол переливался чёрно-белым мрамором, а стены были покрыты резьбой, изображавшей фейри, людей и даже Тварей, предававшихся плотским утехам. Некоторые комнаты пустовали, но большинство — нет. Внизу мелькали обнажённые тела, сцены сменяли друг друга, от чувственных до омерзительных.

Триана рассказывала, что не все в борделе короля находились там против своей воли. Некоторые выбрали эту жизнь ради денег или близости, и могли уйти, когда пожелают. Некоторые служили только избранным клиентам и не обязаны были угождать каждому посетителю. Сама идея подобной работы не вызывала у меня отвращения, если она была действительно добровольной.

Но это касалось далеко не всех. Фейри-прислужники нередко оказывались здесь, отрабатывая долги или в качестве наказания за проступки перед Благородными Фейри. А люди вроде Трианы были похищены из-за своей красоты. Их, как и

остальных человеческих слуг, не награждали ничем, кроме еды, одежды и крыши над головой. Они не получали платы, хотя стоили дорого. Существовал определённый тип садистских фейри, находивших наслаждение в причинении боли и злоупотреблении властью. И в любимом борделе короля Осрика этим желаниям, разумеется, угождали без малейшей мысли о морали или приличиях. Ведь в этом и заключался смысл — жертвы должны были страдать.

Тех, кто был здесь против воли, легко было узнать. Ужас и ненависть охватили меня, пока я запоминала лица: и жертв, и Благородных Фейри, что издевались над ними. Если я когда-нибудь встречу одного из этих чудовищ в коридоре наедине, они не переживут эту встречу — на последствия мне будет всё равно.

Кайдо сжался на моём предплечье, отражая моё желание убивать.

Слёзы застилали глаза, пока я пробиралась мимо самых страшных сцен, но я заставила себя идти дальше. Нужно было запомнить расположение комнат и отметить возможные выходы. Триана сказала, что здесь служило около шестидесяти человек, и примерно четверть из них находились здесь против своей воли. Может быть, если мне удастся сбежать, я смогу увести этих пятнадцать с собой. А если Друстан займёт трон, он наверняка их отпустит.

Не все сцены были жестокими или даже сексуальными. Я замерла, поражённая, увидев, как в одной из комнат леди Света, полностью одетая, обнимала улыбающуюся водную нимфу, лежавшую рядом. В другой комнате крылатый фейри-прислужник смеялся и игриво дразнил клиента, получая в ответ поцелуи.

Не все фейри были монстрами. Но слишком многие — да.

Среди тех, кто явно находился здесь не по своей воле, я насчитала семь человек и трёх фейри-прислужников, прежде чем добралась до самой последней, самой роскошной комнаты. Её украсили в белых и фиолетовых тонах, с переливающимся как опал тюлем вместо алого. Я сразу поняла, что это за место. Триана говорила, что король Осрик держит особую комнату для своих «питомцев» — несчастных человеческих женщин, которых он называл своей личной собственностью.

Триана утверждала, что они никогда не задерживались надолго.

На огромной кровати с фиолетовыми простынями стояла на коленях обнажённая женщина. Её руки были закованы за спиной, а голову закрывал плотный чёрный мешок, туго стянутый на шее. Ткань прижималась к её носу и губам с каждым резким, отчаянным вдохом.

Я прижала ладонь ко рту, стараясь подавить тошноту. Ритуальные шрамы покрывали её бледную кожу — руки и спину. Некоторые из них были старыми, но большинство ещё заживало, от светло-розового до багрового оттенка. Эти жестокие узоры напоминали филигрань — красивый орнамент для татуировки, но кошмарный, когда он вырезан на живой плоти.

Дверь открылась. В свете свечей блеснули белоснежные волосы короля Осрика.

— Вот ты где, моя прекрасная любимица, — произнёс он.

Ненависть вспыхнула во мне ярче и злее, чем я когда-либо ощущала с тех пор, как попала в Мистей.

Женщина напряглась при звуке голоса короля.

— Никто больше не назвал бы тебя красивой, конечно, — продолжил он, — но в страдании есть своя изысканная грация, не находишь? — Он рассмеялся, его мелодичный смех резко контрастировал с жестокостью, отпечатавшейся на коже его жертвы.

Из-за пояса он извлек маленький изогнутый нож.

— Начнем.

Он встал на колени на кровати позади нее, медленно проведя ладонью по ее спине, прежде чем погрузить острие ножа в ее предплечье. Она вздрогнула.

Я заставила себя смотреть, как он вырезал на ее коже изящный узор. Кровь струилась из раны, пропитывая пурпурные простыни. Меня подташнивало, но женщина не шевелилась, оставалась на коленях, хотя все ее тело содрогалось, и изредка из горла вырывались жалобные всхлипы. Кожа под металлическими наручами на ее запястьях покраснела и покрылась волдырями.

— Мне больше нравится, когда они умоляют, — сказал Осрик, начиная новый узор. — Слезы, мольбы, крики…

Она не ответила.

Он снова рассмеялся.

— Ты особенная по многим причинам. Никто еще не выдерживал так долго, знаешь? Может, мне даже больше нравится так.

Боль, должно быть, стала невыносимой, потому что, наконец, она задергалась и попыталась отстраниться. Осрик швырнул ее лицом вниз на кровать и вырезал спираль возле лопатки. Едва слышные крики женщины тонули в ткани простыней.

Сколько еще страданий она могла вынести? Сколько крови можно потерять и остаться в живых?

Осрик с улыбкой оглядел свое творение. Затем его рука потянулась к поясу.

Я больше не могла смотреть. Ползком отступила назад, слезы застилали мне глаза, желудок подступал к горлу.

Долго лежала дрожащая в коридоре под тем самым лазом, который вел в ту комнату. Меня вырвало дважды. Я не могла выбросить из головы образ Осрика и его жертвы. Триана сказала, что это было чудовищно, но то, что я увидела, превзошло даже самые страшные представления о жестокости. В мыслях я уже вонзала нож в грудь короля Осрика, прямо в сердце.

Да, — прошипел Кайдо у меня в голове. Он тоже был встревожен. Теперь, когда я утратила страх перед кинжалом, я могла чувствовать за его ненасытной жаждой крови куда более сложные эмоции. Он ненавидел короля, но увиденное в той комнате не пробудило его кровожадности. Я не понимала, почему.

Не так, — ответил мне кинжал.

Я увидела образы битв, врагов, павших от руки. Воспоминания о смертях в открытой схватке. *Никогда — вот так.*

Я заставила себя подняться на ноги. Было поздно, но возвращаться в Дом Земли не хотелось. Не хотелось лежать в постели, вновь и вновь переживая кошмар сегодняшней ночи.

А что, если все еще есть выход? Что, если туннели ведут за пределы Мистей? Пока мне не удалось найти никаких выходов, но я еще не бывала в этой части туннелей. Я могла бы пройти хоть несколько миль, если бы это помогло найти способ спасти тех, кто оказался в этом шелковом плену.

Я шла до тех пор, пока ноги не заболели. Туннель тянулся долго и прямо, с регулярными ответвлениями. Я не сворачивала ни в одно из них, решив исследовать путь в одном направлении настолько далеко, насколько это возможно.

Наконец, я почувствовала перемену в воздухе — резкое покалывание, от которого волосы на моих руках встали дыбом. Кайдо затрепетал в предупреждении, и я остановилась. Здесь что-то было. Или кто-то.

Кинжал укусил меня за руку, и вдруг я увидела впереди сверкающую стену света. Кайдо снова дал мне временное зрение фейри, как на болоте. Я осторожно двинулась к свету, уже понимая, без всякой подсказки кинжала, что передо мной стояло мощное заклинание.

Кайдо послал мне в голову образ: переливающаяся белая завеса, пронизывающая камень и землю вокруг нас, уходящая вдаль, дальше, чем могло охватить воображение. Непроницаемая стена окружала весь Мистей, а не только наземные входы.

Охваченная разочарованием, я отрезала прядь своих волос и бросила ее в заклятие, желая увидеть, что произойдет. Локон зашипел и исчез, превратившись в клуб дыма.

Разочарование сменилось чувством поражения. Глупая надежда — что я могла пройти достаточно далеко, чтобы выйти из Мистей, что в защите короля мог оказаться изъян. Если бы это было возможно, разве не смог бы кто-то из Благородных Фейри сбежать? Разве Друстан не нашел бы выход — если не для себя, то для той дамы, которую он любил?

Он ничего не знал о туннелях, но Ориана знала. Если бы она могла дать своим детям свободу и предотвратить смерть Лео, разве она бы это не сделала?

Мои мечты о свободе тоже обратились в дым. Я заставила себя взглянуть в лицо жестокой правде: я останусь здесь навсегда, служанкой, проведу всю свою жизнь под землей. Я постарею и, в конце концов, умру здесь.

Если только король Осрик не будет свергнут и власть не перейдет в руки кого-то достойного.

В каком-то смысле, смерть моей надежды на побег принесла облегчение — это был один повод для тревоги меньше, одно лишнее бремя, от которого я избавилась. Теперь вся моя ярость, вся моя энергия могли быть направлены на другую цель.

Теперь у меня было только две задачи. Убедиться, что Лара выживет на испытаниях… и помочь Друстану поднять восстание против короля.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 26

Хорошее настроение Лары сохранялось долго после того, как синяки от Испытания Огня исчезли. Следующим было Испытание Земли, как она мне сказала, и она уже знала, в чём оно заключалось.

— Это испытание магии. Нас отправят на поверхность, в лес примерно в часе пути отсюда.

Я удивлённо подняла взгляд от разбросанных передо мной косметических средств.

— Разве охранные чары не остановят вас?

— О, те, что стоят на главном холме над тронным залом? Нет. Большую часть пути мы будем под землёй. Лес тоже окружён чарами, так что выйти за его пределы не получится.

Теперь я лучше понимала, как устроены чары вокруг Мистей. Гигантская магическая чаша охватывала весь город — от поверхности до самых глубоких туннелей, а меньшие круги окутывали каждый выход к вершинам холмов и к лесу, словно грибы, вырастающие на земле. Так никто не мог прорыть туннель наружу и сбежать во время редких событий, происходящих на поверхности.

— И как именно лес вас испытает?

— Нам придётся продержаться неделю без припасов, используя только магию. Это должно быть несложно.

Я скептически посмотрела на Лару.

— Ты когда-нибудь проводила на поверхности больше нескольких часов?

— Нет, но со мной всё будет в порядке.

Стихия Земли даровала контроль над почвой, растениями и водой, что идеально подходило для такого испытания, но у Лары было слишком мало силы. Этого не хватит.

— Ты умеешь добывать себе еду? — спросила я. — Построить укрытие? Как ты согреешься ночью?

Хотя была уже поздняя весна и дни становились теплее, ночи всё равно оставались холодными.

Лара легкомысленно махнула рукой.

— Разведу костёр.

— И как ты это сделаешь?

Она открыла рот, но тут же его закрыла.

— Пока не знаю. Но я могу вызвать воду из-под земли… и, возможно, заставлю лозы вырастить плоды.

В её голосе не было уверенности.

— Остальное придумаю по ходу.

— А если в лесу есть хищники?

— Я сражусь с ними.

— Голыми руками?

— Почему ты такая противная? — вспылила она.

— Она говорит дело, — раздался голос позади нас.

Я не слышала, как вошла Ориана, но теперь она стояла, прислонившись к дверному косяку, скрестив руки и внимательно нас изучая.

Я поспешно сделала реверанс, но Лара лишь нахмурилась.

— Я справлюсь.

— Король только что добавил новое условие к испытанию.

Лицо Орианы, обычно спокойное и невозмутимое, теперь было напряжено.

— Он так может? — возмутилась Лара. — Я думала, испытания определяют Осколки.

— Их основа, да. Но король может добавить… сюрпризы… если пожелает.

По её тону было ясно, что сюрприз неприятный. Мой страх нарастал.

— Он решил, что будет веселее, если участникам разрешат убивать друг друга.

— Что?! — воскликнули мы с Ларой в унисон.

Ориана выглядела мрачно.

— Это не противоречит духу испытаний, ведь некоторые кандидаты могли бы погибнуть и так.

Лара вздрогнула от этих слов.

— Тогда мне лучше держаться подальше от всех. Сделаю… нору или что-то в этом роде.

— Король намерен подстрекать кандидатов охотиться друг на друга, Лара.

Это было очень, очень плохо. Кандидаты Иллюзии пока не могли создавать полноценные иллюзии, но умели сливаться с окружением. Лара могла даже не заметить их приближения. А Гаррик… Он был опасным бойцом и явно невзлюбил её. Что, если он начнёт её преследовать?

Лара побледнела.

— Что же мне делать?

Ориана перевела взгляд на меня.

— Ты умеешь охотиться?

— Да, моя принцесса.

Выживание было необходимым навыком, когда растёшь за пределами деревни, не имея постоянных средств к существованию.

— Ты прошла через болото. Смогла бы продержаться неделю без припасов?

— Да.

Я умела разводить огонь и строить укрытие, знала, какие растения съедобны, и умела добывать чистую воду, выкапывая яму рядом с рекой, чтобы в неё просачивалась вода, а почва служила естественным фильтром.

— Тогда мы воспользуемся тобой, — сказала Ориана. — Мы тайком проведём тебя в лес, и ты проведёшь эту неделю с Ларой.

У меня сжался желудок, а по коже пробежал холодок. Неделя в глуши с избалованной фейри, у которой почти не было навыков выживания, уже звучала как кошмар — и это без учёта того, что нас могли убить в любую минуту.

— А если кто-то из кандидатов увидит меня? — спросила я. — И… подождите, король наложит иллюзию, чтобы за нами наблюдали, как он сделал в болоте?

— Осколок Земли — единственный судья и не допустит посторонних наблюдателей, — ответила Ориана. — К великому неудовольствию короля, конечно. Он хотел видеть каждую смерть в деталях. Что касается других кандидатов, мы замаскируем тебя под древесную нимфу, так что, если тебя кто-то заметит, он просто решит, что ты часть испытания. Но ты должна сделать всё, чтобы оставаться невидимой.

— В этом лесу есть нимфы? — удивлённо спросила Лара.

— Обычно нет, но для испытания король выпустит несколько лесных фейри-прислужников. По его словам, так всё станет реалистичнее, если они будут взаимодействовать с кандидатами или мешать им.

Ориана сжала губы, на мгновение замолчав.

— И там будут Твари. Плотоядные.

— Осколки, — прошептала Лара.

Даже легендарное самообладание Орианы не могло скрыть тревоги. Её брови сдвинулись, когда она посмотрела на нас — на меня и свою единственную дочь.

— Это будет нелегко. Начинайте готовиться.

Когда она ушла, мы с Ларой погрузились в молчание, обдумывая ужасную перспективу недели, проведённой в окружении врагов.

В последующие дни я учила её всему, что знала. В первую очередь, она должна была найти укрытие — либо рядом с источником воды, либо в месте, где сможет вызвать её с помощью магии. Затем укрытие следовало замаскировать, чтобы его не заметили другие кандидаты, так что идея зарыться в землю действительно имела смысл. Маскироваться придётся и самой Ларе — максимально сливаться с окружающей средой. Одежда зелёного и коричневого цветов, а на открытые участки кожи — слой грязи.

С каждым новым пунктом её лицо всё больше кривилось от ужаса.

— Грязью? — пискнула она.

— Она замаскирует твой запах. Некоторые Твари могут почуять тебя.

— Если я буду покрыта грязью, меня точно почуют.

Мы составили план. Я займусь охотой, а Лара будет искать воду и растения с помощью магии. Конечно, я проверю, съедобны ли эти растения. Поскольку ни одна из нас не жаждала сражаться, мы решили прятаться на протяжении всего испытания, а не пытаться доказать свою силу перед другими кандидатами. Удовлетворять кровожадные капризы Осрика было не той целью, ради которой стоило рисковать жизнью.

План был вполне разумным… но почему у меня было стойкое ощущение, что всё пойдёт совсем не так?

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 27

Я снова пришла в бордель за неделю до испытания Земли.

Я не хотела возвращаться туда, но разговор, случайно подслушанный за обедом, заставил меня изменить своё решение. Друстан беседовал с лордом Света — высоким, стройным фейри с тёмными волосами и синими глазами, которого я смутно припоминала с первого обеда в начале испытаний.

— Там есть одна восхитительно гибкая девочка, Лотар, — заметил Друстан, даже не удосужившись понизить голос несмотря на то, что я стояла всего в нескольких шагах в ряду слуг. — Тебе стоит её попробовать.

Моё тело обдало жаром — смесью боли и глухой, жгучей ярости. О ком ещё он мог говорить, если не обо мне?

— Звучит заманчиво, — ответил Лотар. — Я присоединюсь к тебе сегодня вечером.

Вот почему сейчас я лежала в узком пространстве под потолком борделя, ожидая появления Друстана.

Гнев пылал во мне весь день, и Кайдо, свернувшийся вокруг моей руки, вторил ему своей яростью. Как Друстан мог осуждать привычки Гектора, а сам при этом ходить в бордель? Да, многие женщины сюда приходили по своей воле, но даже если Друстан выбрал одну из таких, говорить об этом так пренебрежительно, в моём присутствии — это было больно. А если он выбрал одну из других…

Нет. Он не мог. Я бы почувствовала, если бы он оказался таким чудовищем.

И всё же гадкое сомнение шептало мне, зарождая в голове зловещие мысли. А что, если, попробовав меня, он лишь ощутил вкус запретного, и теперь делает следующий шаг — позволяя себе брать всё, что хочет, без границ и ограничений?

Кайдо загудел, посылая мне образы — сверкающий металл, разрезающий плоть, и густую, влажную струю крови.

— Нужно ждать, — шепнула я ему. — Сначала увидеть правду.

Я не знала, зачем мне это было нужно. Возможно, чтобы убедить себя, что Друстан не стоит той тоски, которую я вложила в мысли о нём, той тоски, что не угасла даже за ревностью и яростью. Если он сделает это — пусть даже его спутница будет согласна, — я заполню пустоту, что стонала по нему, ненавистью.

Я старалась не обращать внимания на звуки и картины, что доносились снизу, и ползала в темноте часами, пока наконец не увидела его. Друстан вошёл в одну из комнат вместе с Лотаром, улыбаясь. Человек, проводивший их, почтительно склонился и вышел.

На двери вспыхнула оранжевая защитная руна.

— Это скоро должно произойти, — без предисловий сказал Друстан.

— Согласен, — кивнул Лотар. — Но когда? Осрик хорошо охраняем.

Шок ударил меня, словно молот. Они пришли сюда вовсе не за плотскими утехами — они обсуждали восстание! Я почувствовала, как гнев растекается по телу, уступая место головокружительному облегчению. План был гениален. Друстану нужно было встречаться с заговорщиками где-то, и кто бы мог заподозрить, что заговор замышляется именно в борделе? Тем более, если Друстан появлялся здесь в сопровождении представителя Дома Света.

Наконец, ещё одна загадка обрела ответ. Я вспомнила двух фейри в светлых одеждах, с которыми Друстан встречался в библиотеке. Тогда я не могла поверить, что у него могут быть союзники среди Света, но вот же оно — доказательство. Имя Лотара звучало знакомо… Кто же он? И кто был третьим, тем вторым заговорщиком в библиотеке?

— После испытаний, — сказал Друстан. — Когда мы узнаем, кто из кандидатов победит. Они молоды, их можно склонить на нашу сторону.

— Логично.

Они действительно собирались это сделать. Моё сердце стучало так громко, что я удивлялась, почему они его не слышат.

— Я скажу Далайде, — добавил Друстан.

Я затаила дыхание. Королеве Тварей? Он воспользовался информацией, которую я ему дала, и решил привлечь её на свою сторону? Или их союз был заключён давно? Это объясняло бы, откуда у него появился тот самый шрам на лице, когда он вышел из нижних уровней — Твари славились своими когтями.

Сеть заговоров, плетённая Друстаном, была куда обширнее, чем я думала.

— Ты уверен, что ей можно доверять?

— Она ненавидит Осрика. Она жаждет его смерти, а Твари — единственные, кто может это сделать.

Я нахмурилась. Их слова не имели смысла. Почему Твари способны причинить вред Осрику? Даже если бы им разрешили посещать уровни Благородных Фейри, защитные руны были обновлены во время весеннего равноденствия. В Мистей никто не мог ранить короля — ни принц, ни человек, служащий дому.

Кроме…

Я резко втянула воздух, осознавая правду.

Защитный барьер в тронном зале был создан на крови Земли, Огня, Пустоты, Света и Иллюзии. Но Твари больше не принадлежали ни к одному из этих Домов. Когда-то давно они присягнули Дому Крови, но с тех пор не осталось ни одного главы, кто мог бы поддерживать защитные чары.

Друстан задумал использовать Тварей — этих жутких, забытых, изгнанных существ, которых Благородные Фейри верхних уровней сочли не более чем ночными кошмарами и страшными сказками, — чтобы убить короля.

Это было гениально.

— Тогда мои солдаты прикроют правый фланг, — сказал Лотар. — Ты всё ещё хочешь сделать это в тронном зале? Он единственный, кто сможет использовать там магию, так что нам придётся сражаться только мечами.

— Именно поэтому это лучшее место. Он не будет этого ожидать, а его воины также останутся без магии.

Я вспомнила, как Элоди объясняла мне, когда я расспрашивала её о защите короля. Заклятие охраняло его безопасность по всей Мистей, но в самом тронном зале существовал дополнительный запрет на магию четырёх остальных Домов. Этот зал был сердцем его империи, и Осрик хотел, чтобы его власть там была абсолютной.

Теперь Друстан собирался обратить его гордыню против него самого. Такой хитрый, такой смелый… и такой безрассудно опасный.

— Нам нужно продумать, как незаметно провести наши силы, — сказал Лотар.

— У нас есть время. — Друстан внимательно посмотрел на него. — Ты, скорее всего, будешь ближе всего к Роланду.

Лотар презрительно скривил губы:

— Думаешь, я струшу?

— Я обязан учитывать все возможные исходы.

— Я сделаю всё, чтобы убрать моего брата с трона.

Лотар был младшим братом принца Света. Эта проклятая придворная игра никогда не перестанет меня удивлять своей паутиной предательств и тёмных интриг? Теперь я вспомнила, где уже слышала его имя — когда Маркас и Карисса обсуждали заявления Гаррика о том, что он новый наследник Дома Света.

И всё же я понимала, почему Лотар хочет свергнуть Осрика. Если бы Друстан взошёл на трон Мистей, Лотар мог бы стать принцем Света и фаворитом нового короля — при условии, что убьёт Роланда раньше, чем Гаррик будет объявлен наследником.

Меня тревожило, что именно эта мысль пришла мне в голову первой, а не то, что Лотар делает это ради всеобщего блага. Я всё больше начинала думать, как фейри.

— Хорошо, — сказал Друстан. — Обсудим передвижение войск. И дай мне знать, если Гвенира узнает что-то ещё от своих любопытных шептунов. — Он нахмурился. — Нам нужно встретиться снова в ближайшее время. Гектор проявляет интерес к некоторым из моих людей, и мне не нравится, насколько Каллен сблизился с делегацией Эльсмера.

— Одна игра, много игроков, — заметил Лотар. — Намерения Гектора очевидны, а вот Кален остаётся загадкой. Он тянется к Эльсмеру ради своего брата или ради Осрика?

Друстан хмыкнул:

— Он прежде всего слуга короля.

Я почувствовала укол вины. Именно я рассказала Каллену о смене власти в Эльсмере. Если он ищет их поддержки для Осрика, в этом была и моя вина.

— И всё же, — продолжил Лотар. — Если Пустота заручится поддержкой посторонних, их не будут сдерживать защитные чары. И если они доберутся до Осрика первыми…

— Не переживай об этом слишком сильно, — спокойно сказал Друстан. — Эльсмер вернётся в полном составе только к Самайну. К тому времени мы уже сделаем свой ход.

Моё сердце билось так быстро, что я едва могла дышать. Восстание перестало быть лишь слухами — оно становилось реальностью. Теперь мне оставалось понять, как именно я могла помочь.

Совещание подошло к концу, и я начала медленно пятиться назад. Подол моего платья зацепился за камень, и я рефлекторно дёрнула ногой. Сапог скользнул по каменной поверхности, издав едва слышный звук.

— Что это было? — насторожился Лотар.

Внизу повисла напряжённая тишина. Я затаила дыхание, не смея даже пошевелиться.

— Наверное, крыса на потолке, — произнёс Друстан, но в его голосе звучало сомнение. — Мне сказали, что эта комната абсолютно безопасна, и ничего не должно проникнуть сквозь защиту на двери.

Кроме потолка, который он, к счастью, не удосужился зачаровать.

Я выждала ещё долгое время после их ухода, слишком напуганная, чтобы двигаться. Только убедившись, что комната действительно пуста, я выбралась наружу.

***

— Кенна.

Я спешила в человеческие кварталы, чтобы забрать доставку ткани для Дома Земли, но, услышав оклик, замерла. Сердце болезненно сжалось.

Друстан стоял позади меня, непривычно мрачный.

Щёки вспыхнули жаром. Мы не обменялись ни единым словом с той ночи, но дело было не только в неловкости или желаниях. Меня охватил страх — страх, что он догадался: крыса на потолке — это была я.

Я присела в реверансе.

— Принц Друстан.

— У меня послание для леди Лары. — Он кивнул, приглашая следовать за ним.

Мы пришли в ту самую комнату возле Дома Огня, где впервые поцеловались. Как только дверь закрылась, стены, пол и потолок окутал мерцающий оранжевый свет.

Он резко развернулся, сжав мои плечи в сильных пальцах. Я вскрикнула, захваченная врасплох его неожиданной яростью.

— Ты подслушивала, — обвинил он.

Я замотала головой.

— Я… я не…

— Не лги мне. — Он встряхнул меня. — Я почувствовал твой запах прошлой ночью.

— П-почувствовал мой запах?

— В борделе. От тебя всегда пахнет медовой жимолостью. Сначала я подумал, что это совпадение. Но ты подслушивала, не так ли?

Предана собственным пристрастием к косметике. Я раскрыла рот, чтобы возразить, но он снова встряхнул меня.

— Ты мне нравишься, Кенна. Но это вопрос жизни и смерти — не только для меня, но и для тысяч фейри и людей. — Его голос опустился до угрожающего рычания. — Подумай очень хорошо, прежде чем соврать мне снова.

Я не могла дышать. Это был тот самый человек, с которым я провела ночь… и он угрожал мне.

Я заставила себя глубоко вдохнуть, цепляясь за логику. Я знала Друстана всего несколько месяцев. Осрик правил восемь веков, погружая Мистей в тиранию, а теперь появился первый настоящий шанс его свергнуть. Конечно, дело Друстана было важнее меня.

— Да, я была там, — призналась я.

Он разжал пальцы и провёл ладонью по лицу, прерывисто выдохнув.

— Как?

Я не могла рассказать ему о туннелях.

— Я… следила за тобой.

— Зачем?

— Услышала, как ты говорил за обедом. — Я ненавидела, как ревниво это прозвучало… так же, как ненавидела, что тогда действительно ревновала. — Я не могла поверить, что ты ходишь в бордель после всего, что говорил про Гектора и его жестокость.

— Кенна, ты убьёшь себя, если продолжишь так безрассудно поступать. — Он зашагал по комнате, а я с трудом удержалась, чтобы не напомнить: единственная

угроза для меня сейчас — он сам. — Как ты слышала? Эти комнаты защищены от звука, а дверь я зачаровал.

Это был сложный момент.

— В стенах есть ходы… ещё с давних времён.

Друстан выругался.

— Конечно. Какой-то древний правитель хотел шпионить за своими подданными. — Его глаза впились в меня, острые, проницательные. Он оценивал, правду ли я говорю. — Откуда ты узнала о них?

— Услышала слух.

Он рассмеялся — смех вышел сухим, почти жестоким.

— От кого ты это услышала?

— От Тварей. Я снова спускалась к ним, чтобы поговорить.

Это была ложь, но что ещё я могла сказать? Если бы Благородные Фейри знали о потайных тоннелях, Друстана схватили бы задолго до этого.

— Зачем ты туда вернулась?

Я постаралась выглядеть раскаявшейся.

— Мне не следовало этого делать, но я всё ещё пыталась узнать больше о испытании дома Крови. В прошлый раз кое-кто из Тварей выглядел сочувствующим, и я подумала, что, если держаться подальше от дворца Далайды…

Он не выглядел убеждённым.

— И они просто так рассказали тебе о проходах?

— Они знают многое о том, что происходит на верхних уровнях, и я спросила, откуда. Они сказали, что по всему Мистей есть пустотелые стены, где можно спрятаться и подслушивать. — Достаточно близко к истине, чтобы звучать убедительно, но достаточно далеко, чтобы не выдать Дом Земли. — Их любимое место для подслушивания — бордель. Они рассказали мне, где находится вход.

Друстан выругался и запустил руки в волосы.

— Больше никаких встреч в этом месте. Далайда, вероятно, уже знает куда больше, чем надо.

Я не хотела, чтобы она разрушила историю, которую пыталась выстроить, поэтому уклончиво добавила:

— Не уверена. Те, с кем я говорила, не особенно ей сочувствовали. Не все Твари едины.

— Конечно, не едины. — Он скривился. — Крысы и чудовища, грызущие друг друга в борьбе за выживание.

Друстан устало опёрся на стол и изучающе посмотрел на меня.

— Что же мне с тобой делать, Кенна?

— Позволь мне помочь.

Я опустилась на колени, сцепив пальцы у груди. Подчинённая поза вызывала у меня раздражение, но мне нужно было, чтобы он понял: я на его стороне, я никогда не предам его дело.

— Я не знала, что у тебя там была встреча. Я просто…

— Просто что?

Я ненавидела даже мысль о том, что сейчас скажу, но ещё сильнее ненавидела стоять перед ним на коленях.

— Ревновала.

Он тяжело вздохнул и, обхватив мои руки ладонями, поднял меня на ноги.

— Ревность — слишком человеческое чувство, Кенна.

Я поморщилась.

— Я знаю.

Повисла тишина. Я задержала дыхание, боясь, какие слова вот-вот будут произнесены.

Наконец, напряжённость в его лице исчезла, уступив место выражению, которое я узнавала.

— Признаюсь, — сказал он, — будь наши роли поменяны, мне тоже не понравилась бы мысль, что ты идёшь к другому.

Сердце замерло, а затем дрогнуло.

— Правда?

Он провёл пальцами по моей щеке, и я наклонилась к его ладони.

— Мне пришлось принять много тяжёлых решений за эти годы. Угрожать тем, кому не хотел угрожать. Заключать сделки, которых никогда не хотел. Всё, что я делаю, — ради лучшего будущего для всех в Мистей. Для людей и фейри. Ты веришь мне?

Я кивнула.

— Я не могу позволить себе отвлекаться на собственные желания. Но когда я смотрю на тебя… — Он выдохнул. — Осколки, Кенна, ты засела у меня под кожей. Это опасно. Для нас обоих.

Нас разделяли считанные сантиметры. Я приподняла голову, прикрыв глаза, ощущая, как его горячее дыхание касается моих губ.

— Мне всё равно.

Он натянуто улыбнулся.

— Иногда мне тоже. И именно поэтому это опасно.

— Вот почему ты не говорил со мной с Бельтейна?

— Ты тоже не говорила со мной.

Обвинение было нелепым.

— Потому что я слуга. У меня нет причин заговаривать с тобой первой.

— Ты делаешь столько вещей, которых тебе не следует делать, Кенна. Почему бы не добавить это в список?

Он был прав. Щёки загорелись, когда в памяти всплыли некоторые из этих вещей. Я сделала шаг назад, но его руки сжались крепче, не давая мне уйти.

— О чём ты думаешь? — спросил он.

— Ни о чём.

— Лгунья.

Я глубоко вдохнула, собираясь с духом. Об этом рано или поздно пришлось бы поговорить.

— Бельтейн.

Его пальцы сжались на моих плечах, и жар, исходивший от него, стал почти нестерпимым.

— Я не переставал думать о Бельтейне с того самого момента.

— Это было… приятно, — выдавила я.

— Приятно? — Его брови взлетели вверх. — Ты, конечно, знаешь, как подбодрить.

— Больше, чем приятно.

Он рассмеялся.

— Это было нечто. Потрясающе. Непереносимо. Дико. Первобытно. Можно подобрать тысячу слов, которые описали бы это лучше, чем «приятно».

— Мне понравилось.

Я вспыхнула, чувствуя, как жар заполняет меня изнутри. Или это была его магия, охватывающая меня, сжигающая дотла?

Он зарычал и поднял меня на руки. Я ахнула, когда он прижал меня к стене, прижимая к себе.

— Я заставлю тебя признать, насколько это было хорошо.

Его руки подняли юбки, и я тут же обвила ногами его талию. Когда его напряжённое тело прижалось к моей промежности, я не сдержала стона.

— И как же ты это сделаешь? — выдохнула я.

В ответ он лишь толкнулся в меня бёдрами. Я зажмурилась от наслаждения, выгибаясь к нему, вцепившись в его плечи, двигаясь в унисон с ним.

— Вот так... — Голос его хрипел. — Твоя страсть — это нечто невероятное.

Я открыла глаза. Он смотрел на меня с благоговением. Неужели фейри настолько пресытились, что забыли, как теряться в подобном? Для меня же всё это было новым, незнакомым — и я хотела ещё.

Я запустила пальцы в его волосы, крепко удерживая его на месте, и впилась в его губы, с жадностью вторгаясь языком в его рот. Он застыл на мгновение, поражённый, а затем ответил с таким же жаром. Его поцелуи были стремительными, как пляшущий в темноте огонь, а его тело прижимало меня к стене, не оставляя пространства, между нами.

Я ахнула, когда он оторвался от моих губ и впился зубами в мою шею. Его язык скользнул по моей коже, пробуя меня на вкус, а затем он сомкнул зубы на передней части моего горла — словно он был волк, а я его добыча.

Я хотела быть его добычей.

Он развернулся, неся меня через всю комнату к дивану и бросил, прежде чем я успела сесть. Опустившись, он задрал мои юбки до талии, срывая с меня нижнее белье, прежде чем прильнуть губами ко мне, горячей и мокрой.

Я вскрикнула, и защитные чары зарябили, когда звук ударил в них. К тому времени как он ввел в меня палец, я была более чем готова принять его, но сначала мне хотелось кое-что сделать.

Я оттолкнула его от себя. Он упал обратно на колени, с недоумением наблюдая, когда я с трудом поднялась и опустилась на пол лицом к нему. — Встань, — приказала я.

Его дыхание участилось, когда он повиновался. Я расстегнула брюки, стянула их до щиколоток и сняла с него нижнее белье. Его член предстал передо мной, толстый и красивый. По бокам извивались вены, а головка блестела от жидкости.

Я наклонилась и взяла его в рот.

Он вскрикнул, откинув голову назад, а его руки вцепились в мои волосы. Его кожа была солоноватой на вкус, запах экзотических специй, которыми он обычно пах, концентрировался в этом тайном месте. Я лизала и сосала, восполняя то, чего я не знала о технике, с необузданным энтузиазмом. Его бедра дернулись, и он вцепился в мои волосы так, словно я была единственной опорой в кружащемся мире. — Стой, — выдохнул он.

Я неохотно отстранилась, лизнув его в последний раз, прежде чем подняться.

Лицо Друстана было диким от похоти. Он оскалил зубы и схватил меня, толкнув так, что я перегнулась через край дивана. Он задрал мои юбки, а затем зашел сзади и раздвинул мои ноги.

Я вцепилась в подушку, пока его руки поднимались по моим ногам. Когда два его пальца вошли в меня, я застонала, выгибаясь назад. — Ты готова.

Я кивнула, тяжело дыша.

— В этот раз нет противозачаточного огня, - сказал он, нажимая пальцами на потайную точку, отчего я издала возбужденный стон.

Это было то, о чем я думала после Бельтайна. Я мечтала снова трахнуть Друстана, но не была уверена, хочу ли я детей сейчас или когда-либо, а Мистей, конечно, не то место, где можно рисковать родить смешанного ребенка от человека и фейри. Я с трудом подбирала слова, пока он продолжал меня гладить. — Есть… особый чай. Чтобы предотвратить это. — Эйдан - он всегда был в восторге от такого развития событий - рассказал мне об этом варианте, который был распространен в Мистее, а Мод, к счастью, знала, как его заваривать. Она подняла бровь, но не стала задавать вопросов о том, зачем мне это вдруг понадобилось, а просто вложила мне в руку пачку трав с указанием заваривать чай в одно и то же время каждое утро.

Друстан хмыкнул — Хорошо. Но я буду осторожен.

Он убрал пальцы. На одно мучительное мгновение я ничего не почувствовала, а затем широкая головка его члена вошла в меня, заполняя меня резким толчком.

Я заглушила свой крик рукой, укусив от удовольствия.

Он не остановился, чтобы дать мне привыкнуть, а резко и быстро вошел в меня, схватив мои бедра. Я принимала его с жадностью, даже когда он вошел так глубоко, что это было почти больно. В этот момент я принадлежала ему.

Он наклонился надо мной, сцепив руки у моей головы, когда его ритм увеличился. Вскоре он уже безжалостно входил в меня, и мои крики удовольствия больше не могли сдерживаться рукой.

Друстан резко отстранился. Я вздрогнула, затем ахнула, когда его пальцы сильно сжали мой клитор. Я содрогнулась, и в моих глазах взорвались миллиард звезд.

Я облокотилась на край дивана, не в силах пошевелиться даже для того, чтобы поправить одежду или посмотреть ему в глаза. Его неровное дыхание было громким в тишине. Когда я наконец подняла щеку с подушки, то увидела, что он лежит на ковре, а его ошарашенные глаза устремлены в потолок. Он кончил в руку.

Мои ноги подкосились, когда я опустилась на пол рядом с ним.

— Видишь? — сказал он неровным голосом. — Более чем хорошо.

Я хихикнула и зарылась лицом в его бок. — Я не уверена. Может, тебе стоит попробовать убедить меня еще раз?

***

Мы с Друстаном оставались в той комнате несколько часов. Но в конце концов нам пришлось уйти.

Я дрожащими пальцами пыталась застегнуть пуговицы на платье.

— Дай мне, — Друстан перехватил мою руку и взялся за дело сам, хотя его пальцы дрожали ничуть не меньше. Он выглядел потрёпанным: обычно гладкие волосы спутались и падали на плечи, кожа лоснилась от пота. Его тонкая белая рубашка была порвана, а одна из пуговиц на брюках оторвана.

Я была не в лучшем виде. Платье, к счастью, осталось целым, но на нём виднелись следы пота, а волосы превратились в спутанный клубок. Я осторожно коснулась их, содрогнувшись при мысли о том, сколько времени уйдёт на их расчёсывание.

Но это того стоило.

Когда мы наконец привели себя в порядок, мы просто стояли и смотрели друг на друга. В его взгляде всё ещё читалось какое-то ошеломлённое изумление, и вдруг мне стало до смешного весело. Я прижала ладонь ко рту, с трудом сдерживая смешок.

— Что тебя так развеселило? — прищурился он.

— Честно? Понятия не имею.

Он покачал головой, уголки его губ дрогнули в улыбке.

— Кажется, я понял.

— Что именно?

— Почему с тобой всё по-другому.

Я замерла. Друстан жил века, а я… всего два десятилетия. Сколько женщин было у него за эти годы?

— Почему? — выдавила я.

— Ты заставляешь меня снова чувствовать себя молодым.

Я сглотнула. Иногда было так легко забыть, насколько он древний. Его лицо не имело ни единой морщины, взгляд оставался ярким, а тело — сильным и выносливым. Но сейчас… Сейчас я чувствовала пропасть, между нами.

Я не знала, что ответить, поэтому просто смотрела на него, запоминая каждую деталь.

Друстан усмехнулся:

— Пойдём, тебе пора возвращаться в Дом Земли.

Я шагнула к двери, но он вдруг остановил меня:

— Подожди. Ты сказала, что хочешь помочь. Больше, чем сейчас, я так понимаю?

Я кивнула. В самом деле, разве можно назвать помощью то, что я сплю с ним и изредка делюсь мелкими наблюдениями?

Его взгляд стал серьёзным.

— Теперь ты знаешь всё. Я бы хотел, чтобы это было не так, но уже не могу взять свои слова обратно. А это значит, что если ты поможешь, то станешь частью заговора. — Его серые глаза потемнели. — Если мы проиграем, тебя ждёт та же расплата, что и нас.

Я знала. И знала, что худшая судьба — это остаться здесь, в этом жестоком дворе, служанкой при короле Осрике.

— Я готова, — тихо ответила я.

Друстан колебался, но в конце концов кивнул.

— У нас есть весь Дом Огня и примерно четверть Дома Света. У нас есть Даллаида и Твари, которыми она управляет, но она известна своей непредсказуемостью и действует только в своих интересах. А у Осрика — весь Дом Иллюзий, большая часть Дома Света и лояльность всех, кто боится ему перечить. Его охраняют защитные чары. Он один из самых могущественных фейри, когда-либо рождённых, и у него армия, прославившаяся своей жестокостью. Даже со всеми, кого мы смогли привлечь на свою сторону, это неравный бой.

В таком изложении ситуация звучала куда менее обнадёживающее, чем мне казалось.

— Что я могу сделать?

Друстан посмотрел на меня долгим, испытующим взглядом.

— Мне нужны союзники. В частности, мне нужен Дом Земли.

Я покачала головой:

— Они нейтральны. Это не изменится.

— Исторически нейтральны, — поправил Друстан. — Но это не значит, что так должно быть всегда. У тебя есть доступ к принцессе Ориане и леди Ларе, и я знаю, что их не устраивает нынешний порядок. Всё уже готово — осталось лишь переубедить Ориану.

— Как мне вообще объяснить принцессе Ориане, что я работаю с тобой? Она воспримет это как предательство.

— Не начинай с Орианы. И не рассказывай никому прямо о том, что ты делаешь. Но попробуй выяснить, готова ли Лара рассмотреть возможность перемен. Если да — дальше я разберусь сам.

— Я попробую, — пообещала я. Ради него. — А что насчёт Дома Пустоты?

Друстан поморщился:

— Гектор хочет трон и, по слухам, готовит собственный переворот, хотя как он собирается удержать власть без союзников внутри, я не представляю. Я надеюсь, что его всё же можно переубедить, но пока считаю всех в Доме Пустоты врагами, пока не доказано обратное.

Враги повсюду. Я задумалась о том, что ждёт Дом Земли, если мне удастся втянуть их в этот конфликт.

— Что именно произошло с Домом Крови после последнего восстания?

Тень пробежала по лицу Друстана — отголосок былых трагедий.

— Думаю, ты и так уже знаешь достаточно, — сказал он наконец. — Но, Кенна, это нельзя повторять. Никогда. Здесь мы в безопасности, под защитой моих чар, но в любом другом месте одно лишь упоминание об этом поставило бы твою жизнь под угрозу.

Я кивнула, подтверждая, что поняла.

— Дом Крови владел тайнами плоти, — произнёс он. — Они были и воинами, и целителями. Безжалостными, неумолимыми, но превыше всего они ценили силу и правду. В этом они были полной противоположностью Дома Иллюзий — Иллюзии ткут ложь и грёзы, а Кровь дорожила тем, что реально и осязаемо. Конечно, это означало, что они презирали друг друга.

— Целители? — удивилась я. — Я думала, с таким названием они просто кровожадные убийцы.

— Когда Осрик взошёл на трон, никто не попытался его остановить. Он ещё не показал своего истинного лица, а по силе превосходил всех остальных фейри. Лишь когда он начал казнить несогласных, стало ясно, кто он есть на самом деле. Только три дома осмелились выступить против него: Пустота, Огонь и Кровь. Они объединились, и началась гражданская война.

Я слушала, затаив дыхание. Наконец-то мне открывалась правда о самой большой загадке Мистей — о доме, о котором было запрещено говорить.

— Тогда Осрик ещё был уязвим. Он не знал, как наложить охранные чары, которые ты видела в ночь весеннего равноденствия, и ещё не заточил всех под землёй, хотя большинство фейри и так жили в Мистей. Поэтому у восстания был шанс на победу. Всё началось с убийств и мелких стычек, затем переросло в крупные сражения, а в итоге армии сошлись в последней битве глубоко под землёй.

— Под землёй?

— Есть огромная пещера — настолько просторная, что с одного конца не видно другого. — Его ладонь скользнула по воздуху, будто рисуя перед собой этот образ. —

Война зашла в тупик, и обе стороны решили поставить всё на одну битву. Свет и Иллюзия против Огня, Крови и Пустоты. Дом Земли, как всегда, воздержался.

— Иллюзия победила, — тихо сказала я.

— Да. — Его рука опустилась. — Несмотря на численное преимущество, несмотря на продуманную стратегию, Осрик оказался слишком жесток, а его иллюзии — слишком обманчивы. Он не знал пощады. Даже убивал детей, чтобы сбить фейри с толку и сломить их боевой дух. В конце концов мы проиграли.

Он не был свидетелем тех событий, но говорил так, словно сам стоял среди павших.

— Твоя семья сражалась в той битве.

— Да.

— Как им удалось выжить? Почему Осрик не казнил их всех?

— Осрик так же умен, как и жесток, — с горечью сказал Друстан. — Он хотел, чтобы Мистей оставался могущественным перед лицом внешних угроз, и понимал, что дома нуждаются в сильном правителе, чтобы предотвратить новые мятежи. Поэтому он дал каждому главе дома выбор: принести клятву вечной верности — или наблюдать, как их дома будут уничтожены. Лидеры Огня и Пустоты покорились, обменяв честь на благополучие своих семей и подданных. Принцесса Корделия из Дома Крови — нет.

— Она пожертвовала всеми своими людьми? — Я едва осознавала, что говорю. Одна только мысль об этом ужасала. В Доме Земли жили тысячи, включая слуг и союзников.

— Думаю, она просто не верила, что Осрик способен довести угрозу до конца. Но в любом случае весь Дом Крови поддержал её. Они предпочли погибнуть, но сохранить честь. — Друстан покачал головой. — Осрик позволил принцессе вернуться домой, прекрасно понимая, что она попытается спасти свой народ. Когда они покинули дом через тайный ход, о котором, как им казалось, знали только знатные семьи Крови, их уже ждали. Принцессу убили, когда она пыталась перевести своих детей через болото в смертные земли. Затем Осрик прорвался через чёрный ход и перебил всех, кто отказался склонить перед ним голову.

Это была бойня, масштабы которой я даже не могла представить.

— Кто-нибудь подчинился ему?

— Конечно, Твари. — Губы Друстана скривились в мрачной усмешке. — Дом Крови держали их при себе, как диких зверей, но равными им никогда не считали. Они не собирались умирать за ошибку принцессы. Осрик заставил их поклясться в верности, а затем сослал в подземелья, чтобы никогда их не видеть. А после запретил кому-либо упоминать о преступлениях Дома Крови. Если бы кто-то услышал наш разговор, нас обоих тут же казнили бы.

Казнь — просто за то, что говоришь правду. Осрик убил не только принцессу и её наследников. Он вырезал всех слуг, всех фейри-прислужников, даже младенцев, которые были слишком малы, чтобы понять, что происходит. За одну ночь он уничтожил шестую часть населения Мистей.

— Если ты хочешь знать, способен ли он повторить это, — тихо сказал Друстан, — ответ — да.

— Значит, Дом Земли тоже может быть уничтожен.

Перед глазами тут же всплыла картина: Лара и Селвин с перерезанными глотками. Элоди, пронзённая мечом. Дети Земли, лежащие грудой, кровь их впитывается в воды родников и рек.

— Да. Я не стану тебе лгать. Но альтернатива — оставить всё, как есть. А вскоре всё может стать ещё хуже. Ходят слухи, что Осрик ищет способ проникнуть на территорию каждого дома. Тогда ему просто повезло с тайным выходом Дома Крови, но теперь он хочет иметь возможность свободно входить куда угодно. Насылать шпионов, следить за недовольными. Если это произойдёт, в Мистей не останется ни одного безопасного места.

Ставки этой войны были невообразимыми. Сколько жизней висело на волоске… но скольких ещё можно было бы спасти, если бы этот мятеж состоялся?

Я вспомнила бордель, людей с вырванными языками, публичные казни, заколдованные выходы, украденных младенцев, потому что определённая любовь считалась непозволительной. Люди продолжат умирать. Они проживут всю жизнь в страхе, под землёй, а их потомки никогда не узнают, что могло быть иначе.

Дом Земли — не мой, не мне решать его судьбу. Но это не означало, что его судьба не могла быть решена.

Я сглотнула, подавляя тревогу, и кивнула:

— Я поговорю с Ларой.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 28

Мне снилась Аня.

Она смеялась надо мной, её волосы сверкали на солнце, словно редкий металл, а улыбка была настолько заразительной, что я тоже не смогла удержаться от смеха.

Но когда я проснулась посреди ночи, в воздухе всё ещё звучал её голос.

Нет. Не смех. Плач.

Я тихонько постучала в дверь Лары, прежде чем войти.

Она сидела в постели, торопливо вытирая слёзы.

— Что случилось? — спросила я мягко.

Она всхлипнула.

— Мне страшно.

Как далеко мы зашли, если теперь она могла признаться в этом без колебаний. Я села рядом и провела рукой по её волосам.

— Из-за испытания?

— Я не хочу, чтобы на меня охотились. Что, если они найдут меня? Что, если Гаррик убьёт меня?

— Я не позволю.

— Но даже если я выживу… что, если я окажусь недостаточно хороша, и Осколки решат, что я недостойна? Я не хочу терять свою силу. Я не хочу умирать.

Её голос сорвался.

— Ты не умрёшь, — сказала я. — Ты справляешься с испытаниями. И принцесса Ориана всё равно бы любила тебя, даже если бы ты утратила свою силу.

Лара покачала головой, и кончик её длинной косы шурша скользнул по простыням.

— Ты не понимаешь. Благородные Фейри ненавидят слабость. Никого из тех, кто терял силу, никогда не принимали обратно.

— Правда? — Я содрогнулась. — Как жестоко… Но твоя мать не такая, как остальные. Она не настолько жестока.

— Может быть. Я не знаю. — Лара вздохнула. — Я хочу прогуляться. Пойдёшь со мной?

Я кивнула, накинула плащ поверх ночной рубашки и сунула ноги в тёплые тапочки.

Лара повела меня по коридору, но, вместо того чтобы спуститься по лестнице, надавила на небольшой узел в деревянной панели. Скрытая дверь скользнула в сторону, открывая узкую лестницу. Как только за нами закрылась панель, нас окутала кромешная тьма. Я следовала за ней, ведя ладонью по холодному камню стены.

Вскоре сверху пробился слабый свет, и я увидела, как Лара остановилась перед гладким, стеклянным потолком.

— Держись рядом, — предупредила она, касаясь поверхности.

Потолок беззвучно разъехался в стороны, обнажая ещё несколько ступеней. Они были влажными, как и гладкие стены, которых я коснулась рукой, — граница воды, такая же, как в коридоре, ведущем в дом.

— Любой из Дома Земли может сюда подняться? — спросила я.

— Нет, только семья правителей и те, кого мы сами впустим. Магия знает.

Мы поднялись к поверхности озера, где лестница заканчивалась рядом с плоскими камнями, образующими дорожку к крошечному острову, усыпанному деревьями.

У Дома Земли был тайный выход — как и у Дома Крови.

Меня пробрал озноб при мысли, что король Осрик мог бы однажды найти сюда путь.

На острове мы сели на траву и взглянули вверх. Луна светила ярко, почти полной, а звёзды сверкали, словно осколки льда и хрусталя. Никакая магия фейри не могла заменить настоящее ночное небо.

— Я прихожу сюда, когда мне грустно, — сказала Лара. — Селвин тоже. Ориана запретила нам это делать, но иногда иначе нельзя.

— Ты часто приходишь?

— Нет. Если бы я приходила чаще… Не знаю. — Она взяла небольшой камень и бросила в озеро, наблюдая за расходящимися кругами. — Боюсь, что это место перестанет быть особенным. Или станет настолько важным для меня, что я уже не смогу терпеть жизнь под землёй.

— Думаю, я понимаю.

Для меня болото было таким же убежищем. Я использовала каждую возможность, чтобы пройтись по его скрытым тропам. Там я чувствовала себя свободной, не связанной жестокой реальностью за его пределами. Болото привело меня в Мистей — и забрало Аню. Но таков был ход вещей. Можно любить что-то и всё равно испытывать боль от этой любви.

Я рассказала Ларе о болоте: о насыщенном, влажном запахе земли, о мягкости торфяного мха под босыми ногами, о дорогих мне, но на первый взгляд ничем не примечательных вещах, поднятых со дна его тёмных вод.

Она взглянула на меня с сочувствием.

— Мне жаль, что ты потеряла свою коллекцию.

У меня защипало глаза.

— Спасибо.

Из всего, что я утратила, это казалось самым незначительным, но я всё равно скучала.

Ночь, шёпот ветра, уединённость — всё это словно приглашало к откровенности. Может быть, если бы Мистей изменился, Лара могла бы приходить сюда, не боясь, что свобода сделает её жизнь под землёй ещё невыносимее.

— Ты когда-нибудь желала, чтобы всё было иначе? — спросила я.

Лара рассмеялась.

— Постоянно. Не могу дождаться, когда испытания закончатся.

— Не так… — Я прикусила губу. — Я имею в виду… по-настоящему иначе.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты никогда не желала, чтобы границы были открыты? Или чтобы правителем стал кто-то другой?

Слова были опасными, балансируя на грани измены, но Лара была моей подругой. Да и какой прок от меня в восстании, если я не готова рисковать собой?

Она огляделась, будто проверяя, не подслушивает ли кто-нибудь, а затем понизила голос:

— Не говори так.

— Здесь никого нет. Мне просто любопытно. А что, если бы существовал лучший Мистей? Такой, где все свободны и счастливы?

Она фыркнула:

— Ты говоришь, как Селвин.

— Правда?

— Он вечно твердит о том, как хочет всё изменить. — Лара сорвала травинку и расколола её ногтем. — Честно говоря, это меня тревожит. Если он заговорит об этом за пределами Дома Земли, долго не проживёт.

В её бесстрастном тоне было что-то болезненное.

— Так не должно быть, — тихо сказала я. — Люди должны иметь право говорить, что думают.

— Ты не понимаешь.

— Понимаю. Или, по крайней мере, вижу, как это выглядит для вас. Но что, если Дом Земли перестал бы хранить нейтралитет? Что, если бы вы начали бороться за себя?

Лара резко прижала ладонь к моему рту.

— Тсс!

В её глазах мелькнул испуг.

— Мы на территории Земли, но всё равно… Никогда, слышишь, никогда больше не говори этого вслух.

Только когда она осторожно убрала руку, будто боялась, что я тут же начну выкрикивать слова измены на всю округу, я снова заговорила:

— Помоги мне понять. Почему этот нейтралитет так важен?

— Сила Дома Земли всегда была в его беспристрастности. Мы были советниками королей и королев, судьями в спорах. Нас уважали.

— Но теперь всё не так.

Лара смяла травинку в пальцах.

— Нет. Но если мы останемся нейтральными, пусть другие и насмехаются над нами… Мы переживём их всех.

Может быть, их нейтралитет был необходимостью. А может, они просто боялись занять сторону, которая окажется неправильной в глазах истории.

Как бы то ни было, это выглядело трусостью.

Но я не сказала этого вслух. Сегодня я не стала бы больше давить на неё.

— Спасибо, что рассказала мне, — сказала я. — Мне ещё так много нужно понять о вашем мире.

Мы сменили тему. Говорили о детстве, о мечтах, о людях, которых знали.

Когда спустя несколько часов мы поднялись, чтобы вернуться, Лара протянула мне сжатую ладонь:

— Вот, возьми.

В мою ладонь упало что-то маленькое.

Я разжала пальцы и увидела пуговицу с её домашнего халата — изумрудное дерево с золотым стволом.

Ворсинка разорванной нити торчала сбоку.

— Ты за что-то зацепилась? — спросила я.

Лара улыбнулась — светло, радостно, как луна в небе.

— Это для тебя.

Я посмотрела на неё в недоумении.

— Не понимаю…

— Это первый предмет в твоей новой коллекции.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 29

По мере того, как приближалось Испытание Земли, меня всё больше тревожило ощущение, что время ускользает сквозь пальцы. Я давно не передавала Каллену никакой информации. Более того, с того самого пикника, когда он спас меня от Гаррика и Маркаса, я не сказала ему ни слова и старалась держаться как можно дальше.

Воспоминания о той встрече до сих пор сбивали с толку. Почему я обрушила на него весь свой гнев? Почему не смогла сдержаться? Он был опасен. Он мог бы убить меня за дерзость… и всё же не сделал этого.

Я гадала, случится ли это когда-нибудь в будущем, когда моя полезность в качестве шпионки иссякнет.

Я не хотела, чтобы Каллен снова искал меня и жаловался на недостаток информации, поэтому накануне испытания отправилась в Дом Крови. Ожидая в тёмном вестибюле, я вспоминала слова Друстана. Пустая комната больше не казалась зловещей. В застывшем воздухе чувствовалась лишь скорбь.

Когда-то в этих стенах смеялись семьи, здесь росли дети, бегали и играли, как и в Доме Земли. Фейри, жившие здесь, были не только воинами — среди них были и целители.

Название и тайны, окутывающие это место, заставляли меня ожидать чего-то куда более мрачного. В воображении я рисовала логово убийц, пьющих кровь невинных, подпитывающих свою магию человеческими жертвами. Но реальность оказалась совсем иной: жители Дома Крови были гордыми, честными, и они предпочли смерть покорности тирану.

Это напомнило мне, как сильно я ошибалась в Кайдо. Я приняла его жажду крови за зло, но на деле это была всего лишь глубоко укоренившаяся голодная боль. Он не мог изменить свою природу. Но теперь, когда я начала регулярно поить его кровью животных, его жажда насилия почти исчезла.

В Мистей мало что было таким, каким казалось на первый взгляд. Дом Крови оказался столь же благородным, сколь Дом Иллюзий был прогнившим. Мой кинжал научился сдерживаться. Принц-фейри мог желать смертную. Даже Лара оказалась куда сложнее, чем я думала.

Кайдо дрогнул на моём предплечье, предупреждая о приближении постороннего.

Ещё один фейри, который был не тем, кем казался. Беспощадный Месть Короля, который пощадил простую смертную.

Каллен скользнул в вестибюль — стремительная тень, которую я, не ожидая, могла бы и не заметить.

— Удивлён, что ты пришла, — сказал он, наложив мерцающее обсидиановое заклятие на вход.

— Я стараюсь быть хорошей шпионкой. — Я шагнула ближе, жалея, что не могу разглядеть его лица. — Тебе, наверное, приятно осознавать, что ты видишь в темноте, а я нет?

Он вздохнул.

— Зажги факел.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Этот уголок Мистей с наступлением ночи погружался во мрак: настенные факелы едва тлели, и я заранее позаботилась о своём — небольшой, незажжённый, он был зажат на поясе. Разумеется, Каллен это заметил. Он, кажется, замечал во мне всё.

— Тебя не беспокоит, что кто-то узнает, что мы здесь?

— Никто не подойдёт ближе, чем я позволю. Я наложил теневые заклятья в коридоре. Как только их пересекут, я узнаю.

У него было слишком много странных способностей, и наверняка те, о которых я знала, составляли лишь малую их часть.

Я зажгла факел и подняла его. Пламя очертило резкие углы его лица, высветив выражение, которое меня удивило: Каллен не казался таким бесстрастным, как обычно. Он выглядел усталым.

— Ну? — напомнил он. — Что такого важного, что ты вытащила меня из дома посреди ночи?

— Это не совсем ночь.

— Я жду.

Я вздохнула.

— Я хотела, чтобы ты знал: я пытаюсь добыть информацию, но пока мне не везёт. Единственное, что я услышала о возможных волнениях — это слух, что Дом Пустоты планирует восстание.

Я тщательно отрепетировала ложь, чтобы она звучала естественно. У меня было две цели: выполнить свою часть сделки с Калленом, не выдав заговор Друстана, и разузнать хоть что-то о планах Пустоты.

— Кто тебе это сказал? — Когда я не ответила сразу, его губы изогнулись в полуулыбке. — Друстан, конечно же. Я знаю, что вы двое слишком часто разговариваете.

Я проигнорировала его намёк.

— Это правда?

— Он рассказал тебе что-то ещё?

Я раздражённо выдохнула.

— Немного о старом восстании. Раньше Дома Огня и Пустоты были союзниками. Что изменилось?

Сначала я подумала, что он вообще не ответит.

— Всё сложно, — сказал он наконец. — С тех пор прошло пятьсот лет, и альянсы меняются. К тому же я служу королю. Огонь играет в верность, но на самом деле они этого не чувствуют.

— Зачем ты ему служишь? — спросила я, искренне любопытствуя. — Твой брат почти не появляется при дворе.

Каллен пристально вгляделся в меня, словно пытаясь разглядеть мои истинные мысли.

— Меня никто об этом не спрашивает. Да и о Гекторе тоже. Все боятся.

— Или ты просто скучный, — пробормотала я, а в следующий миг захотела дать себе пощёчину. Почему я продолжала провоцировать его?

К моему удивлению, он рассмеялся — сухо, натянуто, словно давно этого не делал.

— Меня так же никто не дразнит. Они боятся, что может сделать пёс короля.

Я опустила взгляд, вспомнив, как назвала его.

— Прости, что сказала это. — Извинение было хотя бы наполовину искренним. Я действительно жалела, что подвергла себя опасности, разозлив его. — Я была зла на ситуацию.

— Мне триста с лишним лет, — сказал он с лёгкой насмешкой. — Я всю жизнь собираю секреты. Думаю, я понимаю, почему люди срываются.

Я подняла взгляд, удивлённая его странной мягкостью. Сегодня я собиралась успокоить его и завоевать благосклонность, но в нём, казалось, вообще не было гнева. Опять я заметила в его лице тень усталости, лёгкую печаль. Что-то тревожило Каллена, но спрашивать об этом я не осмелилась.

— Так как ты начал служить королю?

Долгая пауза.

— Это было частью цены за выживание моего дома.

— Что ты имеешь в виду?

— После восстания из всей нашей семьи выжил только мой отец, — сказал он. — Его супруга, его дети… никого не осталось. В конце концов он склонился перед королём, и за это его пощадили. Но для короля этого было мало.

Лёгкий холодок пробежал по моей спине. Королю Осрику никогда не бывает достаточно.

— Он взял новую супругу, и вскоре после войны родился Гектор, наследник. А потом родился я. И король настоял, чтобы я служил ему. Это должно было гарантировать лояльность Дома Пустоты.

— Значит, ты был скорее заложником, чем добровольцем, — пробормотала я. — Ты хоть получаешь от этого удовольствие?

Каллен снова усмехнулся, его улыбка была едва заметной.

— А кто-нибудь здесь вообще чему-то радуется?

— Значит, ты лоялен королю? — спросила я.

Его улыбка стала шире.

— Ты очень настойчива. Я служу своему королю и люблю свой Дом, как и должен каждый хороший фейри. Почему тебя так интересует этот вопрос?

Потому что меня интересовало всё, а Каллен становился всё более странной загадкой.

— Я просто пытаюсь понять, как всё связано между собой. Почему ты спрашиваешь меня о Друстане, если слухи о мятеже касаются Дома Пустоты? Я не смогу определить, какая информация тебе наиболее полезна, если не буду знать твоих мотивов.

— Удобная логика. Однако я никогда не просил приносить только ту информацию, которую ты сочтёшь полезной. Я просил рассказывать мне всё. Так что, что ещё у тебя есть?

Я судорожно пыталась найти что-нибудь, что можно было бы добавить.

— Дом Земли намерен оставаться нейтральным, — сказала я. Неудивительно. — Насколько мне известно, они не осведомлены ни о каком волнении.

— Значит, Дом Земли всё ещё нейтрален, Дом Пустоты, по слухам, готовит заговор против короля, а ты теперь лучше знаешь историю Мистей. Это всё?

В его устах моя информация звучала совсем незначительно, и я неуверенно кивнула.

Он чуть наклонил голову.

— Благодарю, что пришла, как только посчитала, что тебе есть что сказать. Мои интересы остаются прежними. Продолжай следить за действиями Друстана, включая тех, с кем он встречается. Рассказывай мне обо всём, что узнаешь, даже если это кажется несущественным. Слушай внимательно, если услышишь хоть намёк на беспорядки.

Он ушёл, а я осталась в тёмной прихожей, размышляя над нашей встречей. Он… поблагодарил меня?

Я ожидала напряжённого разговора, вспышки гнева, но, похоже, моя инициатива успокоила его. Или же он просто был в дурном настроении в наши прошлые встречи.

Но была ещё одна возможность. Те у кого есть шпионы должны знать множество способов заставить свои источники говорить. Возможно, он проверял, как я реагирую на разные методы. Он уже понял, что моё любопытство относительно Мистей требовало хотя бы небольшой подпитки, что объясняло его готовность отвечать на некоторые вопросы. А теперь его вежливость лишила меня возможности сказать что-то колкое. Не то чтобы я планировала дерзить, но иногда мой характер брал верх.

Его меланхоличный, почти мягкий тон вызывал во мне больше беспокойства, чем его обычная холодность. Жестокий фейри — это понятно. Разгневанный — тоже. Я знала, чего они хотят и на что способны, чтобы этого добиться.

Но Кален… Он оказался сложнее. От его скорби по подменышу до того, как он спас меня от Гаррика, а теперь — его почти учтивое поведение. Последнее, чего мне хотелось, — чтобы один из самых запутанных моих врагов становился ещё сложнее… или, что хуже, вызывал сочувствие.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 30

Лара отправилась на испытание Земли незадолго до рассвета.

Я не могла последовать за ней — никто не имел права видеть, куда уходят кандидаты. Место проведения держали в секрете, чтобы предотвратить жульничество; всё, что знали участники, — им предстояло провести неделю под открытым небом. Правила они узнают уже в лесу. Выжить в течение семи дней, используя магию. Охота на других кандидатов поощрялась. И впервые за всю историю испытаний убийство соперников было разрешено.

Лара наверняка постарается уйти как можно дальше, замаскирует запах, обмазавшись грязью, и найдёт убежище. Я отправлюсь за ней ночью и найду её, используя тот же сигнал трели, что и в лабиринте.

А пока мне оставался целый день тревожных размышлений о том, как она справляется.

Ближе к вечеру в мои приготовления неожиданно вмешалась принцесса Ориана. Она уселась в моё кресло и молча наблюдала за тем, как я перебираю одежду в гардеробе.

Я скривилась, увидев наряд древесной нимфы.

— Нет.

— Тебе нужно слиться с окружением, — спокойно сказала Ориана.

— С должным уважением, моя принцесса, но это точно не тот способ. — Этот «костюм», если его вообще можно было так назвать, представлял собой жалкую, оборванную юбку и два куска ткани, прикрывающих грудь. Это выглядело ещё хуже, чем мой наряд на Бельтайн. — Я умру от холода ещё до того, как смогу помочь Ларе.

Она тяжело вздохнула:

— Люди такие хрупкие.

— Можно ли надеть что-то вроде того, что на Ларе? — Коричнево-зелёные штаны с пятнистым узором, подходящая по цвету рубашка с длинными рукавами, прочные ботинки и меховой плащ для тепла. — Если вымазать лицо грязью, а в волосы вплести ветки и листья, я, вероятно, сойду за какую-нибудь Тварь.

Её оценивающий взгляд сказал мне, что она вполне представляет себе такую картину — и, кажется, находит её слишком правдоподобной.

— Хорошо. Но запомни: если тебя разоблачат, ты умрёшь, не успев покинуть этот лес.

По спине пробежал холодок.

— Я понимаю, моя принцесса.

Ориана удалилась, а я в молчании закончила приготовления.

Элоди пришла за мной незадолго до заката. Я только что съела плотный ужин, прекрасно понимая, что он может оказаться последним за долгое время. Водная нимфа провела меня через катакомбы, и лишь спустя час мы остановились перед простой лестницей, ведущей прямо в лес.

После короткого прощального объятия она исчезла.

Лестница заканчивалась внутри полого дерева. Я затаилась, прислушиваясь к звукам снаружи, но слышала только шёпот ветра. Осторожно открыла дверь в стволе и выбралась в погружённый в темноту лес.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Элоди говорила, что неподалёку течёт ручей. Я уловила слабый звук журчания и вскоре нашла тонкую, ледяную струю воды — едва ли шире моей ладони. Опустилась на колени и стала выгребать в ладони грязь с берега, содрогаясь от холода, когда размазывала её по лицу, рукам, одежде и волосам. Потом увенчала мокрые липкие пряди листьями и веточками и поспешно двинулась вглубь леса, время от времени издавая трель, надеясь, что Лара рядом.

Задача казалась невыполнимой. Она обещала идти на восток, но могло пройти несколько часов, прежде чем я окажусь в пределах слышимости. За это время меня могли найти любые монстры. Кандидаты тоже не спали, высматривая подозрительные движения. Если меня заметят, могут убить на месте — даже не разобравшись, кто я и что мне нужно.

Я шла долго, сверяясь со звёздами в редких просветах кроны, чтобы убедиться, что держу правильный курс. Однажды что-то зашипело в кустах, но стихло, когда я прошла мимо. В другой раз впереди послышались голоса — два кандидата о чём-то совещались. Я вжалась в ствол дерева, затаив дыхание, пока Гаррик и Маркас не прошли в каких-то десяти шагах от меня.

— Начнём завтра, — пробормотал Гаррик, и они скрылись в темноте.

Я и так знала, что начнётся завтра. Они явно заключили союз и собирались устранить соперников. Лара, как одна из самых успешных участниц, была у них в приоритете.

Спустя долгие часы в ночи, наконец, раздался слабый ответ на мой зов.

Луна висела высоко над головой, небо стало густым, бархатно чёрным, и я была так утомлена, что готова рухнуть в первый же попавшийся куст.

Я, пошатываясь двинулась на звук, снова подала сигнал и вскоре услышала ответ — на этот раз намного ближе.

Когда я, наконец, нашла Лару, то едва не наступила на неё.

— Кенна.

Её шёпот заставил меня замереть. Под ногами что-то шевельнулось, земля подалась, и вдруг вверх поднялась потайная дверца, открывая мне верхнюю часть её лица.

Я быстро протиснулась в тесное укрытие рядом с ней. Оно было вырыто под поваленным деревом — не выше нескольких футов, но достаточно широкое, чтобы в нём могли лежать двое. Когда Лара закрыла люк, темнота стала полной.

— Нет огня? — прошептала я.

— Н-нет. — Её зубы стучали. — Я раньше пыталась его разжечь, но не смогла.

Было слишком поздно, слишком темно, чтобы пытаться исправить это сейчас.

— Разберёмся утром.

Мы прижались друг к другу в попытке согреться.

Сначала было странно ощущать чужое тепло так близко, но вскоре мне стало всё равно.

Теперь, когда я перестала двигаться, холод стал почти невыносимым. Мы объединили наши плащи в одно подобие одеяла и держались друг за друга, как сёстры, пока я наконец не провалилась в тревожный сон.

***

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Я проснулась с первыми лучами солнца, хотя в нашем убежище не было ни малейшего просвета. Тело привыкло к такому распорядку, и стоило мне лишь приподнять крышку люка, как я увидела, что лес окутан нежным золотом нового утра.

Зная, что на рассвете выходят на охоту и звери, я отправилась в лес добывать пищу. Кайдо принял свою любимую форму — смертоносного кинжала, и его предвкушение охоты слилось с моим, пока сердце бешено билось в такт вибрациям, исходившим от рукояти. Было странно и в то же время приятно вновь оказаться в дикой природе, полагаясь только на себя.

Я двигалась осторожно, почти не поднимаясь с земли. Плащ остался в укрытии — и чтобы согревать Лару, и чтобы лишняя ткань не мешала мне. В запачканной грязью одежде я сливалась с окружением. Кусочки засохшей глины осыпались с меня при каждом шаге — позже придется обновить маскировку.

Впереди, в небольшом просвете между деревьями, дрейфовали два светящихся зелёных огонька.

Я замерла за деревом, наблюдая. Они были похожи на пикси, хотя из-за их маленького размера и свечения рассмотреть детали было трудно. Пикси не представляли угрозы, но я не собиралась рисковать.

Шорох в зарослях привлёк их внимание. Одна из крохотных фигурок устремилась вниз, и спустя мгновение пронзительный писк возвестил о гибели какого-то мелкого зверька. Вторая тут же последовала за первой, и когда они взмыли обратно в воздух, между ними безвольно болтался мертвый кролик.

Когда они пролетали мимо, я разглядела их лица. У них были такие же утончённые черты лиц, как у пикси, но рты… Рты представляли собой огромные зияющие пасти, занимавшие всю нижнюю половину лица. Кровь стекала по заострённым, словно иглы, зубам и длинным когтям. Их тела были покрыты чешуей, а крылья напоминали крылья летучей мыши, с когтями на кончиках.

Значит, это были не фейри прислужники, а Твари — неведомая, но явно кровожадная разновидность пикси, которая, вероятно, в мгновение ока могла бы перегрызть мне горло. Я правильно сделала, что спряталась.

Дождавшись, пока они исчезнут, я осторожно вышла в просвет. Где есть одна добыча, там могут быть и другие, и вскоре я обнаружила признаки звериных троп — утоптанную землю, сломанные веточки, клочки меха, застрявшие в кустах. Я затаилась и стала ждать.

Терпение окупилось — спустя время появился ещё один кролик. Он нервно шевелил носом, обнюхивая листья и траву.

Я метнулась вперёд, и алые капли брызнули на листву.

Этого хватит нам на день, а оставлять Лару одну дольше было рискованно, поэтому я поспешила обратно. По пути заметила импа — небольшое существо с заострёнными ушами и оленьими рогами, копавшееся в земле в поисках грибов. Фейри прислужники вроде него были отпущены в лес, чтобы вредить кандидатам. Импы славились своей склонностью к воровству, а значит, нам придётся тщательно прятать вещи. Я затаилась в кустах и выждала, пока это существо, набив себе руки добычей, не скроется.

Лара шевельнулась, когда я подняла крышку люка. Он был сделан искусно: переплетённые прутья, обмазанные землёй, образовывали прочную, почти незаметную крышку для убежища, которое она выкопала в земле.

— Хорошее укрытие, — сказала я, заглядывая внутрь. Я ощупывала его стенки ночью, но только сейчас заметила в дальнем углу небольшое озерцо воды. Должно быть, она вызвала его из-под земли.

Лара посмотрела на меня красноречивым взглядом. Она не стала размазывать грязь по лицу, как я, но на её щеке виднелось небрежное пятно земли.

— Это отвратительно.

— Всё скоро закончится. Давай позавтракаем.

С её помощью развести костёр оказалось куда легче. Она избавила меня от долгих раскопок, просто создав два отверстия в земле: одно побольше для огня, другое поменьше рядом, чтобы обеспечивать тягу. Так пламя получало кислород и не гасло, несмотря на слой почвы. Я зажгла огонь с помощью техники, которой меня научила мать, высверливая искру вручную.

Я вспомнила её тёплую улыбку, натруженные руки, мягкий голос, когда она объясняла мне основы выживания и делилась знаниями о травах. Наверное, она бы сочла это испытание великой честью — её единственный ребёнок, выбранный, чтобы служить Благородным Фейри.

— О чём ты думаешь? — спросила Лара.

Я вздрогнула. Всё это время бессмысленно вглядывалась в языки пламени.

— О матери. Когда я была маленькой, она учила меня разводить костёр.

Лара кивнула и больше ничего не сказала, за что я была ей благодарна.

Я быстро освежевала кролика и насадила его на палку. Лара, наблюдая за мной, заметно побледнела. Но вскоре мы уже ели сочное, горячее мясо.

— Это вкусно, — удивлённо заметила она. Сок стекал по её подбородку, и она поморщилась, вытирая его. — И в то же время отвратительно.

— Мне нравится есть то, что я сама добыла. Оно кажется вкуснее, когда понимаешь, сколько усилий потребовалось, чтобы его достать.

— Я стараюсь не думать о том, каким милым оно было до того, как ты его убила.

— Ну уж нет. Ты ведь постоянно ешь мясо.

— Да, но обычно я не вижу, через что оно проходит, прежде чем оказывается у меня на тарелке.

Я озадаченно взглянула на неё.

— Ты никогда не бывала на кухнях?

— Нет. Ориана не хочет, чтобы мы слишком сближались с фейри прислужниками.

Типичная высокомерная прихоть Благородных Фейри.

— Селвин иногда наведывается туда.

— Ну, конечно. Уверена, он чувствует себя ужасно великодушным, посещая слуг.

— Он довольно справедлив.

— Легко быть сторонником равенства, когда сам остаёшься в привилегированном положении. Интересно, понравился бы ему мир, в котором все действительно равны.

Она чертила на земле узоры: кролик, огонь, две маленькие фигурки.

— Лео был таким же.

Она редко говорила о старшем брате.

— Он хотел равенства?

— В целом, да. Но при этом не собирался отказываться от своего титула. Он мечтал использовать своё влияние, чтобы улучшить жизнь всех, объединить дома, отменить человеческое рабство.

А потом он влюбился в девушку из другого рода и поставил всё на карту.

— Жаль, что ты его не встретила.

— Все говорят, каким он был смелым и благородным. Он стал бы прекрасным принцем.

Теперь наследницей была она.

— Ты станешь прекрасной принцессой.

Лара покачала головой.

— Нам лучше вернуться внутрь. Не хочу, чтобы нас заметили.

Мы явно подошли к грани её терпения, обсуждая семью и будущее. Я не винила её. Чувствовала то же самое, когда речь заходила о моих собственных трагедиях. Меня тоже преследовал голос в ночи — злобный шёпот, твердящий, что я настолько никчёмна, что даже отец бросил меня, настолько бесполезна, что не годилась даже в слуги, настолько неприятна, что у меня был всего один друг… друг, которого я не смогла спасти.

Мы оставили несколько тлеющих угольков, чтобы в следующий раз легче было разжечь огонь, а затем снова забрались в наше укрытие под землёй и стали ждать.

Мы ждали днями. Такова была наша стратегия — скрываться от более жестоких претендентов, добывать еду и воду с помощью магии Лары и моих охотничьих навыков и продержаться до конца недели невредимыми.

Я не ожидала, насколько мучительно скучным окажется это ожидание. На второй день мы уже огрызались друг на друга, на третий наши откровенные разговоры превратились в споры, на четвёртый мы почти не разговаривали.

На пятый день пропал вертел, на котором мы жарили кролика, вместе с половиной самой туши — добычей какого-то импа, которого Лара заметила, когда тот поспешно уносил украденное. Мы яростно, но шёпотом, препирались, кто должен был лучше следить за провизией.

На шестой день я не могла вынести даже мысли о том, чтобы провести ещё хоть одну минуту в этой вонючей яме с ней.

— Я на охоту, — бросила я.

— Ты уже охотилась утром.

— Мне всё равно. Пойду ещё раз.

— Только не попадайся никому на глаза, — крикнула она мне вслед.

Я подавила желание показать ей неприличный жест. Будто я не понимаю, в каком положении мы находимся.

Вместо охоты я ушла исследовать окрестности, забравшись дальше, чем осмеливалась прежде.

Слои вонючей грязи покрывали меня так плотно, что моя кожа напоминала кору дерева. Всё тело невыносимо зудело, и я злилась на Лару ещё больше за то, что она отказалась так же тщательно замаскироваться.

Впереди раздались голоса.

Я мгновенно пригнулась, прячась в зарослях. Это снова были Маркас и Гаррик, они шептались между собой. Когда они вышли из тени, у меня сжалось сердце.

Оба были забрызганы кровью.

— Не могу дождаться, когда увижу лицо Гектора, — злобно ухмыльнулся Гаррик. — Обязательно всем скажу, что это дело рук Дома Света.

— И Иллюзий, — недовольно вставил Маркас.

— Ты помог, но последний удар нанёс я.

Их голоса затихли, а вскоре они скрылись из виду. Я осталась лежать в укрытии, сердце гулко колотилось в груди.

Кого они убили?

Вариантов было немного: либо Уна, либо Уилфрид.

Я знала Уилфрида плохо — он всегда держался особняком, но казался приятным. А вот Уну я уважала. К тому же я заметила, что она пыталась помешать Маркасу и Гаррику напасть на меня.

Неужели Гаррик решил отомстить?

Я осторожно пошла по их следу, надеясь, что, возможно, ещё не поздно помочь.

Но вскоре стало ясно, что я уже ничем не могу помочь.

Уилфрид лежал посреди поляны в огромной луже крови, его застывший взгляд был устремлён в небо. Из его живота торчала сломанная ветка. Им же его и закололи, причём, судя по рваной ране, Гаррик намеренно двигал острие, разрывая плоть.

Я согнулась пополам, едва сдерживая рвотный позыв.

Жуткая смерть.

Синяки и порезы на его лице и руках говорили о том, что убийство не было быстрым. Он сопротивлялся.

Пить.

Я отпрянула от внезапного приказа Кайдо.

— Нет.

Мысль об этом вызывала отвращение. Кровь ещё не остыла, а кинжал уже жаждал насытиться ею, как хищная птица.

Он не почувствует.

Кайдо становился всё более нетерпеливым, ведь за последние дни ему доставалась лишь кровь кроликов и белок.

— Мне всё равно. Это неправильно.

Голод.

— Потерпи ещё день, — процедила я сквозь зубы. — Завтра добуду тебе кровь животного.

Жажда кинжала зудела у меня в голове. Может, мне стоило позволить ему насытиться, но я нашла для себя границу, которую не собиралась переступать. Одно дело — пить кровь врага в бою. Совсем другое — осквернять мёртвое тело.

Я хотела похоронить Уилфрида. Или хотя бы сжечь его, сделать хоть что-то, чтобы облегчить глухую боль утраты и ярость, кипящую в груди.

Я почти не знала его, но он не заслуживал такой смерти.

В конце концов я оставила его там, под открытым небом. Пусть другие фейри увидят, что с ним сделали. Пусть знают, как он погиб и кто виновен в этой жестокости.

Некоторые сочтут это проявлением силы. Но, возможно, кто-то возмутится.

Что будет теперь с союзом Пустоты с Домами Света и Иллюзий? Отомстит ли Гектор? На чьей стороне окажется Каллен, если король одобрит убийство?

Я ушла с поляны, но, увидев, где тропа Гаррика и Маркаса расходится с моей, замерла в нерешительности.

Где они сейчас? На кого охотятся?

Мысль о том, что я просто сяду в укрытие, пока они выберут себе новую жертву, была невыносима.

Я пошла по их следу, двигаясь так же осторожно, как любой хищник в лесу.

Может быть, мне удастся кого-то предупредить.

Я почти прошла мимо их лагеря.

Маркас ещё не умел создавать сложные иллюзии или делать вещи невидимыми, но он мог их замаскировать. Их укрытие так гармонично сливалось с окружающим лесом, что мне пришлось несколько раз моргнуть, прежде чем я поняла, почему деревья в этом месте выглядели странно.

Вокруг было тихо, но у костра ещё поднимался дым. Рядом с ним валялся кристалл, который Гаррик, скорее всего, использовал для фокусировки своей магии света, превращая её в палящий луч.

Меня охватила жажда разрушения.

Я схватила наполовину сгоревшее полено из костра и сунула его под стену укрытия.

Пламя охотно принялось за добычу, облизывая ветки и кору, пока сок в древесине потрескивал и шипел.

Никто не выбежал с криками.

Огонь весело пожирал хижину, пока та не превратилась в пепел и тлеющие угли.

Надеюсь, их припасы были там.

Если их не было в убежище, значит, они снова вышли на охоту.

А что, если они найдут Лару?

Маркас мог наслать на нее иллюзию. А Гаррик был неуязвим к её магии.

В схватке они одолели бы её без труда.

С каждым шагом я двигалась быстрее.

Когда я услышала, как Лара закричала, я уже почти добралась до лагеря.

***

Я заставила себя замедлиться, приглушить шаги, чтобы подкрасться к нашему лагерю бесшумно. Если я действительно хотела помочь ей, мне был нужен эффект неожиданности.

Лара стояла в центре небольшой поляны, размахивая горящей веткой, словно дубиной. Напротив нее, переглядываясь с насмешкой, стояли Гаррик и Маркас.

— Отойдите, — сказала она.

— Ты собираешься нас сжечь? — Маркас вскинул брови. — Ты не Эдрик. Это не сработает.

Под ногами Маркаса разверзлась земля, и он с проклятием провалился в образовавшуюся яму. Еще одна яма появилась под Гарриком, но тот оказался быстрее.

— Хитро, — усмехнулся он. — Но недостаточно. Я видел твои следы в лесу.

Только Лара не была в лесу. Там была я. Значит, я двигалась гораздо менее скрытно, чем думала.

Еще одна ловушка раскрылась в земле, но оказалась слишком мелкой — Гаррик тут же восстановил равновесие.

Магия Лары не была безграничной. Нужно было что-то делать.

Гаррик сжимал в руке ветку, заостренную, словно копье. Он собирался убить ее так же, как убил Уилфрида. Кивнув Маркасу, он дал тому знак.

Маркас вскинул руки, и Лара моргнула, словно в замешательстве, замахала рукой, пытаясь отогнать нечто невидимое. Гаррик воспользовался этим, заходя ей за спину. Еще мгновение — и они окружат ее.

Я схватила камень и со всей силы метнула его.

Он лишь чиркнул по ноге Гаррика, а не попал в голову, как я рассчитывала, но этого оказалось достаточно, чтобы привлечь его внимание. Его взгляд тут же нашел меня.

— Что это? — нахмурился он.

Я согнулась, зашипела, стараясь выглядеть скорее чудовищем, чем забрызганным грязью человеком. Снова подняла камень.

— Древесная нимфа? — спросил Маркас с сомнением.

— Ты когда-нибудь видел нимф? Они выглядят куда лучше, чем это, — скривился Гаррик.

Лара посмотрела на меня, и в ее глазах прозвучала немая мольба. Спаси меня.

Я попытаюсь.

Вспыхнул свет, ослепив меня на мгновение, и в тот же миг Кайдо закричал в моем сознании. Я едва успела отскочить в сторону, когда заостренная ветка с визгом рассекла воздух. Еще бы секунда — и она пронзила бы меня насквозь.

Я снова бросила камень. Теперь дистанция была меньше, и он угодил прямо в лицо Гаррику. Тот пошатнулся, давая мне несколько драгоценных секунд. Я метнулась по краю поляны, надеясь, что смогу отвлечь его достаточно долго, чтобы Лара справилась с Маркасом.

Она с яростным криком бросилась на фейри Иллюзий. Глаза Маркаса расширились, когда горящая ветка врезалась ему в висок. Искры брызнули в воздухе, пепел рассыпался по траве, а сам Маркас рухнул безжизненной грудой на землю.

— Убей его! — крикнула я, но Лара лишь застыла, глядя на его неподвижное тело.

Гаррик расхохотался.

— Человеческая тварь. Теперь я узнал эту жалкую слугу. Ты жульничаешь, Лара?

Я оказалась рядом с ней.

— Ты должна добить его. Он очнется.

Но она не двигалась.

Кровь стекала по лицу Гаррика из пореза на лбу, но он все еще улыбался, хотя в его взгляде бушевала злость.

— Я убью сначала человека, — заявил он, приближаясь. — А потом решу, что делать с тобой: убить сразу или позволить королю Осрику сделать это на глазах у всех.

— Не подходи! — Я вскинула Кайдо, выставляя лезвие вперед.

— Кинжалы тоже считаются жульничеством. Ты хоть умеешь с ним обращаться?

Голод.

— Может, договоримся, Лара? — продолжал Гаррик, скользнув по ней хищным взглядом. — Когда человечишка умрет, я, возможно, забуду, что видел.

— Не надейся, — бросила Лара.

— Как будто я идиот, — фыркнула он.

Рука Гаррика метнулась с поразительной скоростью, и он метнул ветку, как копье.

Я сбила Лару с ног, и дерево полоснуло меня по руке, прорезая кожу под слоями грязи. Капли крови упали на землю.

Гаррик бросился к нам. Лара пыталась встать, я истекала кровью, а он уже сжимал в руке еще один заостренный обломок…

Холодная ярость накатила, сливаясь с кровожадностью кинжала в единый голодный порыв. Я чувствовала вибрацию его шагов через землю. Он снова целился в Лару, не воспринимая меня как угрозу — всего лишь человек, даже несмотря на оружие в руках.

Я позволила ему проскочить мимо, устремиться к ней…

И вонзила клинок ему в спину.

Боль.

Я повторила удар. Гаррик рухнул на землю, выронив палку. Глаза его расширились от изумления, когда я погрузила лезвие в его живот.

Накажи.

Я провернула его так же, как он когда-то провернул ветку в теле Уилфрида. Раздался пронзительный, отчаянный крик.

Убей.

Я перерезала ему горло.

Кровь хлынула алым потоком, стекая по шее, груди, впитываясь в почву. Его тело содрогалось, взгляд застыл, полным ужаса.

Пить.

Да, в этот раз кинжал мог пить. Он позволил мне ударить Гаррика несколько раз, хотя мог бы высосать из него всю жизнь в мгновение ока. Он дал мне возможность утолить жажду мести, которая так долго тлела внутри меня, — кровожадную, сырую, первобытную ярость, настолько мощную, что я даже не распознала её сразу среди привычных очертаний своего разума. Но теперь я принимала её. Приветствовала эту ярость, эту силу, это болезненное удовольствие. И когда жизнь покидала Гаррика, я прижала Кайдо к его горлу.

Кровь исчезла за считаные мгновения.

Вся — даже та, что пропитала землю. Каждая алая капля втянулась в выемку в центре лезвия, пока Гаррик не остался лежать неподвижным, бледным и холодным.

Жгучая ярость улетучилась, сменившись онемением. Лара смотрела на меня широко раскрытыми глазами, полными ужаса. И дело было не только в Гаррике, поняла я. Она боялась меня.

Маркас застонал, и Лара тут же перевела на него взгляд.

— Нам нужно уйти, пока он не очнулся, — она осторожно протянула мне руку, помогая подняться.

Убей, — прошептал Кайдо.

Нет.

Я начинала дрожать. Не могла отвести глаз от тела Гаррика.

Я убила человека.

Неважно, что он был фейри. Неважно, что был моим врагом. Раньше я убивала только животных и Тварей. Но самое страшное — мне это понравилось. Я наслаждалась этим убийством. Какую часть этой жестокой радости дал мне Кайдо? А сколько её было во мне самой?

Я шла за Ларой, не видя дороги, не чувствуя ничего. Мы избегали троп, переходили вброд ручьи, чтобы запутать следы. Наконец остановились возле упавшего дерева — огромного, с переплетением корней, в которых можно было спрятаться. Я забралась в пространство между двумя корнями и села на покрытую гниющей древесиной землю.

Мы тяжело дышали, вглядываясь в лес.

— Ты его убила, — сказала Лара.

В животе скрутило от боли.

— Да.

— Что это за нож?

Кайдо довольно зазвенел в моей руке. Я взглянула на тёмно-красный камень в его рукояти — он всё ещё светился, напитанный кровью.

— Я не знаю. Просто однажды нашла его.

— Кенна… тебе это понравилось.

Я уронила голову, сдавливая глаза ладонью. От этого движения про стрельнула боль в руке, и я вспомнила про рану. Рукав был мокрым от крови и грязи.

— Это было ужасно, но во мне кипела такая сила… — я замолчала. Это было невозможно объяснить.

Лара положила руку мне на колено.

— Думаю, я понимаю. На Бельтайн я тоже причиняла людям боль. Знала, что это неправильно… но всё равно радовалась.

— Мне отвратительно.

— Он собирался нас убить.

— Знаю. И я бы сделала это снова. Просто… я буду видеть его умирающим в каждом своём кошмаре.

Мы больше не говорили ни о костре, ни о пище. Лара сотворила немного воды, и мы сидели, прижавшись друг к другу, дрожа от холода.

Лес был гораздо громче, чем мне казалось раньше. Земляные стены нашего укрытия приглушали звуки, но теперь я слышала всё: уханье сов, свист ветра в кронах, шорохи неизвестных существ в кустах. Несколько раз я замечала в темноте нечто длинное и низкое, но, замерев, ждала, пока оно уйдёт. В воздухе начали вспыхивать танцующие зелёные огоньки — красиво, как светлячки, но я знала, что это не они.

Я не видела кошмаров о Гаррике, потому что так и не смогла заснуть.

Лара, в конце концов, положила голову мне на плечо, но я не смыкала глаз до самого рассвета.

Наконец небо стало светлеть. Сначала оно окрасилось в фиолетовый, затем в розовый, а после — в бледно-голубой.

Я легонько толкнула Лару в бок.

— Мы сделали это.

***

Наступил седьмой день.

Вечером за ужином были объявлены результаты испытания.

Я успела принять ванну и несколько часов спала без сновидений, прежде чем проснуться и привести себя в порядок. Ушло немало времени, чтобы сделать своё отражение в зеркале хотя бы похожим на человеческое. Но даже тогда в отражении на меня смотрело, измученное, застывшее в выражении пустоты лицо. Лицо совсем другого человека, чем у той, что уходила на испытание.

Стол для участников был накрыт на шесть персон.

Я напряжённо следила, как оставшиеся кандидаты рассаживаются по местам. Тальфрин и Эдрик, к счастью, были здесь, Маркас и Карисса сидели рядом, но Маркас молчал и даже не смотрел в её сторону. Последней вошла Уна.

Гаррик, Гита и Уилфрид были мертвы.

Обстановка за столом была куда более интимной, чем на пышных государственных ужинах. Кроме кандидатов, присутствовали лишь небольшие

делегации от каждого Дома. Представители Света и Пустоты прожигали друг друга взглядами. Принц Роланд сжимал вилку, словно хотел её воткнуть кому-нибудь в горло.

Гаррик был его племянником. Как я могла забыть об этом?

За главным столом Каллен мрачно смотрел на свою тарелку, то и дело поднимая взгляд на Уну. После смерти Уилфрида он, должно быть, осознал, насколько был близок к потере ещё одного члена семьи. Почувствовав мой взгляд, он поднял глаза.

Я не отвела взгляда.

Хотела бы я, чтобы он услышал мои мысли. Мне жаль Уилфрида. Жаль, что я не смогла его спасти.

Возможно, он понял, потому что чуть заметно кивнул.

На другом конце стола Друстан выглядел совершенно спокойным. Он и не должен был беспокоиться — все трое погибших были ему врагами. Но его улыбка показалась мне почти вульгарной. Как он может улыбаться, когда оборвались три жизни? Когда я сама совсем недавно отняла одну из них?

Он не мог знать, что я сделала. Никто, кроме Лары, никогда не узнает. И всё же… казалось, что мой мир за эту ночь изменился навсегда, а все остальные остались прежними.

Король Осрик поднял бокал.

— За шестерых оставшихся кандидатов! Каждый из них выжил, надеюсь, израсходовав достаточно магии, чтобы удовлетворить Осколок Земли. — Он усмехнулся. — А некоторые, похоже, применили достаточно насилия, чтобы удовлетворить и меня.

Несколько фейри напряглись при этих словах. Роланд сделал большой глоток вина.

— Гаррик должен был получить честь за убийство Уилфрида, но, увы, его больше нет с нами. Этот подвиг перейдёт к Маркасу. Встань, Маркас.

Член Дома Иллюзий встал, но не поднял глаз от тарелки. Он наверняка чувствовал на себе враждебные взгляды Дома Пустоты и осознавал, какой стал мишенью.

— Гита была убита в последнюю ночь. Встань, Уна.

Последняя оставшаяся кандидатка от Дома Пустоты поднялась, её лицо оставалось бесстрастной маской.

— Я слышал, ты убила Гиту в отместку за нападение на Уилфрида.

— Да, ваше величество.

— По одной смерти на долю Дома Пустоты и Дома Иллюзий. Выпьем за наших двух убийц.

Роланд нахмурился и что-то прошептал королю. Когда в зале опустели кубки, Осрик вновь заговорил:

— Меня спросили, почему я не объявил имя того, кто заслужил честь убить Гаррика. Увы, я не могу этого сделать.

Он выдержал эффектную паузу.

— Его убило нечто совсем иное.

В воздухе повисли взволнованные вопросы, но Осрик только усмехнулся, наслаждаясь моментом, точно опытный актёр, ведущий свою публику к запланированной кульминации.

— Мы не знаем, что это было за создание, но нам известен его метод. Гаррика закололи и полностью осушили от крови.

В зале наступила мёртвая тишина. Даже Каллен выглядел потрясённым.

— Это невозможно, — проронил Роланд.

— Тем не менее, это так. Вопрос в том, кто или что это сделал и почему выбрал любимый метод, Дома Крови.

Запретное имя, словно камень, упало в гладь воды, разметав круги по собравшимся фейри. Но для короля Осрика запретов не существовало.

— Это была Тварь, в этом нет сомнений, — продолжил он. — Маркас утверждает, что видел одно из них незадолго до случившегося.

К счастью, Маркас потерял сознание прежде, чем Гаррик успел назвать моё имя.

— Тварь, воздающая честь Дому Крови? — переспросил Роланд, запинаясь на запретном названии. — Вполне возможно.

— Мы выпустили немало Тварей для испытания. Похоже, одна из них решила свести старые счёты.

— Но как они могли осушить его? Любое оружие, способное на такое, было уничтожено.

У меня перехватило дыхание. Я знала, к чему всё идёт.

— В глубинах подземного мира водится множество существ, питающихся кровью, — Осрик произнёс это с каким-то зачарованным восхищением. — Раны от клинка на его теле могли быть всего лишь уловкой, чтобы скрыть истинную причину смерти. Это была неудачная попытка — Тварь должна была знать, что никто, кроме Благородных Фейри из Дома Крови, не смог бы владеть таким оружием.

Неправда.

Кайдо сжался на моей руке, словно уверяя в своей преданности.

Они глупцы.

Или правда…

Кайдо выбрал меня своей новой хозяйкой после гибели последнего владельца. Смог бы он сделать это, если бы хоть один фейри из Дома Крови ещё был жив? Или же он обратился ко мне лишь потому, что этот дом вымер?

И кто, в конце концов, обронил клинок в болоте?

Кто был твоим последним хозяином? — мысленно спросила я.

Законный правитель Мистей, конечно же.

Я моргнула, не понимая.

Осрик?

Нет.

Волна ненависти к Осрику прокатилась по моей крови.

Моя госпожа могла бы стать королевой, если бы выиграла войну. Но она погибла принцессой, и теперь я — всё, что от неё осталось.

Я замерла. Это был не просто магический кинжал. Он принадлежал одной из самых значимых фигур в войне, разразившейся столетия назад. Кайдо был оружием принцессы Корделии из Дома Крови, предводительницы восстания, отказавшейся склониться перед тираном и погибшей вместе со своим народом.

А теперь его держала я, Кенна, простая человеческая служанка из ничем не примечательного города. Обманщица, только что убившая одного из Благородных Фейри.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 31

Когда я проснулась на следующее утро, под дверь, отделяющую мою комнату от комнаты Лары, было просунуто красное перышко.

Я провела пальцами по его шелковистой поверхности, размышляя, зачем Лара оставила его здесь. Затем перевернула его и улыбнулась. На перышке, неровными буквами, была выведена двойка — карандашом для глаз. Второй предмет для моей коллекции.

Я аккуратно положила его рядом с первым в ящик стола, с благоговением проводя по нему пальцами.

Сколько лет я гадала, какие из моих реликвий и диковинок принадлежали фейри, и вот теперь — сама получала дары от одного из них. Это не могло вернуть мне все утраченное… но, возможно, я могла начать заново.

Теперь, когда испытание Земли было завершено, у меня наконец появилось время выполнить то, о чем я думала с тех пор, как Лара привела меня на свой тайный остров.

Я разговаривала с Кайдо, выходя из Дома Земли. После смерти Гаррика между нами рухнул какой-то последний барьер, и беседа стала такой же естественной, как дыхание.

Но это осознание не приносило мне утешения.

Почему ты хотел, чтобы я убила Гаррика? — спросила я.

Ты хотела убить Гаррика.

Нет. Мне пришлось его убить. Это не одно и то же.

Разве?

Я нахмурилась. Пробегавший мимо фейри-прислужник бросил на меня взгляд, вытаращил глаза и поспешил скрыться. Я не могла отделаться от ощущения, что содеянное липнет ко мне, как зловонный запах.

Я не хотела этого, — сказала я.

Металл завибрировал с раздражением.

Если бы не хотела, ты бы этого не сделала.

То, что ты — древний кровожадный артефакт, не значит, что все мыслят, как ты.

А то, что ты человек, не значит, что ты должна лгать самой себе.

Глупости. Ты заставил меня получать от этого удовольствие. Вот что больше всего меня тревожит. Когда я вонзила в Гаррика клинок, ужас смешался с чем-то другим — с наслаждением.

Это я?

Я отказалась отвечать.

Я нашла Друстана в кварцевом зале, у входа в бордель. Он сидел на хрустальном диване, а на его колене восседала улыбающаяся Леди Огня. Красавица, с вьющимися бордовыми волосами и бронзовой кожей. В ее взгляде было откровенное восхищение.

Как будто этого было мало, Друстан с хитрой улыбкой поглядывал на Леди Света на другом конце комнаты, а вокруг него звучали приглушенные смешки еще нескольких девушек.

Я задержалась в дверном проеме, ощущая, как во мне закипает ревность.

У меня не было на него никаких прав, но видя его с этими женщинами вызывал во мне желание вырвать им волосы. Хотелось оттолкнуть их, залепить ему пощечину… а потом поцеловать так сильно и страстно, чтобы он забыл обо всем, кроме меня.

Он бросил взгляд в сторону входа, и я постаралась придать лицу выражение скуки.

Прошла мимо, надеясь, что он поймет намек.

Он догнал меня, когда я уже почти дошла до нашей тайной комнаты у Дома Огня. Странно, что я теперь мысленно называла ее нашей. Это была его комната. Я не имела на нее прав, как и на него.

— Ну? — спросил он, накладывая на дверь защитное заклинание.

— Извините, что отвлекаю, — я попыталась сохранить безразличие, но безуспешно. Голос прозвучал холодно.

Его брови взметнулись.

— Так почему же ты это сделала?

Мое лицо вспыхнуло.

Я почти поддалась искушению развернуться и уйти, но это было бы мелочно и трусливо. Уязвленное самолюбие не имело значения. Важнее было спасти Мистей от тирании короля Осрика.

— У меня есть для тебя информация. Возможный союзник.

— О? Расскажи мне больше, моя сладкая Кенна.

Я вскинула подбородок, все еще стараясь сохранять невозмутимость.

— Лара не поддерживает разрыв нейтралитета, но Селвин — возможно.

— Селвин? Он еще ребенок.

— Не такой уж и ребенок. Через несколько лет он пройдет Испытания. Лара говорит, он мечтает об обществе, в котором все фейри равны. Он хочет перемен.

Мне было неловко выдавать Ларины тайны, но на кону стояло больше, чем наша дружба. Кроме того, если Селвин действительно хотел изменить Мистей, разве он не должен был получить такой шанс?

Глаза Друстана слегка прищурились — он обдумывал возможности.

— Все это время я ломал голову, как склонить Дом Земли к нашей стороне, и даже не подумал о нем.

— Он не заговорит от имени всего Дома. Ориана слишком давно придерживается политики нейтралитета, а Лара боится ослушаться мать или короля. Но, возможно, Селвин сможет убедить их лучше, чем я.

— Я поговорю с ним. Как бы холодна ни была Ориана, она любит сына. Он может оказаться убедительным союзником.

Я не показала этого, но гордилась, что он прислушался ко мне.

— Я сообщу, если узнаю что-то еще.

Его голос остановил меня, когда я уже была у двери.

— Уходишь так быстро?

Я глубоко вздохнула и обернулась.

— А зачем мне оставаться? Я сказала, что хотела. К тому же, тебе не стоит заставлять своих спутниц ждать.

Он рассмеялся, и мои щеки вспыхнули.

— Ну, Кенна, мне кажется, ты снова ревнуешь.

— С чего бы?

Он двинулся ко мне, словно охотник, загоняющий добычу.

— Потому что ты хочешь меня.

Мое сердце бешено забилось, но я окинула его ленивым взглядом и пожала плечами.

— Возможно, ты меня развлекаешь.

Его смех эхом разнесся по комнате. Он резко схватил меня за плечи и притянул к себе.

— Любопытное ощущение.

— Какое? — я пыталась сохранить самообладание, но его близость, его тепло…

— Быть объектом ревности. Фейри редко испытывают ее. Мы живем так долго, что сильные чувства быстро угасают. А люди… люди чувствуют слишком ярко, — его голос охрип. — Это опьяняет.

— Я не ревную.

— Ты увидела меня с другими и теперь холодна ко мне.

— Я не холодна. Просто у меня есть дела.

Его руки медленно скользнули по моим плечам вниз, оставляя за собой дорожку мурашек.

— А если я скажу, что ухаживаю за ними только ради преданности? Чтобы привлечь их на свою сторону?

— У меня все равно есть дела.

Его ладони опустились ниже, обхватили мои ягодицы, притягивая меня к нему.

— Мне нравится, когда ты холодна, — прошептал он. — Но еще больше мне нравится, когда ты горишь.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 32

В последующие недели я больше не слышала о попытках Друстана убедить Селвина присоединиться к нему. Однако принц Огня сдержал своё слово. Мы встречались в нашей комнате каждые несколько дней, и каждый раз он заставлял меня гореть.

Остальное время я проводила, сопровождая Лару на приёмах и исполняя свои обычные обязанности. Никто не знал, в чём именно будет заключаться Испытание Крови, ведь главы дома, который мог бы направить его проведение, не существовало. Шпионаж не дал бы мне никакой пользы — сам Осколок Крови каким-то образом должен был направлять кандидатов.

При мысли о том, насколько могущественны эти Осколки, по коже пробегал холод. Это ведь всего лишь застывший камень, насыщенный магией… но как холодный камень мог даровать видения? Как он мог проводить испытания? Неудивительно, что фейри поклонялись Осколкам, словно богам так же, как люди поклонялись самим фейри.

По ночам, в самые тихие, самые тёмные часы, я думала о Гаррике. Его убийство было оправданным, но я не могла забыть, как это произошло. Лезвие скользнуло в него так плавно, прежде чем я повернула его, как жестокий палач. Мне понравилось, как он смотрел на меня с ужасом, какого я никогда не видела прежде. Это сделало меня сильной.

Кайдо оставался безмолвным в такие ночи, позволяя мне бороться с виной в одиночестве. Он не мог испытывать вины, напоминала я себе, когда злилась из-за его молчания. Что бы ни наполняло этот кинжал странным сознанием, оно не знало сомнений и с готовностью убило бы снова.

В каком-то смысле моя вина приносила мне облегчение. Я не была чудовищем.

Вскоре наступило летнее солнцестояние — последний праздник перед Испытанием Крови. В коридорах развесили зеркала, отражающие свет факелов, так что каждый проход сиял, словно полдень. Среди зеркал располагались молочные кристаллы и верёвки из алмазов. Праздник был священным для Дома Света, поэтому церемония проходила во внутреннем дворе их наземного дворца. День выдался солнечным и тёплым, небо растянулось над нами безоблачным сводом. Осколки стекла после недавнего испытания были убраны, а мраморный пол очищен до ослепительной белизны. В центре двора стоял мраморный блок, окружённый кольцом гигантских кристаллических менгиров.

Я принесла вино для Лары и себя, и мы вместе пили, наблюдая за происходящим. Лара никогда прежде не бывала на этом празднике, и ей, как и мне, было интересно, что нас ждёт.

Вино было почти прозрачным, лишь с лёгким золотистым оттенком. Я ожидала, что оно вызовет во мне то же тёплое головокружительное удовольствие, как и другие вина фейри, но оно, напротив, сосредоточило меня. Взор стал ясным, сердце билось ровно, а вместо томного удовольствия, как от Огненного вина, или лёгкости, как от напитков Дома Земли, в груди начала копиться холодная ярость.

Остальные гости, облачённые в белое, выпили, и улыбки начали исчезать с их лиц. Разговоры постепенно стихли. Когда принц Роланд вышел в центр круга, напряжение возросло настолько, что у меня выступил холодный пот.

— Добро пожаловать, — произнёс он, держа в руке кристальный кинжал. — Летнее солнцестояние, самый длинный день в году, даёт нам возможность пролить свет на самые тёмные уголки. Только столкнувшись со своими преступлениями, мы можем очиститься.

Это не предвещало ничего хорошего.

Король Осрик наблюдал за происходящим с трона на краю двора. Его улыбка была ещё более тревожной, чем напряжённые выражения лиц окружающих. Он хлопнул в ладони.

— Да начнется суд.

Я услышала знакомый лязг цепей. Через толпу медленно продвигалась цепочка фейри и людей. Их вёл палач, которого я помнила по прежним казням, — огромный крылатый фейри-прислужник с молочно-белыми глазами и гладкой золотистой кожей, лишённой рта. В одной руке он держал конец длинной цепи, а в другой сжимал топор.

Среди заключённых были как фейри-прислужники, так и люди. Их серые лохмотья не скрывали закованных рук. Они шли, опустив головы. Когда первый из них достиг края каменного круга, вереница остановилась, и узники опустились на колени. Я вздрогнула, когда палач поднял топор и обрушил его на звено цепи, отделив первого пленника от остальных.

— Встань, — приказал Роланд.

Заключённая поднялась. Это была девушка-человек, худощавая, с тёмными, спутанными волосами, слишком похожими на мои собственные и волосы моей матери. Ей едва исполнилось шестнадцать, но в её взгляде не осталось жизни. Изорванные одежды открывали спину, исполосованную шрамами.

— Ты обвиняешься в попытке сбежать от своих обязанностей. Сознаёшь ли вину? — Он прекрасно знал, что она не может говорить. Когда та осталась безмолвна, он щёлкнул пальцами. — Как угодно.

Палач рывком опустил её на колени перед мраморным блоком. Девушка безмолвно положила голову на гладкую поверхность. В следующий миг топор опустился, и её голова покатилась по камню.

Я прикусила губу, сдерживая крик, когда кровь заструилась вниз, собираясь у её безжизненного тела. Двое воздушных фейри с длинными пальцами и тонкими крыльями бесшумно подхватили тело и унесли прочь. За ними остался алый след.

Что-то было не так с моей реакцией. Я знала, что это ужасно, но мои эмоции были приглушены; даже шок ощущался словно издалека. Вино словно отрезало меня от самой себя.

Роланд щёлкнул пальцами, и палач освободил второго узника — приземистого фейри-прислужника. Тёмная, звёздная кожа выдавала в нём Вечного духа, подобных Эйдену.

— Ты обвиняешься в краже украшения у гостя из другого Дома. Сознаёшь ли вину?

— Я не делал этого, мой принц, — прошептал тот, но в голосе его не было уверенности.

Палач резко поставил его на колени перед блоком и вытянул руку на мрамор. Узник дёрнулся, но воздушный фейри прижал его руку. Топор опустился, и кисть, отделённая от тела, рухнула на камень. Фейри закричал, алые капли хлынули из раны.

Я бросила взгляд в сторону делегации Пустоты, пытаясь понять, что чувствует Каллен, наблюдая, как один из его подданных подвергается наказанию со стороны

Дома Света. Он угрюмо смотрел на спутника, которого волокли прочь, казался спокойным — за исключением сжатой в кулак руки. Было что-то неестественное, почти противоестественное в его облачении — тунике белоснежного цвета, подобной облаку. Его тёмные, словно ночь, волосы и глаза цвета полуночи не гармонировали с этой одеждой, и у меня возникло тревожное ощущение, будто передо мной хищник, закутанный в шкуру оленя.

Наказания и казни продолжались.

Преступники были ворами, беглецами и теми, кто осмелился проявить неуважение к Благородным Фейри. Тем, кто позволял себе дурно отзываться о них, Роланд вырезал языки своим кристальным кинжалом. А уличённым в шпионаже в пользу другого дома выжигали глаза. Фейри-прислужники исцелялись быстрее людей, но их раны были слишком серьёзны, чтобы восстановиться полностью; они оставались изувеченными до конца своих дней. Вскоре мраморный пол меж каменных глыб окрасился в кроваво-красный цвет, но казни не прекращались.

Единственная передышка настала спустя час, когда всем присутствующим раздали ещё по бокалу вина. С каждым глотком я чувствовала, как напряжение улетучивается, мысли становятся яснее, а зрение обостряется. Я видела мельчайшие трещинки в мраморе, переливы граней кристального ножа и каждую каплю крови. И чем больше я пила, тем сильнее отдалялась от происходящего, пока не стала наблюдать за расправами с холодной, непоколебимой праведностью.

Да, они заслужили это наказание.

Когда настала очередь Благородных Фейри, вывели пятерых. Я задумалась, не постигнет ли их такая же участь — ведь даже бессмертные фейри не могли полностью восстановить утраченные части тела. Лара рассказывала мне, что, если конечность удастся пришить, рана затянется, но создать из ничего новое тело невозможно.

Клинок Роланда сверкал в солнечных лучах. Его губы тронула насмешливая улыбка, когда вперёд вывели первую осуждённую.

— Нелда из Дома Земли, — произнёс он. — Ты обвиняешься в том, что осмелилась дурно отзываться о короле Осрике. Признаёшь ли ты свою вину?

Нелда покачала головой.

Я никогда прежде не видела её в Доме Земли. Впрочем, я знала далеко не всех Благородных Фейри. Я повернулась к Ларе:

— Ты её знаешь?

— Незначительная особа, — ответила она равнодушным тоном. — Но Ориана будет в ярости.

Стражник отвёл Нелду в центр круга, но не заставил её преклонить колени. Вместо этого он оставил её стоять перед алтарём, а сам отошёл за каменные глыбы. Роланд поднял руки, и кристаллы начали светиться. Он направил в них солнечный свет, и с каждой секундой сияние усиливалось. Лучи сошлись в одной точке.

Нелда закричала.

Я зажмурилась от ослепительной вспышки. Когда зрение прояснилось, её изуродованное тело уже валялось на земле. Сквозь грудь зияла дымящаяся дыра.

Её останки унесли, а на её место вывели следующего осуждённого.

Все пятеро были обвинены в том, что осмелились злословить о короле. И каждого казнили тем же способом. Роланд демонстрировал свою магию, а не просто мастерство владения клинком.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Воздух наполнился запахом крови и палёной плоти. Всё происходящее было ужасно — от невозмутимого выражения лица Лары до багровых пятен, растёкшихся по двору. Но и этот ужас ощущался отстранённо, словно между ним и моей душой стояла невидимая преграда. Часть меня, которая хотела кричать и протестовать, оказалась заперта в этом стеклянном саркофаге.

Я закрыла глаза, глубоко вдохнула.

Скоро всё закончится. Совсем скоро.

Последним вывели фейри, которую я узнала. Это была та самая дама Огня, что сидела на коленях у Друстана в зале из кварца. Её тёмно-бордовые волосы сбились в спутанные пряди, кожа испачкалась пылью и потом, а по щекам текли слёзы.

— Эдлин из Дома Огня, — произнёс Роланд. — Ты обвиняешься в заговоре против короля и подстрекательстве к мятежу.

В толпе Благородных Фейри прокатился ропот, но Друстан оставался невозмутим. Он скрестил руки на груди, туника простого белого цвета подчёркивала его мощную фигуру.

— Признаёшь ли ты свою вину? — спросил Роланд.

— Да. — Эдлин упала на колени. — Прошу, умоляю… Я не знала…

— Чего именно ты не знала?

— Вы пощадите меня, если я скажу правду? — обратилась она к королю Осрику.

— Это зависит от того, что ты скажешь.

Эдлин бросила виноватый взгляд на Друстана.

— Принц Огня велел мне поговорить с дамами Иллюзии. У меня не было выбора.

Толпа загудела. Друстан лишь лениво приподнял бровь, выглядя скорее развлечённым, чем обеспокоенным.

Тревога вспыхнула во мне, сотрясая стены, державшие мои эмоции в плену. Всё будет хорошо, убеждала я себя. Друстан — принц, а значит, его слово весомее обвинений незначительной фейри.

Но страх не отступал. Он разрастался, пробивая трещины в моей броне, и ужас возвращался. Кожа покрылась липким холодным потом, а кровь, растёкшаяся по мрамору, казалась чересчур ярко-алой под солнечными лучами — жадное море смерти, прилив которого не прекращался.

— Почему он велел тебе это сделать? — спросил Роланд, бросая жёсткий взгляд на Друстана.

— Он сказал, что нам нужно выяснить, насколько верен королю его собственный дом и нет ли среди них тех, кто склонен к мятежу.

— Когда состоялся этот разговор?

— На следующий день после испытания Земли, возле зала из кварца. — Эдлин сжала руки у груди. — Пожалуйста, ваше величество… У меня не было выбора.

— Видимо, был, — заметил Осрик после долгой паузы. Эдлин уже начала расслабляться, но он продолжил: — Только выбор труса. Ты могла бы сообщить мне о приказе принца Друстана, прежде чем его исполнить.

Эдлин разрыдалась.

— Он мой принц…

— А я твой король. Твоя преданность прежде всего принадлежит мне.

Осрик постучал пальцами по подлокотнику трона.

— Проверим правдивость её слов. — Он жестом указал Роланду.

— Принц Друстан из Дома Огня, — объявил тот. — Ты обвиняешься в заговоре против короля и подстрекательстве к мятежу.

Паника наконец прорвала стеклянную стену, возведённую вином, и вместе с ней рухнула моя притуплённая бесчувственность. Я смотрела, судорожно теребя ткань юбки, как Друстан вышел в центр каменного круга и встал рядом с Эдлин, которая всё ещё стояла на коленях, умоляюще подняв лицо.

На его боку висела рапира с золотой рукоятью, вспыхивавшей в солнечных лучах, и моё сердце забилось чаще, когда он расстегнул пояс с оружием и положил его на землю. Жест капитуляции? Затем он выпрямился, раскинув руки, и посмотрел прямо на трон.

— Так вот как вы обращаетесь с принцем, Ваше Величество? Подвергаете суду, опираясь на слова незначительной дворянки?

— Это серьёзное обвинение, — ответил Осрик, прищурив глаза. В воздухе вокруг него дрожало марево, словно пространство над его пальцами, ритмично постукивавшими по подлокотнику трона, искривлялось под невидимой силой. — С какой стати ей лгать?

— Она труслива и боится за свою жизнь. — Слова Друстана прозвучали, как удар хлыста, и Эдлин вздрогнула. — А если вы спрашиваете, почему она решила обвинить именно меня, — он бросил на неё презрительный взгляд, — думаю, причина в том, что я давно не навещал её постель. Она чувствовала себя отвергнутой.

Эдлин была его любовницей?

— Нет, — всхлипнула она. — Ты сам велел мне это сделать.

Друстан проигнорировал её, снова обратившись к принцу Роланду и королю Осрику.

— Она указала, где и когда ты говорил с ней, — заметил Роланд, явно не веря в его оправдания.

— Она солгала. Я никогда не был с ней наедине. В тот момент рядом находилась леди Гвенейра из Дома Света, она может это подтвердить. Кроме того, мои слуги могут засвидетельствовать, где я был до и после той встречи.

Из толпы выступила та самая леди Света, с которой он тогда кокетничал. Она была безмятежно красива: утонченная фигура, коротко подстриженные каштановые волосы — для фейри такая стрижка была необычной, но ей удивительно шла. Поклонившись королю, она заговорила спокойным, ясным голосом:

— Это правда, мой король. Я была там. Мы говорили только о испытаниях и последних модных тенденциях.

Роланд и Осрик, казалось, опешили от её слов. А я наконец вспомнила, где прежде слышала этот голос. В тот день в библиотеке третьим заговорщиком была леди Гвенейра. Она работала с Друстаном и Лотаром.

Эдлин в отчаянии переводила взгляд с Друстана на Гвенейру.

— Она врёт!

— Молчать, — резко осадил её Роланд. Он посмотрел на Осрика, и впервые на его лице появилось выражение сомнения. — Леди Гвенейра моя кузина, — сказал он королю. — Её репутация безупречна, и она никогда не лгала мне.

О, если бы он только знал.

Гвенейра опустила ресницы, лукаво улыбнувшись:

— Благодарю, кузен. Ты должен знать ещё и то, что среди дам у леди Эдлин давно сложилась репутация… неуравновешенной.

С этим убийственным приговором она вернулась на своё место в толпе.

— Ты дрянь! — закричала Эдлин ей вслед.

Роланд ударил её по лицу, сбив на землю. По виску стекала кровь.

Он снова повернулся к Друстану, но теперь в его взгляде мелькала тень сомнения.

— Даже если она солгала о вашем разговоре, почему бы ей замышлять заговор против короля без твоего ведома?

Друстан пожал плечами:

— Потому что она глупа? Потому что ненавидит своё положение второстепенной дворянки и жаждет власти? Кто может понять, что движет преступниками?

— Она из твоего Дома. Ты отвечаешь за её поступки.

— Я отвечаю за каждую женщину, которая совершает безрассудные поступки из-за ревности?

Его холодные слова заставили меня вздрогнуть. У его ног Эдлин громко разрыдалась. Я с усилием подавила в себе сочувствие — она сама навлекла это на себя, предав восстание.

— В последнее время у меня была другая любовница, — продолжил Друстан, — и Эдлин не понравилось оказаться на втором месте. Я не удивлён, что она взбесилась. Она всегда была ревнивой.

Моё сердце болезненно сжалось. Он говорил обо мне.

Только один фейри взглянул на меня — Каллен. В его глазах мелькнуло нечто похожее на жалость. Я встретила его взгляд, заставляя себя казаться безразличной.

Каллен отвернулся.

Друстан должен был так поступить, убеждала я себя. Он рисковал не только собственной жизнью, но и будущим всего дела, которому служил. Он обязан был играть роль беспечного принца, который берет себе любовниц и безжалостно бросает их, который переходит от одной женщины к другой, не заботясь о их чувствах. Лучше так, чем если бы Осрик догадался, кем он является на самом деле.

— Леди Эдлин всегда была известна излишней эмоциональностью, ваше величество, — неожиданно вмешался Эдрик, представитель Дома Огня. Сделав шаг вперёд, он почтительно поклонился. — В нашем Доме никого не удивит, если она предала Друстана из-за обиды.

— Она предала меня, — спокойно поправил его король Осрик.

— Не хотел нанести вам оскорбления, мой король, — Эдрик склонил голову. — Но она предала сперва вас, а затем и Друстана, когда попыталась втянуть его в свои преступления. Я готов поклясться своей жизнью в верности и чести принца Друстана. Он бы никогда на это не пошёл.

Из толпы послышались одобрительные голоса других фейри Огня.

Роланд и Осрик явно колебались перед лицом столь единодушного мнения.

— Хорошо, — наконец сказал Осрик. — Принц Друстан, обвинение снимается. Пока что.

Я выдохнула с облегчением. Друстан склонился в поклоне.

— Я живу, чтобы служить вам, мой король.

Он поднял меч и вышел из круга казней.

Он не бросил ни единого взгляда на Эдлин, даже когда Осрик подал Роланду знак казнить её.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Она закричала, и когда ослепительный свет угас, её тело с зияющей дырой в груди рухнуло на землю. Опустевшие глаза, в которых застыла боль, смотрели вслед уходящему принцу Огня.

***

Мы были вынуждены оставаться во дворе после помилования Друстана, пить вино — на этот раз обычное красное — и вести непринужденные разговоры, словно не стояли по колено в озере крови. Когда наконец удалось ускользнуть, солнце уже клонилось к закату, а подол моего белого платья был пропитан багрянцем.

Лара сразу отправилась домой, но меня разрывали беспокойство и гнев — слишком сильные, чтобы просто уйти. Я металась по коридорам в застывшем от крови платье, сжимая кулаки так крепко, что начинали болеть кости.

Наверное, я надеялась, что Друстан сам меня найдет.

На пятый раз, проходя мимо рампы, ведущей к Дому Огня, я увидела его. Он стоял, привалившись к стене, все еще в одежде, в которой встречал солнцестояние. Его рыжие волосы резко выделялись на фоне светлой ткани. Он протянул мне руку, и, несмотря на обиду и злость, я вложила в нее свою ладонь.

В защищенной чарами комнате мы разошлись: он направился к столу, а я опустилась на диван.

— Жаль, что тебе пришлось это видеть, — сказал он.

Он достал из ящика графин, налил в два бокала вино. Я молча взяла свой.

— Ты должна понять…

— Что? — Вино согревало горло. Было так заманчиво осушить бокал и попросить еще, но нет. Заглушить этот момент — значит сбежать от него. А я уже слишком много выпила сегодня.

— Я готовил это восстание десятилетиями, — сказал Друстан. В его пальцах вспыхнул огонь. — Десятилетия союзов, исследований, планов, и вдруг все это могло рухнуть за несколько недель до конца из-за одного из моих людей… — Он покачал головой, и пламя исчезло. — Я должен был сказать все, что могло заставить их поверить мне.

— Я понимаю, — тихо сказала я, перебирая складки платья. Подол, затвердевший от крови, неприятно скребся о мои босоножки. — Но Эдлин… Ты унизил ее. Назвал ревнивой, чересчур эмоциональной.

Как и меня.

Друстан, похоже, не уловил этой параллели. Он лишь пожал плечами:

— Так и было. Мы спали вместе, это правда. Она не ценила моего безразличия.

Я прикусила губу.

— То, что ты сказал о ней, было жестоко.

Я до сих пор слышала ее плач. И тот последний, ужасный крик.

— То, что сделала она, было хуже. — Он опустился передо мной на колени, его голос стал напряженным, взгляд пылал убежденностью. — Кенна, в этом восстании — надежды тысяч людей. Она могла разрушить все, лишь бы спасти свою жизнь. Она обрекла бы нас всех на смерть.

Он убрал прядь волос с моего лица.

— Я не боюсь умереть за это. Никто из тех, кто рядом со мной, не боится. Но я не позволю себе умереть, пока у меня есть шанс что-то изменить.

Я кивнула, чувствуя, как глаза наполняются слезами.

Он мягко поцеловал меня.

— Ты куда храбрее, чем Эдлин, — пробормотал он у моих губ.

Я нахмурилась.

— Это не…

Но он уже жадно целовал меня, и я снова уступила, как всегда. Схватилась за его плечи, притянула ближе, обвила его бедрами, словно так могла сделать его частью себя, защитить одним лишь своим телом.

Позже, когда он двигался во мне, когда я царапала его спину и стонала от удовольствия, я позволила себе представить.

Только он и я.

Живые, целые, гордо шагающие по миру, в котором больше не правит король Осрик.

Это стоило любых жертв.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 33

Накануне испытания Крови король устроил бал.

Этот бальный зал был высечен из обсидиана и усыпан драгоценными камнями. Я никогда прежде не видела столько самоцветов в одном месте — они ловили свет факелов, сплетаясь в живую радугу, отражавшуюся в вихре танцующих внизу пар.

Я наблюдала за этим зрелищем с балкона вместе с несколькими другими слугами. Этот бал был более камерным, и прислуге не позволялось выходить на танцпол. Многие фейри-прислужники воспользовались возможностью отдохнуть, но Эйден и я предпочли остаться и посмотреть на происходящее.

Он опёрся на перила, угрюмо наблюдая за Эдриком, который с лёгкостью кружил в танце с партнёрами — как мужчинами, так и женщинами.

— Он великолепен, правда? — хмуро спросил Эйден.

— Да, — согласилась я.

Эдрик был облачён в золотой камзол, а его короткий плащ был выполнен из переплетённых металлических звеньев, искусно имитирующих языки пламени.

— И на солнцестоянии он проявил немалую отвагу.

Я рассмеялась, хотя воспоминание о той ночи до сих пор причиняло боль.

— Почему ты так печален, говоря о том, какой он красивый и храбрый?

Эйден провёл пепельно-серым кончиком пальца по перилам.

— Потому что трудно день за днём смотреть на то, чего хочешь, и знать, что оно никогда не будет твоим.

Мой смех затих. Осуждать его я не могла.

Не в силах сдержаться, я вновь взглянула на Друстана. Он тоже выглядел потрясающе в медных тонах, подчёркивающих оттенок его волос. Факелы отбрасывали мерцающие отблески на его фигуру, пока он с лёгкостью вёл одну даму за другой в плавном, отточенном танце.

— Твой принц тоже красив, — заметил Эйден.

Я сжала пальцы на перилах.

— Я знаю.

После той ночи, на солнцестояние, мы не были вместе. Прошла уже неделя с лишним. Он не искал меня. Но и я не искала его.

— Он упоминал тебя.

— Что?

— В ту ночь. По крайней мере, я думаю, что речь шла о тебе.

— Ах… — Чёртово замечание. — Возможно.

Но была ли я в этом уверена? Как я могла ожидать верности от принца, который проводил со мной время лишь за закрытыми дверями? Который никогда не смог бы открыто любить меня?

Который, возможно, вообще не мог любить меня?

— И что ты почувствовала? — Эйден старался казаться равнодушным, но в его взгляде читалась забота, за которую я была ему благодарна.

Я сжала его руку.

— Скажем так, сегодня я прекрасно понимаю твоё настроение.

Мы молча наблюдали за балом ещё несколько часов, пока Эдрик не поцеловал прекрасную фейри. После этого Эйден тут же ушёл.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Когда часы пробили полночь, я осталась единственной служанкой, наблюдавшей за танцами. Я не хотела возвращаться в Дом Земли и лежать без сна, терзаясь мыслями о том, что ждёт меня завтра. Лучше было стоять здесь и с гордостью смотреть, как Лара принимает одно приглашение за другим. Она показала себя на испытаниях, и Благородные Фейри наконец начали её замечать. Я была счастлива за неё. Хотя было больно осознавать, что никто никогда не узнает, что я сделала, что принесла в жертву, кого убила ради её победы.

Позади меня раздались шаги.

Я ожидала увидеть кого-то из фейри-прислужников, но, повернувшись, застыла в изумлении.

Передо мной стоял Каллен.

На нём был тёмный, словно полночь, шёлк, усыпанный алмазными искрами. Тонкий серебряный обруч охватывал его голову, резко контрастируя с чёрными волосами.

— Привет, — сказал он.

Я моргнула, пока он неспешно приблизился, опёрся на перила рядом со мной, гораздо более непринуждённый, чем я когда-либо его видела.

— Привет, — осторожно ответила я. — Ты здесь за информацией? У меня её нет.

Он покачал головой.

— Не сегодня.

— Тогда зачем ты здесь?

Он должен был быть внизу, среди танцующих, как и прежде. Он двигался, словно жидкое серебро, лёгкий и грациозный.

— Балы мне кажутся скучными.

— Это не причина проводить время со служанкой. Тем более с человеком.

Он издал задумчивый, чуть насмешливый звук.

— "Тем более" — не то слово для тебя, Кенна.

Что это означало? Обычная фейрийская бессмыслица, но моя кожа вспыхнула жаром по причинам, которые я не хотела разбирать.

— Разве тебя не хватятся? Что, если кто-то посмотрит наверх и увидит тебя? — Общение с прислугой было не самой популярной забавой среди Благородных Фейри, за исключением, конечно, Друстана, который всегда делал то, что хотел.

Только в пустых коридорах и защищённых чарами комнатах, — напомнил мне внутренний голос. Сегодня он ни разу не взглянул наверх.

Мой взгляд снова упал на Друстана — он держал смущённую леди из Дома Земли слишком близко и что-то шептал ей на ухо. Жгучая, колючая ревность вспыхнула у меня в груди.

— Меня никто не хватится, — тихо сказал Каллен.

Я вздрогнула от его слов и с усилием отвела взгляд от Друстана, сосредоточившись на тёмном фейри рядом со мной.

— Это не может быть правдой.

Наверняка хотя бы члены его дома заботились о нём?

— Почему же нет? — Он пожал плечами — едва заметное, но полное смирения движение. — Никто не хочет смотреть на меня слишком пристально, боясь, что я либо убью их, либо предам королю. Половина двора убеждена, что я слышу их шёпот в ночи.

Я прикусила губу, вспоминая, как он исчезал в тенях.

— А ты… можешь?

Его губы дрогнули в намёке на улыбку.

— Только если этот шёпот доносится до ушей одного из моих источников.

Источников вроде меня. Я постаралась не возненавидеть себя слишком сильно за это.

— Ну а я смотрю на тебя, — тихо сказала я, позволяя своему взгляду задержаться на его лице, а затем — на широких плечах, скрытых под чёрным шёлком. Опасный фейри. И прекрасный, как и все они.

— Да, у тебя явно проблемы с инстинктом самосохранения.

— Но я ведь всё ещё жива, не так ли?

— Жива, — признал он. — Каким-то образом.

— Постараюсь не обидеться на это «каким-то образом».

Он всё ещё смотрел вниз, на танцующих, опираясь локтями о перила, но его лицо чуть повернулось ко мне. Прядь чёрных волос скользнула вперёд, и в голове промелькнула совершенно нелепая мысль — а мягкие ли у него волосы? Его губы приоткрылись, но он ничего не сказал. Я вдруг задумалась, не раздражает ли его моя дерзость, мой тон, с которым я говорила с ним как с равным.

— Это… интересно, — наконец произнёс он.

— То, что я жива? — Вдруг стало трудно подбирать слова. Его взгляд… Я не знала, что именно в нём было, но слишком остро чувствовала его на себе.

— То, что ты смотришь. То, что я… — Он прикусил язык, не договорив, затем покачал головой. — Опасность смотреть на неправильных людей, Кенна, в том, что иногда они хотят посмотреть в ответ.

По моей коже пробежал озноб. Я слишком остро ощущала его — его рост, натянутую под одеждой силу, бездонную и непостижимую глубину его глаз. Его неподвижность, угрозу, кровь его прошлого и будущего.

И странную… печаль?

— В этой ситуации неправильный человек — я или ты? — выдавила я, чувствуя, как сердце затрепетало, словно загнанный в угол зверёк.

Он выглядел удивлённым.

— Ты… — Он осёкся, затем издал едва слышный звук, смысл которого я не смогла уловить. — Какая же ты странная.

Слова были настолько нелепыми, что разорвали нарастающее напряжение. Из всех в Мистей я, пожалуй, была самой обыкновенной.

— Какой комплимент, — сухо отозвалась я, сместив вес с ноги на ногу, пытаясь стряхнуть с себя остатки странного ощущения. Я по-прежнему не понимала, зачем он вообще заговорил со мной, и это раздражало. — Так почему же ты выбрал такую странную женщину для беседы? Почему не продолжаешь плести свою сеть внизу, собирая новых источников?

Он оглядел танцующих, и на его лбу пролегла едва заметная морщинка.

— Я же сказал. Балы — это скучно.

— Но ты хорошо танцуешь.

Он танцевал не просто хорошо — он двигался с удивительной грацией. Я не раз замечала это, следя за ним взглядом.

Его глаза снова встретились с моими, и теперь в них читалась усталость.

— Уметь танцевать не значит получать от этого удовольствие.

— Может, тебе просто нужны другие партнёры, — заметила я, кивнув в сторону фейри внизу. — Они слишком сдержанны. В мире людей… — Я замолчала, прикусив губу.

— В мире людей что? — Его взгляд был твёрдым, ожидающим.

— Танцы там… живые. К концу вечера все вспотевшие, смеются, усталые, но счастливые. А здесь никто даже не хочет вспотеть.

— Ты весьма точно уловила разницу между фейри и людьми.

Я внимательно посмотрела на него. Я считала, что заключила с ним ужасную сделку, но он оказался не таким жестоким, как я ожидала. Он не давил на меня так сильно, как мог бы.

Сегодня он уже был со мной честен — насколько вообще способны на честность фейри со своими намёками и полуправдой, — так что я решила рискнуть и задать ещё один вопрос.

— Почему ты не был со мной… жестче? — тихо спросила я.

Он вздрогнул, и это едва заметное движение удивило меня настолько, что я машинально положила ладонь на его рукав.

— Я не это имела в виду, — поспешно добавила я. — Просто… Ты — Месть Короля. Ты можешь делать всё, что угодно, чтобы добиться своего. Ты мог бы пытать меня, угрожать мне, избивать меня, и король бы одобрил это. Почему ты этого не делаешь?

Он посмотрел на мою руку, затем снова встретился со мной взглядом.

— Ты видела наказания в ночь солнцестояния.

— Видела.

— Каждое солнцестояние мне напоминают одну простую истину: если долго ведёшь себя как враг, однажды им становишься.

— Я не понимаю. Какой враг?

Он покачал головой, и его тёмные волосы скользнули по плечам.

— Это неважно.

— Нет, я думаю, это важно.

Его рука под моей ладонью была теплой, это живое, естественное тепло пробиралось сквозь тонкий шелк рубашки, разительно отличаясь от магического жара Друстана.

Каллен долго молчал, изучающе глядя на меня, словно взвешивал на невидимых весах вопросы и возможности. Наконец, он произнес:

— Роланд убежден, что любые его поступки оправданы. Впрочем, как и все фейри. Как и я сам — большую часть времени. Но не все можно оправдать.

Меня удивила его откровенность. Я чуть крепче сжала его руку, и, к моему изумлению, он накрыл мою ладонь своей. Его пальцы были теплыми, чуть шероховатыми от мозолей.

— Ты не хочешь причинять боль людям, — выдохнула я, не в силах скрыть удивление.

— Не стоит говорить об этом так, будто это откровение.

— Я не удивлена, просто… — я запнулась, а затем честно признала: — Ладно, удивлена.

Он коротко, почти грубовато рассмеялся:

— Ценю твою прямоту.

— Я удивлена не конкретно тобой, — поспешила я добавить, но его приподнятые брови сказали, что он мне не верит. — Ладно, возможно, и тобой тоже. Но в Мистей я

видела слишком мало сострадания. По всем слухам, ты хладнокровный шпион и убийца, способный на любое преступление ради короля.

— А по всем слухам, люди — грязные, невежественные и никчемные создания, — невозмутимо заметил он. Я нахмурилась, но он лишь улыбнулся. — Значит ли это, что слухи правдивы?

— Хороший аргумент.

Мы смотрели друг на друга, застыв в каком-то странном, хрупком моменте.

Я не знаю, почему сделала то, что сделала дальше. Я просто знала, что так будет правильно.

Развернувшись к нему, я убрала руку с его предплечья. Он медлил, словно нехотя отпуская меня.

— Думаю, тебе стоит научиться танцевать, как люди.

Каллен вскинул брови.

— Серьезно?

— Да.

— И зачем мне это?

— Потому что балы тебе скучны. А никто не должен скучать на балу, — я посмотрела вниз, туда, где танцевали гости. Если бы я была свободна, я бы с удовольствием кружилась среди них. — Кроме того, эта грязная человеческая девчонка знает пару приемов, которые могут тебя удивить.

Он снова тихо рассмеялся — его смех прозвучал словно нечто забытое, ржавое, давно не использовавшееся. Я шагнула в сторону от балюстрады, туда, где нас не могли увидеть снизу. Он последовал за мной, двигаясь медленно, осторожно, с каким-то задумчивым намерением. У меня по спине пробежал холодок. Возможно, это чистое безумие, но я все равно подняла руки, показывая танцевальную стойку.

— Какой шаг выберем? — Его пальцы крепче сжали мою талию.

— Я научу тебя новому.

И я научила. Это не был изящный, утонченный танец, но он был живым, стремительным, полным безрассудного веселья. Мы кружились, теряя равновесие, и когда он наконец запрокинул голову и рассмеялся — по-настоящему, свободно — я засмеялась вместе с ним.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 34

На следующее утро я облачила Лару в алую мантию.

— Это традиция, — пояснила она, пока я застёгивала на её шее золотую цепочку с одиноким рубином. — В день испытания все носят красное.

— Но ведь теперь уже никому нет дела, во что ты одета. Почему бы не выбрать то, что нравится тебе?

— Ты не понимаешь.

Но я понимала. При всём своём непостоянстве, жажде перемен и новых ощущений, фейри были крепко связаны со своими традициями.

В дверь постучали.

— Входите, — позвала Лара.

В комнату вошла Элоди, её бледно-голубые ладони сжимали деревянную коробку.

— Я нашла это у своей кровати, — её голос звучал отрешённо. — Я знаю, что должна передать это тебе, но не понимаю почему.

Лара взяла коробку.

— Всё в порядке. Видимо, это часть испытания.

Когда Элоди ушла, мы обе уставились на находку. Коробка была размером с мою ладонь и покрыта искусной резьбой: между витиеватыми ветвями дерева проглядывали очертания оружия. Дерево было гладким, отполированным временем — словно его держали в руках веками.

— Что ты должна с этим сделать?

Лара внимательно осмотрела коробку.

— Не уверена.

Она попыталась приподнять крышку, но тут же вскрикнула, отдёрнув руку и сунув палец в рот.

— Острые края.

Я провела пальцем по шву, вглядываясь в резьбу. Внезапно крошечный шип выскочил из древесины и впился мне в кожу.

— Видимо, нам предстоит выяснить, как её открыть.

Мы бились над этим несколько долгих минут, но безуспешно: коробка оставалась закрытой, а каждый новый укол лишь приводил к тому, что она жадно впитывала нашу кровь.

Это похоже на твою магию, подумала я, обращаясь к Кайдо, но кинжал промолчал.

Очевидно, это была не просто шкатулка, а некая головоломка. Но как же её открыть? На поверхности не было ни замка, ни каких-либо выступов, за которые можно было бы зацепиться.

Я начала надавливать на резьбу, не обращая внимания на мелкие уколы. Когда один из кинжалов поддался и утонул в древесине, внутри что-то щёлкнуло — и крышка приоткрылась.

Внутри лежали небольшой кинжал, серебряный кубок и записка.

Наполни кубок кровью у Кровавого Древа. Хорошо напои его.

Лара нахмурилась.

— Звучит не слишком обнадёживающе.

— Что такое Кровавое Древо?

— Древнейшее дерево у входа в Кровавый Дом. После восстания его пытались срубить, потом сжечь, но ничего не вышло.

— Значит, тебе нужно порезать себя там, наполнить кубок и… напоить дерево своей кровью.

Лара поморщилась.

— Я не хочу.

— Придётся. За тобой будут наблюдать, так что на этот раз я не смогу помочь.

Она смотрела на кинжал, словно на змею, готовую к укусу.

Секунды тянулись мучительно долго, и я вздохнула. Если Лара не сможет решиться, ничего хорошего из этого не выйдет.

— Наполнить кубок ты должна там, — сказала я, — но, возможно, мы сможем запастись кровью заранее, чтобы потом тебе не пришлось резать себя слишком глубоко.

Я нашла маленький флакон, который легко спрятать под браслетом, скрытым под рукавом. Если Лара аккуратно смешает его содержимое с кровью, пролитой у дерева, никто ничего не заметит.

Я протянула ей кинжал, но Лара так и не взяла его. Она по-прежнему выглядела испуганной.

Что ж, возможно, я всё же могла ей помочь. Мне-то не привыкать отдавать свою кровь Кайдо.

— Это не так страшно, смотри, — я легко провела лезвием по своей руке, избегая крупных вен. Капли крови заскользили в стеклянную ёмкость. Я постаралась не морщиться от жжения. — Я помогу тебе наполнить его.

Она стиснула зубы и повторила за мной. Мы поочерёдно выдавливали кровь, вскрикивая от боли, пока флакон не наполнился. Затем перевязали раны, спрятали сосуд под браслетом Лары и направились к Кровавому Дому.

Сегодня коридор, ведущий к заброшенному дому, был хорошо освещён. Я едва узнала вход: привыкла к кромешной тьме, но сейчас помещение было залито светом.

Мрачным светом. Факелы горели багряным пламенем, отбрасывая тени на шахматный узор пола. В конце зала я разглядела массивную арку с резьбой, ведущую в Кровавый Дом. Мы прошли под ней и оказались в просторном зале с тем же шахматным узором на полу.

Каждый сантиметр серых каменных стен был покрыт изображениями Благородных Фейри, фейри-прислужников и Тварей. В пляшущем свете факелов они казались живыми.

В самом центре зала высилось огромное дерево. Его ствол был столь широк, что шестерым взрослым пришлось бы взяться за руки, чтобы обхватить его. Ветви тянулись к далёкому своду. Листьев не было, но я чувствовала: дерево живое.

За ним высилась массивная металлическая дверь, усеянная шипами. Скорее всего, она вела внутрь Кровавого Дома. Туда я приближаться не собиралась.

Кайдо довольно заурчал в моём сознании. Он был рад вернуться домой.

Я присоединилась к другим слугам в задней части зала, а Лара встала в ряд кандидатов перед деревом. Вскоре их собралось шестеро.

По сигналу они опустились на колени и рассекли ладони, позволяя крови стекать в кубки перед ними. Лара вздрогнула от боли, но открыла флакон в браслете ловко — лишь потому, что я знала о её хитрости, мне удалось заметить, что крови в её чаше оказалось больше, чем должно было быть.

Когда кубки наполнились, кандидаты поднялись на ноги и вылили свою кровь на извивающиеся корни, пробившиеся сквозь каменный пол.

Перед глазами вспыхнула тьма.

Я замерла, подумав, не потухли ли факелы, но затем пространство наполнилось слабым рубиновым сиянием. Ветви дерева теперь были усыпаны багряными листьями, а комната опустела — кандидаты и слуги исчезли.

— Смотри, — прошептало дерево.

Я вновь оказалась в хижине, где росла. Было предрассветное утро, и мой нос касался холодного стекла окна. Я видела, как отец уходит по узкой тропинке за нашим домом. Он оглянулся, но, завидев, как я машу ему крошечной ладошкой, лишь отвернулся и пошёл дальше. Что-то во мне словно сломалось.

Теперь я была в деревне, прячась за лавкой портного, пока стайка детей забрасывала меня камнями. Один из них ударил меня в лоб, из раны потекла кровь, и от боли я пришла в ярость. Я швырнула камни в ответ и закричала, когда они в страхе бросились прочь. Один из булыжников угодил девочке в голову, и я рассмеялась.

Я дралась с мальчишками во дворе школы в Тумблдауне, больше не желая ждать, когда камни полетят первыми. Они дёргали меня за волосы, били кулаками, но я била сильнее. А ещё — кусалась. Когда родители приходили за очередной моей жертвой, они шептались: «Она дикая», «Её нельзя подпускать к другим детям».

Мне было тринадцать, и я была голодна и зла. Когда мать пыталась обучить меня травничеству, я решила, что это скучно и лучше стать торговкой. Я хотела быть богатой и свободной, а не такой бедной, как она — такой, какой она сделала нас обеих.

Я кричала на парней, пристававших к Ане, а затем прыгнула на одного из них, когда он попытался схватить её. Обвила руками его шею и вцепилась зубами в ухо, пока он визжал и пытался стряхнуть меня. «Анина цепная псина», — так меня назвали в тот день, и имя прижилось.

Я смотрела на своё отражение в пруду, переполненная подростковой яростью, и желала себе смерти, чтобы жители деревни, презиравшие меня, почувствовали заслуженную вину. Желала смерти им. Желала смерти нам всем.

Я кинула камень в окно женщины, которая насмехалась над моей матерью за то, что та не смогла удержать мужа.

Дала пощёчину первому мальчишке, который попытался меня поцеловать.

Ссорилась с Аней из-за наших семей.

Лежала без сна в ту трудную ночь, когда болезнь матери подходила к концу, и ненавидела её за всё это время, потраченное на заботу, за тревоги, что росли как снежный ком, за деньги, что утекали сквозь пальцы быстрее, чем я могла их заработать.

Я злилась, кричала, лгала и проклинала всех вокруг. Каждое мерзкое дело, что я совершила, каждая тёмная мысль, что я хранила в сердце, проносились передо мной, вспыхивая и исчезая во тьме. А между этими видениями я видела дерево — древнее, безмолвное, ждущее.

Оно вкусило мою кровь, осознала я в потоке воспоминаний. Я всего лишь хотела помочь Ларе наполнить чашу, но теперь дерево наказывало меня, показывая мои грехи.

Я рыдала, когда умерла мать, кричала на невидимых фейри за то, что они не спасли её. Я ненавидела их и ту веру, что заставила мать в последние мгновения

смотреть в окно, а не на меня. Веру, что заставила её ждать спасения, которое так и не пришло.

Я бежала в ужасе по болотам, слыша за спиной крики умирающих женщин. А когда обернулась, на том месте, где только что была моя лучшая подруга, не осталось ничего, кроме пустоты.

Я сжимала кинжал и угрожала первой Твари, что встретила, когда она впилась когтями в мою лодыжку. Я убивала других Тварей, когда они напали на меня в подземельях Мистей. Уничтожала их без колебаний, потому что выбор был между ними и мной. И я выбрала себя.

Я злилась на Каллена, желая ударить его, чтобы заглушить унижение, пережитое от рук Гаррика.

Я разрезала собственную кожу, чтобы накормить Кайдо.

Царапала Друстана во время близости, охваченная первобытной яростью и желанием, которым не могла найти иного выхода.

Я вонзала нож в живот Гаррика и улыбалась, глядя, как в его глазах плещется ужас. Его кровь была горячей на моих ладонях. Дыра в его горле зияла передо мной… и в тот жуткий миг я почувствовала радость.

— Смотри, — произнесло дерево, и воспоминания рассеялись.

Передо мной стояла невысокая женщина с густыми кудрями, касаясь ладонью шероховатой коры. Я. Но её губы были оскалены, а из рук струилась кровь, стекая под ноги. Так много крови… Крови, которую я уже пролила, и той, что ещё предстояло пролить. Крови, которую я способна пролить.

— Смотри.

Я посмотрела.

Все раны, оставленные прошлым, разом разверзлись внутри меня, обнажив то, что я пыталась не замечать. Я увидела себя такой, какой могла быть —жестокой, жаждущей насилия.

— Ты раскаиваешься?

Я уставилась на окровавленный призрак, отразивший мою самую темную сущность. Раскаиваюсь ли я? В драках, в той ярости, к которой я так легко прибегала, в смертях, что остались на моем пути?

За боль, причиненную матери и Ане, — да. За все остальное? Я на миг задумалась.

— Нет. Я не стану извиняться за то, что защищала себя и своих друзей.

Но разве это была вся правда?

— Я сожалею, что это доставило мне удовольствие, — призналась я, зная, что Древо поймет, о ком идет речь. О Гаррике.

— Ты наслаждалась этим? — Древо действительно звучало заинтригованно.

— Да.

— Наслаждалась ты… или это был Кайдо?

— Оба, — прошептала я.

Мои воспоминания лежали передо мной, как разорванные страницы книги, с каждым оборванным куском — боль, спрятанная между строк. Я не могла лгать самой себе. Я наслаждалась местью. Мне доставило удовольствие видеть страх в глазах Гаррика. Пусть это длилось всего мгновение — но оно было.

Признаться в этом Древу Крови было и мучительно, и освобождающе. Я больше не могла сваливать вину на Кайдо. Не могла притворяться, будто мои порывы не

подчинялись мне. Все, что мне оставалось, — взглянуть правде в лицо и не отвести взгляд.

Кровавый двойник исчез. Ветки Древа вновь обнажились, а комната наполнилась фейри.

Я моргнула. Неужели это очередное наваждение? Но ничего больше не изменилось. Кандидаты замерли, уставившись на Древо расширенными глазами. Испытывали ли они свое прошлое так же, как я? Или же испытание было совсем иным, и Древо наказало лишь меня — за пролитую кровь?

Лара осела на пол. Я метнулась к ней, но она остановила меня дрожащей рукой и, пошатнувшись, поднялась на ноги.

— Думаю, всё кончено, — ее голос звучал глухо, будто она до сих пор находилась в другом мире.

Один за другим остальные кандидаты приходили в себя, вздрагивали, шатались, словно их души еще не до конца вернулись в тела. В их глазах застыло нечто темное, тягостное — след того, что им довелось увидеть.

Магия, наполнявшая это место, растаяла, исчезла, оставив нас в пыльной комнате перед древним, молчаливым Древом.

Испытание завершилось.

***

В последующие дни Лара говорила лишь одно: она видела ужасные видения. Я пыталась добиться подробностей, но она только качала головой.

— Не хочу думать об этом.

— Ты считаешь, что прошла испытание?

Она помедлила, задумавшись.

— Не знаю, — наконец призналась она. — Оно спросило, раскаиваюсь ли я… в том, что мне показало. Я сказала, что да. Думаю, это его удовлетворило, но как я могу быть уверена?

Древо было довольно? Оно испытывало кандидатов на способность к раскаянию? Это действительно можно было счесть признаком силы духа, хотя звучало нетипично для фейри. Но ведь когда-то Дом Крови принадлежал целителям — и они предпочли смерть, нежели покориться тирану. Логично, что Осколок искал в нас ту самую черту, которая когда-то определяла его Дом.

Как хорошо, что меня не испытывали.

Вскоре после этого я навестила Триану и Мод, принеся с собой горшок с овощным супом. После нашего урока жестового языка Триана отвела меня в сторону.

— Ты волнуешься? — спросила она.

— О чем? — ответила я жестами.

— О результате испытания. Если твоя госпожа провалится…

Договаривать не требовалось. Как однажды пообещала Ориана, в случае провала Лары меня либо казнят, либо сделают самой низшей прислугой.

— Она не провалится.

Но Триана выглядела не уверенной.

— Будь осторожна.

— Конечно. А ты в порядке?

— Я беспокоюсь. Ты мне дорога.

Я улыбнулась, тронутая ее заботой.

— И ты мне тоже, — ответила я и, не зная, как передать остальное жестами, заговорила вслух: — Ты очень добра, но я умею о себе позаботиться. Оставь свои тревоги тем, кто действительно в них нуждается.

Она сжала губы, провела ладонью по коротким, отрастающим волосам.

— Сегодня к нам привели новую девушку.

Я нахмурилась, пытаясь понять, о чем она. Новую девушку?..

— Из борделя?

Триана грустно кивнула, подтверждая жестом у сердца.

— Да.

— Ты о ней позаботишься, — твердо сказала я. — Ты сильная женщина. Помоги ей исцелиться, а я обещаю, что буду в безопасности.

Слезинка скользнула по ее щеке, когда она обняла меня. И я вновь поразилась ее силе. Встреча с новой девушкой неизбежно напомнит ей о собственных страданиях, но даже в этом вихре эмоций она нашла время сказать мне, что я ей небезразлична. Потому что мы были друзьями.

Я размышляла об этом, поднимаясь по лестнице. В человеческом мире у меня была только одна подруга — Аня. А здесь, за какие-то шесть месяцев, у меня появилось больше друзей: Лара, Эйден, Триана, Мод, Элоди. И даже тот танец с Калленом, наш смех… Это было похоже на обретение твердой почвы там, где прежде был лишь зыбкий, предательский ил. Возможно, со временем мы могли бы стать друзьями, если бы не надвигающееся восстание Друстана. Оно начнется в промежутке между окончанием испытаний и Самайном.

Можно ли было считать Друстана другом? Что-то внутри меня восставало против этой мысли. Он стал для меня куда большим, даже если я никогда не решалась дать ему это понять.

Я остановилась.

А что, если сказать?

Встреча с Кровавым Древом стала для меня очищением. Казалось, будто старые раны разорвали вновь, чтобы выпустить яд, а затем их перебинтовали так, чтобы они могли зажить правильно. Это было тяжело, но, с тех пор как я взглянула правде в глаза, я стала спать лучше.

А если посмотреть правде в глаза и сейчас?

Я заботилась о Друстане. Я хотела быть с ним. Открыто, без страха. В мире, который он собирался построить, мы могли бы быть вместе.

Я скажу ему.

Не сегодня — впереди было слишком много хлопот перед балом, на котором объявят результаты. Но после… Я загоню его в нашу тайную комнату, возьму его лицо в ладони и скажу ему всё.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 35

Бальное платье Лары было настоящим шедевром.

Нежные юбки цвета вечнозелёного леса парили над пышными нижними юбками, шелестевшими при каждом её шаге. По ткани рассыпался затейливый узор из крошечных деревьев и зверей — целый лес в миниатюре. Искры сапфиров отражались в невидимых прудах, рубины и бриллианты собирались в крошечные полевые цветы. А её шлейф — водопад голубого шелка — струился позади, словно живая вода.

Я любовалась собственной работой, удовлетворённо оглядывая её сложную плетёную причёску. Мне понадобилось шесть месяцев, но теперь я была настоящей мастерицей в укладке волос и макияже. Никогда бы не подумала, что мне это под силу — да что там, что мне это вообще может нравиться, — но вот оно, доказательство. Я гордилась собой.

Лара улыбнулась мне в зеркало, но я видела, как она нервничает.

— Ты выглядишь великолепно, — заверила я её.

— Но буду ли я оценена как великолепная?

Я опустилась перед ней на колени, и мои юбки рассыпались вокруг. Мой наряд был полной противоположностью её платью — воздушное, лёгкое облако ткани, голубая юбка, покрытая мерцающим слоем, из-за которого цвет казался переливчатым, как водная гладь. По нему случайными островками разбегались тёмно-зелёные узоры, словно клочки суши посреди стремительной реки. Никогда в жизни я не чувствовала себя так прекрасно.

Я сжала её ладони, глядя на неё снизу вверх с уважением и теплотой.

— Ты справишься. Ты прошла все испытания.

— Только потому, что ты помогла мне.

— Это неважно. Важно только то, что в итоге ты их прошла.

— Кенна… — Она закусила губу, глядя на наши сцепленные пальцы. — Я бы не справилась без тебя.

— Думаю, справилась бы, — мягко возразила я. — Ты сильнее, чем думаешь.

— А если бы я провалилась? Если бы попробовала и не смогла? Иногда я сомневаюсь, заслуживаю ли я победу.

Заслуживает ли она жить — вот что она действительно имела в виду.

— Ты заслуживаешь всё, — твёрдо сказала я. — Ты не такая, как остальные, и это не плохо. Ты добрая. У тебя есть сердце. Фейри вроде Гаррика и Маркаса хороши в состязаниях, но они не делают этот мир лучше. А ты сможешь.

Когда король Осрик будет свергнут, для Лары найдётся место с её состраданием.

— Ты хорошая подруга, — она сжала мои руки, прежде чем выпустить их. — Ах, чуть не забыла — у меня есть кое-что для тебя.

Я застыла в изумлении, когда она вынула из ящика огромный изумрудный кулон и вложила мне в ладонь.

— Я не могу это принять. Это слишком дорого. Я всего лишь служанка.

— Ты не "всего лишь", — возразила она. — И, если вернёшь мне, я брошу его в огонь. Просто возьми.

Камень был совершенен — округлый, с фасетками, мерцающими в свете. На обратной стороне изысканной золотой оправы были выгравированы четыре простые слова: Для моей лучшей подруги.

Изумруд расплылся перед глазами за пеленой слёз.

— Спасибо.

— О, прекрати, — фыркнула она, задирая подбородок и прижимая пальцы к уголкам глаз, будто пыталась не дать слезам пролиться. — Ещё заставишь меня расплакаться, а тогда придётся заново накладывать макияж, и мы опоздаем к ужину.

Я рассмеялась и спрятала кулон в потайной карман юбки. Когда-нибудь я буду носить его с гордостью, чтобы весь мир мог видеть.

Лучшая подруга.

Я не называла так никого со дня смерти Ани. Я по-прежнему скорбела по ней. Но, несмотря на это, жизнь продолжала идти вперёд. Я встретила новых людей, пережила немыслимые события и… каким-то чудом, среди страха и угнетения при дворе, обрела ещё одну лучшую подругу. Человека, которого могло любить моё израненное сердце.

***

Бал проводился в тронном зале, потому что Осколки были слишком драгоценны, чтобы собирать их где-либо ещё, кроме этого, тщательно защищённого места. Это было исключительное событие — присутствовали лишь кандидаты и самые важные семьи каждого дома. Главы домов и Каллен сидели на возвышении рядом с королём Осриком, облачённые в самые роскошные наряды. Собравшиеся внизу сверкали не менее ярко: драгоценные камни переливались в волосах, на ушах, пальцах и ножнах декоративных мечей.

Я едва сдерживалась, чтобы не разинуть рот от восторга перед этим великолепием. Стеклянные шары, внутри которых танцевали пикси, парили над головами, а другие пикси исполняли в воздухе сложные фигуры, так что весь зал мерцал, словно пчелиный улей. Одурманивающие своей грацией сильфы и водные нимфы кружились среди жонглёров огнём. Даже серебряные стены подрагивали от магии, словно захваченные в плен радуги, отчаянно пытавшиеся вырваться на свободу.

Затем Осрик поднял руки — и зал исчез.

Мы оказались посреди цветущего луга, окружённые стрекотанием насекомых и щебетом птиц. Вдали высились заснеженные пики, а у моих ног склоняли свои тяжёлые головы благоухающие цветы. Ароматы кружили голову, а солнце согревало кожу мягким теплом.

Небо стремительно менялось — от рассветного золота к полуденной синеве, затем к багровым краскам заката и, наконец, к насыщенной черноте ночи. Я едва успела восхититься этим зрелищем, как взрывы цвета озарили тьму, рассыпаясь звёздным дождём. Каждому всполоху радостно восклицали, а падающие искры звенели, словно стеклянные капли.

Мир перевернулся. Теперь я стояла на облаке, а земля нависала надо мной, будто далёкий лоскутный потолок. Затем я падала — ветер хлестал лицо, и я с трудом сдерживала крик. Когда мне показалось, что я вот-вот разобьюсь о каменные утёсы, всё вновь изменилось.

Мы оказались под водой, на серебристом морском дне среди леса из водорослей. Вокруг струились течения, стаи сверкающих рыб касались кончиками плавников моих пальцев. Над нами пронеслась огромная тень, заслонив свет далёкого солнца.

А затем — снова тронный зал.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Сердце бешено колотилось. Я знала, что магия Иллюзии может заставить видеть и слышать то, чего нет, но не представляла, что видения будут настолько реальными. Что я буду чувствовать их на себе.

Эйден рассмеялся, заметив моё выражение.

— Я бы сказал, что к этому можно привыкнуть, но нет.

После представления заиграла музыка — неземная симфония, исполняемая невидимыми музыкантами. Мы с Эйденом наблюдали за танцами, негромко сплетничая и восхищаясь грацией Эдрика и Лары.

Но чем дальше шёл бал, тем сильнее я чувствовала беспокойство. Было жестоко заставлять кандидатов так долго ждать результатов. Если даже у меня под ложечкой сосало от нервов, что же чувствовала Лара? Впрочем, никто бы не догадался об этом, глядя на неё. Эйден же то и дело дёргал воротник своего бархатного оранжевого камзола, явно нервничая.

Наконец, незадолго до полуночи, Осрик хлопнул в ладони. Я затаила дыхание, а сердце заколотилось ещё быстрее. Всё движение в зале прекратилось — фейри обернулись к королю.

— Принесите Осколки, — приказал он.

Впервые я должна была увидеть камни, которым поклонялись фейри — самые могущественные артефакты в мире.

Как только главы домов и несколько дворян внесли их в зал, воздух наполнился энергией. Мурашки побежали по коже, а лёгкая вибрация отозвалась в подошвах ног.

Они были прекрасны. Каждый — размером с ладонь, гладкий с одной стороны и неровный с другой, словно когда-то все они были частью единой сферы. Но магия, бурлящая внутри каждого кристалла, различалась. В Осколке Друстана плясало пламя, тогда как в камне Орианы бушевал водоворот из воды, листьев и земли. Осколки Пустоты и Света были, соответственно, чёрными как бездна и ослепительно сияющими. А Осколок Иллюзии, который несла одна из благородных дам, переливался тысячами радужных оттенков.

Последний же был насыщенного красного цвета. Лорд Иллюзий, державший его, с трудом шёл вперёд, морщась от боли, а из его ладоней струилась кровь.

Ему не предназначено держать его, — раздался в голове голос Кайдо.

Похоже, как и все артефакты Крови, этот Осколок не терпел чужого прикосновения.

Носители установили камни на шесть золотых подставок, окружавших центр зала. Как только последний занял своё место, каждый из Осколков засиял, и их лучи соединились в одной точке. Магический удар ударил мне в грудь, волосы взметнулись от внезапного порыва ветра. Там, где встречались лучи, возник вихрь энергии, взметнувшийся к самому потолку.

В зале воцарилась благоговейная тишина, пока Осрик начинал свою речь.

— Давным-давно, за звёздами, шла великая война между богами другого мира. Когда битва закончилась, в живых осталось лишь шестеро — раненные, умирающие. Чтобы сохранить память о своём мире, они вложили магию в кристаллы. Эти Осколки упали с небес на нашу землю, и, высвободившись, их сила создала новый мир. Магия выбрала фейри, привлечённая нашей красотой и мощью, и так возникли шесть домов, олицетворяющих шесть великих сил.

Отсутствие шестого дома ощущалось как зияющая пустота во вселенной. Кроваво-красный свет смешивался с остальными, но ничто не удерживало его в этом зале.

— Теперь Осколки решат, кто из фейри достоин силы, кто — нет, а кто заслуживает только смерти, — произнёс король.

По линии роста волос Лары проступил пот, а её пальцы сжались на юбке, безнадёжно смяв искусную вышивку.

— Выйдите вперёд, кандидаты, — приказал Осрик.

Шестеро выживших кандидатов выстроились перед ним, а позади них бушевал магический вихрь. Волосы и одежда развевались в неведомом ветре.

— Вы войдёте в объединённую магию по одному. Когда выйдете на другой стороне, вы либо станете бессмертными… либо погибнете. Если вы выживете, у вас появится магия… или нет. Мистей не нуждается в слабых. — Он хлопнул в ладони. — Да начнется суд.

Кандидаты стояли в порядке, как сидели за столом: Маркас, Карисса, Эдрик, Талфрин, Лара и Уна.

Маркас вглядывался в вихрь, не решаясь сделать ни шага.

Уна бросила на него презрительный взгляд и, не дожидаясь, шагнула вперёд.

— Я пойду первой.

С вихрем стало что-то происходить — он усилился, краски стали ярче. Не раздумывая, Уна вошла в столп магии.

Спустя мгновение она вышла, улыбаясь.

— Уна признана достойной, — объявил король. — Да принесёт она славу Дому Пустоты и моему королевству.

Как только Уна вышла из круга, темная магия рассеялась — вероятно, теперь её сила подчинялась защитным чарам тронного зала. Она присоединилась к ликующим аристократам Дома Пустоты, а Маркас глубоко вдохнул и шагнул вперёд. Магический вихрь завихрился ещё сильнее, поглотив его, и я поймала себя на мысли, что надеюсь — он не вернётся.

Но он вышел, смеясь, окутанный переливающимся, как опал, светом. Я подавила разочарование, пока король повторял привычные слова о чести для его дома и королевства.

Может быть, испытание вовсе не было испытанием, а всего лишь странной шуткой Осколков. Маркас показал достойные результаты, но далеко не во всех испытаниях. Даже Уна, вероятно, провалила Огненное.

Воодушевлённая успехом остальных, Карисса встряхнула огненно-рыжими волосами, подмигнула Талфрину и с улыбкой шагнула в магию. Спустя мгновение она вышла… но что-то было не так. Её тело казалось слишком расслабленным, глаза были пустыми. Она осела на пол и больше не пошевелилась.

В зале воцарилась тишина.

Осрик резко щёлкнул пальцами, и Пол бросился вперёд, чтобы осмотреть её. После короткой проверки он лишь покачал головой.

Кариссу не убрали. Она лежала прямо на полу — маленькая, хрупкая, одинокая. Её руки были сложены у головы, словно она просто спала. Магический вихрь позади неё больше не казался красивым — он был беспощадным.

Эдрик, должно быть, умирал от страха, но сделал шаг вперёд с гордо поднятой головой, поклонился королю и вошёл в магию. Его удерживало дольше, чем других. Эйден крепче сжал мою руку, когда секунды продолжали тянуться, а Эдрик так и не появлялся. Я ответила на его сжатие, зная, что никакие слова не помогут, если Эдрик провалит испытание.

Но он вышел — с широкой улыбкой, с короной пламени, парящей над головой.

— О, спасибо Осколкам, — пробормотал Эйден, тяжело привалившись ко мне.

Теперь настала очередь Талфрина. Лара коснулась его плеча, улыбаясь ободряюще, но он не улыбнулся в ответ. Он шагнул вперёд с выражением обречённости — таким же, какое я видела, когда убила Гаррика. Это был взгляд человека, осознавшего, что смерть неизбежна.

Он знал, что его результаты были схожи с Кариссой. Если она не прошла, значит, и он не пройдёт.

Талфрин прижал руку к груди, к вышитым на одежде трём птицам, кружившимся вокруг его сердца. Затем выпрямился, глубоко вдохнул и шагнул в магию с таким мужеством, какого я не видела ни в ком.

Его безжизненное тело выпало обратно, наполовину накрыв тело Кариссы. Их пустые глаза смотрели друг на друга.

Куда, по мнению фейри, отправлялись души после смерти? Верили ли они в загробную жизнь? Я никогда не верила, но сейчас, глядя на Талфрина, молилась Осколкам, чтобы он оказался в месте лучше этого.

Осталась только Лара. Её глаза блестели от слёз, пока она смотрела на два неподвижных тела. Талфрин был её чемпионом. Её другом.

Я задержала дыхание, наблюдая, как она собирается с силами, но прежде, чем она сделала шаг вперёд, Пол торопливо подошёл к королю и что-то прошептал ему на ухо.

— Что? — голос Осрика прозвучал резко.

Пол снова что-то прошептал, и лицо короля побледнело от ярости.

— Принесите, — приказал он.

Лара всё ещё стояла перед ним, колеблясь, но Осрик, казалось, её больше не замечал. Он нервно постукивал пальцами по подлокотникам трона, сдерживая гнев.

Пол вскоре вернулся, неся в руках мешок из грубой ткани.

Один лишь взгляд на него — и я поняла, что внутри что-то ужасное. Из мешка капала жидкость, оставляя за собой дорожку алых пятен.

— Меня предали, — произнёс Осрик, и воздух в зале словно содрогнулся от его ярости. Я невольно вздрогнула, опасаясь, что потолок рухнет. Но он не мог — это всего лишь иллюзия, напомнила я себе.

— Мои стражи перехватили солдат по пути сюда, — продолжил король.

В зале раздались удивлённые возгласы. Каллен вскочил на ноги, пристально уставившись на мешок с выражаением в глазах, которое я не смогла распознать. Друстан, напротив, остался внешне невозмутимым, но его пальцы побелели, вцепившись в подлокотники кресла.

Сердце у меня заколотилось. Неужели Друстан решил поднять восстание уже сейчас? Или это было что-то другое? Почему он не предупредил меня? Он говорил, что начнёт действовать после окончания испытаний, чтобы завербовать выживших кандидатов… Но я думала, что это произойдёт через несколько недель, а не этой же ночью.

Осрик кивнул Полу, и тот перевернул мешок.

На пол с глухим звуком скатилась отрубленная голова.

Я узнала её сразу. Лотар. Младший брат Роланда. Соратник Друстана.

Меня замутило от этого зрелища, но вместе с отвращением пришло и жгучее беспокойство. Значит, восстание действительно должно было начаться сегодня. Или… что-то пошло ужасно не так.

Роланд застыл, потрясённый.

— Что это значит? — его голос дрожал.

— Это значит, что ты и твой брат предали трон, — голос Осрика стал ядовито-холодным. — Он вёл отряд воинов Света к нам.

— Нет. Это невозможно, — прошептал Роланд. Но, увидев в лице короля лишь непоколебимость, тут же пал на колени. — Мой король, я всегда был верен вам. Вы это знаете. Если Лотар действительно замыслил заговор, то он навлёк вечный позор на наш дом.

— Замолчи, — Осрик резко оборвал его. — Мы поговорим об этом позже.

Роланд отступил, не отрывая взгляда от отрубленной головы.

Я осмелилась взглянуть на Друстана — его невозмутимость больше не казалась такой непоколебимой. Сколько же солдат вел за собой Лотар? Что это означало для запланированного нападения?

— Десять других предателей поддерживали его, — сообщил Пол. — Все они — низкородные дворяне из Дома Огня или Дома Света. Каждый командовал отрядом из двадцати пяти фейри-прислужников. Все они мертвы.

Двести шестьдесят бойцов Друстана были истреблены. Это была катастрофическая потеря. В груди сжалась боль, когда я увидела, как в его глазах поселилась безысходность.

Он проиграл.

Он проиграл, даже не начав, потому что, несмотря на готовность Тварей напасть на короля, солдаты были нужны, чтобы их защитить. А теперь, даже если Твари появятся, они столкнутся с залом, полным солдат Осрика, и никакого преимущества внезапности уже не будет. Иллюзорные подкрепления уже заполняли пространство, сверкая клинками.

Осрик медленно повернулся к Друстану, и в моей груди разверзлась пропасть. Нет, только не он. Я не могла потерять этого страстного, загадочного принца, который восхищался мной за самую мою человечность.

Я онемевшими глазами наблюдала, как двое стражников грубо поставили его на колени перед троном. Меч все еще висел у него на поясе, но против Осрика он был бы бесполезен. Позади него бурлила воронка магии, крутясь все быстрее и быстрее, словно разгневанная его поступками.

Лара отступила в сторону и теперь стояла на краю толпы, испуганно глядя на происходящее. Ей еще предстояло пройти суд Осколков. Когда она сделает это, пол уже будет залит кровью Друстана, а вместе с ним погибнут и все мои надежды на другой мир.

— Тебя часто видели в обществе Лотара, — голос Осрика звенел от ярости. — Вам ведь нравилось вместе посещать бордель, не так ли?

— Да, но о его предательстве я не знал, — голос Друстана оставался удивительно спокойным.

— Как ты можешь это утверждать? Ты постоянно был рядом с ним, тебя уже обвиняли в измене, и половина бойцов, убитых сегодня, принадлежат Дому Огня. Ты виновен.

— Прошу вас, ваше величество, выслушайте меня. Вам уже известно, что леди Эдлин замышляла против вас заговор. Возможно, она действовала заодно с Лотаром. Она должна была понимать, что, если его схватят, подозрение падет на меня.

— Какая нелепость, — раздался голос принца Гектора. Он теперь стоял рядом с Калленом, а в его усмешке сквозила жестокая радость. — О тебе ходят слухи уже много лет, Друстан. Ты действительно думаешь, что мы поверим, будто эта жалкая трусиха Эдлин была способна организовать революцию?

— Только дурак стал бы пытаться атаковать короля, — Друстан парировал мгновенно. — И в охранной печати, что защищает его, есть моя кровь.

— Молчать, — приказал Осрик. Его кулак с грохотом обрушился на подлокотник трона. — Принц Друстан, мое терпение к тебе иссякло. Если ты не предоставишь мне весомых доказательств своей невиновности, тебя казнят.

Нет. Пожалуйста, нет.

— Я обещаю, я докажу, — сказал Друстан. — Дайте мне время.

Гектор ухмыльнулся, пробормотал что-то Каллену и направился прочь. Каллен же продолжал смотреть на Друстана, его лицо оставалось бесстрастным.

— Ты докажешь это сейчас. Или умрешь.

Вперед вышел палач с топором, и Друстан в отчаянии огляделся.

— Я знаю еще одного предателя.

Что? Мои мысли бешено закрутились. О ком он говорит? Неужели он решил воспользоваться моментом, чтобы устранить неизвестного врага?

— Я узнал об этом сегодня и собирался рассказать вам наедине, — продолжил он. — Но вы вынуждаете меня раскрыть это сейчас.

Осрик скептически вскинул бровь.

— Говори.

— Я подслушал, как лорд Селвин из Дома Земли обсуждал со своим слугой заговор против вас.

Его слова ударили, словно кулак в живот. Я едва услышала крик Лары за нарастающим в ушах шумом.

Нет.

Только не это.

Я уставилась на Друстана, на его красивое лицо и лживый рот. На человека, которому я доверяла, которого, как мне казалось, знала.

Я сама рассказала ему о взглядах Селвина. Я убеждала его поговорить с юношей, и он, без сомнения, это сделал. И теперь…

Друстан предал его, чтобы спасти свою жизнь.

Все, что случится с Селвином, будет на моей совести.

— Он еще ребенок, — Осрик отмахнулся от обвинения. На его пальцах сверкнули перстни, когда он нетерпеливо постучал ими по подлокотнику трона, прищурившись на Друстана. — Его дом нейтрален.

— Он уже почти взрослый и известен своей симпатией к слугам. И его недавно видели с Лотаром.

Осрик повернулся к Каллену в ожидании подтверждения. Тот сжал челюсти и, явно неохотно, кивнул.

Принцесса Ориана шагнула вперед. Ее глаза полыхали ненавистью, когда она посмотрела на Друстана, а затем обратилась к королю:

— Ваше величество, мой сын никогда бы на это не пошел. Прошу—

— Молчать. Приведите его сюда. Пусть мальчик говорит сам за себя.

Мы ждали долгие минуты, пока слуги Орианы отправились за Селвином. Другого выхода не было. Если бы она отказалась привести его, это выглядело бы как признание вины.

Лара все время поглядывала на меня, но я не могла встретиться с ней взглядом.

Когда Селвин вошел, он был одет в простую синюю тунику с вышитой на груди желтой розой — его неизменным символом. Его золотисто-каштановые волосы были взъерошены, а взгляд насторожен.

— Вперед, — приказал Осрик.

Селвин шагнул к матери и вздрогнул, заметив Друстана, стоящего на коленях. Я сжалась. Он еще не научился скрывать свои эмоции и убедительно лгать. Если он действительно был связан с Друстаном…

— Тебя обвиняют в измене, — сказал король.

Селвин побледнел.

— Я… я не понимаю, о чем вы, ваше величество.

Король холодно посмотрел на юношу, его голос прозвучал как удар хлыста:

— Тебя слышали, когда ты строил заговор против моего правления. Тебя видели в обществе Лотара.

Он указал на отрубленную голову у своих ног. Селвин вздрогнул, будто только сейчас осознал, что перед ним. Лицо его побледнело, он выглядел так, словно его вот-вот стошнит.

— Ты отрицаешь это?

— Я говорил с ним, но не обсуждал ничего предательского.

— Ты шестнадцатилетний мальчишка. Что тебе было нужно от лорда Дома Света?

— Он был добр ко мне. — Селвин говорил неуверенно, словно сам сомневался в своих словах. — Нам нравились одни и те же книги.

Я закрыла глаза в отчаянии. С таким слабым оправданием Селвин не имел ни единого шанса.

— Лотар ненавидел читать, — хмуро заметил Роланд, стоявший рядом с королём.

— О… — Селвин вспыхнул. — Я… я не знал…

— Лотар выдал тебя перед смертью, — солгал король.

Такой хитрый, такой жестокий. Если Селвин был виновен, он подумает, что король знает всё, и поймёт, что игра окончена.

В гробовой тишине его прерывистое дыхание казалось оглушительным. Он посмотрел на Лару, полные ужаса глаза молили её о спасении. Лара прижала руки к груди, словно умоляла его отказаться от признания.

Селвин лишь коротко кивнул, затем выпрямился, бросая вызов судьбе.

— Да, я строил заговор с Лотаром, — его голос дрожал, но он говорил чётко. — Но моя мать и сестра ни о чём не знали.

— Нет! — Лара рухнула на колени. — Нет, пожалуйста…

Глаза мои защипало от слёз. Он сдался королю, но не ради себя и не ради милосердия. Он признался, чтобы спасти свою семью.

— Как долго ты замышлял это? — требовательно спросил Роланд.

— С весеннего солнцестояния, — с каждым словом голос Селвина становился твёрже.

— С кем ещё ты заговорничал?

Он даже не взглянул на Друстана.

— Ни с кем. Лотар сам пришёл ко мне. Он хотел, чтобы я собрал войска Дома Земли для восстания.

Слёзы капали с моих щёк, оставляя тёмные пятна на корсете платья. Этот добрый, благородный мальчик сделал то, на что не решился Друстан. Он принёс себя в жертву ради своих близких и союзников.

Друстан даже не выглядел пристыженным, наблюдая за происходящим с пола. В этот миг любовь, которую я испытывала к нему, сжалась в груди, превратившись в нечто уродливое и ненавистное. Друстан выбрал себя, своё спасение — и теперь за это заплатит тот, кто был по-настоящему предан идее.

Я была глупа.

Король продолжал допрашивать Селвина. Как они собирались уничтожить защитные чары? Был ли у Лотара союзник? Удалось ли Селвину собрать армию?

Селвин отвечал с поразительным самообладанием. Лотар имел некий неизвестный план по снятию защитных чар с короля и работал с погибшей дамой из Дома Огня. Сам Селвин так и не сумел привлечь на свою сторону воинов Дома Земли и в конце концов сказал Лотару, что не сможет помочь. Поскольку перебитые солдаты принадлежали Домам Огня и Света, его слова были правдой. Значит, его осудят за одно лишь намерение.

Король задал последний вопрос:

— Ты сожалеешь о содеянном?

Это было похоже на то, что когда-то спросило у меня Кровавое Древо. Я была уверена, что Селвин ответит иначе. Он скажет, что раскаивается, и будет молить о прощении. Возможно, как несовершеннолетний, он избежит казни.

Селвин взглянул королю прямо в глаза.

— Нет.

В воздухе повисли удивлённые возгласы. Лара в отчаянии застонала, скорчившись на мраморном полу, но Ориана будто окаменела, словно замерзла в своей трагедии.

— Почему? — Голос Осрика был грозен, словно сам замок содрогнулся от его ярости.

— Потому что ты жесток. Потому что ты несправедлив. Потому что каждый житель Мистей — от Благородных Фейри до людей — заслуживает свободы. — Глаза Селвина пылали убеждённостью, а щеки раскраснелись, когда он произнёс эти предательские слова. — И даже если мне не суждено увидеть это, я счастлив знать, что ты не будешь править вечно.

Король Осрик щёлкнул пальцами. Стражник грубо толкнул Селвина, тот упал на мрамор, ударившись головой.

Палач поднял топор.

Король встал.

— Подождите.

В зале повисла напряжённая тишина. Осрик подошёл к распростёртому на полу юноше и легко толкнул его носком сапога. Селвин вздрогнул.

— Я не хочу казнить его обычным способом, — король говорил чётко, отчётливо, словно остриё кинжала скользило по горлу. — Я хочу, чтобы его уничтожило само королевство, которое он якобы любит.

Магия заструилась из его рук, поднимая Селвина с пола. Король резко оттолкнул его назад, к вихрю из клубящейся энергии.

— Пусть Осколки разорвут его на части, — голос Осрика взвился, разрывая тишину. — Пусть они вырвут из него жизнь. Такова участь предателей!

Селвин стоял в нескольких шагах от смертельного вихря, дрожа от страха. Он был так храбр, так чист, и когда в последний раз взглянул на Лару и свою мать, я не смогла сдержать всхлип.

Король взмахнул рукой.

Селвин поднял ладони, защищаясь от чего-то невидимого. Сделал шаг назад.

Шум вихря невозможно было описать словами. Лязг когтей по стеклу, возможно. Или стон мёртвых, умоляющих выпустить их из ледяных могил. Это был звук разрушенных надежд, когда Осколки протестовали против вторжения чужака.

Селвин рухнул на пол по другую сторону магического шторма, его большие карие глаза безжизненно смотрели в потолок.

Лара закричала.

Я упала на колени, рыдая по Селвину — по утрате чистой, доброй души… и, в каком-то смысле, по самой себе. За то, что я сделала с ним. За открытие, что принц, которого я любила, оказался способен на такую жестокость. Пусть не его рукой, но его словами.

Грубые руки схватили меня. Меня подняли, затем бросили к подножию трона.

— Как трогательно видеть, как твоя дочь и её питомец скорбят, Ориана, — проворковал король.

Мои глаза встретились с полными слёз глазами Лары.

— Мой сын сказал, что Лара не была замешана, — голос Орианы звучал пугающе спокойно. Как она могла не рвать и метать в такой момент?

Но ведь мы все сражались тем оружием, которое у нас было.

— Твой сын был лжецом и предателем.

— Лара не способна на подобное. Она слишком слаба.

Слова прозвучали жестоко, но я понимала, почему Ориана их произнесла. Лучше унизить свою единственную дочь, чем потерять её навсегда.

— И всё же она показала себя в испытаниях лучше всех, кроме Уны, — возразил Осрик. — Я начинаю думать, что Дом Земли куда коварнее, чем я предполагал.

Стражник вцепился мне в волосы и дёрнул вверх, заставляя встать на колени. Я закусила губу, игнорируя жгучую боль в коже головы.

— Я не верю, что эти двое были замешаны, — произнёс Друстан.

Он стоял на коленях всего в нескольких шагах от меня, но в его лице не отражалось ничего, что я могла бы разгадать.

Осрик резко повернулся к нему:

— И откуда тебе это знать? Разве что ты знаком с заговором куда ближе, чем притворяешься?

Друстан приоткрыл рот, но тут же закрыл его, подбирая ответ. Наконец, он сказал:

— Ориана права. Лара слаба. Её служанка помогала ей пройти испытания.

Кровь отхлынула от моего лица. Я смотрела на Друстана, не в силах поверить в это последнее предательство.

А это было именно предательство — каким бы ни был его замысел. Возможно, он пытался спасти нас от казни как заговорщиц, но даже если ему это удастся, Лару будут презирать всю оставшуюся жизнь, а я…

Я всё равно умру.

Таков был уговор. То обещание, что Благородные Фейри дали каждому человеку, попавшему в Мистей. Земля поглотит нас, и из этого ада мы уже не выберемся.

— И откуда ты это знаешь? — спросил Осрик.

— Я почувствовал, что у служанки был амулет после испытания Пустоты. Украденный, когда она помогала Ларе пройти лабиринт. Я пожалел её и не выдал тогда, но очевидно, что она продолжала помогать своей госпоже.

Чёрные, блестящие сапоги Осрика мягко зацокали по камню, когда он подошёл ко мне. Я не смела поднять взгляда, задержавшись на уровне его колен.

— Ты помогала своей госпоже, человек?

Я не ответила.

Стражник резко дёрнул меня за волосы, заставляя поднять голову.

— Ты помогала ей? — повторил Осрик, его зрачки закрутились в спирали магии.

— Нет, ваше величество, — тихо ответила я.

Осрик рассмеялся:

— Ты отрицаешь слова принца?

— Я отрицаю любые слова, кроме своих.

— Какое же ты ничтожество, — он скривился. — Бросьте её.

— Подождите! — закричала Лара.

Король повернулся к ней.

— Может, ты предпочла бы пойти первой? Как пожелаешь. Посмотрим, какие награды ждут тех, кто жульничает.

Я дрожала в хватке стражника, наблюдая, как Лару волокут к столпу магии. Она преодолела все испытания, а значит, её сочтут достойной. Что тогда скажет король?

Её втолкнули внутрь.

Вихрь закружился, как и со всеми до неё. Но Лара оставалась в нём слишком долго. Слишком.

Наконец, завеса силы раздвинулась, и она вышла.

Я прижала ладони ко рту, слёзы брызнули из глаз при виде её целой и невредимой. Она справилась.

Но что-то было не так.

Она в растерянности смотрела на свои руки. Затем её лицо исказилось, и я всё поняла.

Её магия исчезла.

— Ты признана недостойной, — произнёс король Осрик с удовольствием паука, запутывающего жертву в кокон. — Принцесса Ориана, что скажете об этом открытии?

Ориана стояла неподвижно, словно любое движение могло разбить её на куски.

— У меня больше нет дочери.

Буря разорвала мою душу изнутри, сокрушая меня в клочья. Лара была права насчёт своей матери, а мы все ужасно ошиблись, полагая, что для прохождения испытаний нужно совсем иное.

Осрик отвратительно улыбнулся:

— Уверен, я найду ей применение.

— Мама?.. — прошептала Лара, протягивая дрожащую руку, но Ориана отвернулась.

Лара побрела в толпу, а Осрик вновь уселся на трон.

— Бросьте человека внутрь. Пусть умрёт за своё преступление.

— Ваше величество, — вмешался Каллен, — несомненно, она всего лишь исполняла приказы…

— Молчать!

Осрик всё ещё кипел от ярости. Ночь принесла ему самый крупный вызов за несколько столетий, и, хотя Лотар был мёртв, солдаты перебиты, Селвин казнён, а Лара лишилась сил, этого оказалось недостаточно. Король хотел крови.

Я встретилась с глазами Каллена, безмолвно благодаря его за попытку защитить меня. Когда меня протащили мимо Друстана, я взглянула и на него. Его серые глаза ничего не выражали. Либо он не чувствовал ничего, либо скрывал чувства, вновь оберегая только себя.

Мне было всё равно.

Я позволила ему увидеть свой гнев и презрение — и не отвела взгляда, пока он не отвёл свой.

А затем я оказалась перед вихрем, мерцающим всеми цветами радуги. С близкого расстояния я услышала пение — невозможную по красоте мелодию, которая станет последним, что я услышу в своей жизни.

Меня толкнули внутрь.

***

Я стояла в самом сердце бури.

Грозовые тучи переливались всеми возможными оттенками, молнии рассекали пространство, заставляя воздух дрожать от оглушительных раскатов грома. Я вдыхала энергию, выдыхала свою собственную душу. Ветер рвал меня на части, мой силуэт постепенно растворялся в бушующей стихии.

— Ты жульничала.

Голос пронзил меня, и я не могла определить, кому он принадлежал — мужчине или женщине. Он был многоголосым, как будто за одной фразой следовал эхом целый хор. Невидимое существо вонзило когти в мою память, сдирая с неё покровы, изучая каждый мой поступок.

— Ты нарушила правила.

— Она следовала правилам. — Этот голос был женским, низким и властным, его вибрация совпадала с пульсацией кинжала, всё ещё слабо дрожащего в моей распадающейся руке.

— Ей не следовало участвовать. — В этом голосе трещало пламя.

Я вдруг осознала — это говорили Осколки. Они обсуждали меня.

— У неё не было выбора. — Женский голос вновь зазвучал, стойкий и непреклонный. Кровавый Осколок.

— Согласна. — Новый голос, лёгкий, журчащий, словно вода, стекающая по камням. Земля вставала на мою защиту.

— Конечно, ты согласна. — Первый голос был полон недовольства. Иллюзия, догадалась я, и тут же содрогнулась от боли, пронзившей разум. — Ты и другую хотела видеть победительницей.

— Но я приняла общее решение. — В голосе Земли прозвучала твёрдая уверенность. — У неё был выбор. У этой — не было.

— И всё же она проявила себя лучше, чем её госпожа. — Новый голос, мужской, глубокий, холодный, как ночные кошмары. Вспышка молнии осветила бурлящие чёрные облака, подчёркивая силу его слов.

— Я говорю «нет». — Иллюзия отвергала меня.

— Я говорю «да». — Кровавый Осколок не отступала.

— Она не использовала магию во время испытания Земли.

— Использовала. — Голос Крови звучал с пугающей уверенностью. — Она несла самый священный артефакт Дома Крови. Магия шла не от неё, но она ею владела.

— Она не часть твоего дома. — Голос Огня раздался с раскатами пламени.

— Я забираю её себе.

После этих слов Кровавого Осколка воцарилась пауза.

— Я говорю «да». — Земля приняла решение.

— Нет. — возразил Огонь. — Это безумие.

— Время пришло. — Голос Крови звучал непреклонно. — Баланс должен быть восстановлен. Это станет её задачей.

Тишина затянулась, и я чувствовала, как Осколки размышляют. Затем заговорил самый глубокий, самый страшный из голосов — Пустота.

— Кровь права. Баланс был утрачен слишком давно. Я говорю «да».

Моё тело продолжало исчезать. Я не ощущала боли — только странное растяжение, словно я становилась чем-то бесконечно тонким. Ещё немного — и меня разорвёт на части, мои останки растворятся в шторме, и я перестану существовать.

— Это любопытный вопрос. — В разговор вступил последний голос, звучащий звонко, словно солнечный свет, отражённый от клинка. Свет. — Если бы она была участницей и жульничала, мы бы отвергли её. Но она не была. Она участвовала, потому что должна была. Потому что заботилась о своей подруге.

— Забота не имеет значения. — фыркнул Огонь.

— Иногда имеет. — Свет не уступал. — В этот раз — определённо. Это было мужество.

Я уже с трудом улавливала их слова. Мой разум ускользал, теряя связь с телом. Перед глазами мелькнула вспышка молнии, но я видела её лишь как далёкое мерцание.

Я ощутила облегчение. Скоро всё закончится. Скоро я уйду из Мистей. Это будет не больно. Я просто рассыплюсь, став частичкой облаков.

Но потом я вспомнила Лару.

Она всё ещё там. Она страдает. Они все всё ещё там — тысячи фейри и людей, сломленных злом, столь великим, что я даже не могла себе его представить. Я обрету свободу. А что, если они никогда?

Я хотела остаться.

— Ты это чувствуешь? — В голосе Крови прозвучало торжество.

— Чувствую. — откликнулся Свет. — Значит, решение принято.

Я ощутила, как его безграничное присутствие сфокусировалось на мне.

— Кенна Херон, ты признана достойной. Прими этот дар и восстанови баланс.

Ветер подхватил меня, унося в небытие. Я больше ничего не видела.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Глава 36

Я очнулась, уткнувшись головой во что-то мягкое.

Провела щекой по этой ткани, пытаясь определить, что это. Подушка? Но нет, всё остальное тело покоилось на холодном камне.

Я приоткрыла глаза. Передо мной растянулась бархатная ткань насыщенного коричневого цвета, завершаясь... рукой.

Я лежала на трупе Тальфрина.

В висках застучало. Что произошло? Несмотря на подступившую дурноту, я не шевельнулась, лишь приоткрыла глаза и прислушалась.

Похоже, времени прошло не так уж много. Ориана уходила прочь, сжав губы в мрачной решимости. Осрик сидел на троне и смеялся, принимая кубок вина. Рядом с ним Каллен смотрел на меня, выглядя потрясённым.

Король сделал жест, и Друстан поднялся.

— Ты доказал свою преданность, принц Друстан. Однако если подобное случится в третий раз...

— Этого не будет, — Друстан поклонился. — Теперь, когда истинные предатели искоренены.

Он вернулся к своему Дому и ни разу не взглянул в мою сторону.

Осрик хлопнул в ладони.

— Да будут развлечения!

В зал хлынула толпа полуголых фейри-прислужников и людей. Одни позировали, выставляя свои тела в выгодном свете, другие дрожали, стоя с опущенными плечами и склонёнными головами.

— Сезон испытаний завершён, и сильнейшие выжили. Эти — мои дары вам. Используйте их, как пожелаете.

Я почувствовала, как внутри меня поднимается волна ужаса. Среди них была Триана — в прозрачном, сиреневом халате, дрожащая, пока к ней приближалась дама-фейри.

Гнев во мне вспыхнул, когда гости начали бесцеремонно лапать слуг, и взметнулся бурей, когда Осрик с ухмылкой уставился на испуганных людей. Триана и другие были освобождены из борделя. Они не должны снова попасть в этот ад.

Но я не могла двигаться. Если фейри увидят, что я жива, следующая казнь наверняка окажется успешной.

Осколки унесли прочь, а в зале начался пир.

Осрик подозвал одну из человеческих женщин. Её голова была свежевыбрита, а полупрозрачная ткань, скрывавшая грудь и бёдра, не могла спрятать узор старых шрамов и свежих порезов.

Это была новая девушка. Та, которую вчера встретила Триана, наверняка уверяя, что теперь она в безопасности. Но она снова здесь, вновь оказавшаяся в руках короля.

Она не поднимала глаз, когда Осрик усадил её к себе на колени и провёл ладонью по внутренней стороне её бедра.

— Ты думала, что свободна, да? — Я едва расслышала его слова.

Он ущипнул её за ногу, и она что-то пробормотала в ответ. Похоже, язык ей пока не вырезали.

Осрик рассмеялся.

— О, это просто смешно.

Меня замутило от его жестокости. Но вместе с этим по венам пробежало нечто горячее, пульсирующее. Я затаила дыхание, прислушиваясь к ощущениям.

Во мне разлилось жидкое пламя, словно кровь превратилась в искры.

Кайдо затрепетал у моей руки, излучая восторг.

Что происходит? — мысленно спросила я у кинжала.

Ты прошла.

Что ты имеешь в виду?

Теперь у тебя есть сила.

Мои пальцы пульсировали от переизбытка энергии. Я чувствовала себя переполненной этим новым огнём.

Какая сила?

Ты — возрождённый Дом Крови.

Я наконец осознала, что услышала в вихре. Осколки даровали мне силы Дома Крови, потому что я прошла все испытания рядом с Ларой, используя магию кинжала. Теперь эта неутолимая энергия билась во мне, связывая меня с Кайдо сильнее, чем когда-либо. Мы были неразрывно сплетены, подпитываемые одним и тем же пламенем.

Что это означало?

Я теперь тоже бессмертна?

Да, — ответил Кайдо.

Мысли закружились вихрем. Это было слишком.

Я приоткрыла глаза чуть шире, ожидая, когда кто-нибудь начнёт уносить тела и обнаружит, что я всё ещё жива.

И тут я увидела лицо женщины, сидящей на коленях у Осрика.

Мир рухнул.

Я тихо застонала, уткнувшись в бархатный камзол Тальфрина.

Нет, мне почудилось. Должно было почудиться. Но я вгляделась снова.

Те же черты, то же лицо в форме сердца, те же карие глаза, которые я знала почти всю свою жизнь.

Аня.

Она была истощена и покрыта шрамами. Узоры, высеченные Осриком, извивались по всему её телу. Спираль тонкого, приподнятого рубца змеилась по правой щеке. По шее стекала свежая кровь. В её глазах не было жизни, а осанка говорила о сломленности. Она словно спряталась внутри себя, будто уже не чувствовала ни боли, ни прикосновений короля.

Вот почему она исчезла в болоте, а я этого не заметила.

Она не утонула. Её не разорвали Твари.

Её похитили слуги короля… потому что она была красива.

Потому что он её захотел.

Я чуть не вскочила, но в этот момент за дверями зала раздались крики.

Вбежала служанка, задыхаясь от ужаса.

— Твари! — пролепетала она, указывая на дверь.

А спустя мгновение в зал хлынула волна чудовищ.

Они хлопали крыльями, ползли, извивались — сотни существ, от огромной золотой змеи до рогатых мечников, с которыми мне уже доводилось сражаться. Они кричали и выли от восторга, разрывая и терзая Благородных Фейри.

Я с трудом поднялась на ноги, отчаянно ища взглядом Аню и Лару, когда через другую дверь ворвались солдаты в ливрее Дома Огня и тут же атаковали стражу Осрика.

Восстание началось. Значит, Друстан был прав — его войско не было уничтожено до последнего воина. Он выхватил меч и бросился на Роланда, пока его люди устремились в гущу битвы.

Громкий скрип разнесся по залу, и в центре тронного зала распахнулся люк. Десятки фейри в цветах Дома Земли высыпали наружу из тайного тоннеля — того самого, что я однажды нашла по пути в бордель.

Селвин солгал.

Его последние слова, его изматывающее признание — всё это была ложь. Не только ради защиты семьи, но и ради этого момента. Последнего удара, ставшего возможным благодаря его золотому ключу. Конца нейтралитета Дома Земли. Он умер, зная, что революция продолжится без него.

Я надеялась, что он сейчас смотрит на нас из загробного мира и улыбается.

Никто не замечал меня среди тел троих павших. Благородные Фейри сражались с фейри-прислужниками, а Твари пробивались вперед, стремясь добраться до короля. Он был защищен от нас, но не от них.

Мое сердце забилось сильнее.

Пять домов.

Я видела ритуал, наблюдала, как обновляют защитные чары кровью Огня, Света, Пустоты, Иллюзий и Земли. Не было нужды ограждаться от Дома Крови — его больше не существовало.

Теперь он был.

Кайдо скользнул по моей руке, обретая форму идеально острого кинжала. Я поднялась и двинулась вперед, туда, где Осрик раздавал приказы, прячась за троном. Аню я потеряла из виду, но найду позже. Сейчас предстояло убить.

Кто-то преградил мне путь. Я встретилась взглядом с ошеломленными, темно-синими, как полночь, глазами.

— Ты жива, — прошептал Каллен. Маска его безразличия рухнула, обнажив бурю чувств. Он медленно, с дрожью в пальцах, коснулся моего лица.

Темно-красная сила змейками извивалась над моей кожей, и я увидела момент осознания в его глазах. Он сглотнул.

— Отойди.

Его меч вспыхнул в свете факелов, и я инстинктивно дернулась, но он не нападал на меня — он отразил удар, что летел мне в спину. Чужое оружие с лязгом упало на пол, и в тот же миг меч Каллена пронзил грудь солдата Дома Света.

Второй раз за сегодня я видела, как он убивает в этом зале. Но сейчас он был другим. Он тяжело дышал, а в его глазах полыхала ярость. И он сделал это… ради меня.

— Иди, — резко сказал он, срывая с груди опаловую брошь и швыряя её на пол. — И удачи.

Я не стала спрашивать, почему. Для этого еще будет время. Я продолжила путь к возвышению, где все еще прятался Осрик. Вокруг бушевала битва: солдаты Иллюзий и Света сражались с восставшими из Домов Огня и Земли. Пол был покрыт кровью, становясь предательски скользким, но мой небольшой рост оказался преимуществом — я лавировала между бойцами с легкостью.

В зал ворвались новые солдаты в черных одеждах Дома Пустоты. Они приблизились к войскам Дома Земли… и встали рядом с ними, повернув оружие против королевской армии.

Друстан был прав: Дом Пустоты затеял собственный переворот. Возможно, он не должен был начаться так, но вот они, готовые убивать.

А там, посреди побоища, Каллен загонял свой меч в грудь Роланда, пока Друстан отражал очередной удар принца Света. Их взгляды встретились. На миг. Затем Друстан кивнул, и они встали спина к спине, отбиваясь от нападающих.

Я все еще кипела от гнева на Друстана, но теперь понимала то, чего не осознавала раньше. Он знал, что у Огня и Земли остались войска. Он знал, что Твари ждут сигнала. Возможно, он спас свою жизнь из эгоизма… а может, потому что знал — в решающий момент его меч окажется нужен.

Я не была уверена, что смогу его простить.

В поле зрения мелькнуло что-то острое. Топор, несущийся прямо к моей голове. Я не успевала уклониться. Если бы только нападавший был медленнее…

И он замедлился. Рука солдата лениво опустилась, его глаза расширились в шоке.

Кровавая магия управляла телами. Значит, теперь и я управляла телами.

Я приказала ему замереть, и он повиновался. Гранатовые всполохи заструились по моей коже, когда я сосредоточилась на остальных, сковывая их, чтобы восставшие могли добить врагов.

Скоро я осталась одна у дальней стены, всего в двадцати шагах от трона. Король стоял за ним, окруженный двумя стражниками, но оружия в его руках не было. Ему не требовался меч. Стоило кому-то из повстанцев приблизиться, как он начинал шататься, теряя ориентацию и падая под удары его солдат.

Зал был защищен от любой магии… кроме его. И моей.

Твари подбирались ближе, но я не могла ждать. С каждой секундой все больше восставших гибли под натиском воинов Иллюзий и Света.

Я собрала всю мощь своей новой магии и велела его стражам остановиться.

Они замерли, мечи подняты, лица застыли в немом ужасе. Осрик продолжал плести иллюзии, даже не замечая, что его защита больше не движется.

Я бросилась вперед, беззвучно ступая по липкому от крови полу.

Запрыгнула на возвышение и без колебаний вонзила кинжал в одного стражника, затем в другого. Кайдо пел в моем сознании, его лезвие жадно поглощало жизнь, а их тела бесшумно оседали на камень.

Я оказалась совсем рядом с Осриком, едва не касаясь его богато расшитой туники. Он пах приторной, сладкой смертью.

Я протянула руку и перерезала ему горло.

Осрик рухнул возле трона, судорожно прижимая ладонь к кровоточащей ране. С каждым ударом сердца новая порция крови вырывалась из-под пальцев.

Его фиолетовые глаза метнулись ко мне, полные ужаса. Впервые за долгие месяцы мучений и боли он испугался.

Я улыбнулась.

Жестокая, яростная радость пронзила меня, становясь всё сильнее с каждой новой каплей крови. Осрик попытался снова подняться, но я схватила подол платья свободной рукой, подняла тонкую ткань и с силой ударила его ногой в грудь. Он повалился навзничь с хриплым вскриком.

Кто-то закричал.

Сара Хоули - Слуга Земли
Sarah Hawley - Servant of Earth

Сражение застыло. Все взгляды обратились к трону – ко мне, стоящей над королём Осриком, который корчился в судорогах, захлёбываясь собственной кровью. Он прижимал ладонь к горлу, тщетно пытаясь остановить поток жизни, а другой рукой дрожащими пальцами потянулся ко мне.

И исчез.

Я ахнула, холодный ужас пронзил меня, пока я отчаянно озиралась в поисках короля. Телепортация? Но как? Куда?

– *Чувствуй*, – раздался в голове голос Кайдо, прерывая поток мыслей. – *Не смотри.*

Тёмно-красная магия ещё извивалась вокруг моей руки, обвивая рукоять кинжала, скользя между пальцами. Она пульсировала, подстраиваясь под ритм моего сердца. Я вдруг осознала, как гулко оно стучит в груди, и с этим осознанием пришло новое чувство – я слышала сердца в этой комнате. Сотни, каждое с особенным ритмом, с единой песней жизни, которую я понимала, не слыша.

Среди этого симфонического хора выделялся один звук – слабый, неровный, доносившийся у моих ног и медленно отдалявшийся. Сердце Осрика. Он полз. Слабый, истекающий кровью, он всё же смог сотворить иллюзию, но не смог скрыть от меня своей жизни.

Мои глаза проследили путь короля, и тогда я увидела её – Аню. Свернувшуюся в углу у подножия помоста, с широко раскрытыми глазами, полными страха.

Я подняла кинжал и молча отсалютовала ей, прежде чем направиться к Осрику. Мой сапог ударил по его невидимой ноге, и, не теряя времени, я опустилась на колено, вонзая лезвие в его живот.

Осрик вновь обрел облик, закричав от боли.

– За Аню, – сказала я, проворачивая клинок.

Кайдо жадно впился в его кровь, но я не дала ему полностью насытиться. Нет. Ещё слишком рано.

Солдаты Дома Света и Иллюзии пытались пробиться к трону, но солдаты Огня, Земли, и Твари держали оборону. А некоторые просто стояли, ошеломлённые происходящим, опуская оружие. Их лица выражали горе, ужас, потрясение... и надежду.

Надежда.

Я всегда считала её пустой мечтой. Я надеялась на Друстана, веря в его честь, его доблесть, в его героизм. Придумала себе сказку, в которую он не сумел вписаться.

Может, та надежда действительно была пустой.

Но эта – нет.

Эту я творила своими руками, с лезвием, погружённым в плоть врага, с ликующим криком на губах.

Я вонзила кинжал в правую сторону его груди, с хрустом ломая рёбра, прокалывая лёгкое.

– За Мистей, – объявила я, наблюдая, как его тело выгибается в агонии.

Кровь была повсюду – растекалась по помосту, пропитывала тунику короля, каплями блестела на моей коже, как рассыпанные рубины. Одна из них скатилась по щеке к губам. Я провела языком, слизывая её, и содрогнулась от восторга.

Как вино. Но лучше.

Сложный, насыщенный вкус. Опьяняющий. И самое сладкое в нём – страх в глазах Осрика, когда он увидел, как я глотаю его кровь.

Я наклонилась к нему, вдыхая запах смерти, и шепнула:

– За себя.

И пронзила его сердце.

Кайдо пил. Долго, глубоко. Граница между мной и кинжалом размывалась – мы становились единым целым. Он насыщался, и я вместе с ним.

Кожа короля стала бледной, словно воск. Последний судорожный вздох – и он затих.

Я услышала странный звук – будто хлопок воздуха, который отдался в груди. Гравированные в полу руны замерцали и растворились.

Я выпрямилась над телом Осрика, и ближайшие Твари склонили головы, с благоговением смотря на меня. Они окружили помост, повернувшись ко мне спинами.

Они меня защищали.

Бой почти завершился. Войска Иллюзии охватила паника, многие из Светлых разбежались. В тронном зале остались лишь повстанцы и выжившие, пленные и мёртвые.

Друстан застыл в том же месте, где ещё час назад стоял на коленях. В его руке был окровавленный меч.

На одно, короткое мгновение он посмотрел на меня... и испугался.

***

Когда бойня закончилась, фейри разбрелись по залу, переговариваясь друг с другом, очищая оружие или накрывая мёртвых полотнами. Тела будут преданы земле согласно традициям каждого Дома, но я не знала, что ждет павших Тварей, которые остались лежать без покрова. Было ли это их собственным выбором? Или даже их жертва оказалась недостойна уважения Благородных Фейри? Их королева даже не удосужилась прийти на помощь – ещё один правитель, который предпочел платить за свою политику чужими жизнями.

В зале раздавались тихие стоны скорби – фейри оплакивали павших. Другие же, напротив, громко и ожесточённо праздновали победу. Друстан с торжествующей улыбкой обратился к одному из своих генералов, в то время как Гектор молча наблюдал за происходящим с края зала, скрестив руки на груди. Каллен что-то шепнул брату на ухо, но его взгляд был устремлён на меня. Он был не единственным. Теперь, когда боевой азарт покидал меня, я почувствовала себя неуютно под тяжестью множества глаз.

Никто не двинулся, чтобы накрыть тело короля Осрика. Он смотрел в потолок пустыми глазами, осунувшееся лицо стало мертвенно-бледным, словно кость. В моей голове довольно замурлыкал Кайдо, насыщенный кровью, и его тяжёлое, сонное удовлетворение словно разлилось у меня в животе. Я опустила взгляд на зажатую в руке сталь, вдруг почувствовав странное отчуждение от собственного тела.

Это была моя рука, что убила короля Осрика. Тиран мёртв по моей вине.

Жалеешь? – Голос в моей голове показался знакомым, хотя звучал он гораздо дальше, чем в пекле битвы. Осколок Крови, теперь я осознавала, что всё это время он разговаривал со мной.

Нет.

Я была слишком ошеломлена, чтобы даже задуматься, как и почему этот артефакт говорит со мной. Но я не чувствовала вины за убийство Осрика – и никогда не почувствую.

Я наслаждалась этим в какой-то извращённой, первобытной форме, но даже за это мне не было стыдно. Глядя на Кайдо, я вдруг поймала себя на желании, чтобы на его лезвии осталось ещё немного королевской крови – чтобы я могла слизнуть её.

Тихий всхлип заставил меня вздрогнуть. Звук был знакомым, несмотря на все прошедшие годы и расстояния.

Я обернулась – и увидела её.

Аня лежала на боку, её тело содрогалось в беззвучных рыданиях.

– Аня! – Я бросилась к ней, и Кайдо, словно подчиняясь моему движению, растёкся по коже, вновь превращаясь в браслет.

Аня вздрогнула и вскинула руки, будто пытаясь защититься.

– Нет… нет…

Я впервые разглядела очертания её черепа без волос – те самые изгибы и впадины, которых раньше не замечала. Они казались мне странными, словно привычная картина мира вдруг сдвинулась, обнажив новые грани. Рубцы, пересекавшие её кожу, выглядели ещё страшнее вблизи. Над ухом темнело свежее запекшееся пятно – след от неаккуратно проведённого лезвия.

Моё сердце сжалось от боли.

– Это я, – прошептала я, чувствуя, как глаза наполняются слезами. Аня казалась такой маленькой, такой хрупкой, лишь тенью той, кого я знала. – Аня, это Кенна. Я здесь.

Она снова покачала головой, упорно отказываясь смотреть на меня.

– Это не может быть правдой, – прошептала она. – Ты ненастоящая.

– Я настоящая.

– Ложь, – её взгляд остался пустым. – Ты просто мучаешь меня.

Я потянулась к её плечу, но едва мои пальцы коснулись ткани, она вскрикнула, словно я причинила ей боль. Я тут же отдёрнула руку.

– Прошу тебя, Аня, – в отчаянии прошептала я. – Посмотри на меня.

Она не шелохнулась.

– Я не поверю в это, – её голос стал мертвенно пустым. – Вы больше не сможете меня обмануть.

Я поняла.

И это было больнее, чем удар кинжала.

Она приняла меня за иллюзию. Осрик сделал её своей особенной игрушкой – и пытал так, как я даже не могла вообразить.

– О, Аня… – Голос сорвался, и вместе с ним с моих щёк скатились слёзы. – Прости. Прости за всё, что он сделал. Прости, что меня не было рядом, чтобы спасти тебя.

Аня не ответила. Только натянула на себя покрывало, словно оно могло защитить её от всего, что ей пришлось пережить.

– Ты в безопасности, – прошептала я. – Осрик мёртв.

Её ресницы вздрогнули, но она по-прежнему не смотрела на меня.

– Я оставлю тебя ненадолго, – проговорила я, хотя всё внутри меня протестовало. Я не могла уйти. Не сейчас, когда мы наконец воссоединились. Но она не поверит мне. Пока нет.

Лара появилась рядом. Подол её зелёного платья промок от крови, а руки были крепко сжаты перед собой. В её взгляде застыло что-то болезненно-призрачное.

– Кенна? – Голос дрожал. – Как… как это возможно? Почему ты жива?

Ещё одна раненая душа. Ещё один человек, изувеченный жестокостью фейри.

– Я расскажу тебе всё позже, – с трудом выговорила я, поднимаясь на дрожащих ногах. – Это… – Я замялась, когда Аня снова сжалась от звука моего голоса. – Это моя подруга. Из Болот. Она не умерла.

Лара казалась потерянной.

– Ох… – только и выдавила она.

Она только что потеряла брата, свою магию, мать, свой дом. Я протянула руку, касаясь её локтя, но она не отреагировала. Глаза покраснели от слёз, лицо покрылось пятнами.

– Мне так жаль… – начала я, но Лара резко покачала головой.

– Нет, – её голос был хриплым. – Не здесь.

– Хорошо. – Я сглотнула слова ярости и боли, что рвались наружу. – Позже. Когда мы вернёмся… – Я осеклась. Вернёмся куда? Домой? Но где теперь наш дом? Лара больше не была леди Дома Земли, а я – её служанкой.

Аня издала тихий, мучительный звук.

– Не настоящая, – снова прошептала она.

Лара вздрогнула, услышав её.

– Я могу оставить с ней кого-нибудь, – задумчиво сказала она. Но затем её лицо исказилось от новой волны боли. – Хотя нет… теперь я уже не могу.

Тут к нам подошла высокая фигура с бледно-голубой кожей. Её глаза потемнели от горя.

– Я найду людей, которые будут её охранять, – тихо сказала Элоди. – Будут охранять вас всех.

Затем она присела в реверансе перед Ларой.

– Моя леди.

Лара удивлённо и растроганно посмотрела на водную нимфу.

— Спасибо, Элоди, — голос её дрогнул. — Я… спасибо. Но Ориана не захочет, чтобы ты делала что-то для меня. Или для Кенны.

— Тогда для человека, — ответила Элоди, обращая на меня свои влажные глаза. — Если ты этого хочешь, я хотя бы так могу помочь.

Я кивнула, едва сдерживая слёзы от её дружеского жеста и верности.

— Её зовут Аня, — тихо сказала я. — И спасибо.

Элоди кивнула в ответ, а затем скользнула прочь, чтобы привести двух фейри-прислужников Земли. Они встали по обе стороны от Ани, которая свернулась клубком на полу, охраняя её в молчании. Элоди на мгновение задержала руку на руке Лары, а затем снова скрылась в толпе, продолжая заботиться о раненых.

Мы с Ларой смотрели друг на друга.

— Я не знаю, что делать, — сказала она.

— Я тоже.

Нам не были рады в Доме Земли. Нам, пожалуй, нигде не были рады.

Кайдо крепче обвился вокруг моей руки.

У тебя есть новый дом, — прошелестел он. — Ты можешь взять их с собой.

Мне потребовалось мгновение, чтобы осознать его слова. В Дом Крови?

Тихий отклик, наполненный пониманием.

Ты возрождённая Кровь.

Я только начинала понимать, что это значит. Но если это означало, что у нас будет укрытие, этого было достаточно.

Из центра зала раздался знакомый голос:

— Граждане Мистей, — громко произнёс Друстан. — Соберитесь.

Мои плечи непроизвольно напряглись.

Все повернулись к нему, разговоры стихли. Он поднял руки, подзывая людей ближе. Вскоре выжившие сгрудились вокруг него. Лара осталась рядом со мной, но никто больше не осмеливался подойти ближе. Даже небольшая группа Тварей, поклявшихся защищать меня, держалась на безопасном расстоянии, исподтишка бросая на меня тревожные взгляды.

— Этот день был тяжёлым и кровавым, — сказал Друстан. — Но мы выстояли.

Его слова встретили разрозненные крики одобрения.

Я сглотнула, глядя на его решительное, красивое лицо. По его щеке проходила дуга засохшей крови, его туника была в пятнах, а волосы взъерошены после боя. С мечом на поясе он выглядел как благородный, бесстрашный герой из моих грёз.

Его революция спасла нас. И ради этого он предал Селвина. Ради этого он пожертвовал мной.

— Король мёртв, — произнёс Друстан. — Мы свободны.

Раздались новые возгласы ликования.

Я встретилась взглядом с Калленом, стоявшим среди знати Пустоты. Он приподнял бровь, и один уголок моих губ дрогнул в кривой ухмылке. Король действительно был мёртв. Я убила его.

— Граждане Мистей, — провозгласил Друстан, его голос отразился от забрызганных кровью стен, — у нас есть шанс создать новую жизнь. Новый двор. Мы вновь откроем свои двери миру. Мы будем жить так, как захотим. Любить тех, кого выберем.

Наконец его взгляд нашёл меня. Но я смотрела на него холодно.

Любовь значила для нас разное.

И когда он смотрел на меня с этой невыносимой, сложной тоской в глазах, я остро ощущала присутствие женщины за моей спиной — человека, свернувшегося под погребальным саваном, раскачивающегося в безмолвной скорби. Однажды Аня исцелится. Я сделаю для этого всё.

Вот что такое любовь. Не только романтическая. Любая. Это забота настолько глубокая, что ради счастья и целостности другого человека ты готов на всё.

Друстан наконец отвёл взгляд.

— Друзья мои, я готовился к этому моменту десятилетиями, — его улыбка была одновременно триумфальной и благородной. Я должна была догадаться, что с такой харизмой он окажется выдающимся оратором. — Многим из нас пришлось работать втайне, чтобы приблизить этот день. Это потребовало жертв. На следующем пире мы поднимем кубки за каждого из павших, чтя их заслуги. Но сначала — нам нужно восстановить разрушенное.

Сквозь толпу к передним рядам прорвался Гектор, рядом с ним стоял Каллен. Длинные волосы Гектора спутались и были в крови, на шее темнел след от заживающего пореза. Теперь я поняла, куда он исчез во время допроса Друстана — он собирал войска Пустоты, надеясь, что в бою они всё-таки пригодятся.

— Первое, что нужно сделать, — продолжил Друстан, — выбрать нового правителя.

Гектор и Каллен обменялись взглядами. Меня накрыло волной цинизма. Я прекрасно понимала, кого предложит Друстан, и когда-то это показалось бы мне правильным. Но теперь я не была уверена. Жестокость требует уравновешивания милосердием. А последнее время он не проявлял особой жалости.

— Полагаю, ты хочешь стать королём, — сказал Гектор.

— Для меня было бы честью править, — Друстан приложил руку к груди. — Я пожертвовал многим ради этого. Но чтобы избавиться от яда, который оставил после себя Осрик, дома должны сделать этот выбор вместе.

Он медленно обвёл взглядом собравшихся, раскинув руки в широкой, почти театральной жестикуляции.

— Друзья, я смиренно предлагаю себя в качестве короля, если вы меня примете. Если есть другие претенденты, пусть выдвинут свои кандидатуры.

Он явно не ожидал, что кто-то это сделает. Ведь именно он был несомненным лидером восстания.

Гектор шагнул вперёд.

— Красноречивый принц Огня не единственный, кто готовил свержение Осрика. Я и мой дом также готовились втайне. И сегодня мы были рады оказать помощь.

— Ты никогда не заключал союз со мной, — заметил Друстан с дружелюбием, в котором сквозил скрытый вызов.

— Я знал, что ждёт твоих союзников. Мы все видели, что произошло с лордом Селвином.

Лара издала тихий, сдавленный звук — что-то среднее между болью и горестью.

— Он предоставил свои войска, — продолжил Гектор. — Он стоял рядом с тобой, а ты его предал. Ты отдал его Осрику, и он умер за тебя.

В зале прокатился глухой ропот, пока лицо Друстана наливалось румянцем.

— Ты ничего не знаешь, — резко ответил он. — Мы обсуждали эту возможность. Мальчик был готов отдать свою жизнь.

— Да? А ведь говорят, он был весьма удивлён, когда его привели.

— Он был превосходным актёром.

— Значит, шестнадцатилетний мальчик, известный своей мягкостью, согласился умереть только ради того, чтобы ты мог уцелеть и стать королём?

Лара громко всхлипнула. Мне хотелось обнять её, но какое право я имела предлагать утешение? Это я отправила Селвина к Друстану, а значит, и к его смерти.

— Он был идеалистом, — сказал Друстан. — Как и я.

— Я не вижу здесь идеализма, — с презрением бросил Гектор. — Я вижу лишь бесстыдный расчёт.

— Если бы ты сотрудничал со мной все эти десятилетия, а не искал способы подорвать мои планы, возможно, видел бы иначе.

— Я работал с внешними силами. Эльсмир теперь союзник Дома Пустоты, и под моим руководством они нанесли бы удар по Осрику в Самайн.

Значит, Лотар был прав в своих догадках. Друстан действительно нашёл способ обойти королевскую защиту с помощью Тварей, но Дом Пустоты в это время вынашивал собственные планы убийства Осрика. Я взглянула на Каллена, пытаясь прочесть его непроницаемое выражение. На Белтэйн он говорил с фейри из Эльсмира — возможно, как раз из-за той информации, которую я ему передала. Но он, без

сомнения, плёл сразу несколько интриг, выстраивал возможные альянсы, взвешивал все вероятные исходы. Быть шпионом короля и одновременно замышлять его гибель — это была игра, гораздо более опасная и сложная, чем я могла представить.

— Эльсмир союзник Дома Пустоты или союзник Мистей? — спросил Друстан. — И как удобно, что расплачивались за всё мои люди, прежде чем тебе пришлось хоть как-то подтвердить свои громкие заявления.

— Довольно! — Голос, прервавший спор, неожиданно принадлежал принцессе Ориане. Ее золотые волосы растрепались, но на платье не было ни капли крови. Она не сражалась. Ни за восстание, ни за Мистей… ни за свою дочь.

Я ненавидела её за это.

— Эти споры бессмысленны, — сказала она. — Свет и Иллюзия перегруппируются и выдвинут нового кандидата на трон. Либо вы приходите к соглашению, либо двор окончательно расколется.

— Королём буду я, — заявил Гектор.

Друстан сделал шаг вперёд, пока они не оказались почти вплотную.

— Нет, не будешь. Ориана, кого поддерживаешь ты? — В его голосе слышалась уверенность, что её выбор должен быть очевиден. Что она поддержит того, ради кого её сын отдал свою жизнь.

— Дом Земли сохраняет нейтралитет.

Лара напряглась. Я понимала её чувства. Селвин умер за это дело, пожертвовал собой, чтобы покончить с тиранией, а его мать по-прежнему отказывалась участвовать в борьбе?

— Что? — Друстан резко обернулся к ней. — Твой сын был на моей стороне.

— И умер рядом с тобой, — в её голосе проскользнула горечь, разрушая холодную сдержанность. — Но я не собираюсь бросать тысячелетнее наследие Дома ради личных чувств. Дом Земли остаётся нейтральным.

Гектор усмехнулся.

— Значит, Пустота поддерживает меня, Огонь — тебя, а Земля остаётся в стороне. Мы в равном положении.

— Не совсем, — Друстан нашёл меня взглядом, и сердце моё сжалось. — Возможно, ты не заметил, Гектор, но если бы ты был ближе к передовой, то увидел бы, что именно Кенна убила короля.

— Я видел, — Гектор едва удостоил меня взглядом.

— Но почему ей удалось подобраться к нему?

— Потому что она человек.

Друстан покачал головой.

— Человек, но служащая Дому Земли. А значит, она не должна была быть способной причинить ему вред. И как человек, она не должна была выжить после Осколков.

Гектор нахмурился, как будто только сейчас осознавая всю суть сказанного, и внимательно изучил меня взглядом.

— Кенна, — Друстан обратился ко мне, — покажи им свою силу.

Секрет всё равно вскоре раскрылся бы. Я подняла руку, и над кожей вспыхнуло кроваво-красное свечение. В воздухе раздались испуганные возгласы, фейри поспешили отступить от меня ещё дальше. Я сжала челюсти и сосредоточилась на Друстане. Не двигайся, мысленно приказала я ему, вложив в эту мысль всю свою волю.

Я представила, как струя расплавленной силы тянется к нему, оплетая его руки и грудь алыми кольцами.

Его глаза расширились от удивления, я видела, как он напрягается, пытаясь освободиться. Он был куда сильнее тех стражников, которых я останавливала раньше, и вскоре прорвал моё удержание.

— Очень хорошо, — выдавил он сквозь стиснутые зубы. — Осколки признали Кенну достойной и даровали ей силы Дома Крови.

— Невозможно, — пробормотал Гектор. Я направила на него тонкую нить силы, и голова у меня закружилась от усталости.

Гектор вырвался быстрее, чем Друстан, и выглядел ещё более бледным, чем обычно.

— Значит, теперь Кенна — принцесса Дома Крови, — заявил Друстан. — И она решает, кого её Дом будет поддерживать.

Я моргнула. Принцесса? Разве это было частью моего соглашения с Осколками? Но если в Доме Крови больше никого не осталось… получается, я стала принцессой по умолчанию.

— У неё Дом из одного человека, — насмешливо заметил Гектор, и мне пришлось признать, что это разумное замечание.

— Осколки дали ей эту силу. Значит, они ожидали, что она её использует. Так скажи нам, Кенна, — чье ты выбираешь правление?

Я смотрела на Друстана, на его улыбку, полную тайн, на тёплые серые глаза, на его протянутую руку. Ещё месяц назад этот взгляд заставил бы меня броситься к нему в объятия, и он был уверен, что и сейчас эффект будет таким же.

Я ведь ревновала его. Я предала доверие Лары ради него. Я убила короля, чтобы поддержать его восстание, даже после того, как он сам едва не привёл меня к гибели. Почему бы ему не думать, что я снова стану на его сторону?

Он всё ещё не понимал людей. Или, возможно, он просто не понимал меня.

— Дом Крови воздержится, пока кто-то из вас не докажет, что достоин короны.

По залу прокатились поражённые вздохи. Друстан выглядел так, будто я его ударила, тогда как Гектор лишь ухмыльнулся. Даже Лара взглянула на меня с сомнением, а Каллен и вовсе уставился с отвисшей челюстью.

— Каких ещё доказательств ты можешь требовать? — голос Друстана прозвучал натянуто. — Моя революция освободила нас всех.

Я опустила взгляд на Аню, всё ещё дрожащую, свернувшись в уголке.

— Не всех, — тихо ответила я, вновь ощущая острую боль горечи и гнева. — Ты доказал, что умеешь плести интриги и убивать, но что ты предложишь, когда насилие закончится?

Я обвела взглядом зал, остановившись на телах, укрытых белыми полотнами, на тех, кто сражался и погиб за него: Благородных Фейри, фейри-прислужников, Тварей, людей.

— Их кровь ещё не успела остыть, а ты думаешь лишь о короне.

Мои слова вызвали новый всплеск шума — фейри заговорили все разом, перекрикивая друг друга, рассуждая о добродетелях Друстана, о власти Гектора и о том, как могла человеческая выскочка усомниться в мудрости Благородных Фейри.

— Кто-то должен взять власть, — произнёс Друстан. Тёплый огонь в его глазах угас, оставив лишь холодную золу, и это случилось так быстро… но разве он когда-

нибудь горел этим огнём для меня? — Свет и Иллюзия перегруппируются, и это будет скоро. Нам нужен лидер.

Вероятно, он был прав, но я не могла отдать ему трон. Я думала, что знала Друстана, но этой кровавой ночью он развеял все мои иллюзии. Как мне довериться ему, зная, насколько долго могут править тираны в Мистей?

Осколок Крови выбрал меня, даровал мне свою магию. Я всё ещё не понимала, почему и как полностью владеть этой силой, или какое равновесие мне предстояло восстановить, но слепо идти по пути, который проложили Благородные Фейри, не могло быть тем, чего ждали от меня Осколки. К тому же Друстан уже доказал, что ради своей цели готов пожертвовать кем угодно.

Возможно, он прав. Возможно, в революции без этого не обойтись.

Но что будет после?

— Как ты освободишь людей? — спросила я. — Фейри-прислужники будут иметь голос в новом дворе? Какие права ты им дашь, или их удел — лишь служить тебе?

Я запоздало бросила взгляд на Тварей, что защищали меня. Огромная золотая змея пристально смотрела на меня тремя зелёными глазами.

— А Твари? Они помогли тебе одержать эту победу.

Друстан шагнул ко мне, его лицо потемнело от гнева.

— Ты сошла с ума? — резко бросил он. — Сейчас не время для таких разговоров.

Змея проскользнула вперёд, обнажая острые, как бритва, клыки, и Друстан замер.

— Мы обсудим это позже, — сказал он, подняв руки, словно пытаясь успокоить и меня, и змею. — Когда моё правление будет утверждено.

— Если мы не будем едины с самого начала, чем это будет отличаться от правления Озрика? Ты говорил, что хочешь создать новый мир, где все свободны и равны. Докажи.

Наши взгляды сцепились, полные ненависти и любви, страсти и предательства.

Друстан отвернулся.

— Возможно, принцессе Кенне стоит изучить историю фейри, прежде чем делать столь громкие заявления, — его слова были наполнены холодным презрением. — Но ночь выдалась бурной, и она явно не здраво рассуждает. Я предлагаю главам домов собраться завтра, когда страсти улягутся и все будут готовы обсуждать это серьёзно.

— Моё мнение останется прежним, — бросила я ему в спину.

Он напрягся, но не оглянулся.

— Как и моё, — откликнулся Гектор, изучая меня с новым выражением — смесью расчёта и уважения. — Если принцесса Кенна требует доказательств, кто из нас достоин власти, я их предоставлю.

— Свет и Иллюзия нападут, — сказал Друстан. — Как только соберут силы, они захотят вернуть трон.

Гектор лишь пожал плечами.

— Пусть попробуют. Я готов сражаться.

— Как и я. Но, если твоё отношение к трону изменится, дай мне знать.

Друстан прошёл мимо, избегая слишком близкого соседства с моей новой стражницей. На ходу он бросил мне тихое, но ядовитое предупреждение:

— Если ты хотела новой войны — поздравляю. Именно так она начинается.

И исчез. Я осталась стоять у пустого дверного проёма.

Собрание распалось. Фейри разбрелись, чтобы лечить раненых, избавиться от тел и осмыслить произошедшее. Элоди ушла вместе с остальными представителями Дома

Земли, бросив мне обеспокоенный взгляд через плечо. Вскоре даже Твари исчезли, вероятно, отправившись с докладом к своей королеве.

Тронный зал погрузился в тишину. Тело Осрика так и осталось лежать на возвышении, не дождавшись решения о своей судьбе. Я вдохнула пропитанный смертью воздух, размышляя, что делать дальше.

В глубине сознания пробудился Кайдо, запел мне, посылая лёгкие вибрации в руку.

Дом Крови ждёт, прошептал он.

Но как мне туда попасть? И что делать, оказавшись там? Я была принцессой без двора и без союзников.

Хотя… это было не совсем так.

Двое всё ещё оставались в зале. Аня по-прежнему сидела в углу, раскачиваясь из стороны в сторону, а Лара стояла рядом с ней.

— Я… я не знаю, что сказать, — тихо произнесла я. — Прости за всё. За Селвина. За Осколки.

Глаза Лары покраснели, платье было разорвано, а волосы растрёпаны, беспорядочными волнами ниспадая на талию. Передо мной больше не было избалованной леди, с которой я познакомилась шесть месяцев назад.

— Спасибо.

Мы молча смотрели друг на друга.

— Это, наверное, прозвучит странно, — я запнулась, — но ты хочешь…

— Да, — перебила она. — Что бы ты ни предложила — да.

Я слабо рассмеялась, сдавленно, сквозь слёзы.

— Ты даже не знаешь, о чём я хотела спросить.

— Это неважно. Ты — моя подруга.

Я разрыдалась, заключив её в крепкие объятия. Она плакала в мои волосы, я — в её плечо.

— Я хотела сказать, — произнесла я, когда мы наконец отстранились, — что ты можешь стать леди Дома Крови. Не знаю, возможно ли это, но ты всегда найдёшь у меня убежище.

Я ожидала, что её гордость воспротивится перемене ролей, но она кивнула.

— Для меня это честь.

— Поможешь с… — я кивнула в сторону Ани. Её взгляд оставался пустым. Я поклялась всеми силами, что были во мне, старой упрямой волей и новой, ещё неизведанной магией, что помогу ей вылечиться.

— Да, — ответила Лара. — Всегда.

Мы подняли Аню, поддерживая её с двух сторон. Она подчинилась без сопротивления, будто спряталась в глубине собственного сознания.

Жизнь привела нас троих сюда — через страх и боль. Будущее простиралось перед нами, пугающее и неопределённое.

Но надежду мы создаём сами.

Я не собиралась ждать, пока кто-то другой построит этот мир за меня. Я сделаю его своими руками.

Подняв голову, глубоко вдохнув, я шагнула вперёд, ведя своих двух самых близких подруг к Дому Крови — и к новой жизни.